1926

Феликс Дзержинский

1931

Госполитиздат

СБОРНИК СТАТЕЙ

ЕН242
Д505

1926

ФЕЛИКС ДЗЕРЖИНСКИЙ

1931

СОЦЭКГИЗ

Редактор
и конструктор книги — Р. АБИХ
Составила — А. ДУБИНСКАЯ
Тех. редактор — М. ПИОТРОВИЧ

БИБЛИОТЕКА
Ин-та марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
1053558

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2009

ЕН242 Р
А505
БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
Спецфонд
ССР
27061
5 К О
31

Корректировали: ЗИНОВЬЕВА, СЕРГЕЕВА, ЛЕНКЕВИЧ, ГУРЕВИЧ, МАЛИНИНА и КАЗАНСКАЯ
Фото: КАПУСТЯНСКОГО
Ретушь: АВЕТОВА
Цинкография: „СЕЛЕКТ"

работа произведена
типографией
в десять дней

Уполном. Главлита Б 8684 О-3 СОЦЭКГИЗ № 380 Н. 7145 Тираж 10 000
Типо-литография им. Воровского, ул. Дзержинского, 18.

ДЗЕРЖИНСКИЙ

После Фрунзе — Дзержинский.

Старая ленинская гвардия потеряла еще одного из лучших руководителей и бойцов. Партия понесла еще одну незаменимую потерю.

Когда теперь, у раскрытого гроба, вспоминаешь весь пройденный путь Дзержинского — тюрьмы, каторгу, ссылку, Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией, восстановление разрушенного транспорта, строительство молодой социалистической промышленности, — хочется одним словом охарактеризовать эту кипучую жизнь: горение. Горение и геройская отвага в борьбе с трудностями.

Октябрьская революция поставила его на тяжелый пост, — на пост руководителя Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией. Буржуазия не знала более ненавистного имени, чем имя Дзержинского, отражавшего стальной рукой удары врагов пролетарской революции. Гроза буржуазии — вот чем был Феликс Дзержинский.

«Мирная эпоха» — Дзержинский горит, налаживая расстроенный транспорт, а затем в качестве председателя Высшего Совета Народного Хозяйства горит на работе строительства нашей промышленности. Не зная отдыха, не чураясь никакой черной работы, отдавая все свои силы, всю свою энергию делу, которое ему доверила партия, — он сгорел на бурной работе в пользу пролетариата.

Прощай, герой Октября! Прощай, верный сын партии!

Прощай, строитель единства и мощи нашей партии!

И. Сталин

„Правда" 22/VII 1926 г. № 166.

ВСЕМ КОММУНИСТАМ РАБОЧИМ ВСЕХ СТРАН

20 июля 1926 г. внезапно умер от разрыва сердца Феликс Дзержинский. В его лице российская и мировая революция теряет одного из наиболее храбрых, решительных борцов, одного из величайших организаторов, одного из крупнейших вождей.

С ранней молодости до своего последнего вздоха Дзержинский стоял в рядах большевиков на фронте пролетарской революции. Жизнь Дзержинского — это десятилетия подпольной работы, десятилетия беспрестанных жертв, десятилетия незабвенных подвигов в деле освобождения рабочего класса.

Как член и вождь социал-демократической партии Польши и Литвы — впоследствии коммунистической партии Польши,— Дзержинский в период подпольной работы при царизме явил живой пример упорного партийного работника, презирающего смерть. Он прошел тюрьму и каторгу. Он прошел сибирскую ссылку. Он изведал эмиграцию в Австрии и Германии. Он стоял перед судом и с невозмутимым спокойствием встречал самые суровые приговоры. Много раз арестованный, сосланный, осужденный и изгнанный, Дзержинский ни на одну минуту не прерывал своей революционной работы. Он бежал из тюрьмы, из Сибири, он спешил из эмиграции, чтобы броситься в самые опасные места фронта пролетарской классовой борьбы.

Освобожденный из тюрьмы российской февральской революцией, Дзержинский принимал самое активное участие в подготовке и проведении большевистской революции. Как член Центрального Комитета партии большевиков и Военного Революционного Комитета Петроградского Совета, он был одним из величайших военных вождей победы в Октябре 1917 года.

В борьбе за защиту пролетарской диктатуры Дзержинский создал и руководил ВЧК, этим неотразимым, метким, смертоносным оружием против всех врагов трудящихся. С тех пор с именем Дзержинского неразрывно связаны

бессильная ненависть всех предателей, палачей и белогвардейцев, слепая злоба разбитой контрреволюции, но вместе с тем и гордость, уважение и любовь трудящихся всех стран.

По окончании гражданской войны Дзержинский посвятил все свои силы восстановлению советской страны, восстановлению и развитию ее хозяйства. Как народный комиссар путей сообщения, он добился под'ема разрушенного транспорта. Как председатель Высшего Совета Народного Хозяйства, он стоял в первых рядах в борьбе за строительство социализма. Его последние слова, произнесенные им за несколько часов до смерти, были посвящены заветам Ленина — победе социализма, делу международной пролетарской революции.

Феликс Дзержинский, самый близкий боевой товарищ Розы Люксембург, верный ученик и соратник Ленина, принадлежит не только русским, польским и литовским рабочим, но всему международному пролетариату.

Его неутомимая, бесконечно разнообразная энергия, его организаторский гений, его храбрость, его непоколебимая верность партии, его образцовая, полная борьбы жизнь должны сохраниться в памяти всех коммунистов, всех рабочих, всех трудящихся. После Ленина и Фрунзе мы потеряли Дзержинского. Незаменимые утраты! Но дело революции живет и будет жить. Ленинизм непобедим.

Да здравствует партия большевиков! Да здравствует международная пролетарская революция!

Исполнительный Комитет

Коммунистического Интернационала

Москва, 20 июля 1926 г.

КО ВСЕМ

членам партии
рабочим
трудящимся
к красной армии и флоту

Товарищи!

Сегодня партию постиг новый тяжкий удар. Скоропостижно скончался от разрыва сердца т. Дзержинский, гроза буржуазии, верный рыцарь пролетариата, благороднейший борец коммунистической революции, неутомимый строитель нашей промышленности, вечный труженик и бесстрашный солдат великих боев.

Товарищ Дзержинский умер внезапно, придя домой после своей речи — как всегда, страстной — на пленуме Центрального Комитета. Его больное, вконец перетруженное сердце отказалось работать, и смерть сразила его мгновенно. Славная смерть на передовом посту!

Наша партия в лице товарища Дзержинского теряет одного из самых выдающихся и самых героических своих вождей. В застенках царской России, в сибирской ссылке, в нескончаемо долгие годы каторжной тюрьмы, в кандалах и на свободе, в подполье и на государственном посту, в Чека и на строительной работе,— всегда, везде, всюду Феликс Дзержинский был на передовой линии огня. Он строил с беззаветным героизмом пролетарскую партию Польши и Литвы, в самые ужасные годы был неустрашимым подпольным революционером, и как только великая революция расковала его кандалы, сразу стал в боевую большевистскую шеренгу. Герой Октябрьского восстания и один из его руководителей, Дзержинский вскоре стал на самый тяжелый и мучительно трудный пост. Под его руководством отражала Чека натиски врагов. В самые тяжелые времена, времена бесконечных заговоров и контрреволюционных восстаний, когда советская земля пылала в огне и кровавое кольцо врагов окружало бившихся за свое освобождение пролетариев, Дзержинский проявлял нечеловеческую энергию, дни и ночи, ночи и дни без сна, без еды, без малейшего отдыха работал на своем сторожевом посту. Ненавидимый врагами рабочих, он пользовался громадным уважением даже среди них. Его рыцарская

фигура, его личная отвага, его глубочайшая принципиальность, его прямота, его исключительное благородство создали ему громадный авторитет. Его заслуги громадны. Переоценить их нельзя.

Но вот кончилось время гражданских боев. И т. Дзержинский посылается на новую передовую позицию. Он собирается в поход против разрухи, с нечеловеческой энергией борется за наш транспорт, а потом за нашу промышленность. «Мирная полоса», которая для других стала временем отдыха, для Дзержинского этого отдыха не дала. И теперь он работал и днем и ночью. И теперь он не знал «праздников». И теперь он все силы своей личности, своего огромного темперамента, своего ума и своей воли отдавал делу, за которое сражался всю жизнь. Его дело было прекрасно. Прекрасной была его замечательная жизнь. Прекрасна его смерть на боевом посту.

Мы склоняем свои боевые знамена над твоим телом, бесстрашный наш друг! Мы призываем всех трудящихся, всех пролетариев отдать свой последний долг бойцу, имя которого незабвенно, дело которого завоюет мир.

Да здравствует коммунизм!

Да здравствует наша партия!

Центральный Комитет ВКП (б)

Центральная Контрольная Комиссия ВКП (б)

20 июля 1926 г.

Если пришлось бы
начать жизнь снова,
я бы начал ее
так же.

Ф. Дзержинский

Юноше,
обдумывающему
житье,
решающему, —
сделать бы жизнь с кого,
скажу
не задумываясь
„делай ее
С товарища
Дзержинского“.

В. Маяковский

Революционеры умирают,
но партия революции живет,
мировая революция
горит, разгорается и победит

Лозунг МК ВКП(б

ПОДПОЛЬЕ

ДЗЕРЖИНСКИЙ
О СЕБЕ[1]

Родился я в 1877 г. Учился в гимназии в г. Вильно. В 94-м г., будучи в 7-м классе гимназии, вхожу в с.-д. кружок саморазвития. В 95-м г. вступаю в литовскую социал-демократию, учусь сам марксизму и веду кружки ремесленных и фабричных учеников. Там меня в 95-м г. и окрестили Яцеком. Из гимназии выхожу сам добровольно в 96-м г., считая, что за верой должны следовать дела и надо быть ближе к массе и самому с ней учиться. В 96-м году прошу товарищей посылать меня в массы, не ограничиваясь кружками. В то время у нас в организации шла борьба между интеллигенцией и рабочими верхушками, которые требовали, чтобы их учили грамоте, общим знаниям и т. д., а не совались не в свое дело, в массы. Несмотря на то, мне удалось стать агитатором и проникать в совершенно нетронутые массы — на вечеринки, в кабаки, там, где собирались рабочие.

В начале 97-го г. меня партия послала, как агитатора и организатора, в Ковно — промышленный город, где тогда не было с.-д. организации и где недавно провалилась организация ППС. Здесь пришлось войти в самую гущу фабричных масс и столкнуться с неслыханной нищетой и эксплоатацией, особенно женского труда. Тогда я на практике научился организовывать стачку.

Во второй половине того же года меня арестовывают на улице по доносу рабочего-подростка, соблазнившегося 10-ю рублями, обещанными ему жандармами. Не желая обнаружить своей квартиры, называюсь жандармам Жебровским. В 98-м г. меня высылают на 3 года в Вятскую губ. — сначала в Полипск, а затем в наказание за строптивый характер и скандал с полицией, а также за то, что стал работать набойщиком на махорочной фабрике, — высылают на 500 верст дальше на север, в село Кайгородское. В 99-м г. на лодке бегу оттуда, так как тоска

[1] Автобиография тов. Дзержинского написана им еще до назначения его председателем ВСНХ СССР. — **Ред.**

слишком замучила. Возвращаюсь в Вильно. Застаю литовскую с.-д. ведущей переговоры с ППС об об'единении. Я был самым резким врагом национализма и считал величайшим грехом, что в 98-м г., когда я сидел в тюрьме, литовская с.-д. не вошла в единую Российскую СДРП о чем и писал из тюрьмы к тогдашнему руководителю литовской с.-д. д-ру Домашевичу. Когда я приехал в Москву, старые товарищи были уже в ссылке — руководила студенческая молодежь. Меня к рабочим не пустили, а поспешили сплавить за границу, для чего свели меня с контрабандистами, которые повезли меня в еврейской «балаголе» по Вилкомирскому шоссе к границе. В этой «балаголе» я познакомился с одним пареньком, и тот за десять рублей в одном из местечек достал мне паспорт. Доехал тогда до железнодорожной станции, взял билет и уехал в Варшаву, где у меня был один адрес бундовца. В Варшаве тогда не было с.-д. организации. Только ППС и Бунд. С.-д. партия была разгромлена. Мне удалось завязать с рабочими связь и скоро восстановить нашу организацию, отколов от ППС сначала сапожников, а затем целые группы столяров, металлистов, кожевников, булочников. Началась отчаянная драка с ППС, кончавшаяся неизменно нашим успехом, хотя у нас не было ни средств, ни литературы, ни интеллигенции. Прозвали рабочие меня тогда Астрономом и Франком.

В феврале 1900 года на собрании меня уже арестовали и держали сперва в X павильоне Варшавской цитадели, затем в Седлецкой тюрьме.

В 1902 году выслали на пять лет в Восточную Сибирь. По дороге в Вилюйск летом того же года бежал на лодке из Верхоленска вместе с е.-р. Сладкопевцевым. На этот раз поехал за границу — переправу мне устроили знакомые бундовцы. Вскоре после моего приезда в Берлин, в августе месяце была созвана наша партийная — с.-д. Польши и Литвы — конференция, где было решено издавать «Червоны Штандар». Поселяюсь в Кракове для работы по связи и содействию партии из-за кордона. С того времени меня называют Юзефом.

До января 1905 года езжу от времени до времени для подпольной работы в Русскую Польшу. В январе переезжаю совсем и работаю в качестве члена главного правления с.-д. Польши и Литвы. В июле арестовывают на собрании за городом, освобождает Октябрьская амнистия.

В 1906 году делегируют меня на об'единительный с'езд в Стокгольм. Вхожу в ЦК РСДРП в качестве представи-

теля от с.-д. Польши и Литвы. В августе — октябре работаю в Петербурге. В конце 1906 года арестовывают в Варшаве и в июне 1907 года освобождают под залог.

Затем снова арестовывают в апреле 1908 года. Судят по старому и новому делу два раза, оба раза дают поселение и в конце 1909 г. посылают в Сибирь — в Тасеевку. Пробыв там семь дней, бегу и через Варшаву еду за границу. Поселяюсь снова в Кракове, наезжая в Русскую Польщу.

В 1912 году приезжаю в Варшаву, 1 сентября меня арестовывают, судят за побег с поселения и присуждают к 3 годам каторги, в 1914 г., после начала войны вывозят в Орел, где и отбыл каторгу, пересылают в Москву, где судят в 1916 году за партийную работу периода 1910—1912 гг. и прибавляют еще 6 лет каторги. Освободила меня Февральская революция из Московского централа. До августа работаю в Москве, в августе делегирует Москва на партсъезд, который выбирает меня в ЦК. Остаюсь для работы в Петербурге.

В Октябрьской революции принимаю участие как член Военно-Революционного Комитета, затем после его роспуска мне поручают сорганизовать орган борьбы с контрреволюцией — ВЧК (7/XII 1917 г.), председателем которого меня назначают.

Меня назначают народным комиссаром внутренних дел, затем, 14 апреля 1921 года — и путей сообщения.

С 1917 года тов. Дзержинский являлся несменяемым членом ЦК нашей партии, а также и кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б). После того как, будучи Наркомом путей сообщения, тов. Дзержинскому удалось восстановить главный нерв страны — транспорт, ему поручается еще более ответственная работа по восстановлению всего нашего народного хозяйства, и в 1924 г. он назначается председателем ВСНХ с оставлением за ним общего руководства Главным Политическим Управлением СССР.

Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИЙ

происхождение и семья

Благодаря усилиям тов. Судакова, старшего архивиста Ленинградского центрального исторического архива, удалось составить «выпись из родословной рода Дзержинских» (№ 4937, спр. от 24 августа 1926 г.). Выпись эта начинается следующими словами:

«Предок рода Дзержинских, ротмистр Николай Дзержинский приобрел по купчей крепости 11 апреля 1663 г. от чашника Бурдо недвижимое с десятью дворами крестьян имение Спицы, Самогитского Княжества, в Крожском уезде».

Из сказанного выше и дальнейшего рассказа «выписи» видно, что Дзержинские принадлежали к мелкой, незажиточной шляхте. Их супружеские связи вращались в кругу польских и ополяченных литовских семей. Отец Феликса Эдмундовича — Эдмунд-Руфим родился в 1838 г. Согласно «выписи»:

«Эдмунд-Руфим Дзержинский окончил курс наук в С.-Петербургском университете по физико-математическому факультету со степенью кандидата в 1863 г. и служил по педагогической части, занимая перед выходом в 1875 г. в отставку должность учителя математики и физики в Таганрогской гимназии».

Девичья фамилия матери Феликса Эдмундовича — Янушевская Елена. В семье Ф. Э., кроме него, были 3 сестры: Альдона, Ядвига, Ванда и 4 брата: Станислав, Казимир, Игнатий и Владислав — самый младший, родившийся в 1881 г.

Имение Дзержинских, в котором родился Ф. Э., состояло (в 1898 г.) из 92 десятин и, ввиду «крайне плохого качества земли», сдавалось в аренду за 42 руб. в год. Последнюю информацию мы находим в отношении виленского губернатора от 22/XII 1898 г. в ответ на запрос вятского губернатора о материальном положении Дзержинских на предмет, дать ли Ф. Э. в ссылке пособие или нет.

C90
24061

105358

начало революционной деятельности 1889—1897

О раннем детстве тов. Дзержинского и его пребывании в первых классах гимназии еще ничего точного сообщить нельзя. Из «автобиографии», а также из воспоминаний Мицкевича-Капсукаса знаем, что Дзержинский воспитывался в католическо-польском духе и был весьма религиозен. Он собирался стать ксендзом.

«...Но, когда я был в шестом классе гимназии, произошел перелом в 1894 г. Тогда я долго носился с тем, что бога нет и всем горячо доказывал это».

Из этой автобиографической заметки можно заключить, что Дзержинский, если переходил регулярно из класса в класс, то в гимназию поступил в 1889 г. в двенадцатилетнем возрасте. В кружках самообразования, повидимому, Дзержинский уже участвовал в 1893 г., т. е. в то время, когда в польско-литовском рабочем движении стали намечаться основные течения: национально-социалистическое, вылившееся в литовскую социал-демократию, и марксистское. Во главе первого стояли Домашевич и Моравский, второго — Трусевич-Залевский, М. Козловский, Милевский, Засулич и др. Но окончательное размежевание наступило в 1896 году, когда под руководством Залевского и под влиянием социал-демократии Польши образовался вполне четко очерченный интернациональный и марксистский «Союз литовских рабочих», впоследствии в 1899 г. совместно с с.-д. Польши образовавший социал-демократию Польши и Литвы.

Об отношении молодого Дзержинского к этому расколу читаем в записи с его слов у Мицкевича-Капсукаса:

«Разница между литовской с.-д. и Рабочим Союзом Литвы мне тогда не была видна. Моравский об'яснил, что Окулярник (Залевский-Трусевич) откололся на личной почве, и я этим удовлетворился».

Но, хотя «разница не была видна», вся деятельность Дзержинского с самого начала его выступлений на революционном поприще носила чисто рабочий, интернациональный характер. Метод Дзержинского, избранный им для сближения с рабочим классом, ясно говорит за то, что для него и центром и целью работы было только рабочее дело.

После вступления в 1895 г. в литовскую социал-демократию, он переходит из кружков к непосредственной

ЦК КПСС

агитации среди ремесленников и уже в следующем 1896 г. порывает связи со своей средой, бросает гимназию и уходит в рабочие кварталы. У Мицкевича-Капсукаса читаем:

«Когда подошел экзамен на аттестат зрелости, я бросил гимназию (в 1896 г.), мотивируя это тем, что развиваться можно и работая среди рабочих, а университет только отвлекает от идейной работы, создает карьеристов».

«Надо быть ближе к массам рабочих и самому с ними учиться».

И действительно, Дзержинский не только целиком отдается агитационной работе, но принимает участие во всех делах и спорах рабочих и даже в драках, происходивших тогда между еще мало сознательными группами пролетариев.

В этот ранний период деятельности важно отметить два очень характерных момента. Во-первых, прямолинейность его поведения, глубокое чувство революционного долга и неудержимое стремление итти напролом к цели — черты, оставшиеся основными на протяжении всей его жизни. Второе — это его корреспонденции из рабочего быта, о которых рассказывает Мицкевич-Капсукас. Дзержинский, повидимому, понимал, что повести экономическую борьбу за улучшение материальных условий рабочих можно только тогда, когда знаешь эти условия. И он проделывает эту страшно кропотливую работу собирания данных, часто будто неважных мелочей, из которых впоследствии строится общая картина и дается исходный пункт для практической работы организации. Вот сочетание качеств будущего вождя: энтузиазм и трудолюбие.

В литературе о Дзержинском повторяется версия, что он должен был уйти из 8-го класса после того, как дал пощечину директору гимназии. Об этом пишет тов. Томаш, а также тов. В. Перазич[1]. Мне кажется эта версия неверной. Она противоречит автобиографии тов. Дзержинского, а также записанным Мицкевичем-Капсукасом воспоминаниям. Ведь Дзержинский свой уход из гимназии мотивирует причинами принципиального характера. Согласно его словам, уход из гимназии был результатом не случая, а явился следствием его отношения к исполнению революционного долга.

Для характеристики Дзержинского хотелось бы привести еще небольшую цитату из польской буржуазной

[1] «Красная Летопись», 1922, № 2—3.

прессы. В «Курьере Виленском» от 28 июля 1926 г. (№ 171) автор, подписанный буквами Е. («Дзержинский. Воспоминания б. арестованного Чека») пишет:

«Уже на школьной скамье в его характере проявились те черты, которые к концу его не очень долгой жизни приняли столь роковое направление. Приезжая на каникулы в гости к своему дяде в имение Мейшаголы, он считал возможным сочетать использование гостеприимства с агитацией среди дворовой челяди и поджиганием ее к борьбе за лучшие условия существования».

Глупый буржуа даже не замечает, какое высокоценное свидетельство он дает о человеке, о котором пишет с ненавистью и которого хочет очернить. Для нас эта черточка имеет большое значение. Мы эту информацию соединим со следующей заметкой Дзержинского (Мицкевич-Капсукас):

«На каникулах, кажется, в 1896 г. я поехал давать уроки для детей помещика Сволки, кажется, в Лидском уезде».

Думается, что и обучая детей г. Сволки, Дзержинский (он был ведь тогда уже членом партии) был верен своему революционному долгу, одновременно вел свою «зловредную» агитацию и что вообще его революционной деятельности в городе надо приписать также социал-демократическую агитацию среди сельских рабочих[1].

на работе в Ковно 1897

Широкая и успешная агитация Дзержинского среди ремесленников в Вильне совпала с бурной полосой экономических забастовок рабочих всех категорий. Дзержинскому, успевшему стать одной из центральных фигур этого движения, надо было удирать из Вильны, и он по соглашению с товарищами едет в Ковно в качестве «агитатора и организатора».

Согласно рассказу тов. Грабара, старого виленского рабочего, тов. Яцеку-Дзержинскому были устроены проводы группой сапожников. На проводах говорили речи. Пели.

[1] Эта глава основана главным образом на материалах, печатающихся в настоящей книжке в воспоминаниях тт. Мицкевича-Капсукаса и Томаша. Я не счел нужным загромождать статью перепечатыванием того же самого материала.

Прощаясь с товарищами, Дзержинский высказал пожелание: «встретиться на поле борьбы».

И вот Дзержинский перебрался в Ковно, куда немногим позже переехал и другой виленский деятель Юзеф Олехнович, сапожник. Из отношения прокурора виленской судебной палаты в министерство полиции видно[1], что Дзержинский приехал в Ковно 18 марта.

Условия работы в Ковно и Вильне весьма разнились между собой. Вильна была более крупным промышленным, культурным центром, революционное движение пустило там уже крепкие корни, и имелся налицо небольшой кадр сознательных рабочих, среди которых польские социалисты работали еще в конце семидесятых годов. Кроме того в Вильне очень быстро вырастало движение еврейских рабочих, сильно влиявшее и на польских и литовских рабочих.

Пробравшись в Ковно, Дзержинский начал сам непосредственно искать связи с рабочей массой. Он искал знакомства с рабочими у ворот фабрик и мастерских. Натолкнувшись на несознательных рабочих, был выдан ими в руки жандармов уже 17 июля.

Но за это короткое время он успел широко развернуть работу и заразить социализмом многих рабочих. В упомянутом выше деле временной канцелярии при министре юстиции на 24 листах ведется обстоятельный жандармский рассказ о преступлении Дзержинского и Олехновича, этих двух центральных фигур ковенской революционной работы того времени. К дознанию было привлечено несколько десятков лиц.

Вот несколько цитат из заключения прокурора виленской судебной палаты в вышеназванном деле:

«Таким образом, произведенным по делу дознанием установлено, что в начале лета 1897 г. в г. Ковно появились две крайне подозрительных по своей предшествовавшей деятельности личности — дворянин Феликс Дзержинский и сапожный подмастерье Иосиф Олехнович, которые стали знакомиться и входить в сношения с рабочими разных фабрик и сапожных мастерских и сперва, чтобы снискать к себе их доверие и расположение, стали раздавать им для чтения разные научно-популярные книги, а засим, по мере знакомства с ними, начали подговаривать по преимуществу молодых рабочих к устройству стачек на фабриках

[1] Дело временной канцелярии при министре юстиции по производству особых уголовных дел № 220, 1897.

и в ремесленных заведениях, чтобы путем стачек и забастовок вынудить хозяев увеличить заработную плату и уменьшить число рабочих часов, а Дзержинский, кроме того, начал пропагандировать среди рабочих и другие идеи и, называя себя социалистом, говорил, что если рабочие в городах будут бунтовать, то поднимутся и деревенские люди, можно будет легко порешить с правительством, т. е. с государем, и основать республику, как в Северо-Американских Штатах, причем оба они, для более удобного обсуждения этих вопросов, устраивали за городом сходки и, для большего утверждения распространяемых ими идей, читали рабочим запрещенные брошюры «Дядя Дятков», «Черный ворон» и «Что было и что будет» и, кроме того, «самым надежным и серьезным в их деле», каким, например, по их мнению, оказался сапожник подмастерье Онуфрий Гавендзский, давали читать брошюры революционного содержания, как, например, найденная у Гавендзского брошюра лондонского издания, «Справа работнича» и уничтоженная им брошюра «Богатство».

Такая преступная деятельность Дзержинского и Олехновича имела своим результатом, что некоторые рабочие увлеклись проповедуемыми ими идеями и сами, как, например, Гавендзский и Федорович, стали требовать от своих товарищей прекращения работы и устройства стачек, с целью вынуждения хозяев к повышению заработной платы и изменения условий найма и тем, кто отказывался подчиняться этому требованию, по примеру Дзержинского и Олехновича, угрожали побоями и даже убийством, чем и принудили некоторых рабочих отказаться от работы и вызвали продолжавшуюся две недели стачку в сапожной мастерской Подберезского.

Эта преступная деятельность Дзержинского настолько разрослась и увеличилась, что вызвала под конец справедливое негодование среди некоторых рабочих, которые заявили об образе действий Дзержинского властям и тем прекратили дальнейшее развитие этой его преступной деятельности».

Интересно отметить, до чего серьезно брался за дело Дзержинский. Я уже раньше упоминал о его кропотливых корреспонденциях из быта рабочих в Вильне: такую же работу, как свидетельствует тов. Томаш, он вел и в Ковно. Он продолжал тщательно изучать положение рабочего класса и следил по газетам за всем имеющим значение для революционной работы. В этом отношении очень

характерны те вещи, которые при нем нашли жандармы во время обыска.

В том же заключении прокурора виленской палаты имеется следующий перечень:

«а) вырезка из газеты «Прибавление к Ковенским губернским ведомостям» от 21 июня 1897 года, в которой говорится об обязательных постановлениях Ковенского губернского по фабричным делам присутствия, б) вырезка из газеты «С.-Петербургские ведомости» за № 188 от 13 июля 1897 г. с статьей «Институт для рабочих в Стокгольме», в) вырезка из той же газеты «Прибавление» с статьей «О нормировке рабочего дня», г) вырезка из газеты «Биржевые ведомости» за № 163 от 19 июня 1897 г. со статьей «Распределение на некоторые губернии правил о надзоре за фабриками и заводами», д) листки из какого-то, повидимому, промышленного адрес-календаря с перечнем промышленных заведений в С.-западном крае, причем в отделе «Ковенская губерния» сделаны чернилами отметки о числе рабочих на некоторых ковенских заводах, а именно, против завода Рекоша отметка 400, против завода Петровского и Шувалова—70, против завода Тильмана — 560, против завода Шмидта — 700 и др., и, кроме того, в перечень внесены чернилами — фабрики гвоздей сапожных Адлера и Блюменталя — 60 и инженерная мастерская — 150, е) вырезка из «Прибавления» № 44 за 1897 г. об устройстве приемных покоев для рабочих при фабриках, ж) клочок польской газеты, на котором сообщается об отсрочке обсуждения правил о найме сельских рабочих, з) такой же клочок с известием из Брюсселя о стачке в Монсе 15 000 рабочих, и отрывок стихотворения «И взойдет за кровавою зарею солнце правды», и) клочок бумаги с записью пяти фамилий: Онуфрий Гавендзский, Антон Вольф, Ромуальд Ольшевский, Михаил Федорович и Флориан Ольшевский, к) каталог народных изданий на польском языке непротивоправительственного характера, л) листок из записной книжки с конспектом беседы по поводу брошюр «Человеческие жилища» и «О цехах», м) листок с записью ковенских заводчиков, н) выписка из польской газеты «Газета Варшавска» о столкновении забастовавших в Монсе рабочих с войсками и о) две вырезки из каталога немецких книг «Универсальной библиотеки».

Дальше в деле упоминается об имевшейся при Дзержинском библиотеке, в которой имелись тоже книги общеобразовательного характера и которые он широко распространял. В другом месте говорится о рукописном сло-

варе польско-литовских слов: Дзержинский, повидимому, стремился изучить литовский язык.

Из всех этих данных видно, как он «всерьез и надолго» брался за революционную деятельность.

17 июля 1897 г. Дзержинский был арестован на площади около военного собора и заключен в ковенскую тюрьму, где просидел до июня 1898 года.

Тов. Томаш сообщает, что он часто писал письма и, между прочим, уведомил, что его жандармы бьют и что он им отомстит.

И он действительно отомстил своей великой деятельностью.

В 1898 г. шли приготовления к с'езду в Минске русских социал-демократических групп.

На с'езд была приглашена и литовская социал-демократия. Она отказалась участвовать, ибо в то время, после откола марксистской группы, отошедшей к «Союзу литовских рабочих» (1896) литовская социал-демократия стала на явно социал-националистическую позицию.

Узнав об этом отказе, Дзержинский, у которого имелись старые, личные связи с литовской с.-д., пишет, как он сам говорит, «ругательское» письмо Домашевичу.

Было бы в высшей степени интересно раздобыть это письмо или, по крайней мере, узнать его содержание, познакомиться с аргументацией двадцатилетнего Дзержинского за участие национальной с.-д. организации в общероссийской партии.

Но и теперь можно и нужно сказать, что в 1898 г., к выходу из ковенской тюрьмы, Дзержинский был уже сложившимся российским социал-демократом.

Выйдя из шляхетской католической польской семьи, пройдя кружки самообразования, у источников которых был польский патриотизм, окунувшись затем в непосредственную агитацию среди ремесленников за улучшение их быта, самостоятельно изучив положение пролетариата, пройдя первую партийную выправку в рядах литовской с.-д. и первое жандармское и тюремное крещение, Феликс Эдмундович вышел на широкий простор российского революционного движения и пошел в свою первую вятскую ссылку.

Он пошел в ссылку закаленным борцом.

Он оставлял за собой никогда уже не забываемый след.

первая ссылка и первый побег

1898—1899

Отношением от 28 мая 1898 г. департамент полиции сообщил следующее от 12 мая «высочайшее повеление»:

«на основании Высочайшего повеления, последовавшего в 12 день мая 1898 г. в разрешение дознания по обвинению его в государственном преступлении, он, Дзержинский, подлежит, по вменении в наказание предварительного заключения, высылке в Вятскую губернию под надзор полиции на три года, сроком по 12 мая 1901 г.».

Из бумаг в делах видно, что при определении приговора был принят во внимание несовершеннолетний возраст «преступника».

По дороге в Вятку в Нижнем-Новгороде Дзержинский совместно со студентом Н. М. Величкиным борется за права политических в тюрьме. Их нарочно посадили в общую камеру с 120 «общеуголовными». Дзержинский требует перевода в другую камеру, пишет заявление, но пока вопрос разрешился отрицательно в переписке нижегородских властей с Петербургом, его отправляют дальше, в Вятку[1].

27 июля Дзержинский прибывает в Вятку и посылается в Нолинск, из которого в декабре за плохое поведение переводят его на 500 верст дальше на север, в село Кайгородское, Слободского уезда, откуда 28 августа 1899 г. он бежит.

В книге «Вятская Политическая Ссылка» имеется хорошая статья «Ф. Э. Дзержинский в ссылке», из которой заимствую следующие сведения:

«Прибывшие в Вятку Дзержинский и Величкин были заключены в тюрьму. Местом высылки Дзержинского первоначально был назначен г. Нолинск. В Вятской тюрьме тов. Дзержинский содержался в ожидании парохода, на котором должны были отправиться арестованные, но по случаю мелководья пароход для арестованных долго не прибывал.

6 августа тов. Дзержинский вынужден был обратиться с прошением к губернатору о разрешении ему выехать в Нолинск на первом отходящем маленьком пароходе за собственный счет, но без конвоя, так как средств на оплату конвоиров он не имеет.

---

[1] Дело департамента полиции № 1586, 1901, 3-е делопроизводство.

Губернатор особенно с отправкой не торопился и только после 19-дневного содержания в тюрьме—15 августа—разрешил выехать на пароходе в Нолинск без конвоя.

В Нолинске тов. Дзержинский пробыл всего лишь 4 месяца. Полиция скоро усмотрела, что его пребывание в Нолинске представляет большую опасность. По заключению полиции, он оказался лицом, проявляющим своим поведением «крайнюю политическую неблагонадежность». По мнению губернатора, тов. Дзержинский в Нолинске успел повлиять на некоторых лиц, бывших вполне благонадежными. Опасаясь, что он и в дальнейшем будет заниматься превращением «благонадежных» лиц в «неблагонадежных», губернатор решил предотвратить эту опасность высылкой тов. Дзержинского в такой пункт губернии, где бы было меньше возможности распространять свое влияние на окружающих».

Вятский губернатор завел о Дзержинском переписку с министром внутренних дел и добился просмотра корреспонденции, а также книг и брошюр Дзержинского, а затем перевел его дальше на север.

В автобиографии тов. Дзержинского имеется достаточно точная информация о причинах этого перемещения. «За строптивый характер и скандал с полицией, а также за то, что я стал работать набойщиком на махорочной фабрике, — высылают на 500 верст дальше на север».

Воспоминания Мицкевича-Капсукаса еще точнее определяют «строптивый характер»: именно Дзержинский в Нолинске «вышвырнул из своей камеры полицейского». Вот настоящая причина недовольства г. губернатора и законное основание для принятия «мер».

Переведенный в село Кайгородское, Дзержинский продолжает бумажную войну с губернатором, требует об'яснения причин его перемещения и, недовольный ответом губернатора, шлет жалобу в правительствующий сенат. Автор статьи «Ф. Э. Дзержинский в ссылке» правильно предполагает, что вся эта бумажная канитель имела одну цель: быть ближе к путям сообщения. Правительствующий сенат определил «жалобу Дзержинского, как неподлежащую удовлетворению, оставить без последствий».

В упомянутой статье читаем дальше:

«...В селе Кайгородском полиция и губернатор не оставляли в покое т. Дзержинского. Каждый шаг его отмечается в донесении исправника губернатору.

После непродолжительного периода пребывания в селе Кай, у него устанавливаются тесные взаимоотношения с окружающим населением. Некоторые крестьяне начинают обращаться к нему со своими нуждами. Крестьяне села Кай и окружающих деревень идут за советами и содействием по судебным делам. В разные судебные учреждения т. Дзержинский пишет заявления и жалобы от их имени. Так, им были написаны прошения в судебные учреждения от следующих крестьян Кайгородской волости: Василия Никифорова Шапшина, Ольги Павловны Новиковой, Дмитрия Алексеевича Софина, Гаврила Григорьева Чеснокова и Григория Шапшина.

Кайгородское волостное правление сочло нужным поставить об этом в известность полицию.

Слободской уездный исправник назначил по делу следствие, которым и было установлено, что Дзержинский действительно написал прошения для упомянутых выше крестьян.

В дознании говорится, что «Дзержинский платы с просителей никакой не брал и в дом к ним не ходил, а последние сами приходили к нему на квартиру».

Хотя слободской исправник и высказался ограничить ему за этот проступок наказание административными мерами взыскания, губернатор, усмотрев в таком поведении Дзержинского преступление, возбудил против него судебное дело по обвинению «за нарушение 26 ст. Положения о полицейском надзоре, как уличенного занятиями адвокатуры, ему не разрешенной».

«В Нолинске и Кае никаких постоянных занятий Дзержинский не имел. Материально видимо нуждался. Еще с 1 октября 1898 г. он возбудил ходатайство о выдаче ему пособия от казны, а 18 декабря 1898 г. по случаю перевода в Кай просил о выдаче пособия на приобретение теплой одежды».

По поводу пособия и одежды вятский губернатор завел переписку с виленским губернатором, у которого справлялся о материальном положении семьи Дзержинских, и, в результате, решил выдавать 4 р. 50 к. в месяц на провольствие и 1 р. 50 к. на квартиру.

Несмотря на усиленный надзор, контроль корреспонденции и пр., Дзержинский все-таки сбежал из ссылки. В своей автобиографии он пишет: «В 1899 г. на лодке бегу оттуда, так как тоска слишком замучила меня».

А в упомянутой выше статье встречаем следующие интересные подробности:

«Получив известие о побеге, полиция совершенно растерялась и сделала очень нелепый вывод, предположив, что он по реке Каме спустился до Перми, а оттуда поедет в г. Нолинск. Слободской исправник сообщал губернатору, что Дзержинский «самовольно отлучился из места настоящего жительства вниз по течению реки Камы, будто бы в Пермь, а оттуда в Нолинск». В этом же сообщении слободской исправник пишет, что он дал знать нолинскому исправнику «об аресте Дзержинского». Лишь 15 сентября 1899 г. (т. е. по истечении 17 дней после побега) вятский губернатор сообщил о побеге и принятии мер к розыскам губернаторам: виленскому, казанскому, вологодскому, костромскому, пермскому, уфимскому и московскому обер-полицеймейстеру. Между тем тов. Дзержинский, хотя и действительно из села Кай спустился на лодке по реке Каме, но о проезде в Нолинск не думал, а возвратился прямо в Вильну.

Надо предполагать, что такой путь для побега т. Дзержинский избрал, как путь наиболее безопасный. Полиции трудно было совершить погоню по несудоходной реке в верховьях Камы.

Мы представляем, с какими трудностями тов. Дзержинскому пришлось совершить переправу по верховью реки Камы, ибо еще и поныне на протяжении сотен верст от с. Кайгородского вниз по течению берега Камы покрыты густым лесом, с редко встречающимися в стороне от берегов Камы селениями».

Из переписки губернатора с местными исправниками видно, что Дзержинский имел постоянную связь с другими политическими ссыльными и что помимо всех ухищрений надзора он выезжал из Кайгородского, а также и к нему приезжали. В той же статье «Ф. Э. Дзержинский в ссылке» имеется такая информация:

«В Нолинске и Кае, кроме поднадзорного Якшина, Дзержинский имел связь с состоящей под гласным надзором полиции в Нолинске Маргаритой Федоровной Николаевой.

По разрешению губернатора, Николаева в течение ссылки была у Дзержинского в селе Кай один раз и находилась там две недели. 1 июня 1899 г. Дзержинский самовольно отлучился на Коротковскую земскую станцию (11 верст от села Кай) для встречи Николаевой, за что и привлекался к ответственности, как за нарушение 63 ст. устава о наказаниях.

С Николаевой же Дзержинский во время ссылки имел и переписку. 15 декабря 1899 г. слободской исправник

докладывал губернатору, что он «перенял из Слободской конторы письмо от проживающей в г. Нолинске какой-то Маргариты Николаевой».

Несколько раз тов. Дзержинский обращался к вятскому губернатору с прошениями о переводе его из Кая в какой-либо другой город. Необходимость перевода он мотивировал своей болезнью, заявляя, что у него «трахома глаз», лечить которую по недостаточности в Кае медицинского персонала невозможно. Однако вятский губернатор на перевод согласия не дал и все ходатайства т. Дзержинского отклонил».

В ссылке так же, как по этапам и тюрьмам, Ф. Э. первый раз встретился с русскими революционерами разных политических направлений, и это несомненно повлияло на углубление его мировоззрения. Но мне кажется неточным утверждение Мицкевича-Капсукаса, записанное со слов Дзержинского, что

«необходимость соединения экономической борьбы с политической я себе усвоил в ссылке».

Мы ведь знаем точно, что Дзержинский еще учеником гимназии и потом участвовал в программных спорах литовской с.-д. в 1895 — 1898 годах. Основным вопросом этих споров была политика, точнее национальный вопрос и отношение к общероссийской революционной борьбе. Одной из причин откола в 1896 г. группы литовской с.-д. и образования союза литовских рабочих и затем слияние этой организации с с.-д. Польши (1899) был социал-национализм. Одновременно все эти группы вели упорную экономическую борьбу. Была ли эта борьба соединена с политикой? Была. На это имеется ясный ответ в обвинительных бумагах по ковенскому делу, где говорится о том, что Дзержинский, агитируя за экономическую забастовку среди рабочих, доказывал, что после рабочих поднимутся «деревенские люди», а засим можно будет покончить с самодержавием.

В этой формуле имеется не только вопрос соединения экономики с политикой, но она заключает и здоровую мысль о связи города с деревней.

И наконец, писал ведь Дзержинский из ковенской тюрьмы «ругательское» письмо Домашевичу за его отказ от участия литовской с.-д. в I съезде РСДРП 1898 г. Ни на одну минуту нельзя допустить, чтобы Дзержинский не сознавал цели и всего значения съезда в Минске.

Вот потому утверждение тов. Мицкевича-Капсукаса я считаю по крайней мере неточным.

возобновитель с.-д. работы в Польше 1898—1900

В этот, можно сказать, первый варшавский период революционной работы т. Дзержинского он был свободен 4½ месяца, т. е. с начала сентября по 23 мая 1900 г. За это время он работал в Варшаве, ездил в Вильну и в Минск.

Из Вятки Дзержинский прибыл в Вильну и там старался с помощью старых знакомых возобновить свою прежнюю работу среди виленского пролетариата. Но эти знакомые, вожаки литовской с.-д., успели стать уже совершенными националистами и Дзержинского побоялись связать с членами своей партии. Потому он пробирается в Варшаву, с трудностью добывая какую-то фальшивку и пользуясь своей личной дружбой с бундовцами, давшими ему явку.

В это время в Польше и главным образом в Варшаве после многократного разгрома социал-демократической организации усиленно развивалась социал-националистическая ППС. Из остатков с.-д. в Варшаве прозябала группа интеллигентов с несколькими полумертвыми кружками[1]. За границей в иностранной литературе и на международных конгрессах шел ожесточенный теоретический бой теоретиков польской с.-д. (Люксембург, Тышко, Мархлевский, Варский) с ППС, действительно успевшей организовать сильные группы рабочих и создавшей себе имя в Интернационале. Но к этому времени польская с.-д. уже также отвоевала на международной арене место для себя: руководители II Интернационала признали ее и ее метод применения марксизма к польским условиям. Отголоски этой борьбы доходили до рабочих в Польше, среди которых само по себе росло недовольство национализмом ППС. Поэтому к моменту приезда тов. Дзержинского в Варшаву там существовала известная атмосфера, в которой его стремительная энергия и непреклонная воля привели в неимоверно короткий срок к восстановлению с.-д. организации.

Тов. Томаш, который после январского ареста тов. Дзержинского был вызван в Варшаву и там продолжал его работу, «выкопал» этих людей — целую группу передовых рабочих, лучших в организации ППС.

---

[1] Остатки разбитой в 1896 г. с.-д. примкнули тогда к ППС.

Метод работы Дзержинского был весьма прост: проникнув в среду пепеэсовцев и изнутри разбив ее, восставить организацию с.-д. и вернуть в ее ряды потерянные в 1896 году силы. И он блестяще провел свой план. Он завоевал целую группу кружков разных профессий, переубедил лучших пепеэсовских агитаторов, проник в центр организации ППС. Тов. Томаш сообщает, что одно время верхушка ППС потеряла связь с рабочей периферией. Кратко сказать: Дзержинский разбил варшавскую ППС и с помощью оторванных от нее кадров воссоздал с.-д. Притом надо отметить, что во главе ППС стояли старые деятели, что в ППС, как в партии мелкобуржуазной, водилась всегда тьма интеллигенции. Интересно, это рассказывает сам Дзержинский, что полемические бои на собраниях и сходках всегда кончались «неизменно нашим успехом, хотя у нас не было ни средств, ни литературы, ни интеллигенции».

Думается, что в этом «нашем» успехе при всех других условиях большую роль сыграла пылкость двадцатидвухлетнего революционера, его вера в дело, его непосредственность, всегда пленявшая честных и сознательных рабочих.

Но этой громадной работы было Дзержинскому мало. Он едет в Вильну и там созывает совещание по вопросу о слиянии польской с.-д. с литовскими товарищами. Таким образом образуется с.-д. Литвы и Польши, программой которой (тов. Томаш) должна была явиться программа российской с.-д. — общероссийская конституция, разрыв с националистической идеологией. Образуется центр расширенной партии, в котором одну из главнейших ролей должен играть Дзержинский. Несколько времени спустя, 6 января Дзержинский появляется на с'езде литовской с.-д. в Минске, подтвердившем декабрьские решения.

Глубокая логика скрыта в развитии работы Дзержинского этого времени. Начав от элементарной работы в Варшаве по организации кружков с.-д., он разбивает крупную, установившуюся ППС и кончает созданием организации на более широких основаниях и с программой, являющейся крупным шагом вперед. Организованной при преобладающем участии Дзержинского СДПиЛ суждено было в течение двадцати лет (до 1919 г.) руководить борьбой пролетариата в Польше.

Арестован был Дзержинский 23 января на сходке рабочих, где он должен был читать реферат. Это было одно из тех собраний рабочих из ППС, на которые с та-

ким успехом проникал Дзержинский. Дело этого ареста превратилось в дело организации ППС с участием нескольких десятков человек. Поэтому оно только частично касается Дзержинского, а сама сходка, на которой он был взят, является только одним из моментов этого дела. Но в бумагах этого дела имеется масса материала, указывающего на состояние рабочего движения в Польше, в Варшаве. Мы узнаем о массовом распространении листовок и газет, о периодических собраниях рабочих кружков, о проводившихся стачках. Там же находим указания, как происходили и как организовались те знаменитые загородные маевки, которые в польском революционном движении стали бытовым явлением. На этих маевках бывало даже по 400 человек. Все это дело является крупнейшим документом бурного движения польских рабочих конца девяностых годов.

Для характеристики Дзержинского мы приведем несколько цитат из этого дела[1]. Прежде всего из протокола его личного обыска:

«При личном обыске у последнего, назвавшего себя первоначально Эдмундом Ивановским, а затем Иваном Жебровским, было найдено: 1) книга на русском языке, под заглавием «Происхождение семьи, частной собственности и государства», сочинение Ф. Энгельса; 2) № 7 за 1894 г. издававшейся в Париже польской газеты «Sprawa Robotnicza» («Рабочее дело») и служившей органом партии социал-демократов королевства польского; 3) гектографированное, на польском языке, воззвание от 3 февраля 1900 г. к «Товарищам-рабочим фабрики Брохиса» (фабрика обуви в Варшаве, на Павлиной улице), приглашающее рабочих этой фабрики к устройству стачки; 4) две тетради с помещенными в них рукописными статьями на польском языке, озаглавленными «Очерк социал-демократической программы королевства польского» и «Наше отношение к борьбе за независимость Польши и за самоуправление края»; в обеих статьях излагаются задачи международного социализма и указываются наиболее целесообразные способы борьбы польского пролетариата с капиталистами и с самодержавием, в виде совместного с рабочим классом всей России движения; 5) рукописный, на польском языке, конспект сочинения на тему «Коммунисти-

[1] Дело временной канцелярии при министерстве юстиции по производству особых уголовных дел. «О крестьянине Казимире Лыкосяке и др.». № 350—1 1900 г.

ческое родовое общество» и 6) записная книжка с разными заметками, в числе которых имеются записи, свидетельствующие о занятиях автора их социальными вопросами, преимущественно теми, которые имеют отношение к землям с польским населением, в России и за границей».

На допросе т. Дзержинский об'яснил,

«что он по своим убеждениям социал-демократ и взгляды его на социальные вопросы изложены в составленных им и отобранных у него при обыске программе и другой рукописи».

Остальная часть допроса имеет только формальное значение.

В том же деле имеется один очень характерный документ. Это письмо Антона Россола [1], с.-д. рабочего и друга тов. Дзержинского, перехваченное жандармами в тюрьме. Антон Россол был передовым рабочим социал-демократом и потому большой вес приобретают его взгляды на развитие рабочего дела в Восточной Европе.

Жандармы сообщают:

«В феврале 1901 г., уже по окончании производства по сему делу, в Варшавской следственной тюрьме, у арестанта Шиманского (состоящего под следствием по обвинению в грабеже) было отобрано письмо обвиняемого по настоящему делу и содержащегося в той же тюрьме Антона Россола к другому политическому арестанту, приговоренному в каторжные работы по делу об убийстве членами польской социалистической партии (ППС) рабочего Мазура [2], Конраду Езиоровскому. В письме этом Россол, оспаривая некоторые положения программы названной партии, к которой принадлежал Езиоровский, и возражая против ее способов действия, подробно излагает свои взгляды на рабочее движение в Польше, причем, согласно принципам вновь организованного в 1900 году социально-революционного сообщества «Социал-демократов королевства польского» [3], указывает на необходимость совместной борьбы всех рабочих Восточной Европы, «живущих под гнетом одного и того же народ-

---

[1] Умер от чахотки в июле 1901 г. Россол является типом того с.-д. рабочего, который в Польше вырабатывался начиная с 1894 г. (основание с.-д.). Образовавши основную группу с.-д. на переломе 1899/900 г., рабочие явились тем ядром, вокруг которого разросталась массовая партия в течение ближайших лет и которая в 1905—1906 гг. завоевала для себя большинство пролетариата в Польше.

[2] Мазур — шпион. — Ю. К.

[3] Партия тогда уже называлась СДПиЛ. — Ю. К.

ного бича — царского самодержавия». В интересах успешности этой борьбы социал-демократическая партия[1], сторонником коей является и он, Россол, предполагает, как далее значится в том же письме, уже теперь создать «Восточно-европейский международный союз», по образцу существовавшего в 1848 г. «Западно-европейского союза». Будучи допрошен относительно означенного письма, Россол признал, что оно писано им, но от дальнейших об'яснений по сему предмету отказался».

вторая ссылка и второй побег 1902

Высочайшим повелением от 20 октября 1901 г. т. Дзержинский ссылался на 5 лет в Восточную Сибирь, но царский приказ не был приведен в исполнение по воле Дзержинского, который бежал с дороги.

Арестованный 23 января 1901 г., Дзержинский просидел в тюрьме до 5 января 1902 г., когда из Седлецкой тюрьмы был отправлен в ссылку. Первое время его держали в каменных мешках пресловутого X павильона Варшавской крепости. Об этом времени материала пока нет, и мне неизвестно, писал ли он и кому письма из X павильона. Должно быть Дзержинскому в X павильоне сиделось тяжело, ибо известно, что в это время в этом царском застенке были весьма тяжелые условия. В Седлецкой тюрьме, должно быть, было лучше. Так можно заключить из некролога Дзержинского — «Астронома»[2] о его друге Антоне Россоле, содержавшемся там с ним вместе. Дзержинский пишет:

«В Седлеце было свободней, но пища была плохая, камера малая, угрюмая, с маленьким окошечком».

Для политика в тюрьме «свобода» была важнее, чем пища и все другое. О себе в этом некрологе он ничего не сообщает. Но польским товарищам хорошо известно, как жил и чем был занят Дзержинский в Седлецкой тюрьме. Его друг Антон Россол медленно умирал от чахотки, и Дзержинский все свое время посвящал уходу за больным. Больной был уже совсем бессилен, и Дзержинский

[1] Повидимому СДПиЛ. — **Ю. К.**

[2] «Астроном» одна из кличек Дзержинского. Некролог о Россоле помещен в № 3 «Червоного Штандара», февраль 1908 г.

носил его на руках по лестнице на прогулку. Умиравший Россол, «кожа и кости», был отослан к матери, которая в это время была в ссылке в Ковно (из Варшавы), и там скончался 20 июня 1902 года. Это был, согласно свидетельству Дзержинского, на редкость одаренный, сознательный рабочий. Россолу было лет двадцать с небольшим.

Из Седлецка в ссылку пошел Дзержинский 5 января и, пробыв некоторое время в Московской пересылке, добрался, наконец, до Александровского централа, где ожидал летней отправки в Якутку. Он был назначен в Вилюйск, 400 верст дальше Якутска. Но пока что Дзержинскому по пути в ссылку пришлось сыграть роль в Александровском централе.

В мае месяце там вспыхнул бунт, во главе которого стоял Дзержинский. В официальной переписке об этом эпизоде говорится кратко:

«Дзержинский Феликс принимал участие в демонстрации в Александровской пересыльной тюрьме, в мае 1902 г.»[1].

Из дальнейшего видно будет, что иркутские власти не делали огласки в деле майского Александровского восстания, и должно быть потому справка седлецкого губернатора так скромно написана. Недавно опубликован рассказ участника упомянутого восстания, который очень точно описывает само восстание и роль в нем Дзержинского[2].

В том же № «Огонька» имеется фотоснимок участников восстания с красным флагом и надписью «Свобода».

Вместо передачи рассказа И. С. Урысона я приведу несколько выдержек, ярко передающих возникновение и ход восстания.

«В один из апрельских дней среди политических заключенных пересыльного корпуса Александровской тюрьмы царило большое возбуждение. Администрация лишила их целого ряда льгот.

Тюрьма волновалась.

На большой тюремной сходке собрались все политические, числом около 50 человек. Председательствовал

---

[1] Справка Седлецкого губернатора от 18 мая 1902 г.

[2] «Огонек» № 33 (177) от 15 августа 1926 г. «Восстание в Александровском централе» П. Сергеева. Рассказ написан со слов ссыльного и участника эпизода И. С. Урысона, который предоставил в распоряжение редакции и фотографические снимки.

Ф. Дзержинский. Решили пред'явить в ультимативной форме требование об отмене новых порядков.

Администрация отказала.

Собралась новая сходка. Было принято наиболее революционное и решительное предложение Ф. Дзержинского, а именно, выкинуть из пересыльного корпуса тюрьмы всю стражу (в состав ее входило не более 10 человек), запереть ворота и не пускать администрацию до полного удовлетворения всех пред'явленных требований.

Решение было в точности выполнено.

Стражники и надзиратели были выброшены за ворота, ворота забаррикадированы лежавшими на тюремном дворе досками, бревнами и разными строительными материалами, над воротами водружен большой красный флаг с надписью «Свобода», вдоль деревянной тюремной ограды расставлена своя стража, и пересыльный корпус тюрьмы, огороженный деревянным частоколом, об'явлен был самостоятельной республикой, отвергающей власти и законы Российской империи.

Революционное настроение граждан новой республики росло.

Внутри тюрьмы сходка об'явила «чрезвычайное положение», выбрала диктаторскую тройку во главе с Дзержинским.

Ожидали больших событий.

Прибыли войска, но им, — это стало известно впоследствии, — дана была директива: «Оружия не применять».

Начальнику тюрьмы Лятосковичу, из бывших польских повстанцев 1863 г., «либерально» настроенному чиновнику, было дано из Иркутска телеграфное распоряжение вступить в переговоры с восставшей тюрьмой и попытаться мирно уладить конфликт.

Для ведения переговоров Феликса Дзержинского признали непригодным: его революционный темперамент был приспособлен для руководства бунтом, но не для его мирной ликвидации.

Была избрана новая тройка, которая и начала переговоры, сносясь с беспрерывно заседавшей сходкой.

Переговоры велись через маленькое отверстие забора перед лицом выстроенных в боевые колонны вооруженных солдат.

Лятосковичшел на уступки, но недостаточные. Тюрьма не сдавалась.

К вечеру переговоры были прерваны без результата. Положение усложнялось.

Наступила тревожная ночь. Большинство заключенных бодрствовало.

Неожиданно из-за забора, отделявшего пересыльный корпус от уголовной каторжной тюрьмы, к заключенным попала иркутская газета «Восточное Обозрение», с сообщением об убийстве министра внутренних дел Сипягина революционером Балмашевым.

«Республиканские власти» внутри тюрьмы об'явили торжество в честь героя Балмашева. Усталость тревожного дня была забыта, и единственная свободная республика на территории империи пением песен, гитарами, мандолинами, чтением стихов и пр. открыто чествовала героя Балмашева.

На утро в Александровское прибыл из Иркутска вице-губернатор с угрозой в случае неповиновения открыть огонь.

Поручик, командовавший ротой солдат, выстроенной перед тюремной оградой, четко дал команду, и солдаты взяли ружья наперевес.

Они (власти), конечно, ни де-юре, ни де-факто, не признавали новой республики на территории тюрьмы.

Явилась «тройка» и вступила в переговоры. Одновременно собралась сходка. Между заседавшей сходкой под председательством Дзержинского и отверстием в заборе, где заседала мирная конференция, велась непрерывная курьерская связь.

Был заключен мир «без аннексий и контрибуций».

Сходка ратифицировала мирное соглашение.

Дзержинский отдал последнее распоряжение. Баррикады были убраны, красный флаг снят, ворота тюрьмы открыты.

Побежденный враг в лице вице-губернатора и его свиты вступил на тюремный двор.

Так окончила свое существование трехдневная «свободная республика» на территории Александровской каторжной тюрьмы».

В конце мая или в начале июня партия выступила в дорогу. Тов. Дзержинский в рассказе о побеге из ссылки[1] пишет, что

«еще в Александровском Централе задумали бежать, хотя я был нездоров, принимал уколы. Решили бежать с дороги, но не вышло».

---

[1] Польский «Червоны Штандар» № 1 от ноября 1902 г.

«Вышло» несколько дней спустя. Дзержинский был в сговоре с эсером Сладкопевцевым, с которым решил вместе бежать. В Качуге, в селе, с которого начинается сплав по Лене, Дзержинский и Сладкопевцев держали совет с ссыльными старожилами[1]. Они, по распоряжению врача, как больные, остались в Верхоленске, откуда 12 июня бежали. Главная часть побега — это опасное путешествие в ветхой лодке. Это был смелый побег, полный романтизма и трагически-комических эпизодов. Опасность провала и ее неожиданные разрешения подробно описаны самим Дзержинским[2]. Часть его передает Мицкевич-Капсукас.

В замысле этого побега, в стремительности и упорстве его проведения — весь Дзержинский.

В итальянских официозных газетах[3] была помещена краткая деловая биография тов. Дзержинского, кончающаяся следующими словами:

«Дзержинский был человек скупой на слова, был прежде всего (по существу) человеком дела».

Это краткое, но правильное определение.

организатор СДПиЛ, член главного правления 1902—1903

Непосредственно из далекой Сибири Дзержинский пробирается за границу и там в первый раз встречается с теоретиками — основателями польской с.-д. партии. Созывается совещание, на котором присутствуют Р. Люксембург, Тышко, Мархлевский, Варский, а также Ганецкий и беглец из Сибири, постепенно забирающий в плен своего энтузиазма старых вождей. «Я ополчился против бездействия партии в Польше», рассказывает Дзержинский (Мицкевич-Капсукас). Совещание выработало программу работы на ближайшее время, решило издавать «Червоны Штандар»[4], так названный по инициативе Дзержинского, а также «Социал-демократическое обозрение». Совещание поручает Дзержинскому организацию издательства в Кракове, границу, связь и работу на местах.

---

[1] Польская брошюра, посвященная памяти Дзержинского, изданная Центриздатом. Воспоминания тов. Валецкого.

[2] «Червоны Штандар» 1902 г., ноябрь.

[3] «Nozione» от 21 и 22/VII 1926 г. «Tribuna» от 22/VII 1926 г.

[4] № 1 вышел в ноябре 1902 г.

С того момента (осень 1902) начинается великая, неутомимая, полная беспредельной преданности делу работа Дзержинского по организации СДПиЛ. С того времени он является основной, инициативной, творческой силой в руководстве партии. Проходит год за годом — 1902, 1903, 1904, период накопления революционных сил перед 1905 годом и в центре кипучей бурлящей предреволюционной жизни — Дзержинский. Он раз'езжает по всей Польше, непосредственно руководит и проверяет работу, сам возит литературу, инструктирует агитаторов и беспрестанно организует технику — словом, он везде и всё.

В это время нарастающего революционного движения по всей России главными моментами нашей политической агитации были два вопроса: связь и совместная борьба с русскими пролетариями против самодержавия и борьба с мелкобуржуазной националистической ППС в Польше. Позицию Дзержинского по первому вопросу мы знаем еще с 1898 г. (письмо Домашевичу из Ковенской тюрьмы). С этого времени Дзержинский ведь побывал еще раз в Московской пересыльной тюрьме и в Александровской центральной тюрьме, где политическая дискуссия шла безостановочно и во время которой несомненно для каждого выяснились будущие пути ожидаемой революции. И потому неудивительно, что Дзержинский был страстным сторонником соединения польской с.-д. с российской партией. Близкий соратник тов. Дзержинского Ганецкий[1] пишет:

«За все время своей работы в польской социал-демократии Дзержинский всегда проводил линию классовой борьбы и защищал единство рабочего класса. Он был недоволен, что польская социал-демократия, в программе которой эти положения выставлены, не об'единена с российской социал-демократией. Вопрос этот ставится в порядок дня IV с'езда польской партии в 1903 г. Дзержинский волновался при обсуждении этого вопроса и очень обрадовался, когда единогласно было принято решение послать делегацию на начавшийся II с'езд российской социал-демократии».

Курс на соединение с российской организацией держала польская с.-д. с самого начала своего основания (1894). Такое направление в польском рабоче-революционном движении было традиционным, начиная с деятельности «Пролетариата» в начале восьмидесятых годов.

---

[1] Я. Ганецкий. Феликс Дзержинский. «Молодая Гвардия» 1926 г.

В тесной связи и как вывод из теории совместной борьбы польских и русских пролетариев против капитала и самодержавия была непримиримая позиция по отношению к ППС и ожесточенная борьба с ней. Этой борьбой полна польская (и отчасти русская и немецкая) социалистическая литература и пресса того времени; то же самое приходится сказать о собраниях и маевках. Там велась перманентная борьба с ППС, которая до 1905 года пропагандировала недоверие к русским рабочим и русской революции.

В этот период окрепшая СДПиЛ постепенно выводит рабочих на улицу, приучает их к массовым выступлениям, к широким политическим демонстрациям.

Во всей этой работе Дзержинский сыграл крупнейшую, передовую роль. Постепенного хода его работы в это время мы, к сожалению, еще передать не можем. Для выяснения его роли того времени надо проработать историю движения неделя за неделей, надо изучить бесчисленное количество собраний, конференций, где он докладывал, писал и проводил резолюции.

Нужен непосредственный, систематический и кропотливый рассказ его сподвижников того периода.

Устная партийная легенда о Дзержинском, ведущая свое начало еще с 1899/900 г., повествует о его неутомимости, неустрашимости, неприклонности и беспощадности к противникам. Но та же легенда говорит, что его обожали свои, что видели в нем не только руководителя партии, но вождя всего класса и революции, и потому ясно, что, когда пришел великий 1905 г., Дзержинский вместе со старой группой главного правления СДПиЛ стал во главе революционного движения в Польше, ведя за собою им же организованные польские отряды первой российской революции.

В 1905 и 1906 гг.

С самого начала революции, т. е. с январских дней, СДПиЛ, боровшаяся в течение 11—12 лет с ППС за преобладание в рабочем классе, становится идеологом и вождем революции в Польше. ППС, долгие годы пропагандировавшая общенациональное польское восстание против России, внезапно для себя очутилась перед общероссийским революционным движением, увлекшим с собой почти весь рабочий класс в Польше.

От забастовки к забастовке, от демонстрации к демонстрации, через Лодзинское вооруженное восстание в июне 1905 г., движение шло к общероссийскому выступлению. ППС, растерявшаяся в январе и скрывшая в те дни свою националистическую программу, стояла у разбитого корыта мелкобуржуазного социализма. Социал-демократическая программа СДПиЛ торжествовала и совершала победоносное шествие по городам и селам Польши.

Главное правление нашей партии, непосредственную работу которой в массах проводил Дзержинский, развернуло бешеную деятельность. В течение первого полугодия 1905 г. были созданы организации на местах, брошюры, листовки, газеты сыпались дождем, партия стала важнейшим фактором политической жизни.

В том же 1905 году начинается более близкое сотрудничество польской с.-д. с российской партией. Проходит ряд общерусских конференций, в которых участвует Дзержинский от имени польской с.-д. и, наконец, Стокгольмский с'езд партии в 1906 г., на котором он избирается в ЦК об'единенной всероссийской партии. Он же является руководителем и организатором военно-революционной работы в Польше, и он ее интересы представляет на специальных военных конференциях партии.

В апреле 1905 г. в Пулавах (Ново-Александрия) Люблинской губернии среди квартировавших там полков возникло сильнейшее движение и готовилось общее выступление, которое могло вылиться в восстание. Там на работе был тов. Антонов-Овсеенко (кличка Штык). В этом неудавшемся восстании принимал участие и Дзержинский, еле спасшийся в Варшаву после его провала.

Непосредственное участие его в работах российской с.-д., ее с'ездах и конференциях подлежит отдельному исследованию.

Одно время осенью в 1906 г. до ноября Дзержинский работал в Петербурге.

Кипучая деятельность Дзержинского в 1905 г. была прервана арестом, последовавшим при провале целой партконференции. Эта конференция была захвачена в лесу под Варшавой. Полицейские документы повествуют следующее об этом провале, нанесшем сильнейший удар партии в такое горячее время. Варшавский губернатор сообщил 20 июля 1905 г. в министерство внутренних дел:

«Согласно сообщению Варшавского обер-полицеймейстера, что 17 текущего июля из г. Варшавы прибудут с поездом на станцию Дембе-Вельке, Варшавско-Брест-

ской железной дороги, члены преступного сообщества под названием «Социал-Демократы царства Польского и Литвы» в количестве до 70 человек, для устройства в лесу имения Островец, Новоминского уезда, сходки с социалистическими целями, Новоминский уездный начальник, взяв с собою эскадрон 38-го Драгунского Владимирского полка, отправился того же числа в 5 час. пополудни в указанную местность, где действительно обнаружил собрание неизвестных лиц, состоявшее из мужчин и женщин, которые, заметив внезапное появление уездного начальника с воинскою командою, стали разбегаться во все стороны, причем было задержано 34 мужчины и 6 женщин, оказавшихся жителями гор. Варшавы, а возле места сборища, на земле найдены прокламации революционного содержания, разные письма и записные книжки и револьвер. Упомянутые обвиняемые подвергнуты предварительному задержанию на основании 21 ст. Правил Положения усиленной охраны и сего числа, по доставлении под конвоем на подводах в г. Варшаву, заключены под стражу в следственной тюрьме. Дознание производится начальником жандармского управления по Варшавскому, Новоминскому и Радиминскому уездам».

Среди арестованных был Дзержинский. Со станции Дембе-Вельке арестованных повели в небольшой городок Новоминск, расположенный в 35 верстах. Там их поместили в двух-трех маленьких домиках на Варшавской улице и окружили караулом солдат. Настроение среди арестованных было бодрое, чувствовалась защита революции, волны которой изо дня в день поднимались выше. Но все-таки товарищи, сидевшие с Дзержинским, уговаривали его бежать, тем более, что побег не был труден. Между арестованными и охраной сложились очень хорошие отношения. Шла непрерывная агитация солдат, произносились из открытых окон речи, к которым прислушивалась и местная мелкоместечковая публика. Дзержинский отказался бежать, хотя товарищи уже успели выломать доски из находящегося невдалеке отхожего места, за которым был сад.

Независимо от этих планов из Варшавы была снаряжена тов. Ганецким и мной экспедиция в Новоминск с целью освободить арестованных. В Новоминске были у нас связи. В составе этой экспедиции был я, тов. Мариан (Стахурский) и Мария Альтер (убитая в 1919 г. жандармами Пилсудского в Польше вместе с тов. Веселовским). Подойдя к домикам, где наши сидели, я увидел картину

нето митинга, нето собеседования. Дзержинский понял, зачем я явился, но наотрез отказался бежать. В Новоминске их продержали несколько дней и потом на длинной веренице подвод, на которых сидело по 2—3 человека, повезли в Варшаву под сильнейшей охраной драгун. В тюрьме они сидели недолго. Октябрьское движение освободило всех, в том числе Дзержинского, который снова содержался в X павильоне Варшавской крепости [1].

Весь 1906 год в Польше прошел под знаком обостренной борьбы и укрепления партии, которая в этот революционный период из группы кружков превратилась в массовую политическую организацию. Дзержинский, помимо труднейшей и ответственной работы в главном правлении партии, почти несменно проводит многие варшавские и провинциальные конференции. Он сковывает железной дисциплиной разросшиеся ряды. Летом 1906 года происходит V с'езд СДПиЛ. Дзержинский является одним из его руководителей. Старая группа членов главного правления видит плоды своей работы: в этом с'езде участвуют 52 делегата от 26.000 организованных рабочих. Во второй половине 1906 и в первые месяцы 1907 г. партия продолжает расти, хотя черные крылья царской реакции уже развернулись над Польшей и Россией. По сделанным подсчетам, имея в виду каждую организацию партии в период ее наивысшего расцвета, можно определить общее число членов в эти годы (1906/1907) в 40.000 [2]. Этому росту партии отвечало развитие ее прессы, которая, включая листовки, буквально наводняла фабрики и рабочие улицы.

В ноябре 1906 года начались крупные провалы польской с.-д. Встревоженный этим, Дзержинский спешит из Петербурга в Варшаву. Положение действительно становится катастрофическим. Например, 6 ноября 1906 г. в один день провалились в Варшаве две польские типографии и одна русско-еврейская.

В это время из руководителей партии в тюрьме были Тышко, Варский, Мархлевский, Ледер; Роза Люксембург (арестованная 4/III 1906 г. в Варшаве), выпущенная под залог, была уже за границей. Из главного правления работали на свободе: Дзержинский и Ганецкий.

---

[1] Архив Р. и В. П. Дело ОДП № 4040 1905 г. «О собрании членов комитета социал-демократов и т. д.».

[2] См. статью «Состояние организации СДПиЛ в 1906—1907 гг.» в майском номере «Пролетарской Революции» за 1926 г.

Поспешивший из Петербурга Дзержинский заново берется за работу, которая помимо развивающейся уже реакции все равно еще не шла на убыль в Польше, и СДПиЛ была еще очень крепка. Но проходит неделя — другая, и в конце декабря Дзержинский снова арестован.

Кончая эту главу, хотелось бы вспомнить еще один очень интересный эпизод. Октябрьская амнистия освободила Дзержинского из X павильона. В тот же день была созвана не то конференция, не то совещание в Варшаве на ул. Цегляной, в квартире тов. Ляндау. Туда пришли и освобожденные из тюрьмы в этот день; явился, конечно, Дзержинский. Был вечер. Ввиду того, что конференция происходила на 1-м этаже с улицы, решено было не зажигать освещения. Прения происходили в темноте. Было очень непривычно. Кроме того, как-то, никому не сиделось, узнавали себя по голосу, ощупью. В конце концов конференцию распустили, назначив ее через несколько дней в другом месте. Хотя темно было, когда Дзержинский пришел, все знали, что он здесь. Он сразу же начал речь. Из этой речи в моей памяти остались только два слова: теперь надо к оружию, к оружию, только с оружием и т. д. Слово оружие, т. е. вооруженная борьба, заполнило всю речь, и она сейчас звучит у меня в ушах, когда я в памяти вызываю эту «темную» конференцию на Цегляной улице в Варшаве.

арест в декабре 1906

26 декабря 1906 г. было назначено предварительное совещание СДПиЛ и Бунда по выборам во вторую государственную думу. На совещании от СДПиЛ присутствовали тов. Ауссем О. Х. и я, третий — тов. Уншлихт случайно не явился. От Бунда были тт. Кац-Тарас, Душкан-Переплетчик и Вайнштейн-Рахмиель. Совещание в самом начале провалилось. У меня на квартире была устроена засада, в которую среди других (в общем было взято что-то 20 человек, в том числе около 10 человек — партийцев) попал Дзержинский, вернувшийся за три дня из Лодзи, куда ездил в связи с тогдашним большим лодзинским локаутом текстильщиков. Арестованные на совещании и в засаде на моей квартире сошлись в Варшавской Ратуше (центральной полицейской арестантской), откуда

жандармы распределяли по своему усмотрению: кого в X павильон, кого в следственную, кого в форта крепости. Но до этого мы все, т. е. Дзержинский, три представителя бунда и я, сидели вместе. Тогда я в первый раз наблюдал Дзержинского в тюрьме. Был таким же как на свободе: ему была нужна работа, без дела он сидеть не умел. В камере он мыл полы, ходил за кипятком, спорил со стражниками из-за лампы и т. д. Когда нас через некоторое время перевели в следственную тюрьму (Павяк), Дзержинский организовал там школу, разделенную на 8 — 10 групп по разным предметам и в зависимости от научной подготовки. Он этой школой был занят несколько недель, возясь с учениками и лекторами, каждый день по 5 — 6 часов. Сам себя он называл инспектором.

Сидел он до 27 мая 1907 г., когда был выпущен под залог.

На первых порах жандармы, присоединив к нам несколько десятков человек арестованных в различных условиях и в большинстве мало или совсем непричастных к с.-д., стремились создать крупное дело против нашей партии. Помимо обысков и засад почти ничего серьезного не нашли, за исключением важных документов по военно-революционной организации, попавших на квартиру Ауссема. У Дзержинского при обыске взяли несколько писем, среди них два от К. Залевского из-за границы, но хотя эти письма и указывали на несомненную связь с партией, не представляли, однако, ничего для предполагаемого громкого судебного процесса. Был еще у него взят его же отчет на нескольких листах о Лодзинском локауте, но он потом не оказался в деле. Люди, организовавшие его освобождение под залог, постарались бумаги разных дел в охранке перепутать, и потому этот документ исчез; он должен находиться в каком-нибудь чужом деле.

Итак, Дзержинский вышел под залог, но снова был арестован (на улице) 8 апреля 1908 г. и снова заключен в X павильон Варшавской крепости. Мы встретились опять уже на суде, который приговорил его 25/27 октября на поселение в Сибирь. Интересно, что, выйдя под залог, Дзержинский, желая спутать жандармов, написал им письмо с уведомлением, что едет в деревню Дзержиново.

Наш процесс интересен в том отношении, что во время судебного следствия властями разбирался вопрос, передавать ли дела о с.-д. в военный суд или решать их в судебной палате. По этому вопросу имеются увесистые, хотя и безграмотные рассуждения военного прокурора, кото-

рому все дело было послано для определения его судимости. В этом жандармском документе читаем, между прочим, следующее:

«Из обозрения этой литературы, а равно и из протокола осмотра на дознании некоторых изданий партии, имеющих программный характер, видно, что, по программе 1905 года, партия социал-демократов королевства польского и Литвы поставила своей целью стремление к осуществлению в России социалистического строя взамен современного капиталистического; а так как капиталистический строй, по мнению партии, обусловливается современным государственным строем, т. е. монархической формой правления, то партия задается целью взять государственную власть в руки народа, который своей диктатурой введет в государстве социалистический строй; для достижения сказанной цели партия ведет агитацию прежде всего за общие выборы народных представителей, для созыва учредительного собрания, которое, по мнению партии, должно низложить монархическую власть и ввести в России образ правления социал-демократической республики с автономно-федеративным устройством отдельных национальностей.

Для успешного достижения своей цели — низложения монархии партия устанавливает настоящую революционную борьбу с современным правительством путем печати и пропаганды среди народа и войск идей партии и обессиления государственной власти в финансовом отношении, но отрицает террор, как таковой, признавая его вредным для дела революции; при партии имеется особый «боевой» отдел для эксплоатации казенной собственности и расчетов партии с неугодными ей отдельными представителями правительственной власти; как отдаленный, конечный способ низложить монархическую власть, партия признает общее вооруженное восстание, когда все другие средства партии будут исчерпаны, и народ, а в особенности войско, будут готовы для учинения такого общего вооруженного мятежа.

Принимая во внимание изложенное и руководствуясь решением главного военного суда по делу о дворянине Александре Чарноцком, в каковом решении преподаны руководящие указания для квалификации принадлежности к той или другой политической партии — по 102 или 126 ст. Угол. Улож. изд. 1903 года, я нахожу: 1) что на основании означенного решения главного военного суда, принадлежность к тайной партийной организации может быть караема по 102 ст. Угол. Улож. лишь в том случае, если эта орга-

низация или это тайное общество имеет целью, согласно выработанному уже партией плану, производство непосредственно или в самом близком будущем вооруженного мятежа или бунта, с целью насильственно ниспровергнуть существующий в государстве образ правления или изменить порядок престолонаследия или оторгнуть от России какую-либо ее часть; если же тайное сообщество преследует цель производства в государстве смуты, с тем, чтобы колебать авторитет государственной власти и воспитывать народ в социалистическом духе, причем мятеж имеет в виду лишь в отдаленном будущем, когда государственная власть не пойдет на уступки и народ будет достаточно подготовлен к такому мятежу, то принадлежность к подобному сообществу главный военный суд относит под действие 126 ст. Угол. Улож.; 2) что обвиняемые по настоящему делу вошли в состав какого-то нового политического сообщества, под названием «общепартийная — общесоюзная комиссия», каковое сообщество, будучи ликвидировано в самом начале своего существования, не успело еще ни выработать своей программы, ни проявить своей деятельности, благодаря чему именно про это сообщество трудно высказаться определенно, в смысле цели и средства его деятельности, и лишь можно сказать, что оно преследовало вообще противоправительственную цель, что однако, совершенно не разрешает еще вопроса, под какую же именно, 102 или 126, статью уголовного закона следует подвести ответственность за принадлежность к такому сообществу и, наконец, 3) что если принять, что члены названной комиссии, судя по агентурным сведениям и образцам найденной у них нелегальной литературы, и принадлежали в то же время к партии социал-демократов королевства польского и Литвы, то в таком случае, сопоставляя вышеразобранную программу этой партии с началами, преподанными вышеуказанным решением главного военного суда, необходимо признать, что принадлежность обвиняемых к означенной партии должна быть караема не по 102, а по 126 ст. Угол. Улож. изд. 1903 года, каковая статья закона не может быть подведена под действие 17 ст. правил о местностях, об'явленных на военном положении»[1].

Помимо всего этого казенного глубокомыслия члены с.-д. партии в Польше получали по 4 и 6, а иногда и 8 лет каторги.

[1] Определение военного прокурора Варшавского военного окружного суда по делу с.-д. 1906—1908 гг. от 16 октября 1907 г. № 5124.

арест
в апреле 1908

Арестованный 8 апреля 1908 г. в Варшаве Дзержинский судился там.

Начальник Варшавского губернского жандармского управления отношением от 16 июля 1908 г. № 7401 сообщал в департамент полиции о положении этого дела:

«При ликвидации отдельной группы лиц, входящих в состав социал-демократической партии королевства польского и Литвы, в числе других, в апреле месяце чинами Варшавского охранного отделения по предварительном наружном наблюдении, на улице города Варшавы был задержан и арестован мещанин города Вильны, проживающий в городе Варшаве без заявления, частный учитель Феликс Эдмундов Дзержинский, 31 года, состоящий под залогом (Лит. Г. от 8 октября 1907 г. № 10503).

По сведениям отделения, Дзержинский, принадлежа к районному комитету и редакционной комиссии социал-демократической партии королевства польского и Литвы, в коей известен по кличке «Иосиф», играл в ней весьма видную роль, состоя в партийных верхах. Дзержинский был организатором партийных съездов, на каковых сам участвовал, а также занимался колпортажем партийных органов, рассылая их по краю — в гг. Петроков, Лодзь, Радом и другие.

По личному обыску у Дзержинского обнаружено:

1. № 229 органа Польской социалистической партии революционной фракции от 12 апреля сего года «Работник».

2. Рукопись, представляющая заметки к отчету Варшавской районной партийной конференции от 4 апреля сего года с кратким изложением хода заседания.

3. Записки на отдельных листках и пр.

При опросе в порядке положения о государственной охране Дзержинский отказался указать место своего жительства, признавшись, что находится под судом, привлечен по 126 ст. Угол. Улож. при Варшавской судебной палате и освобожден под залог в тысячу рублей. На другие вопросы относительно принадлежности к партии и пр. ответов давать не пожелал»[1].

---

[1] Дело департамента полиции № 4297—1908 г. «Дело по наблюдению за формальным дознанием о Феликсе Дзержинском и т. д.».

Это отношение содержит ряд неточностей, как-то, что Дзержинский состоял членом «районного комитета» (какого?) или что он был мещанином гор. Вильны. Из прежних дел могли ведь жандармы знать, с кем имеют дело. Видимо и царская жандармерия не работала достаточно четко. Может быть и потому судебная палата не сумела вынести приговора выше поселения в Сибирь. Приговор Варшавской судебной палаты состоялся 25 апреля 1909 г., и 31 августа Дзержинский был из Варшавы отправлен в Енисейскую губ. на поселение.

Из X павильона отправили Дзержинского на Варшавский этап через Варшавскую уголовную тюрьму, так называемый «арсенал». Это была одна из неофициальных временно-каторжных тюрем в Варшаве. Там его переодевали, снимали и пр. Я тогда сидел в арсенале, и мы с Дзержинским встретились на прогулке. Он был в очень хорошем настроении, но ему было больно видеть близких товарищей, осужденных на каторгу, в кандалах и пр. Он ведь твердо знал, что скоро уберет, что будет на воле. Мы походили минут 5—6 вместе, потом меня сменил Бронислав Веселовский, нетерпеливо ждавший очереди походить с Юзефом. «Гулять» можно было только попарно. От этого разговора, в котором, должно быть, как при всех таких коротких неожиданных встречах, ни о чем существенном не говорилось, я почти ничего не помню, кроме нескольких слов. Я как-то обмолвился, что воля хорошая штука и просил передать привет воле. Дзержинский ответил: «Это только за тюремной решеткой воля кажется такой красивой». Быть может, он произнес это, желая сказать мне пару добрых товарищеских слов для сглаживания тюремной тоски, но вернее, здесь было другое. Это ведь был 1909 г., тяжелый год беспросветной реакции, и Дзержинский, думая о воле и возобновлении в недалеком будущем своей деятельности, знал, как эта воля под гнетом царских палачей тяжела и некрасива. Он знал, что воля — это разбитая реакцией революция, разгромленная партия, виселицы, тысячи каторжников, работа сначала.

Но он был бодр. На радостях его хорошее настроение проявлялось открыто, как у детей. Тогда его лицо сияло, было несказанно подвижно, глаза блестели, все тело как-то колыхалось.

Таким он был тогда, в августе 1909 г., в Варшавском мрачном арсенале, проходя через эту тюрьму на поселение в Сибирь, полученное им по двум процессам.

Сидя по этому делу в X павильоне, Дзержинский пишет свой известный тюремный дневник, посылаемый на волю на маленьких кусочках бумаги и впоследствии напечатанный в «Социал-демократическом обозрении», органе СДПиЛ [1].

В этом дневнике отразилась та страшная реакционная эпоха, создавшая столько провокаторов, бандитов и предателей. Арестованные жандармами несознательные боевики ППС, полубандиты и полутеррористы, орудие полушляхетской и мелкобуржуазной политики, они под угрозой каторги и виселицы опускались на самое дно безнравственности и подлости и выдавали охранке все и вся. Они массами один на другого клеветали и все оплевывали революцию.

Жандармы слушали и записывали, расширяли круг своих сведений и вешали уже ненужных им людей, производили новые бесчисленные «ликвидации» виновных и невиновных, смешивая революционеров, бандитов, предателей в одну кучу.

Под ликование буржуазии, подправлявшей свои пошатнувшиеся в 1905 и 1906 гг. дела, шел безудержный шабаш черных сил; судьбу общества решали его подонки в мундирах и без таковых.

Были провокаторы, от оговоров которых шли на виселицу и каторгу до 200 чел. Все эти дела, как в кинематографе, проходили через X павильон, его угрюмые коридоры и каменные мешки. Каждое дело, каждое предательство, каждая подлость были всем жильцам X павильона известны, ибо бесперебойно шла стуканная почта, а по ночам палачи вешали, вешали, вешали.

Дзержинский, сидя среди этого мира подлых и отрешенных, впитал в себя все его несчастье, и передал в своем дневнике картины этих событий и чувства, которые сам переживал. При полном сознании окружающего его омерзения он находит мудрые человеческие слова, выясняющие причину происходившего. Общество виновато, что предатели предают, жандармы замучивают и вешают. Говоря с самим собою, он записывает простые, но крепкие слова о необходимости бороться. Он чувствует себя сильным.

Тюремный дневник Дзержинского надолго останется памятником глубочайшей веры в революцию и людей в период самого отчаянного разгула реакции.

---

[1] «Из воспоминаний заключенного», № 16, 17, 18, 19; 1909 год.

третий побег
борьба с реакцией 1909—1912

Около двух месяцев был в пути ссыльнопоселенец Ф. Э. Дзержинский, пока добрался из Варшавы до Тасеевки, Енисейской губернии. Недолго он там пробыл. В своей автобиографии Дзержинский сообщает кратко: «После семидневной там (в Тасеевке) побывки бегу через Варшаву за границу. Опять поселяюсь в Кракове, откуда часто приезжаю в Польшу».

Сейчас после побега тов. Дзержинский берется за работу. Хотя в 1908 г. состоялся в Праге VI с'езд СДПиЛ, который подвел итоги пройденному периоду, начиная с 1905 г., и начертил линии дальнейшей деятельности. Положение было самое тяжелое. Партия на местах была разбита, рядовой рабочий запуган, капиталисты обнаглели и, пользуясь экономическим под'емом закрепляли свою власть. Польская буржуазия во главе с новыми государственными деятелями Польши из партии народовой демократии валялась в 1905/06 г. у ступенек окровавленного престола, а потом в думе все больше и больше шла вправо, продавая интересы польского народа за видимость уступок им, буржуям. Польская буржуазия, заключив с Скалоном, Казнаковым и другими царскими генералами в Польше союз на смерть и жизнь, мстили рабочим и, развернув знамена самого узкого зоологического национализма и антисемитизма, остановилась на позиции погромщика, готового из-за наживы на все. В этих условиях пришлось восстанавливать партию. Нелегкая была у Дзержинского задача. Отметить следует, что послереволюционный отлив мещанских элементов из партии сузил до ничтожного минимума количество партийных интеллигентов. Самостоятельных деятелей — агитаторов, техников и т. д., оставшихся в стране, можно было перечесть на пальцах одной руки. Головка партии была за границей. Однако, не складывая рук, Дзержинский и еще несколько товарищей работали в эту пору. Старая верхушка партии возродила научный польской партийной орган «Социал-демократическое обозрение», подвергала в нем марксистскму исследованию развитие минувшей революции, строила платформу на период передышки до новой революционной волны, словом — создавали основу для возрождения СДПиЛ.

Но вскоре произошло худшее из всего, что могло случиться. В польской с.-д. разразился раскол, постепенно

разделивший партию на две части и длившийся до ноября 1916 г. Во время этого раскола партия сильнейшим образом ослабела, борясь внутри себя. Наоборот, немного окрепла ППС-Левица, до сих пор проявлявшая мало жизни и энергии. Укрепление ППС-Левицы явилось результатом равно раскола в СДПиЛ, как и того, что эта партия, лавируя между спорящими частями с.-д., часто являлась гирькой, решающей на весах непосредственной работы, главным образом легальной и полулегальной.

О тов. Дзержинском в отношении к этому периоду несколько слов пишет Ганецкий в своей уже вышеупомянутой брошюре:

«Усиливая нелегальную партийную организацию, он одновременно уделяет много внимания использованию легальных возможностей...

Вскоре происходит раскол польской социал-демократии главным образом на почве организационных разногласий. Много горя доставил Дзержинскому этот раскол. Он ослабил партию. На стороне отколовшейся части были старые близкие преданные товарищи. Отколовшаяся часть политически весьма сблизилась с большевиками, между тем как у основной группы отношения с большевиками обострились...».

Из этого периода сохранилась пачка писем тов. Дзержинского, адресованных за границу и в свое время перехваченных жандармами. Из этих писем видно, как тяжело было бороться с классовым врагом и самодержавием, имея у себя в партии разбитые расколом ряды.

Но помимо всего партия, хотя раздвоенная, стала отстраиваться.

Варшавские районы стали оживать, восстанавливались профсоюзы, ставилась легальная работа, налаживалось сотрудничество с думской фракцией. Словом, наравне со всей Россией начинался новый под'ем. К плюсам этой эпохи надо отнести развитие партийной прессы. Кроме возрожденного «Социал-демократического обозрения» появился и «Червоны Штандар» и орган Варшавского комитета «Газета Роботнича».

А жандармы, как коршуны, уже кружились над возрождающейся организацией и ждали момента, чтобы нанести удар.

И удар последовал.

Снова стали расстраиваться налаженные было дела и снова — шестой раз в жизни — сел Дзержинский.

Дела того времени, относящиеся к СДПиЛ в архивах департамента полиции и министерства юстиции, так и пестрят данными о расколе в польской с.-д. Властям хорошо были знакомы условия, в которых создался раскол, они внимательно следили за его развитием, полагая из партийной распри извлечь свои выгоды. И действительно, раскол очень ослабил дисциплину, публичная дискуссия враждующих фракций польской с.-д. многое раскрывала жадному жандармскому глазу и поэтому все сложилось так, что полиции в конце концов удалось захватить одну и другую организации. На этом фоне развилось дело Дзержинского, начатое его арестом 1 сентября 1912 г. и окончившееся приговором от 29 апреля 1914 г. Таким образом по делу 1912 г. Дзержинский просидел 20 месяцев. Арестован он был на квартире социал-демократов Вакара [1] и его жены. Жандармское судебное следствие выявляло нужные ему моменты, давая много разрозненных фактов. Жандармский рассказ о споре главного правления с Варшавским комитетом не дает, однако, цельной картины ни движения того времени, ни деятельности партии. Для того чтобы в известное мере заполнить этот пробел и уточнить деятельность тов. Дзержинского, считаю правильным дать перечень разнообразного материала, взятого при обыске на квартире Дзержинского. Перечень этот находится в деле деп. полиции [2]:

1) 1 экз. «Червоного Штандара» № 186. 2) 9 экз. «Червоного Штандара» № 187. 3) 3 прокламации за подписью Варшавского комитета СДКПиЛ и Гл. Пр. с требованием удаления некоего Боде. 4) Рукопись с заглавием: «К рабочим фабрики Дитмара», представлявшая собой воззвание к рабочим, в котором последним предназначается требовать удаления с фабрики мастера Боде, освобождения арестованных и порицание штрейкбрехерам. 5) 1 прокламация ППС б. р. фр., проповедующая рабочим не участвовать в выборах в IV думу. 6) 1 брошюра б. Варшавского комитета СДКПиЛ, заключающая в себе все прокламации, выпущенные главным правлением СДКПиЛ и Варшавским комитетом той же партии по поводу возник-

[1] Ныне г. Владимир Вакар, русский, сын статского советника, состоит в польских монархистах.

[2] № 2143, 1912 г., 7 делопроизводство. «По наблюдению за формальным дознанием о членах комитета СДКП и Литвы — Феликсе Дзержинском и т. д.».

шего между ними конфликта. 7) 6 прокламаций б. Варшавского комитета СДКПиЛ к рабочим с призывом рабочих принять участие в выборах в IV думу. 8) 20 прокламаций-протестов рабочих социал-демократов с порицанием деятельности польского Коло в думе за его голосование в пользу ассигнования 1.285 миллионов рублей на флот и предложение при выборах в IV думу голосовать только за социал-демократа. 9) 26 прокламаций-протестов рабочих разных фабрик и мастерских по поводу суда над Мечиславом Маевским, Юзефом Гнихом, Валентием Марцем и Зигмундом Бояновским. 10) 26 прокламаций комитета Заглембья-Домбровского СДКПиЛ по поводу ассигнования думой на флот 1 миллиарда с призывом рабочих голосовать при выборах в IV думу за социал-демократического депутата. 11) 1 прокламация бывшего Варшавского комитета СДКПиЛ ко всем рабочим социал-демократам, призывающая рабочих требовать созыва с'езда по поводу возникшего между Главным правлением СДКПиЛ и Варшавским комитетом той же партии конфликта. 12) 21 прокламация, за подписью Главного правления и Варшавского комитета СДКПиЛ, по поводу суда над Маевским, Гнихом, Марцем и Бояновским. 13) 5 прокламаций главного правления СДКПиЛ с призывом рабочих принять участие в выборах в IV думу (выборная платформа). 14) 1 экз. «Газета Роботнича», № 15—16 (1912 г.) орган б. Варшавского комитета СДКПиЛ. 15) 5 экз. «Газета Роботнича», № 15 (1912 г.) орган нового Варшавского комитета СДКПиЛ. 16) 19 экз. «Газета Роботнича» № 16 (1912 г.). орган нового Варшавского комитета СДКПиЛ. 17) 1 экз. прибавления к № 16 «Газета Роботнича», органу вышеупомянутой организации. 18) Заграничный австрийский паспорт на имя Леопольда Белецкого. 19) Материалы для печатания прокламаций. 20) Черновое письмо на русском языке за подписью «Рабочие делегаты фабрики багет г. Варшавы» в какую-то газету. 21) Черновое письмо на польском языке к рабочим из Варшавы, поступившим на работу на фабрику багет Фрейденберга в Петербурге, призывающее этих рабочих отказаться от роли штрейкбрехов и возвратиться домой в Варшаву. 22) Черновой набросок жалобы рабочих из Повонзковской Дельницы в главное правление СДКПиЛ на Варшавский комитет той же партии на его бездействие. 23) Лоскут бумаги с заметкой на польском языке следующего содержания: «Эдуард родился 7/XI—71 г. «О5У» возвратился после манифеста. «О7У» 5 месяцев. 27/VIII—12 г. умер, 1½ года

болел». 24) Заметка на польском языке следующего содержания: Огродовая 58 об отпусках (не платить). С. Леви (владелец) нам теперь можно вас убивать»—с браунинг, а другой с ломом железны. Жена — нужно послать за полицией. Мечеслав Мал.— в пятницу повесился. Пятница 6а рано Груб. (7.12 через подп., пол. 11 р. Пятница 7а Красный. 25 — 28). Заметки разобрать, которые представляется невозможным, так как написаны сокращенными словами (Следует допросить арестованного). 29) Заметка карандашом на польском языке о причине забастовки на фабрике Дитмара—грубое обращение с рабочими мастера-немца, не знающего польского языка, Боде. Арестованы: Крульчинский, Федор, Коминек Болеслав Гурецкий. 30) Манжет с заметкой карандашом: Адамчик, 14 48 39.

По делу ареста в 1912 г. Дзержинский, осужденный варшавским окружным судом, получил 29/IV — 1914 г. 3 года каторги. Это был приговор за побег с поселения. Настоящее судебное дело было еще впереди, к нему были привлечены многие видные партийные деятели, среди них Уншлихт, Лещинский и Пржедецкая.

Вскоре после приговора, осудившего Дзержинского к 3 годам каторги, началась война, которая, парализуя правительственный аппарат, замедлила ход этого большого дела польской с.-д. Готовясь потерять Варшаву, царское правительство озаботилось отправкой политзаключенных из Польши в глубь России. Варшавские политические пленники царя были направлены в Орел.

Тов. Лещинский рассказывает об этом путешествии в упомянутом уже несколько раз польском сборнике, изданном Центриздатом после кончины Дзержинского. Это было тяжелое путешествие. Опасаясь побегов, власти распространяли слухи, что везут военнопленных немцев. Не давали еды, не давали воды. Но наши арестанты были в хорошем настроении, они верили в революцию. Ведь СДПиЛ с самого начала войны заняла правильную позицию, выступила против войны и империализма и против каких бы то ни было отступлений от классовой борьбы. В ответ на царскую мобилизацию по улицам Варшавы прошла рабочая демонстрация с лозунгом: «Да здравствует революция». Хорошее настроение принудительных беженцев из X павильона в Варшаве было отражением здорового взгляда на войну всей партии, но голод в дороге был такой, пишет Лещинский, что люди падали в обморок. Арестанты стали пред'являть свои требования конвою, но безрезультатно. Дальше Лещинский так рассказывает:

«Тогда Юзеф категорически потребовал прибытия начальника конвоя. Вечером на третий день явился начальник в сопровождении свиты. В ответ на требование Юзефа он заявил, что совсем не думает уступать и если арестанты осмелятся протестовать, он прикажет стрелять по ним как по бунтовщикам. Глубоко взволнованный Юзеф резким движением руки разорвал рубашку и, указывая на обнаженную грудь, заявил: Мы не боимся ваших угроз. Стреляйет, если хотите быть палачами, но мы от своих требований отступить не можем».

Прошла минута — другая. Тишина. Глаза Дзержинского и начальника конвоя встретились и смотрели упорно, долго. Господин начальник уступил. Он повернулся и ушел из вагона.

Юзеф победил.

Спустя час арестанты получили еду и махорку.

Затем в Орле пошли тяжелые времена. Шла непрерывная борьба арестантов с начальством. Юзеф был и здесь организатором борьбы и коммуны. В наказание за общее поведение арестантов начальник тюрьмы надел Дзержинскому кандалы. Заключенные подняли протест. Начальник обещал Дзержинского расковать, если арестанты будут говорить «здравия желаем» и пр. Дзержинский выступил против всяких уступок и доказывал, что именно эти кандалы должны поощрять к дальнейшей борьбе.

Эти этапно-тюремные эпизоды до того верно выявляют характер Дзержинского, что здесь никаких слов добавлять не надо.

Вскоре Дзержинского отделили от товарищей из Польши и послали в Орловский централ отбывать каторгу.

судебный процесс 1916

Судебное следствие по этому процессу, начатое до войны в Варшаве, велось долго. Привлекали к нему многих арестованных в разное время и в конце концов судили в Москве в 1916 г.

Приговором по этому процессу Дзержинского присудили на 6 лет каторги.

В моих руках нет всех бумаг по этому делу, имеются только две папки. Одна — это предварительное следствие[1],

[1] Предварительное следствие судебного следователя Варшавского окружного суда по особо важным делам, И. А. Марченко. Архив Р. и В. П., № 1, т. II, 1916 г.

в котором собрана масса переведенных изданий СДПиЛ, нужных г. следователю для характеристики партии, ее программы, тактики, масштаба ее преступности. Но материала, лично касающегося Дзержинского, в нем нет. Таковой отчасти находим в другом деле, в деле первого департ. министерства юстиции [1]. В отношении прокурора варшавской судебной палаты в министерстве юстиции читаем следующие строки: [2]:

1. Дзержинский, будучи в 1909 г. уже осужден за предшествовавшую свою деятельность, как участник названного сообщества, и сослан в Сибирь на поселение, в ноябре 1909 г. бежал из Сибири и, вернувшись в губернии царства польского, возобновил свою прежнюю деятельность, причем принял на себя обязанности члена стоявшего во главе сообщества и находящегося за границей «главного правления», распоряжающегося всей деятельностью сообщества, дающего указания и инструкции местным комитетам его и направляющего их партийную работу соответственно программным стремлениям его; в качестве члена «главного правления» в 1912 г., в виду возникших обостренных отношений между главным управлением и стоящим во главе варшавской организации сообщества Варшавским комитетом, принял на себя руководство деятельностью этого комитета с целью подчинения его директивам главного правления; по упразднении же названного комитета главным правлением, по поручению последнего, принял на себя обязанности по сорганизованию нового «Варшавского Комитета», а затем и главное руководство деятельностью вновь образовавшегося комитета, причем для доставления главному правлению сведений о деятельности варшавской организации сообщества и для получения от него руководящих указаний относительно дальнейшего направления этой деятельности, предпринимал поездки в город Краков; в качестве же руководителя деятельностью варшавской организации сообщества, в целях привлечения, путем соответствующей учениям сообщества агитации в ряды его новых членов из рабочей среды, составлял и издавал воззвания к рабочим, освещающие текущие события рабочей и политической жизни с точки зрения идей и требований сообщества и призывающие рзбочих осуществлять преследуемые сообществом цели, печатая эти воззвания на хранившемся у него для нужд сообщества и

[1] Третье уголовное отделение № 262, 1916 г.
[2] Стиль отношения всюду сохранен — Ред.

обнаруженном при обыске гектографе; руководил в целях сообщества устраиваемыми на фабриках и среди ремесленников забастовками; руководил предвыборной агитацией в IV государственную думу в видах проведения в таковую сторонников целей упомянутого сообщества; по поручению главного правления производил расследования о деятельности отдельных членов сообщества, нарушивших требования партийного устава и партийной дисциплины и подлежавших преданию партийному суду; хранил у себя для нужд сообщества и распространения печатные партийные издания, причем для сокрытия своей личности и облегчения партийной деятельности пользовался присвоенным себе конспиративным прозвищем «Юзеф», проживал в Варшаве по паспорту, выданному на имя крестьянина Станислава Птасинского, а также имел у себя и пользовался австрийским паспортом, выданным властями города Кракова на имя доктора Леопольда Белецкого.

Эта сводка преступлений Дзержинского, повидимому, явилась основой обвинительного акта. Чем это обвинение отличается от прежних, по которым судебные власти осуждали его на поселение? Почему в 1916 г. по такому же обвинению присудили к 6 годам каторги? Думается, что здесь сыграло роль повышенное настроение правительственной власти, проигрывавшей войну и ожидавшей смуты в стране. Может быть, что в этом случае явилось желание окончательно расплатиться с закоренелым врагом, являвшимся на поле брани сейчас же после побега или отсидки в тюрьме. Мне вспоминаются слова прокурора на нашем варшавском процессе в 1908 году: прокурор Жижин свою долгую речь закончил так: «Подсудимые—люди интеллигентные, они знают, чего хотят, они являются заклятыми врагами царской власти, а потому прошу суд упрятать их на более долгое время».

Тогда Дзержинского не упрятали и дали поселение, а в 1916 году решились дать 6 лет. Они не предвидели, что чрез несколько месяцев придет революция и откроет ворота его каторги.

на каторге

в орловском централе

В Орловском централе Дзержинскому на основании манифеста от 21 февраля 1913 года «за одобрительное пове-

дение» сократили срок на 1/3, и он должен был выйти на поселение 29 февраля 1916 г.[1] Но поступило отношение варшавской судебной палаты о возбуждении против Дзержинского нового дела (процесс 1916 г.), почему он по окончании каторги в Орловском централе был отправлен в распоряжение варшавской судебной палаты в Москву, где и судился и где был освобожден революцией 1917 г.

В Орловском централе Дзержинский сидел в корпусе, иронически названном польскими товарищами Краковом. Повидимому, жизнь его протекала сносно в этом Орловском Кракове, ибо в его орловском деле никаких замечаний нет и иначе он бы не получил сокращения срока на 1/3. К этому времени славящийся своим режимом Орловский централ уже, было, успокоился, и жизнь там была менее каторжная. Для Дзержинского, при его темпераменте и стремительности, при его постоянной борьбе с тюремным начальством в защиту арестантских прав, пребывание в Орловском централе раньше, когда там жизнь человека и в грош не ценилась, могло стать роковым.

Из Орловского централа Дзержинский вел оживленную переписку со своими близкими и женой, но из его дела при канцелярии орловской каторги видно, что многие письма ему не вручались.

За последние месяцы своего пребывания в тюрьме Дзержинский хорошо чувствовал приближение революции, он ее ожидал, назначал сроки.

[1] Из архива Орловского централа. Дело ссыльнокаторжного Ф. Э. Дзержинского.

ПИСЬМА И ДОКУМЕНТЫ

период

нелегальной работы 1903—1915

Мюнхен, 7/VII 1908 г.[1]

Дорогой товарищ!

Спешим поделиться с вами радостной новостью: Залесский уже за границей,— по всей вероятности, он уже в Берлине.

Мы получили ответ от Организационного комитета по вопросу о нашем участии в общепартийном съезде. Орг[анизационный] комитет не может нас приглашать на съезд, не имея на это права, потому что: 1) формально он связан уставом, по которому только те организации, которые уже по уставу 1898 г. (на началах автономии) состоят в партии, могут участвовать на съезде; 2) согласно решению нашего последнего съезда, мы можем состоять (в партии) лишь на основе федерации, что противоречит обязательному уставу 1898 г. Ввиду этого, Орг. ком. постарается, вернее—будет стараться, чтобы съезд сам пригласи нас, потому что съезд, как высшая инстанция, имеет на это право. С этой целью Орг. ком. просит нас быть *готовыми* к посылке делегатов и сообщает нам нижеприводимый порядок дня съезда.

Ввиду этого, я и Адольф [Варский] берем на себя инициативу созыва съезда либо конференции нашей организации на 18 *июля* в Берлине, оповещаем об этом и просим приехать — 1) всех членов Загр[аничного] ком[итета], 2) Войнаровскую, 3) парней из Польши, 4) Залесского, приехавшего на общий съезд с мандатом от Литвы, 5) Леона [Тышку] и 6) Розу Люксембург. Если этот срок (созыва) покажется слишком поспешным, то можно перенести на 25 с. м.; дайте *немедленно* нам знать, чтобы мы могли предупредить других. Если для нескольких членов этот

[1] Это и последующие три письма взяты нами из архива тт. Тышко и Розы Люксембург. Они относятся к деловой партийной переписке, которую вел т. Ф. Э. Дзержинский, будучи членом главного правления с.-д. партии Польши и Литвы. Мы их воспроизводим в русском переводе с подлинников, написанных по-польски. В прямые скобки включены окончания сокращенных слов, пропуски и расшифровки имен. — **Ред.**

срок окажется неудобным, то мы заменим эту дату 25 с. м. и тотчас же оповестим всех.

Желателен, однако, кратчайший срок, самый поздний — 18 июля, ибо общепартийный съезд может вскоре состояться, самое позднее — в начале августа (как мы сами предполагем; «Искра» и Орг. ком. не сообщают нам даты открытия съезда, просят только, чтобы мы были готовы).

Ответьте сейчас же. К порядку дня, помимо текущих дел, мы добавляем: 1) вопрос о резолюции нашего последнего съезда по поводу отношения федерации ко всей партии, 2) вопрос об отношении к делегатам и их позиции на общепартийном съезде, 3) вопрос о присоединении к нам «Пролетариата».

Сердечно жмем руку.

Юзеф

17/VIII 1906 г.[1]

Я послал 2 открытки с адр[есами] и 3 письма (к Матильде и Софии) и открытку к Марьяну. Я отправил б[укунисту] пр[окламации] и книжки Мар[ьяну]. Только сегодня я получил открытку от Здзислава [Ледер]. Ставьте меня в известность, что у вас делается, и присылайте нам литерат[уру] и какую-нибудь польскую газету — «Новую газету». Мой адрес и тети вы уже имеете. Я уже писал вам по вопросу о выборах в новую Думу. И Ленин меняет уже свою позицию — говорит, что если до выб[оров] не будет восстания, то нужно будет принять участие в выборах, обстановка сейчас уже не такая, как раньше, что коль скоро в Думе были и будут меньш[евики], нужно, чтобы и они, б[ольшевики], были, что это — замечательная трибуна, что, наконец, Д[ума] существовала, сорвать ее не удалось, и с этим нужно считаться. Правда, Ленин еще не установил своих взглядов, во всяком случае продвигается в этом направлении. Здесь состоится целый ряд их конф[еренций] по этому вопросу, на которых и мы будем — и я вас регул[ярно] буду информировать. Подумайте и вы над этим вопросом и дайте мне директивы. Поскольку все переменят взгляд свой — мы ведь не можем быть совершенно обособлены — и итти рука об руку с эсерами, придерживающимися лицемерной тактики: открыто бойкотируют, а там, где они могут быть выбраны — позволяют себя выбирать. ППС занимает выжидательную позицию. Бунд —

[1] Письмо это, повидимому, адресовано в Варшаву. — **Ред.**

за выборы. Во всяком случае, нужно требовать от ЦК созыва съезда или, наконец, расширенную конференцию — б[ольшевики] в ЦК это требование завтра поставят, я их буду поддерживать. Если ЦК не согласится, б[ольшевики] соглашаются, чтобы Пет[ербургский] или Моск[овский] к[омитеты] решили призвать все орг[анизации] устроить плебисцит по вопросу о съезде. Тогда и нам нужно будет их поддержать. Б[ольшевики] отныне будут издавать еженедельную газету от имени Моск[овского] комит[ета] нелег[ально], там тоже будут аг[итировать] за с'езд. ЦК опять выпустил «Письма к партийным орг[анизациям]», призывающие к «развязыв[анию] рев[олюции]», чтобы во всей России орган[изовать] то тут, то там, всеобщие стачки и протесты с требованием созыва старой Думы, которая должна быть той властью, достаточно авторит[етной], чтобы созвать Учр[едительное собрание].

«Письмо № 4» и про[кламации] их я отправил Маньковскому и Мар[ьяну]. Пол[учили] ли вы их? Теперь буду посылать на Круц к б[укинисту]. Присылайте мне срочно адреса для писем и]книжек лег[альных] и нелег[альных], для пр[оклам аций]. Лучше несколько, но чтобы была уверенность, что они дойдут. Здесь такая дезорг[анизация], что, например, № 5 вышел несколько дней назад, а у меня случайно только 1 экземпл[яр]. Теперь по делу Информ[ационного] бюро. История его такова. После роспуска Думы — наш почтенный ЦК созвал ком[итеты] всех орг[анизаций] — были там и кадеты, и адвокаты, и инженеры и с.-с. и другие — говорит, что созвал для информ[ирования] о том, что намерены делать. Конф[еренция] эта не успела еще приступить к работе, как была арест[ована]. Всех потом освободили. Затем состоялась конференция ЦК партии, Бунда, ППС, СР, труд[овиков] и фракции жел.-д[орожного] союза по вопросу о всеобщей стачке из-за Думы — конф[еренция] отклонила предложение ЦК; решено созвать конф[еренцию] ЦК-ов партий, работающих в войсках; на ней были: ЦК партии, Бунд, СР, ППС и фракция ж.-д., постановлено создать «на местах» федер[ативные] военно-рев[олюционные] комитеты. Только с этой целью координировали свои выступления, либо подгот[овку к ним] в случае восстания; ЦК утверждает, что это постановление нас обязывает, ввиду того что ЦК согласился на это, я утверждаю, что не обязывает, потому что нас там не было, так сам ЦК говорит, [что] конфер[енции] такие являются на фед[еративных] началах, стало быть, поскольку орг[анизация] не соглашается,

нельзя ей навязывать. Потом была конф[еренция] орг[анизаций], которая выпустила эту прокламацию, призыв[ающую] к забастовке. Наконец, вчера же сост[ялось] заседание инфор[мационного] бюро, которое решило[1]...

[redacted]

18/VIII 1906 г.

ППС и СР и ж.-д. хотят, чтобы это бюро называлось координ[ирующим]; ясно, что с помощью этого бюро они хотят поставить нашу партию в зависимость от себя. ППС таким образом [думает] примазаться к движению: [ясно], что [они] хотят, чтобы всякая деятельность, предпринятая по инициативе партии, имела также и их подписи, дабы считались с ними. Они хотят, собственно, чтобы бюро это было высшей инст[анцией], что для них очень выгодно. Все это бюро является бессмыслицей — ввиду самого факта его существования и согласия ЦК, я не мог выступить решительно [против]. Думаю только, что эта координация их вскоре в жизни, на деле, в каждом отд[ельном] сл[учае] провалится, а потом и бюро, как «мертворожде[нное]», и умрет. Следующее заседание будет в четверг. Это имеет быть заседание, координирующее по поводу предложения жел.-дорожного союза, чтобы партии помогли им в случае всеобщей забастовки приостановить механически [жел.-дорожное] движение (порчей дороги и пр.), для этого нужна взаимная подготов[ительная] работа. И по поводу предложения эсеров—чтобы скоординировать свою работу в деревне на случай восстания. Присылайте мне по этим вопросам инструкцию. ЦК просит, чтобы В. Р. прислала свой материал для солдатской газеты. Намереваются издавать для всей России. Просят также паспорт[ные] бланки и копии печатей с паспортов в Польше. Паспорты посылайте на мой адрес— бандеролем — комплект «С поля вальки» (в моих вещах в маленькой корзинке внизу), ста[тью] Мартова в «Раб[отнике]», об Учредит. собрании в Вар[шаве], «Курьер подзенный» с передовицей об Учредит. собрании. За все время я получил в Пет[ербурге]... № 7, «Солд. лист» № 11 и «Звионзек заводовы» № 2. Что с «Черв.»?

Кончаю. Жму сердечно руки.

---

[1] Дальше следует пропуск. — Ред.

Выслал вам наложенным платежом 10 экз. «Москвы в декабре». Что с отчетом о нашем съезде? Пусть пришлют мне 10 экз. по адресу Петербург.

[redacted]

27/VIII 1906 г. [1].

Я получил письмо от Здзислава [Ледер] от 23-го, открытку от него и Г[анецкого] от 22-го №№ 98 и 97 [газеты «Червоный штандар»]. Я отправил последнее письмо 25-го. Не получил циркуляра нашего к организациям. Получили ли предисловие к брош. об Учред. собран. и корреспонденцию из Кронштата. Предисловие вы должны напечатать — иначе не нужно было требовать писать его.

А теперь продолжение заседания ЦК: поставлен был вопрос о выборах [2]; я первый взял слово и потребовал, чтобы ЦК созвал съезд: ввиду изменившегося теперь положения, по сравнению с таковым во время объединительного съезда, ввиду того, что, будем ли мы выбирать или нет, кампания должна быть единой для всей партии, ввиду того, что внутрипартийные отношения изменились,— вступление нашей партии, латышей и, быть может, Бунда,— что политика ЦК не отвечает воле громадного большинства, и партия распадается, ввиду того, наконец, что ПК высказался за съезд и призывал организации к плебисциту.

После долгих прений отсрочили рассмотрение этого вопроса до след. заседания. Под конец я следующим образом сформулировал свои предложения с просьбой дать мотивированный ответ: 1) ЦК созывает съезд; 2) помимо съезда ЦК созывает широкую конференцию по вопросу об отношении к новым выборам и 3) если требование созыва съезда будет отклонено, пусть ЦК посодействует плебисциту. Вместо этого решено, что ЦК выскажет только свое мнение и предпримет шаги, чтобы кампания в связи с выборами отвечала воле всей партии — вероятно, согласятся созвать конференцию. Потом возникли прения по вопросу о самих выборах: Мартынов и Дан и Аус[сем] изложили свой меньш[евистский] взгляд, и Дан доказывал весьма ловко, что Ленин, собственно, изменил свой взгляд в последней бр[ошюре], и признавая фракцию, и утверждая, что бойкот не удался. Напали на единственного большевика, чтобы он высказался. За выб[оры] ли он, или против.

[1] Письмо это, повидимому, послано из Петербурга.
[2] Во 2-ю Гос. думу.

Он, однако, не дал отв[ета], он поворил, что вопрос этот преждевременный. Вообще у больш[евиков] ленинцев чувствуется, что они ошибались. Есть у них, однако, парни, которые не соглашаются с Лениным и разделяют нашу точку зрения. Спросили меня насчет моего мнения, я сказал, что лично я стою за то, чтобы Думу, поскольку дело дойдет до выб[оров], бойкотировать. Но что я выражаю свое собственное мнение. Ничего, однако, по вопросу о выб[орах] не решено.

Следующее заседание будет в среду.

Пет[ербургский] ком[итет] решил 11 голосами против 10 листок, о котором я писал вам, издать. ЦК же решил выпустить контрлисток — я взял на этом посл[еднем] заседании слово по этому вопросу и отговорил их от этой мысли — реш[ено] в листке прямо с ПК не полемизировать, а только в письме к парторг[анизациям].

Кроме того, ЦК постановил, чтобы Ленин и К° издавали от своего имени орган и, кроме того, призвать все орг[анизации] к плебисциту по вопросу о созыве съезда.

Съезд Бунда на днях состоится — почти наверное присоединятся; запросили латышей, армян и литовцев.

Не стоило ли бы на конфер[енции] крестьянской и профессиональной пригласить ПК, а на эту последнюю и представителя центрального бюро проф[ессиональных] союзов. Они хотят быть, и думаю, что стоит и ЦК и их пригласить.

Для Р[озы Люксембург] нужен паспорт. Пришлите к Глаголеву.

Почему вы не присылаете адресов?

А теперь на письмо: по вопросу об инф[ормационном] бюро отв[ет] в моем прошлом письме. Что касается фракции — то она сама распадется и офиц[иально] будет распущена.

Ставить же так вопрос офиц[иально] как вам хочется — это значит в маленьком вопросе, абсолютно жизненном, создавать ненужный конфликт с прямо противоположным результатом. Что касается выборов — пусть сторонники выборов напишут нам мотивировку. Нужно, чтобы Р. высказалась по этому вопросу, поскольку у нас произошла такая неожиданная перемена — пусть изложит свои мотивы. Адресов парней, который я должен направить в Польшу, не имею.

Бумага этого письма непригодна для кислоты. Можно его простым глазом даже разобрать. Адреса на явки. Я послал вам парня для В. Р. Мне сильно его здесь рекомендовали.

из дневника дзержинского [1]

1908—1909

13 мая. Час тому назад бушевала гроза. В первый раз разразился с шумом и треском могучий гром, и наш жалкий X павильон дрожал. Ослепительно яркие молнии на момент рассеивали мрак, отблески их мелькали и, отражаясь розовым блеском от стен флигеля, врывались в камеру. Дождь лил как из ведра, а ветер колыхал деревья за окном, бился о стены, стучал и выл. Теперь тишина. Затуманенная луна смотрит равнодушно сверху. Не слышно шагов — ни часового, ни жандарма-ключника, ни пения моей соседки, ни звона кандалов. Только от времени до времени откуда-то падает на жесть, прикрепленную к окну, дождевая капля и слышен свисток паровоза. Какая грусть проникает в душу! Грусть — не заключенного; там, на воле, она тоже исподтишка появлялась и овладевала мною, это — грусть бытия, тоска почему-то неуловимому, но необходимому для жизни, как воздух, как любовь.

Сегодня заковали двоих. Их вели из кузницы мимо наших окон. Моя соседка Ганка кричала каждому из них: «Да здравствует революция!».

Обрадованные, они отвечали этим же возгласом.

Повидимому, их судили сегодня, их, быть может, приговорили к смерти. Когда я шел на прогулку, я заметил в одном из коридоров — в смертном коридоре, часто пустом, так как он предназначен только для приговоренных,— какое-то движение. Я неоднократно проходил по этому коридору, когда меня вели в канцелярию и, даже еще не зная о его предназначении, почувствовал здесь дуновение смерти. Этот коридор не мрачен; он светлее других: три больших окна; в коридоре всего 6 камер, от 45 до 50 номера включительно, но двери камер, хотя такие же, как и у нас — желтые с роковыми пятнами,— а все же другие! На двери одной из камер я заметил совершенно заржавевший замок, в другой двери,— забитая доской, огромная дыра; словно тут происходил смертный бой с сопротивлявшимся, доведенным до отчаяния приговоренным.

---

[1] Ф. Э. Дзержинский писал свой дневник в X павильоне Варшавской цитадели в 1908/09 г. Перевод Ф. Я. Кона.

На-днях я обнаружил в камере надпись: «Теодор Яблонский, приговоренный к смертной казни. Камера № 48 (смертная). Уже был врач. Сегодня повесят. Теперь 10 часов вечера. Прощай, жизнь! Прощайте, товарищи! Да здравствует революция!» А сбоку другой рукой написано: «Веревка заменена 10 годами каторги. Теперь у него другое дело — по обвинению в убийстве провокатора в Плоцкой тюрьме. Сегодня IV. 08 г.».

14 мая. Смертный коридор не пустует. Только что, во время прогулки, я увидел в окне 50 камеры тень бледного молодого человека,— кажется, рабочего. Форточки вверху в окне этой камеры заперты. Он несколько раз подходил к окну, но сквозь граненые стекла ничего нельзя увидеть, кроме рассеянного света и затуманенных теней. Только два верних стекла — обыкновенные; они открываются, и в них можно увидеть небо, затемненное настолько густой проволочной сеткой, что в отдельные отверстия нельзя проткнуть спички. Чтобы увидеть сквозь эти стекла, что творится на дворе, нужно стать на стол или на спинку железной кровати. Впрочем, жандарм следит и часто заглядывает в «глазок» в дверях, и поэтому можно только на один момент впрыгнуть на стол и посмотреть сквозь стекла. Заключенный в № 50 сидит в одиночке, у него даже нет соседей. Эта камера совершенно изолирована, и ее житель не может рассеять своих мыслей даже стуком; он не может остановить на чем-либо своего взгляда, и ничто не может рассеять, утихомирить душевную бурю. Грязный каменный пол, грязные двери, стол и оконная рама покрашены в желтый цвет, потолок, как крышка гроба, «глазок» в дверях и мертвый рассеянный серебряный свет дня жизни. А за этими дверями в коридоре тихонько крадется жандарм, поднимает задвижку в «глазке», наблюдает, следит, чтобы жертва не ускользнула, прекратив свою жизнь собственноручно.

14 мая. Вечером... Сегодня утром, а может быть вчера вечером, привезли огромную партию арестантов. Я видел их, когда они помногу гуляли. Их было 10, 10, 7 и 6. Повидимому, их будут судить военным судом. Они истощены, некоторые закованы, в рваной одежде, в зимних шапках. Одни ходили группами, беседуя друг с другом, другие — словно ушли в себя — в одиночку. Рабочий, железнодорожный стрелочник, солдат, несколько человек, похожих на крестьян, несколько человек — неопределенного типа рабочих-интеллигентов. Издали да еще сквозь сетку,— так трудно узнать!

16 мая. Весна в полном разгаре. Все фруктовые деревья покрыты белыми цветами и разодеты в зеленые листья. День становится уже длиннее, в воздухе уже чувствуется лето, в садике на солнце жарко, а в камере — все более и более душно.

21 мая. Вечером, когда я при свете лампы сидел над книгой, я услышал тяжелые шаги солдата. Он подошел к моему окну и прильнул лицом к стеклу. Не побоялся подойти. Из любопытства, или, быть может, просто поинтересовался...

— Ничего, брат, не видно! — сказал я дружелюбно.

Он не ушел.

— Да! — послышалось в ответ. Он вздохнул и немного погодя спросил: — Скучно вам? Заперли (последовало известное ругательство) и держат!

Кто-то вошел во двор. Он ушел.

Эти несколько грубых, но сочувственных слов вызвали во мне целую волну чувств и мыслей. В этом проклятом здании, из тех, чей самый вид раздражает, нервирует и вызывает ненависть, услышать слова, напоминающие великую идею, ее жизненность и связь нас, узников, с теми, которые в настоящее время нас убивают! Какую колоссальную работу уже проделала революция! Она разбудила умы и сердца, вдохнула в них надежду и тоску и указала цель. Этого никакая сила не в состоянии вырвать. И если мы в настоящее время, видя, как ширится зло, с каким цинизмом из-за жалкой добычи люди убивают людей, приходим иной раз в отчаяние, то это — ужаснейшая ошибка... Мы в этих случаях не видим дальше своего носа, не сознаем самого процесса воскресения людей из мертвых. Японская война выявила весь ужас дезорганизации и разрушения русской армии, а революция только обнажила зло, разъедающее общество. И это зло, прежде чем погибнет, именно для того, чтобы погибнуть, должно было проявиться наружу, должно было получить преобладание над всем и этим довести себя до банкротства. И это будет! Для того, чтобы ускорить этот момент, необходимо внушить массам эту нашу уверенность в банкротстве зла, для того, чтобы ими не овладело сомнение, для того, чтобы они пережили этот момент в стройных, готовых к бою рядах; это — задача «теоретиков». А задача других — обнажить и выявить это зло, обнажить мужи масс и отдельных вырванных из ее среды лиц и дать понять массам то значение, какое они в действительности имеют и которое дает силы мужественно

перенести все, не колеблясь. Только этим путём можно вдохнуть в массы мужество и моральное сознание необдимости борьбы. Необходимы те, которые внушают уверенность умам, как и те, которые эту же уверенность вливают в души и сердца. Нужны ученые и поэты, учителя и апостолы. Я вспоминаю, какое огромное влияние приобрела книжка «Пролетариат»,... описывающая муки людей, их непреклонность и непоколебимость и вместе с тем приводящая и программу. Я желал бы, чтобы и теперь появилась такая книжка. Теперь труднее собрать и сопоставить факты, так как они громадны и их весьма много. Но и сил теперь больше. Если бы кто-нибудь взялся за этот труд, хотя бы только как руководитель, то через год, через два могла бы появиться такая книжка, и она могла бы сделаться нашим евангелием. В ней заключались бы не только страдания, не только наше учение, но и та жажда полноты жизни, испытавший которую не остановится ни перед страданиями, ни перед жертвами.

Эти несколько слов солдата разожгли мой мозг. Здесь много часовых и жандармов-ключников. Но у нас нет возможности добраться до их голов и сердец. Им воспрещены какие бы то ни были разговоры с нами, а установленный здесь режим — делает их невозможными. Не с чего начать беседу! Мы сталкиваемся как враги с жандармами, а солдат мы только видим. В коридоре три жандарма, сменяются ежедневно каждые 4 часа, один и тот же жандарм бывает здесь раз в 10—15 дней; их трудно узнать, трудно определить, кто же из них может быть восприимчивым, а кто — нет. Да, кроме того, у них по временам работы по горло, приходится выпускать нас из камер по одному в уборную, на прогулку, на свидание, открывать двери, когда приносят обед, когда приходят подметать камеру, когда разносят чай, хлеб, ужин и когда уносят лампы. Дальше: жандармы, выводящие заключенных, с утра до 4—5 час. бессменно, оставляются на службе и после этого на другой работе. Вот почему они весьма часто грубы, обозлены, видят в нас только врагов, пытаются сократить время прогулки, рады бы чем-нибудь нам насолить и только боятся скандала. Да и то сказать, таких, которые бы по собственной инициативе делали нам гадости — мало. Такие жандармы часто подсматривают в «глазок», заставляют долго ждать, прежде чем откликаются на наш стук. А общая масса жандармов — это уставшие люди, и сразу заметно, что они лишь боятся начальства, и что они тяготятся жестокой дисциплиной. Кое-кто из них отнесся ко

мне с сочувствием. Должно быть, это были новички, еще не втянувшиеся в условия здешней службы. Однажды я сказал одному из таких жандармов, чтобы мне переменили книги. Он тотчас же обратился к другому, как раз проходившему мимо моей камеры:

— Скажи в канцелярии! Как же! Для них и для офицера. (Бедняга забыл, что он не вправе при мне говорить о другом.)

Это «как же» было трогательно и немало обрадовало меня. В другой раз, во время прогулки, когда мне показалось, что жандарм уже зовет меня обратно в камеру, я обратил его внимание, что еще осталась одна минута (часы висят на заборе в закрытом стеклянном шкафике). Он возмутился, как мог я его заподозрить, что он отнимет у меня эту минуту. Сказал он это в столь дружеском тоне, что мне стало стыдно, и я лишь ответил: «разные попадаются среди вас».

Очень трудно в этом «мертвом доме» начать разговор с жандармом. Весьма характерно, что когда случайно заключенный встретится с заключенным, они не в состоянии заговорить друг с другом. Однажды жандарм, упустив из виду, что он уже отвел заключенного в уборную, повел туда другого; тот, увидев, что в уборной уже кто-то есть, повернул обратно, и я слышал (его камера напротив моей), как он сказал жандарму: «Там уже есть кто-то». В другой раз я сам встретился в коридоре с арестованным офицером. Заметив его издали, я подготовился и крикнул: «Здравствуйте, товарищ!» А он, пораженный, лишь смотрел и смотрел на меня.

Здесь теряется уверенность в себе, умение заговорить и продолжать разговор. Здесь воистину чувствуется смерть. Жандармы друг с другом и с прислугой говорят в коридоре шопотом. Когда кто-нибудь из начальства заходит в камеру, жандарм закрывает двери, чтобы другие заключенные не слышали ни разговора, ни человеческого голоса. Жандарм не вправе ни заговорить с заключенным, ни войти в камеру; за прислуживающим солдатом наблюдает жандарм-ключник и следит, чтобы он не проронил ни слова; если есть какая-нибудь надобность к прислуживающему, приходится обращаться за этим к жандарму. По коридору разостланы коврики-дорожки: шума шагов не слышно. В камеру из коридора проникает только сдавленный шопот, скрежет задвижек и шарниров и треск и скрип ключа в замке. Звук, проникающий из крепости через окно, только еще более оттеняет эту могильную таин-

ственную тишину. Эта тишина, как могила, давит всякого, подчиняет себе как нас, так и жандармов. Однажды я обратил внимание жандарма на то, что не следует меня будить для того, чтобы я пошел на прогулку, как это сделали в этот день утром, и что, если это повторится, я устрою скандал. Я был спокоен, но при столь продолжительном об'яснении я почувствовал какую-то внутреннюю дрожь... Жандарм, как я заметил, тоже не был в состоянии мне свободно ответить. Но зато, когда у кого-нибудь хватит сил свободно сказать жандарму несколько слов, или когда Ганка вдруг запоет, или разразится искренним, естественным смехом — тогда словно светлый луч озаряет нас. Это чувствуют и жандармы.

Говоря об этой могильной тишине, я должен указать, что в моем коридоре уже нет закованных, а на прогулке в той части садика, где я гуляю,— только один в кандалах. С тех, которых привезли из провинции на суд, сняли кандалы, а других увезли. Так что в настоящее время тишина уже, благодаря оттеняющему ее звону кандалов, не врезывается так болезненно в мозг и сознание, но все же она действует и на нас.

Из-за окна проникают к нам отзвуки жизни: днем постоянный шум, в котором трудно отличить отдельные звуки — это дыхание жизни, движения, солнца, дождя, отдаленного города, извозчика, марширующих солдат; в этот шум жизни по временам вплетается свободный голос детей, громкий, раскатистый смех, шутки, ругань и голоса жандармов и солдат, от времени до времени гром военной музыки, пение солдат, орущих во все горло, гармонья, без конца тянущая одну и ту же ноту. Иной раз, по праздникам, слышно хриплое пение под аккомпанимент гармонии. Ночью долетают свистки и движение поездов, а когда тихий ветерок пошевелит листьями, получается впечатление, что это нежный шум леса или шумит течение реки. Но все эти звуки только оттеняют и этим усиливают внутреннюю тишину и иной раз вызывают раздражение и даже бешеный гнев. Именно они напоминают, что ты не умер, что эти звуки проникают именно из-за решетки, с той стороны окна, отражающего внешний мир, лишь как туманное светлое пятно, расплывчатое, бесформенное. И все же, если бы исчезли и эти слуховые впечатления, это, пожалуй, было бы для души еще более убийственно.

23 мая. Сегодня у меня в первый раз было свидание. Была жена брата с маленькой Вандзей. Девочка играла проволочной сеткой, показывала мне язык и звала: «Дядя,

выходи!» Я очень рад, что их видел; я их очень люблю. Она принесла мне цветы, которые теперь красуются на моем столе. Она радовалась, что у меня хороший вид, а я уверял ее, что мне очень хорошо и весело; я ей сказал, что меня, должно быть, сошлют в каторгу.

Я был два раза на свиданий (был защитник) и всякий раз проходил по смертному коридору. Там сидят приговоренные: кажется, их двое. Я видел, как прислуживающий солдат нес обед именно для двоих. Я не сомневаюсь в том, что дни их сочтены, так как кроме жандарма в коридоре — солдат с винтовкой. А оттуда, с воли, мне шлют столь дорогие для меня приветствия, свидетельствующие о том, что меня не забыли, что товарищи шествуют вперед, несмотря на ярмо жизни, и делают свое дело. Я вижу многих, многих из них. Одни — в таком же положении, как и я, другие — еще живы, иные — далеко, но сердцем, мыслью и всей работой обращены сюда. Я вижу и тех дорогих,— они окружают счастьем и ореолом нашу жизнь, поддерживают в нас силу, энергию и выносливость.

3 июля. Сегодня, после обеда у меня в камере открыли все окно. Я смогу теперь открывать его ежедневно от 4 до 5 часов, когда прогулки уже кончаются и по утрам до 8. Теперь я уже вижу зелень, большой кусок неба, вдыхаю в себя свежий воздух.

Я долго стоял возле окна, упираясь в решетку. Свежий воздух опьянил меня и мне стало грустно. Воспоминания, тоска... И я чувствую себя в плену. Меня держат в заключении здесь, в самой Варшаве — здесь их крепость — отсюда они господствуют. Какой-то калмык-солдат шагает с ружьем и наблюдает, зорко следя за мной.

А где-то вблизи свистит паровоз, мчится поезд, едут в нем свободные люди — их много, много,— а нас здесь горсточка! И все же вновь бодрость возвращается ко мне, хотя и грустно теперь одному здесь, в этой камере, в этом доме.

29 июля. Сегодня закрыли окна во всех камерах и наглухо и навсегда их забили гвоздями. Теперь камера опять как могила. Не видно ни неба, ни деревьев, ни ласточек. У нас отняли даже свежий воздух. Говорят, что окна заколотили потому, что заключенные переписывались друг с другом, спуская письма на веревках через окно. Говорят также, что назначен новый заведующий (недавно уже один сменился), и что он отказался принять павильон, если окна будут открыты. Вчера еще было разрешено их открывать, сегодня они заколочены.

Многие подумывают о протесте, о борьбе; дело может дойти до столкновений, но все это не поможет: окна останутся заколоченными.

16 августа. Из-за заколоченных окон кое-кто, главным образом женщины, предлагали выбить стекла. Но это не прошло. Другие предлагали об'явить голодовку и заодно уже потребовать уравнения всех в пище с тем, чтобы на всех отпускали по 37 коп. на еду — но и это предложение не прошло: ни одна почти голодовка не привела к победе...

...Голодные бунты уже не производят никакого впечатления. Всем прекрасно известно, что такой протест не может ни долго продолжаться, ни стать всеобщим. Только более стойкие и выдержанные люди дольше переносят голод, но сами же за это платятся.

О новом заведующем говорят, что он «хороший». Он придумал средство, чтобы и волки были сыты и овцы целы: окна попрежнему заколочены, но во время прогулки открываются настежь двери в коридор; пища улучшилась; более зажиточным разрешено не брать всей предназначенной для них порции и передавать ее получающим 11-копеечную пищу. По всей вероятности, он руководствовался самым лучшим желанием; я сомневаюсь в том, чтобы при теперешнем составе наших властей были злоупотребления или чтобы нас обворовывали; однако, современем результатом этого всего может быть лишь то, что всем будет уменьшена порция и что будут больше красть.

Теперь к нам не придираются и обращаются с нами лучше. Это необходимо признать. В последнее время прекратилась и ругань со стороны тех немногих жандармов, которые ненавидят нас и рады, когда они могут чем-нибудь нам насолить. Если бы не это, здесь нельзя было бы выдержать, и дело дошло бы до столкновений. Ведь люди отсюда идут на виселицу, или на одиночную каторгу, а с того времени, когда они были на свободе, они еще кое-чего не забыли и не могут примириться с тем, что уже все окончательно кончено надолго, а то и — навсегда!

То, что более всего угнетает, с чем заключенные не могут примириться — это таинственность этого дома, жизни в нем, это режим, поставивший себе целью, чтобы каждый знал только то, что относится к нему, и то не все, а как можно меньше. А заключенные ведут страстную борьбу за то, чтобы сорвать с этого дома завесу таинственности; отсюда — эта усиленная переписка, изыскивание всевозможных способов, чтобы письмецо дошло по назначению;

отсюда — это покашливание в коридоре, громкое или вполголоса пение в камерах, посвистывание. Создана целая система сигналов. Для писем отыскиваются все новые и новые места, если старые проваливаются. Есть такие, которые дошли до совершенства и предаются этому всей душой и этим только и живут. Их переводят из одной камеры в другую, стараются уговорить, но они продолжают служить «правому делу», и ничто не в состоянии охладить их увлечения. Если нет другого пути, тогда они подают знаки гуляющим из окон, или из уборной. Жандармы не в состоянии справиться с ними и в конце концов машут рукой в ожидании, что их уберут отсюда. Эти товарищи знают все и обо всем; часто, когда нет сведений, они начинают их фантазиями. Отсюда весьма часто неверное, выхваченное с воздуха или высосанное из пальца. Но это не мешает. Все пускается в ход, и как бы то ни было, а таинственность этого дома теряет свою силу. Но в этом есть и обратная сторона медали. К нам проникло известие, что охрана прислала сюда 6 шпиков, и что есть провокаторы среди заключенных. Началась слежка... Одних действительно уличили, на других, быть может, совершенно неповинных, бросили тень подозрения. Недавно, когда один из офицеров был на прогулке с вновь прибывшим, кто-то в окно уборной крикнул:

— Это шпион!!

...Создается атмосфера недоверия, которая подтачивает совместную жизнь, и каждый замыкается по возможности в себя. А шпионов здесь действительно много. Здесь так часто меняют товарищей по камере (редко кто сидит один, преимущественно же сидят по-двое, а есть камеры, в которых сидят 3 человека и больше), что ни для кого не тайна, что это делается ради того, чтобы дать возможность не разоблаченным шпионам выпытать как можно больше. Несколько дней тому назад я увидел в окно провокатора, относительно которого уже нет никаких сомнений, на прогулке с новоприбывшими из провинции. Этот провокатор — интеллигент. Я крикнул в окно: «Товарищ,— это провокатор!».

На следующий день они уже не гуляли вместе. Можно сообщить и о действительном провокаторе, и о предполагаемом, и даже — о мнимом. А отсюда — подозрительность по отношению друг к другу и взаимные обвинения. Я сам — лучший пример такой мнительности. Еще будучи на воле, я узнал фамилию одной предательницы и кое-какие подробности. И вот я узнаю, что одна женщина, которая

здесь держится прекрасно, имеет и другую фамилию, такую, как та предательница. Я совершенно случайно узнал, что она близко знает некоторых лиц, близко знакомых той, что некоторые черты ее характера походят на ту, и невольно у меня зарождаются подозрения, которые я вначале пытаюсь подавить, но которые все более и более усиливаются. Само собою разумеется, что я не поделился ни с кем своими догадками и стараюсь все установить с достоверностью. Я мог уже давно это сделать, но самому стыдно своих подозрений.

11 октября. Ночью с 8-го на 9-е казнен Монтвилл. Уже днем 8-го его расковали и перевели в камеру для смертников (теперь № 29). Во вторник 6-го происходил суд по делу об его участии в нападении на поезд с волынцами возле Лап. У него не было никаких иллюзий, и еще 7-го он распрощался с нами через окно, когда мы гуляли. Его казнили в 1 ч. ночи. Палач Егорка получил за это, по обыкновению, 50 рублей. Анархист К. сверху простучал мне, что «они решили не спать всю ночь», а жандарм сказал, что при одной мысли о казни — «пронизывает дрожь и нельзя уснуть и человек ворочается с боку на бок». Последними словами Монтвилла перед казнью были: «Да здравствует независимая Польша!».

Ночью с 7-го на 8-е казнен какой-то старик из камеры № 60. После этого ужасного преступления ничто здесь не изменилось: светлые, солнечные осенние дни, солдаты, жандармы, смена караула, прогулки. Только в камерах стало тише, умолкли голоса поющих, многие ждут своей очереди...

12 ноября. Три дня (7, 8 и 9 ноября) происходил суд надо мною и над моими товарищами. Три дня у меня было большое развлечение. Дело слушалось в судебной палате. Меня везли туда на извозчике, в наручных. Я был возбужден и обрадован, что вижу уличное движение, лица свободных людей, вывески, об'явления, трамваи. А затем встреча с товарищами, и несколько знакомых лиц. Зал судебных заседаний... Большие окна... Судебная обстановка. И, наконец, самый суд, состоящий из 7 человек... Прокурор, эксперты, поп и ксендз, свидетели, защитники, близкие родственники. А затем: присяга свидетелей, экспертов и переводчика, показания свидетелей и речь прокурора, требовавшего высшего наказания по 2 ч. ст. 126. Он заявил, что нас следует покарать не для исправления, а для устрашения. Вслед за этим, речь Ротштадта, который сам защищал себя, и речи защитников. Наконец,

после более чем часового совещания, об'явление приговора. Нас приготовили: меня на поселение, Ротштадта и Ауссема (Свентославского) к 4 годам каторги и Ляндау, на основании ст. 127, к году крепости. Председательствующий прочитал приговор дрожащим от волнения голосом. Нас все же приговорили по 2 ч. ст. 126, несмотря на то, что было доказано, что наша партия не имеет ни складов оружия, ни взрывчатых веществ, несмотря на то, что в отношении ко мне, и к Ауссему не было достаточных юридических доказательств даже принадлежности к партии (Ротштадт уже до этого, в мае, судебной палатой в Люблине был приговорен к 6 годам каторги; он признал свою принадлежность к партии, но отрицал обвинение в том, что у партии были склады оружия), несмотря на то, что по отношению к Ляндау не было ни одного доказательства в подтверждение того, что происходившее у него собрание в 5 человек было собранием партийным, и что он знал об этом. Нас приговорили, руководствуясь своей «совестью», а эта «совесть» оказалась не менее впечатлительной по отношению к требованиям правительства, чем «совесть» военных судей. Только я один получил поселение, и, по всей вероятности потому, что по другому делу, о котором суду было известно, смогут приговорить к каторге.

Говорят, что жандармы уже подготовляют обо мне третье дело.

Теперь в судебной палате все дела социал-демократов будут подведены под ст. 102.

Во время суда я вовсе не думал о том, что это судят нас и приговорят на долгие годы, хотя я не питал никаких иллюзий. Я глядел на судей, на прокурора, на всех присутствовавших в зале, на стены и украшения, смотрел с большим интересом, с большим удовольствием, радуясь, что я вижу свежие краски и другие, чем в павильоне, лица. Я был как бы на торжестве, которое не имеет никакого касательства ко мне. Мои глаза обрели свежую пищу, и я был рад, я как бы весь превратился в зрение, и мне хотелось сказать всем что-нибудь доброе, хорошее. Только на один момент мною овладело другое чувство, когда нас ввели в зал для выслушивания приговора, и мы были вдруг окружены 15—20 жандармами, и их шашки, вынутые из ножен, мелькнули перед нами в воздухе. Но это настроение прошло, как только председательствующий взволнованным голосом начал читать приговор:

— По указу его императорского величества и т. д.

Сегодня я опять один в своей камере. Я не обманываю себя: каторги мне не миновать. Выдержу ли я? Когда я начинаю думать, что столько-столько дней мне предстоит провести за тюремной решеткой,— день за днем, час за часом, должно быть здесь в X павильоне,— мною овладевает тревога и из груди вырывается крик: не могу! И, тем не менее, я с м о г у, я д о л ж е н с м о ч ь, ибо другим суждено перенести очень многие и гораздо худшие испытания. Мысль отказывается уразуметь, как это возможно, она знает только, что возможно! — и бунт стихает. Миришься и гордо решаешь: с у м е т ь в ы д е р ж а т ь! Горячая жажда жизни прячется где-то в глубине, и внешне воцаряется кладбищенское спокойствие. А когда сил нехватит, явится смерть, которая освободит от сознания бессилия и решит все. И поэтому — я спокоен...

4/I 1912 г.[1]

Дорогой мой! Сегодня я отправил обширнейшее письмо на Краков. Это письмо я лишь завтра отправлю. Кстати, хочу написать, что очень желательно поместить в ближайшем н[омере] краткую статью по вопросу о необходимости для нас открыть кампанию протеста. Представляю себе эту статью более или менее так: сейчас почти ни одна наша организация — особенно варшавская — не связана с м а с с о й какой-либо политической работой, распространением классового самосознания и политической мысли, не вовлекает эти массы (или вообще широкие слои) в какую бы то ни было политическую деятельность. Наши организации превратились в технические группы по распространению только нелегальной литературы, выпускаемой, естественно, в настоящее время столь редко. Помимо того, орг[анизации] «ждут у моря погоды», либо варятся в собственном соку кружковых интересов.

Раньше, когда не было открытой жизни масс, до 1905 г., каждый кружочек был проникнут духом широкой работы, политической мысли — не поглядывая ни на кого, он сам хотел и стремился расшевеливать массы. Тогда были организованы забастовки, массовки, демонстрации, которые вовлекали и выдвигали массы на арену публичной жизни. Ныне дух этот снизился, и нет его в наших орг[анизациях].

[1] Письмо это, повидимому, послано из Варшавы или Лодзи и адресовано, как можно полагать, т. Варскому. — **Ред.**

М[ежду] пр[очим], причина кроется в том, что наши организации не уяснили себе тех перемен, которые произошли, и не применили новых методов в работе, которые должны быть применены в нынешних условиях. Политические стачки и демонстрации ныне не могут быть применены как средство распространения политической мысли. Стачки и демонстрации после 1905/06 г. стали орудием политической борьбы масс, которое должно быть применено и которое можно будет применять только при огромном напряжении боевой активности масс. Этой боевой активности масс в настоящее время нет, и не от нашего желания она зависит. Но из-за этого мы не можем отодвинуть на задний план наши задачи и обязанности, мы не можем ограничить работу наших организаций и замкнуться в рамки одних только кружков. Мы должны применить новый метод. А это — пренебрегаемый не одним квази-револ[юционером] — бумажка с резолюциями, содержащими освещение текущих вопросов политики с точки зрения интересов рабочего класса и являющимися выражением этого рабочего класса. Постоянной, стало быть, задачей и содержанием работы наших орг[анизаций] было бы безустанное сплочение вокруг этих резолюций раб[очих] масс, завоевание этих масс для наших лозунгов и создание, таким образом, новой трибуны уже не для идеологов и кружков, но для целых масс. Таким путем наша партия вновь высвободится из пут кружковщины и вновь охватит массы — хотя и не в оформленную партийную организацию, которая при нынешних условиях не может охватить эти массы. Тогда эти кружки — наши организации — станут центром жизни широких масс и, испытывая на себе влияние этой массы, перестанут вариться в своем собственном соку. — Резюмирую значение такой повседневной деятельности в области всякого касающегося рабочего класса вопроса:

1) это — организация масс под нашим знаменем;

2) это — широкое распространение классового самосознания и закалка массы в нашем духе и вовлечение ее самой в эту работу в отношении к самым широким слоям;

3) это — мобилизация этой массы на арену политической жизни;

4) это — предохранение наших кружков от застоя и самозамыкания и прививка им огромной политической силы.

Думаю, что такая статья внесла бы неимоверно много. Я заметил, какое сильное впечатление произвел реферат мой, [прочитанный] в таком же духе в Ченстохове.

Надо приготовить и разослать повсюду резолюцию по вопросу о самоуправлении, Холмщине и проч.— можно и не печатать их. Каждая орган[изация] может отгектографировать ее . . . . . .

Пока жму [руку]

Ю [зеф]

М[ои] дорогие![1].

Сообщаю вам, что уезжаю отсюда в Польшу через 6—7 дней. Вы должны считаться с этим, как с фактом. Поэтому — прошу указаний, директив и т. д.

Связь с Польшей оставлю Северу (Прухняку), экспедицию и заграницу Флориану, кассу — перешлю вам, а также и другие дела.

Прошу вас, не уговаривайте меня. Не послушаюсь. Дальнейшее пребывание за границей было бы для меня смертью и физической и партийной. Думаю, что пока буду жив — буду там полезен. Тут же у вас Север и другие, о которых я вам напишу перед отъездом, на которых вы можете опереться.

Проберите Адольфа, пусть вырешат дело Андрея, Каспра и Адама — о чем я написал ему.

Пусть тотчас же напишет мне, что сделал и что и когда сделает по этому вопросу.

В Заглэмбе вскоре состоится междурайонная конференция.

Жму руки.

Юзеф

Из доставленного нелегальным путем письма Ф. Дзержинского из Орловской губернской тюрьмы (март 1915 г.).

...Я так редко откликаюсь, потому что тяжелая однообразная жизнь окрашивает мои настроения в слишком серые тона. И когда думаю про тот ад, в котором вы все ныне живете — мой собственный адик мне кажется таким маленьким, что просто не хочется писать про него — хотя и

[1] В письме даты нет, письмо относится к 1912 г., написано во время пребывания в Германии. — **Ред.**

надоедает он подчас очень сильно. То, что вам известным стало насчет наших условий, все это — правда. Эти условия попросту невозможны. Последствием их является то, что каждый день кого-нибудь вывозят отсюда в... гробу. Из нашей категории умерло уже 5 человек в течение последних 6 недель — все от чахотки... Трое из них уже давно получили поселение, но их не вывозили, потому что в течение семи месяцев не было времени привести в порядок их «бумаги». Все они привезены были сюда из Петрокова, поддержки из дому, конечно, никакой не получали, потому что их семьи уже находятся за пределами государства, а здешние условия убийственны. В конце концов от этих условий заболели здесь многие брюшным и пятнистым тифом — говорят, что ежедневно двух-трех хоронят, что от 5 февраля (ст. ст.) до 4 марта умерло 30 человек. Тех, которые заболеют тифом, вывозят из нашего «учреждения» в бывшее женское «учреждение», где сейчас устроили нечто вроде «госпиталя» для тифозных. Но покуда явятся сюда к больному, чтобы убедиться, что это за болезнь, проходит 4—5 дней, и больной лежит в камере, переполненной и другими больными — в горячке, ибо здесь сейчас допроситься даже фельдшера очень трудно, не говоря уже о докторе, которого видеть может только умирающий, да, вдобавок, не от заразной болезни. Таким врачом здесь подвизается некий г. Рыхлинский — поляк, который запрещает говорить по-польски полякам-«пенсионерам», не знающим русского языка, и ругает их. Называют его же всюду палачем или рассказывают о его недавних издевательствах над больными каторжанами в так называемом Орловском централе.

...Больные отданы в руки фельдшера, который к больным относится хуже, чем к собакам, и рассматривает всякого больного, как своего личного врага, а ведь здесь всякий из нас — больной, и иначе быть не может. Пища отвратительная — вечно капуста без всякого вкуса — пять раз в неделю, и нечто вроде гороха — два раза; дают и по одной-две ложки каши в день, немасленой, и что такая порция может дать. Единственное подкрепление для тех, кто поддержки из дому не получает — это полтора фунта черного хлеба (чаще всего с песком), либо один фунт белого. Долго ведь на такой пище не проживешь! Всякий из нас бледен, зеленый или желтый, анемичен. Белье сменяют каждые 2 недели — белье грязное, вшивое. Никто не может избавиться от паразитов, потому что в камерах тесно. Я, например, сижу в камере вместе с 60 (несколько

недель назад нас было 71) в камере на 37 человек. И это мы уже являемся привилегированными, потому что в такой же камере, бывало, находилось по 150 человек — пересыльных и так называемых военнобязанных. — Так, вот, ничего удивительного в том, что среди них раньше всех появился тиф и наибольшее количество жертв пожирал и пожирает. Я сейчас сижу в сухой камере, но большая часть остальных камер настолько сырые, что течет с потолка и стены мокрые. Ко всему, однако, привыкает человек—и он становится нечувствительным, равнодушным—старается мысль свою заполнить чем-нибудь иным. Лично я имею все, что здесь иметь возможно. Живу я с десятком с лишком других в тесном кружке, вместе занимаемся, некоторым помогаю учиться — так вот время и проходит — так быстро, что трудно поверить, что вот уж восьмой месяц, как нас вывезли из Варшавы. Получаю «Правительственный вестник» — брат мне выписывает — и мы знаем все, что можно узнать из телеграмм об этой современной войне. Мы живем в теснейшем кружке, потому что в камере имеются различные, совершенно нам чуждые люди и наши враги — те, которые пришли сюда за измену, за деньги — за шпионаж. Отвратительные это люди — нет среди них ни одного идейного, которого можно было бы хотя бы только уважать. А среди остальных тоже имеются различные типы. Ничто не выявляет так душу человеческую, как вот эта совместная жизнь. Познаешь ее — и тоска по иным условиям, по иной жизни становится еще сильнее, но она исцеляет и оберегает от пессимизма и разочарования. И если бы я мог писать о том, чем живу, то не писал бы ни про тиф, ни про капусту и вшей — но про нашу тоску, о ныне от нас оторванных идеях, но, тем не менее, остающихся для нас в самом деле хлебом нашим насущным... Когда я думаю о том, что сейчас творится — о повсеместном как будто сокрушении всяких надежд, — я прихожу к выводу для себя, что жизнь зацветет тем скорей и сильнее, чем сильнее сейчас это сокрушение. И я стараюсь о резнях нынешних не думать— об их военных последствиях, — я стараюсь смотреть вперед и видеть то, о чем сегодня никто не говорит...

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
О Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОМ

Тов. Дзержинский родился в семье мелкого помещика в Ошмянском уезде Виленской губ. в 1877 году. Как и вся польская шляхта и польское дворянство того времени, он воспитывался в родительском доме в духе строгого католицизма и польского патриотизма. То же самое продолжалось в первые годы его пребывания в 1-й Виленской гимназии. В те времена в Вильне и во всей Литве и Белоруссии свирепо преследовалось царскими жандармами, чиновниками и учителями все польское и католическое, как нечто неотъемлемое от польского. Это преследование вполне естественно вызывало протест среди молодого поколения, своими глазами не видевшего виселиц Муравьева-Вешателя, но знавшего о них по рассказам матерей и живо чувствовавшего на каждом шагу свое бесправие и унижение.

Тов. Дзержинский об этом периоде своей жизни рассказывает:

«Будучи еще мальчиком, я мечтал о шапке-невидимке и уничтожении всех «москалей». Будучи в гимназии, до 6-го класса я был очень религиозным, даже собирался поступить в римско-католическую духовную семинарию. Мать и один ксендз отговорили меня от этого... Из-за религиозной практики у меня были даже споры со старшими братьями. Будучи в 4-м классе, я заставлял их богу молиться. Когда, уже будучи студентом, приехал на каникулы старший брат и спросил меня, как же я представляю себе своего бога, я ответил ему: «Бог — в сердце». И сказал: «Если я когда-нибудь приду к выводу, что бога нет, пущу пулю себе в лоб».

«Однако, этого не случилось. Когда я был в 6-м классе гимназии, произошел перелом — в 1894 году. Тогда я целый год носился с тем, что бога нет, и всем горячо доказывал это.

---

[1] Предлагаемые читателю воспоминания записаны мной со слов самого тов. Ф. Э. Дзержинского в конце 1922 года во время возвращения вместе с ним из Тифлиса, где специальная комиссия ЦК РКП(б) в составе Ф. Э. (председатель), Мануильского и меня разбирала дело грузинского ЦК. Для более полного освещения ранних лет Ф. Э. я только кое-где даю необходимые дополнения и разъяснения. В. Мицкевич-Капсукас.

В том же году я попал в кружок Моравского[1], который дал мне читать «Эрфуртскую программу». В 1895 г. у меня уже был свой кружок, которым я руководил. Знакомил членов кружка со взглядами на вселенную, первобытным обществом и его развитием; наконец, переходили к «Эрфуртской программе». В моем кружке был и Либер[2] с сестрами.

На каникулах, кажется в 1896 г., я поехал давать уроки для детей помещика Сволки, кажется, в Лидском уезде. Получал по 50 руб. в месяц, и все эти деньги передал организации (Литовской социал-демократической партии). Сообщение тов. Перазича о каком-то наследстве не соответствует действительности»[3].

Работа в «христианских» кружках шла в общем по тому же пути, как и в еврейских кружках, прекрасно описанных Ю. Мартовым в его «Записках социал-демократа», и имела приблизительно те же результаты. Между прочим и в этих кружках разгорелась та же борьба между сторонниками агитации и пропаганды, как и в еврейских кружках, только здесь она не приняла таких огромных размеров. Тов. Дзержинский так рассказывает об этой борьбе:

«Рабочие члены кружков старались не пускать руководителей в массы, не давали им связей. Они хотели сами возможно больше почерпнуть в кружках. Заставляли учить их даже грамоте, арифметике... А на массу смотрели, как на не способную понять идеи социализма.

С массами я начал знакомиться при содействии одного рабочего поэта. Заходил вместе с ним на вечеринки и в

---

[1] Альфонс Моравский — один из основателей так называемой Литовской СДП (впоследствии СДП Литвы), к которой сначала примкнул и т. Дзержинский. Моравский был тогда уже сложившимся социал-демократом, почти интернационалистом. Вскоре он вынужден был эмигрировать и сделался определенным социал-патриотом; наконец, совершенно отошел от рабочего движения. После революции 1905 г. работал в администрации кадетской «Речи». После Октябрьской революции примазался к Советской власти и в начале 1919 г. был командирован в советскую Литву с торговыми поручениями. После падения Советской власти в Литве остался там и поступил на службу к бело-литовскому правительству. Сделался экономистом и идеологом литовской буржуазии. Сейчас является профессором в Ковенском университете. В то же время поддерживает связи с с.-д. Литвы.

[2] Впоследствии один из вождей «Бунда».

[3] В своих воспоминаниях о виленской работе, появившихся в 1922 г. в «Красной Летописи» № 2—3, т. Перазич писал, что Дзержинский передал на нужды организации какое-то наследство.

кабачки, где после получки собирались рабочие, и там вел агитацию на экономической почве. О политике (царе и пр.) нельзя было говорить. Когда однажды в кабачке возле Стефановского рынка один старый рабочий заговорил о восстании, другие рабочие избили его бутылками.

Только после упорной борьбы с передовыми рабочими в кружках перешли от кружковой работы к массовой агитации. Тогда (в 1896 г.) вышла брошюра Моравского «Об агитации» (на польском языке), и мы работали согласно ее указаниям»[1].

Брошюра Моравского фактически тоже ничего нового не внесла по сравнению со знаменитой виленской брошюрой «Об агитации», написанной руководителем еврейских кружков Кремером и проредактированной Ю. Мартовым. Брошюра Моравского также рекомендовала определенную постепенность в восхождении от повседневных экономических нужд к общим политическим требованиям. Она только прибавила некоторые факты из опыта польского рабочего движения.

Тов. Дзержинский тоже был тогда экономистом. Это доказывают также многочисленные его корреспонденции в «Robotnik Litewski». В одной корреспонденции он пишет: «Увеличение заработной платы, сокращение рабочего дня — это основные наши лозунги в борьбе с капиталистами. Политическая свобода — это наш лозунг в борьбе с правительством. А когда победим царское правительство, когда мы сможем свободно об'единяться и вслух обсуждать свои дела, когда нам можно будет открыто развивать классовое сознание отсталых рабочих, тогда все увеличиваться будет солидарность и сила рабочего класса и таким же путем, как покончим с царизмом, покончим потом и с господством капиталистов»[2].

Это единственное место во всех его корреспонденциях. В других корреспонденциях он сообщает лишь богатейший материал об экономическом положении рабочих, об их неимоверной эксплоатации и призывает их к борьбе за улучшение своего экономического положения. Эти корреспонденции безусловно свидетельствуют о превосходном изучении тов. Дзержинским положения рабочих

---

[1] Собственно говоря, отдельной брошюры «Об агитации» на польском языке не вышло. Этот вопрос разбирался в брошюре Моравского «Przyczynek do programu litewskeij social-democracji», 1896 г. (К программе ЛСДП). — **В. М.-К.**

[2] См. «Robotnik Litewski» № 2, октябрь 1897 г., стр. 31—32.

и его близости к ним. Но в своей повседневной борьбе и дальше экономистов он еще не идет.

И в своих воспоминаниях он говорит: «Необходимость соединения экономической борьбы с политической я себе усвоил только в ссылке».

Не обошлось и без интересных инцидентов во время этой юношеской еще работы тов. Дзержинского. Виленские кожевники, которые впоследствии явились главными застрельщиками рабочего движения не только в Вильне, но и во всей Литве и Зап. Белоруссии, уже в середине 90-х годов вступили в борьбу со своими эксплоататорами. К наиболее отсталым кожевенным рабочим города Вильны и тогда, как и впоследствии, принадлежали рабочие завода Гольдштейна. Они и тогда не примкнули к забастовке кожевников, как многократно и впоследствии не примыкали. На этой почве шла между рабочими более передовых заводов и рабочими завода Гольдштейна ожесточенная борьба. При случае они мяли друг другу кости и били головы. Однажды поймали рабочие завода Гольдштейна «агитатора Яцека» (тогдашняя кличка тов. Дзержинского) вместе с упомянутым уже рабочим-поэтом и их также избили.

«Мне нанесли ножевые раны по правому виску и голове,— рассказывает тов. Дзержинский.— Доктор Домашевич потом защил рану. Поэта меньше избили, так как он сразу свалился с ног, а я защищался... Наконец, более сознательные кожевники решили устроить бойню рабочим Гольдштейна и только после здоровой их трепки (на Поплавах[1]) наступило примирение. Виленская организация ЛСДП в связи с этой трепкой издала воззвание. После этого и на Поплавах можно было свободно ходить без опасения быть избитым».

Политические взгляды тов. Дзержинского были еще не оформлены. В Польше тогда уже работала вполне оформленная, национально-социалистическая ППС, основанная в 1893 г.; в 1894 г. была основана Р. Люксембург, Тышко, Мархлевским и Варским интернациональная СДП (полное ее название: СДКП — социал-демократия королевства польского). Однако тогда еще не была вполне выявлена социал-патриотическая физиономия ППС, и симпатии многих русских с.-д., в том числе Плеханова, Ленина и целой группы «Рабочего Знамени», были на стороне ППС, как сильной политической партии, борющейся против ца-

[1] Поплавы — одно из предместий Вильны.

ризма[1]. В Вильне пыталась работать тогда ППС, но большим успехом не пользовалась. Литовская социал-демократия создалась отчасти в борьбе с ППС, но в то же время отдельные ее вожди, например Домашевич, находились под большим влиянием социал-патриотизма ППС с той только разницей, что они были не польскими, а литовскими социал-патриотами. С другой стороны, на литовскую с.-д. оказывали влияние виленские еврейские работники, предшественники Бунда, и отчасти группа «Освобождение Труда» (через упомянутых еврейских работников и тт. Спонти и Перазича, работавших одно время в Вильне вместе с литовским с.-д.). Было также некоторое влияние и с.-д. Польши. Между прочим, в 1895 г. приезжала в Вильну Р. Люксембург; под влиянием СДП в начале 1896 г. откололась часть литовской с.-д. с Залевским (Трусевичем) во главе и создала рабочий союз Литвы, похожий на работавший в Польше от 1889 до 1894 г. союз польских рабочих, ударявшийся на первых порах в экономизм.

Тов. Дзержинский рассказывает:

«С Бундом были хорошие отношения. Моравский был интернационалистом, Домашевич проявлял национальный уклон. Разница между литовской с.-д. и рабочим союзом Литвы мне тогда не видна была. Моравский об'яснил, что Окулярник (Залевский-Трусевич) откололся на личной почве, и я этим удовлетворился».

О своей повседневной работе рассказывал тов. Дзержинский мало. Указал только, что работал по изданию воззваний у сестры Каспровича, «которая была наиболее близка нам». «Работал вместе с рабочим Бальцевичем, тогда еще молодым парнем. Кажется, он убил провокатора Рафалка[2]. Вместе с ним мы печатали, потом расклеивали прокламации, иногда до самого утра».

«Когда подошел экзамен на аттестат зрелости, я бросил гимназию (в 1896 г.), мотивируя это тем, что развиваться можно и работая среди рабочих, а университет только отвлекает от идейной работы, создает карьеристов».

«Надо быть ближе к массам рабочих и самому с ними учиться» — так он определяет свое тогдашнее настрое-

---

[1] См. Ю. Мартов, Записки социал-демократа, Москва 1924 г., стр. 325.

[2] Бальцевич — один из наиболее активных виленских рабочих, впоследствии член СДКПиЛ и член ее ЦК. Умер от туберкулеза легких в 1904 г.

ние в выпуске I «Материалов для биографического словаря социал-демократов».

Тов. Перазич такую характеристику дает тов. Дзержинскому в его юношеские годы: «На меня он производил тогда впечатление какого-то героя из исторических романов Сенкевича (Збышка или какого другого из его воплощений), перенесенного в обстановку современности»[1]. И в памяти литовских рабочих он таким сохранился.

Во избежание ареста в 1897 г. тов. Дзержинский был послан на партийную работу в Ковно. О работе в Ковно он рассказывает:

«Там я работал очень активно около полугода. Связь с рабочими завязал через одного слесаря (сапожника Юзефа Олехновича. — *В. М.-К.*), прибывшего из Вильны. Пепеэсовская организация в Ковно тогда была разбита: сели Кульчицкий и Овсей Портной. Работа шла успешно и давала хорошие результаты. Связи были со всеми заводами. Я дал тогда массу материала о положении ковенских рабочих в «Robotnik Kowinski» (вышел всего один номер, гектографированный, материал в нем исключительно мой) и «Robotnik Litewski»[2]. Неграмотным литовским рабочим читал на литовском языке «Ojciec Szymon». Вел забастовки. Между прочим, в Алексоте[3] в результате забастовки был сокращен рабочий день на 3 часа. Но это не помешало рабочим этой фабрики после моего ареста уличить меня; уличили все, за исключением одной работницы.

Условия моего существования в Ковно были весьма тяжелые. Я устроился на работу в переплетную мастерскую и весьма бедствовал. Не раз текла слюнка, когда приходил на квартиру рабочих и в нос ударял запах блинов или чего-нибудь другого. Иногда приглашали меня рабочие вместе поесть, но я отказывался, уверяя, что уже ел, хотя в желудке было пусто.

---

[1] См. «Из воспоминаний» (1896—1897 гг.) Перазича, «Красная Летопись» 1922 г., № 2—3, стр. 108.

[2] В № 2 «Литовского Рабочего» помещены его обстоятельные корреспонденции-статьи из фабрик: Рекоша, Шмидта, Тильманса, об условиях работы на ковенском трамвае, в переплетном деле, на фабрике штифтов в Алексоте, на механическом заводе в Горной Фрейде и пр. «Ковенский Работник» был издан 1 апреля 1897 г. в четверть листа, 7 страниц. Он популярно раз'ясняет, как рабочие должны бороться против капиталистов, которым помогает правительство и духовенство и дает корреспонденции из целого ряда ковенских фабрик и заводов.

[3] Предместье Ковно.

Арестовали меня в 1897 г. Был выдан одним рабочим, которому принес в скверик возле собора нелегальные книжки. Предатель получил за свою работу 10 рублей. Просидел 11 месяцев в тюрьме и в 1898 г. был сослан административным порядком на 3 года в Вятскую губ.

Еще из ковенской тюрьмы написал ругательское письмо в Вильно, почему ЛСДП не приняла участия на с'езде РСДРП.

В ссылке оставался недолго. Сначала попал в Нолинск, где работал на махорочной фабрике. Но потом за то, что вышвырнул из своей комнаты полицейского, был отправлен на 500 верст севернее, в село Кайгород. Туда был переведен вместе с народником Якшиным. Сначала мы с ним много спорили. Потом бросили. Там я узнал крестьян и признал вполне правильным взгляд на них марксистов (в частности Плеханова).

После побега из Вятской ссылки (в августе 1899 г.) я прибыл в Вильно, но никого из старых работников там не застал. ЛСДП организация была разбита. Лучшие работники были в ссылке. Остатки ЛСДП организации собирались об'единиться с ППС. Я встретился только с Козловским, принадлежавшим к рабочему союзу Литвы. Не мог получить даже паспорта. Случайно получил при содействии одного молодого еврея паспорт за 3—4 рубля и отправился в Варшаву. При помощи бундовцев, с которыми оставались у меня хорошие отношения, я связался с варшавскими рабочими.

У СДП тогда не было организации. Остатки с.-д. рабочих после разгрома 1896 г. вошли в пепеэсовскую организацию. Я вошел в организацию ППС и начал работать среди сапожников; на их кружках критиковал ППС. Таким образом, после отчаянной борьбы удалось мне оторвать от ППС значительную часть рабочих и вместе с Россолом восстановить СД Польши».

Дзержинский тогда был уже вполне установившимся революционным социал-демократом. В ноябре 1899 г. он едет в Вильну. На квартире у бывшего бундовца, сейчас коммуниста, тов. Ленского созывается совещание виленских с.-д. На совещании принимают участие кроме Дзержинского: литовское с.-д. — Томаш (партпрофессионал, сейчас коммунист) и Петр Сукнелевич (сапожник) и союзовец Козловский. Тов. Дзержинский доказывает, что необходимо решительно бороться против национализма и ППС развивает организационный план — создание об'единенной СДКП и Литвы. Идея тов. Дзержинского на-

шла отклик. Только Петр Сукнелевич впоследствии не примкнул к СДКПиЛ[1].

В это время бежал из Восточной Сибири организатор рабочего союза Литвы тов. Залевский (Трусевич). В январе 1900 г. он созвал в Минске с'езд союза, и на нем решено было об'единиться с СДКП. Тов. Дзержинский приехал на этот с'езд с некоторым опозданием — уже после принятия этого решения. В ЦК вошли тт. Дзержинский, Козловский и Залевский[2]. Главным создателем СДКПиЛ, несомненно, был тов. Дзержинский, хотя его скоро арестовали. Она была создана из СДКП, рабочего союза Литвы и части литовской с.-д.

В январе 1900 г. Дзержинский был арестован, но организация уже стояла на ногах. В 1902 г. он был сослан в Вилюйск, но по дороге туда из Верхоленска бежал вместе с эсером Сладкопевцевым.

Об этом побеге так рассказывает тов. Дзержинский.

«Еще в Александровском централе задумали бежать, хотя я был нездоров, принимал уколы. Решили бежать с дороги, но не вышло. Тогда бежали из Верхоленска на лодке по направлению к селу Знаменке. Был очень густой туман. Ночью лодка стукнулась о дерево, и я упал в реку. Схватился за борт, но лодка пошла ко дну. Сладкопевцев выскочил на дерево, бросил мне полено и я спасся. Оказались мы на острове. Развели костер, обогрелись. По берегу реки проезжала подвода — попросили, чтобы сказали в деревне крестьянам, что, мол, несчастье случилось. Крестьяне подали лодку, взяли нас. Вышли мы на берег крестясь и благодаря господа бога за спасение жизни. Рассказали крестьянам, что мы купцы, едем в Якутск мамонтовую кость покупать. Случилось несчастье — лодка пошла ко дну и вместе с ней наш скарб. Мы «спорили» между собой, как дальше быть. Решили ехать через Балаганск в Иркутск к «отцу», чтобы запастись деньгами и опять поехать. Крестьяне отпустили. По дороге встретили исправника и земского начальника. Вечерело; лежа в повозке, проехали. За тайгой в деревне стоит толпа. Увидев нашу подводу и услышав колокольчики, хлынула в нашу сторону. Один старик на колени стал. Потом встал и крикнул: «Кто? Куда? Зачем?». Мы изобразили из себя оскорбленных господ. Я потребовал бумагу и начал

[1] Эти сведения получены мною от т. Томаша и подтверждены другими товарищами.

[2] Сообщения покойного Залевского.

писать «жалобу генерал-губернатору». Стал спрашивать фамилии крестьян. Крестьяне испугались и изменили свое отношение к нам. Старик повел нас к себе. Мы обругали его и сказали, что ни одного часа у такого человека не останемся. Пошли к другому крестьянину, знакомому нашего ямщика. Там узнали, что общество пропило земские деньги и поэтому волнуется. Когда нас увидели, думали, что исправник возвращается, который поехал дорогу осматривать... Потом благополучно поехали мы дальше».

«Возвратившись в Польшу, через Сосновицы я направился в Берлин, где имел бундовскую явку. Через бундовцев связался с Р. Люксембург и Тышко. Роза рекомендовала мне последнего, как творца СДКП. Было созвано совещание заграничных товарищей, на котором, кроме Р. Люксембург и Тышко, принимали участие Варский, Ганецкий. Я ополчился против бездействия партии в Польше. Решено было издавать «Szerwony Sztandar» (Красное Знамя) — мое название было принято.

Потом я был направлен на работу в Краков, откуда часто ездил нелегально в Польшу. После январских дней 1905 г. я окончательно переехал в Варшаву. Летом был арестован на партийной конференции под Варшавой. Сидел около 3 месяцев, до октябрьского манифеста.

В конце 1906 г. опять был арестован в Варшаве на квартире тов. Красного, но в июне 1907 г. был освобожден под залог.

В апреле 1908 г. перед от'ездом за границу (вся предварительная работа была сделана — поставлена типография и пр.) — опять был арестован. Судили по двум делам (старому и новому) и по обоим дали (два раза) лишение всех прав состояния и ссылку в Сибирь. Кроме того, дали 3 месяца за «фальшивку». Отправили в Тасеевскую волость Канского у. Пробыл там только 7 дней и бежал.

Опять был арестован в 1912 г. Получил каторгу... Когда сидел в 1916 г. в Москве в Бутырках, из 12 человек (однокамерников? — *В. М.-К.*) только я один верил в неизбежность революции. Между прочим, я пошел в пари с анархистом Новиковым. Я утверждал, что к началу 1918 г. революция всех нас освободит. Если это не случится, я согласился весь свой заработок отдать Новикову; а если случится, — Новиков идет в подчинение ко мне. Когда Февральская революция 1917 г. освободила нас, Новиков, действительно, «подчинился» мне и стал коммунистом».

Записал В. Мицкевич-Капсукас

ВОСПОМИНАНИЯ[1]

Мои воспоминании о Дзержинском относятся к первым годам его общественной и революционной деятельности.

Дзержинский был учеником 1-й гимназии в Вильне, где в 1893—1894 годах создаются ученические самообразовательные кружки, с неопределившейся еще общественной программой. Дзержинский принимает участие в организованных его школьными товарищами — Малецким и Бараковичем — кружках, задача которых состояла в изучении польской литературы и истории.

Кружки Малецкого, об'единявшие почти всю польскую гимназическую молодежь средних и высших классов в Вильне, в скором времени встретились с другой группой ученических кружков определенно-социалистического направления. В то время во главе их был Станислав Трусевич («Окулярник»), недавно прибывший в Вильну с целью укрепления рабочей организации. Кружки Малецкого вскоре принимают социалистическую программу и присоединяются к кружкам «Окулярника», в которых предводительствовали Милевский, Мечислав Козловский, Засулич и др. Одновременно с этим, кружки Малецкого встречаются с группой социалистов-интеллигентов под руководством доктора Домашевича и Зайонца (Моравского).

Руководящая группа кружков Малецкого под предводительством Малецкого, Дзержинского, Барановича соединяется с группой Домашевича — Зайонца и создает руководящую группу рабочей организации, которая вскоре после этого начинает именоваться литовской социал-демократией.

На первом с'езде зимой 1896 г. литовская социал-демократия принимает свою первую программу, которая в сущности является повторением Эрфуртской программы. По наиболее жгучему в то время вопросу о независимости Польши программа литовской социал-демократии занимает неопределенную позицию. Однако высказывается за так. наз. Федерацию Литвы. Литовская социал-демократия ведет бешеную борьбу с ППС, влияние которой среди виленских рабочих было ничтожно, но одновременно с

[1] Эти воспоминания являются переводом польской статьи, помещенной в изданном Центриздатом сборнике, посвященном памяти Ф. Э. Дзержинского.

этим ЛСД ведет борьбу и с «Рабочим союзом», возглавляемым Трусевичем.

Дзержинский принимает самое деятельное участие в теоретической и организационной работе Литовской социал-демократии в Вильне. Совместно с Зайонцом он является душой организации среди рабочих. Еще будучи учеником 6-го и 7-го классов, Дзержинский становится главным организатором и агитатором среди ремесленного пролетариата в Вильне. Организационная работа состояла в то время в привитии элементарных политических знаний отдельным рабочим, погрязшим в клерикальной и мещанской идеологии, и втягивании их в организацию. Это было нелегкое дело, но энергия и пыл Дзержинского ломают все препятствия. Он приобретает прочные связи с рабочими. Вскоре он встречается с выдающимся рабочим «Александром» (Беренчиком), с «Пахой», а из молодых — с «Франциском» (Карчмарком из Лодзи), «Петром», «Яным» (Янулевичем) и другими. Организация ЛСД обнимала все более и более широкие круги. Но юные агитаторы вынуждены вести со своими противниками не только словесную борьбу. В то время виленские пролетарии чувствовали, что кулак у них сильнее слов. Дзержинскому с товарищами не раз приходилось возвращаться с агитационных экскурсий с синяками и опухолью на лице. Но эти приключения еще крепче соединяли его с сознательными рабочими — он стал душой виленских рабочих кружков.

Дзержинский все больше порывает свои интеллигентские и даже школьные связи и поселяется в мансарде с рабочим «Франциском» (в предместии Заречье), чтобы влиться в эту среду, стать ближе к рабочим. В это время Дзержинский был исключен из 7-го класса гимназии. Группа учеников разговаривала по-польски в стенах гимназии и получила за это нагоняй с упоминанием о «собачьем языке». Дзержинский смазал учителя по физиономии и был изгнан из школы с «волчьим билетом».

Кульминационной точкой деятельности литовской социал-демократии было лето 1897 г. Литовская социал-демократия провела ряд массовых забастовок, ставших откликом знаменитых выступлений петербургских рабочих в 1896 г. Бастовали сапожники, портные, пекари, столяры, кожевники, строительные рабочие. Бастовали также каменьщики.

Забастовка окончилась небывалой победой. Рабочие добились повышения заработной платы. Впервые было введено ограничение рабочего дня до 11½ часов, как гласил

закон, вместо прежних 16—18. Было введено «человеческое обращение» мастеров с рабочими вместо применявшегося ранее мордобоя и раздавания пинков направо и налево. Вдохновителем этих забастовок был Дзержинский. Говорили, что его можно встретить одновременно в разных концах города. То встречали его агитирующим среди кожевников, где однако же предводительствовали сторонники «Окулярника» (Руликовский, «Сова»). Было выполнено несколько удачных покушений на провокаторов. Но эти первые победы дорого обошлись первым рабочим организациям в Вильне. Посыпались массовые аресты. Арестовали «Александра», Янулевича, Кацперовича, «Поэта»; в конце концов, Домашевичу («Аксамитный») «Франциску», Дзержинскому и Зайонцу пришлось удирать.

«Союз рабочих» с «Окулярником» и «Совой» во главе был почти целиком разогнан. Феликс переселился в Ковно и со свойственной ему энергией приступил к агитации и организации среди местного пролетариата. Но на ковенской почве Феликсу не пришлось столкнуться с ударными работниками. Он хотел в кратчайшее время сгруппировать возможно большее количество рабочих. С этой целью он покинул менее энергичных работников и искал новых связей. В поисках этих связей он натолкнулся на ненадежных людей, которые выдали его полиции.

Пишущий эти строки в качестве «редактора» «Эхо рабочей жизни» (60 экз. на гектографе) получал корреспонденции Феликса из Ковно, где он описывал преимущественно столкновения в ковенских промышленных предприятиях. В одной весьма характерной корреспонденции говорится об отношении рабочих какой-то сапожной мастерской к агитации мастеров за сбор пожертвований на воздвигаемый в то время в Варшаве памятник Мицкевичу. Дзержинский со всей решимостью выступил против участия рабочих в этом общенациональном торжестве. А ППС уже повела агитацию за участие рабочих в этой манифестации.

Несколько месяцев спустя (в начале зимы 1897/98 г.) мы стали получать «грипсы» — корреспонденции из ковенской тюрьмы. Дзержинский жаловался на тяжелые условия и побои жандармов. Он страстно желал вырваться из тюрьмы и поклялся отомстить жандармам за свои обиды. Эту клятву он сдержал.

В те времена в литовской социал-демократии стали определенно намечаться два направления. Одно — международное, во главе которого стояли «Серапион» (Перазич), Дзер-

жинский, Гольдман Леон и Гольдман Михаил (будущий бундовец Либер). Другое, значительно превосходящее численностью направление склонялось в сторону независимости. Вождями этого направления были Малецкий, Баранович, а также Домащевич.

Разгорелась во-всю фракционная борьба на почве агитации обоих Гольдманов за участие литовской социал-демократии в первом с'езде РСДРП, состоявшемся вскоре в Минске в 1898 г.

Главным козырем в руках противников участия были организационные вопросы. В принципе сторонники независимости не возражали против создания Всероссийской социал-демократической партии. Они доказывали только, что участие ЛСД в такой партии практически ничего не даст. Дзержинский высказался за безусловное участие литовской социал-демократии не только в с'езде российской социал-демократии, но и в дальнейшей работе во Всероссийской партии.

Но Дзержинский был вскоре арестован. Литовская социал-демократия не участвовала на Минском с'езде.

Сосланный в Вятскую губернию, Дзержинский встречается с русскими социал-демократами, знакомится с их мировоззрением и становится интернационалистом.

Осенью 1899 г. Дзержинский бежит из ссылки. В августе 1899 г. я встретил его в Вильне на углу Бернардинского и Ботанического переулков. Он вел себя весьма конспиративно и поздоровался со мною, только убедившись, что поблизости никого нет.

Дзержинский мне после рассказывал, что попал к старым друзьям Малецкому, Барановичу и др., которые не хотели пустить его к виленским рабочим и советовали уехать за границу. До виленских рабочих он не добрался. Только ему одному известными путями он сумел добраться до центра пепеэсовских агитаторов в Варшаве. Вскоре вся эта группа, обладавшая лучшими в Варшаве работниками, перешла на сторону Дзержинского. Напрасно трудились и старались пепеэсовские интеллигенты. На десятках собраний Дзержинский одерживал победу.

Было время, когда при помощи этой центральной группы агитаторов Дзержинский сорвал в Варшаве ту связующую организационную нить, которая соединяла верхушки ППС с рабочими низами.

Таким образом, благодаря усилиям Дзержинского заново создается организация польской социал-демократии, долгие годы не существовавшая в Варшаве.

В декабре 1899 г. я встретил Дзержинского в Вильне в квартире тогдашнего бундовца, а ныне коммуниста Ленского. Тов. Дзержинский предложил соединить организации социал-демократии Польши и социал-демократические организации Литвы для совместной работы среди пролетариата Польши и Литвы.

На конференции, происходившей в то время в Вильне—в составе Дзержинского от с.-д. Польщи и Мечислава Козловского от «Рабочего союза» (группы «Окулярника»), затем «Петра» и меня от ЛСД,—были выработаны основы соединения всех упомянутых организаций в единую с.-д. Польши и Литвы.

Программным основанием об'единявшихся организаций была программа российской социал-демократии. Основным политическим лозунгом была борьба за получение конституции во всероссийском масштабе. Создающаяся партия порывает с идеологией независимости и исключает из своей программы какие бы то ни было непосредственные устремления к автономии или федерации Польши и Литвы.

Подробную программу предполагается выработать на ближайшем с'езде. Избирается временный организационный центр с Дзержинским во главе. В январе 1900 г. Дзержинский был арестован в Варшаве, а в феврале я получил предложение выехать в Варшаву для продолжения начатой Феликсом работы. Приехав в Варшаву, я вступил в организацию, оставшуюся после ареста Дзержинского. «Испанец», «Монополь», «Червоны», «Бискуп» и старый Россул играли в этой организации первые роли.

Меня удивляла способность Дзержинского находить таких людей, за которыми шли передовые отряды варшавского пролетариата. Ведь я знаком был с интеллигентской группой с.-д.—с Хвалевиком, Кошутским Станиславом, Яголковской, сестрами Мархлевского и др.—с группой, которая существовала в Варшаве несколько лет, поддерживала связи с несколькими рабочими кругами, однако серьезного влияния среди пролетариата не достигала.

Только невероятная энергия и способность целиком отдать себя служению идее, соединенные с простым обращением и близостью к будничным нуждам рабочих, не книжных рабочих, а настоящих, взятых из жизни, со всеми их хорошими и дурными качествами,—только это позволило Дзержинскому целиком завоевать доверие наиболее выдающихся пролетариев Варшавы, которые в свою очередь вели за собой передовые отряды рабочего класса. Таким образом Дзержинский сумел положить начало чисто про-

летарской организации СДПиЛ, которая долгие годы вела польский пролетариат к борьбе с преобладающими силами врагов и претерпела много ударов и поражений.

В течение многих лет варшавская СДПиЛ жила «преданием о Дзержинском». На строго ограниченных организационных собраниях и на широких рабочих массовках и даже в узких домашних кружках варшавского пролетариата — толковали о Дзержинском, о том, как он побеждал в спорах противников, какие доводы выдвигал против независимости Польши, как обосновал свою эсдековскую программу, как добывал себе сторонников. Больше всего действовала на рабочих его вера в победу пролетариата, его революционный пыл, мужество и готовность к жертвам и лишениям. Привлекала его простота, понимание души рабочего, его стремлений и нужд. Помню, с каким жаром говорили о Дзержинском те рабочие, которым приходилось встречаться с ним лично. Больше всего нравилось им в Дзержинском то, что с ним можно было говорить решительно обо всем: и о высокой политике, и о нуждах рабочей семьи и, наконец, о пролетарских удовольствиях и развлечениях. Дзержинский не пренебрегал и домашними собраниями рабочих и их вечеринками и танцами. Особенно его любили на «юбилейных» праздествах.

Неудивительно, что Дзержинский собрал вокруг себя кучку людей, готовых итти за ним в огонь и в воду. При содействии столь преданных ему людей, Дзержинский выполнял в течение недель или месяцев то, на что другим понадобились бы годы.

Помню, как после побега из Сибири — уже будучи членом Главного правления СДПиЛ, — Дзержинский из-за границы руководил нашей организацией, как он интересовался мельчайшими подробностями, как принимал к сердцу всякое дело, как беспокоился и заботился об организации — как будто о своем добре.

Потом я встретился с Дзержинским в 1910 г., когда, в качестве меньшевика-члена РСДРП, я предложил свои услуги для работы в Варшавском комитете СДПиЛ, которая в то время входила в состав российской социал-демократии.

Прежде чем допустить меня к работе, Дзержинский долго меня допрашивал, добиваясь знать, какие мотивы руководили мною — меньшевиком, желавшим участвовать в работе СДПиЛ.

Затем, уже будучи коммунистом, я встретил Дзержинского в 1922 г. Он совершил уже свои великие дела в ЧК

Он стал гигантом, стал живым изображением революционного «грома, сверкающего молнией». Его твердое сознание и неудержимая энергия выросли в могущество «молниеносного действия», которое не раз в критические минуты спасало первую в мире пролетарскую революцию и поставило его в первые ряды вождей революции.

Томаш.

НЕСКОЛЬКО ВСТРЕЧ

Мне приходилось в революционной работе много раз сталкиваться с тов. Дзержинским. Можно было бы очень многое освежить в памяти и рассказать. Пока мне хочется попытаться исключительно на основании своей памяти (никаких документов, материалов у меня под рукой нет) кратко рассказать о нескольких встречах с ним, характеризующих его за три периода истории революционного движения.

Первый раз я его увидел зимою 1899 г. Я тогда жил в Варшаве, ведя там социал-демократическую работу среди еврейских рабочих. Дзержинский тогда только что бежал из ссылки и приехал в Варшаву. Он получил, повидимому, в Вильне связь с варшавской организацией Бунда, членом комитета которой я тогда состоял, и явился к группе руководителей этой организации с просьбой связать его с польскими рабочими для того, чтобы возродить среди них социал-демократическую работу. Сильной организацией среди рабочих в Польше была Польская социалистическая партия (ППС), имевшая уже к тому времени крепкий организационный аппарат, налаженную нелегальную прессу и довольно крепкие связи среди рабочих; нам в своей работе очень часто приходилось наталкиваться на работу этой партии. Так как ППС затушевывала классовые противоречия в Польше, сеяла недоверие к революции в России, в частности, к рабочему движению в России, и одурманивала головы рабочих мелко-буржуазным, романтическим национал-социализмом и национал-революционизмом,— то в Польше чувствовалась громадная потребность в восстановлении социал-демократической работы и социал-демократической организации, которая на ряд лет замерла.

Отдельные социал-демократические кружки из польских рабочих были рассеяны по разным городам Польши, были они и в Варшаве. С одним из них наша организация поддерживала связи. Я помню только одного из членов кружка, студента марксиста, имевшего связи среди студентов и рабочих; если мне память не изменяет, его фамилия была Хвалевик. Что он из себя представляет теперь, я не знаю, так как очень скоро тогда же потерял с ним связь. Я вспоминаю следующий случай, относящийся к 28 января 1899 г.,

т. е. к годовщине казни членов партии «Пролетариат»— Бардовского и других. Наша организация решила эту годовщину отметить рядом собраний и листовкой. Большинство руководителей организации Бунда были сравнительно мало знакомы с историей социалистического движения в Польше. Упомянутый выше Хвалевик по нашей просьбе написал большой доклад о польском рабочем движении, в том числе и о партии «Пролетариат». На этом докладе мы и строили свои выступления на ряде еврейских рабочих собраний. Помню, что ППС была чрезвычайно недовольна тем, что мы будим у рабочих Польши память о рабочей партии, действительно революционной и интернациональной, и о тех членах этой партии, которые положили свои головы за дело рабочего класса. ППС этой славной революционной годовщины не праздновала. Кроме Хвалевика вспоминаю из польских социал-демократов, которые имели тогда связь с нами, еще двух товарищей: тов. Э.— студента Варшавского университета, который затем несколько лет, кажется, работал в возродившейся социал-демократии Польши и Литвы, и тов. Кубу-Фирстенберг (Ганецкий), который в то время, насколько мне помнится, служил вольноопределяющимся в армии и имел связи с нашими товарищами, оказывая через них материальную помощь организации, и который потом связался с социал-демократией Польши и Литвы. В ней он сыграл довольно значительную роль.

В эту-то зиму к нам и приехал Феликс Дзержинский. Не помню кто, кажется, мы все дали ему имя «Франек». Его фигура того времени еще теперь стоит перед моими глазами: высокий, тонкий, светлый, с горящими глазами, в каком-то несколько облезлом пальто и чуть ли не смазных сапогах. Удивительное у него было лицо: строгое, даже ригористическое, обличавшее громадную волю, иногда озаряемое улыбкой, которая сразу делала его родным и близким. В эту зиму мы с ним часто встречались, он иногда бывал на наших собраниях и хотя не понимал по-еврейски, но, вероятно, черпал очень много из этих собраний. Расхождения между Бундом и социал-демократией Польши и Литвы, над восстановлением которой работал тогда Франек (Дзержинский), начались только через несколько лет по целому ряду вопросов, а в это время и в следующие год-два работа велась дружно, со взаимной помощью друг другу. Мы помогали Франеку чем только могли и были с ним в большой дружбе. Вспоминаю, мы однажды с ним и еще с одним товарищем сидели в

ожидании какого-то, повидимому, собрания в пивной на Электоральной улице, говорили о своей работе, о планах на расширение этой работы, о настроении рабочих и о дальнейших судьбах революционного движения. В Франеке чувствовался настоящий кровный революционер, всеми фибрами своей души живущий интересами революции, не знающий никаких других дел и интересов. Чувствовался фанатик, настоящий фанатик революции. Я его потом много раз наблюдал, и представление о нем, как о фанатике революции, закрепилось и осталось у меня и по сие время. В этом молодом товарище чувствовался уже тогда большой боец, настоящий рыцарь революции, который без колебания и бесстрашно пройдет свой жизненный путь, отдав все свои силы революции. Когда его чем-нибудь задевали, вызывали его гнев или возбуждение, то его глаза загорались стальным блеском, раздувались ноздри и чувствовалось, что это настоящий львенок, из которого вырастет большой лев революции. Таким революционным львом Дзержинский и умер, не изменив себе ни на одну минуту жизни.

Летом 1901 года я был арестован в Вильне и отправлен в Москву. Там я менял места заключения и зиму 1901/1902 года провел в Бутырках. Сидел я сначала в Часовой башне, а потом нас, группу политических, перевели в одиночное заключение в Северную башню. У нас были связи со всеми политическими заключенными, бывшими тогда в различных помещениях Бутырок. В Часовую башню обыкновенно направлялись те товарищи, которые этапом шли в Сибирь. Вдруг я узнаю, что в Часовую башню прибыл Франек. Между нами немедленно завязалась оживленная переписка, а затем мы каким-то путем, не помню точно каким, добились того, что меня привели в Часовую башню для свидания с Дзержинским. Это было очень трогательное свидание, которое мне запомнилось на всю жизнь. Дзержинский был тогда нездоров: кажется, у него был процесс в легких. Он был как-то особенно трогательно настроен, в течение 15 — 20 минут, которые у нас были в распоряжении, он мне поведал историю своих тюремных мытарств, кое-что рассказал о некоторых моментах своей личной жизни. Он направлялся в Сибирь, и, насколько мне помнится, у него было грустное настроение по поводу того, что ему так мало удалось поработать, и некоторые опасения за условия жизни в Сибири при том нездоровьи, которое он чувствовал. Помню, что он был бледен, худ, с очень грустным выражением глаз. Мы тогда

почувствовали особую близость друг к другу, перешли на «ты». Условились, что я ему буду пересылать переписку, которая придет в тюрьму на его имя. Его большим другом на воле оставалась тогда Юлия Гольдман (сестра известного Либера); от нее в тюрьму получались письма на его имя, которые я аккуратно пересылал в те тюрьмы, через которые должен был проследовать по этапу Франек (упомянутая Юлия Гольдман умерла в Швейцарии от туберкулеза в 1903 или 1904 г.).

Насколько я помню, это был тот же Франек, которого я 2—3 года тому назад видел в Варшаве, тот же революционный львенок, который не успел развернуть по-настоящему своих сил, как уже был заперт в клетку. Он рвался из клетки на волю и был особенно грустен вследствие того, что так мало сделал на воле и больше сидит в тюрьме, чем работает для революции.

Следующие наши встречи состоялись в 1906 г. Помню, что в этом году мы с ним встретились на общепартийной конференции РСДРП [1], которая происходила в Финляндии, кажется, в городе Таммерфорсе, и на которой решался вопрос о тактике партии при выборах во 2-ю Государственную думу. Мы с Феликсом встретились в поезде, везшем нас в Таммерфорс на конференцию (я был в делегации от Бунда). Между Бундом и социал-демократией Польши и Литвы к тому времени уже возникли крупные разногласия. Бунд скатился к меньшевизму, а польская социал-демократия в вопросах тактики твердо шла с большевиками. Ясно, что эти расхождения сказались и на личных отношениях. Помню, что мы встретились достаточно холодно. Феликс несколько оживился лишь тогда, когда узнал, что хотя Бунд стоит за соглашение с кадетами в этой избирательной кампании, но что я лично его тактики не разделяю. На самой конференции взаимоотношения между меньшевиками и бундовцами, с одной стороны, и большевиками и польскими социал-демократами,— с другой, были так напряжены, что никаких отдельных личных встреч у меня с Феликсом на конференции не было.

В конце того же 1906 г. в декабре судьба меня опять столкнула с Дзержинским в тюрьме. Это был период выборов во 2-ю Государственную думу, и эту избирательную кампанию Бунд вел в Польше об'единенно с социал-де-

[1] Речь идет о I Всероссийской партийной конференции в ноябре 1906 г. (см. сборник «РКП(б) в резолюциях ее с'ездов и конференций», изд. 2-е, стр. 46—51). — **Ред.**

мократией Польши и Литвы. Решено было образовать об'единенный социал-демократический комитет для проведения избирательной кампании во всей Польше. Первое собрание этого комитета и было арестовано. На нем было 5 человек: 3 от Бунда и от 2 от с.-д. Польши и Литвы [1]. От Бунда были: 1) Давид Кац (партийная кличка Тарас), который тогда жил и был арестован под именем Славин, 2) Мойсей Душкан (известен как Мойсей переплетчик) и 3) я, проживал тогда под фамилией Меерович. От польских социал-демократов были товарищи Ротштадт-Красный и Ауссем. Второй был арестован под другой фамилией, которую я точно не помню [1]. Заседание происходило на Цегельняной улице, дом № 1, в квартире тов. Линдау, химика по профессии. Не успели мы как следует приступить к работе, как ворвалась банда охранников и солдат и повела нас, рабов божих, в арестный дом при Варшавском магистрате. Около двух суток нам пришлось провести в общей камере при самых ужасных условиях, а затем меня и еще двух товарищей перевели в другую камеру. Я помню, как я был поражен, когда, войдя в камеру, я встретил там тов. Дзержинского.

Из расспросов и разговоров выяснилось, что арестованных с нами представителей польских социал-демократов немедленно связали в одно дело с другими членами этой организации, среди которых в то время происходили громадные аресты. Среди арестованных был тов. Дзержинский. Было составлено большое дело о членах социал-демократии Польши и Литвы, причем главным фигурами в этом деле и в последующем затем процессе были Дзержинский, Файнштейн (Ледер), Ротштадт (Красный) и другие. Я фигурировал в этом процессе под фамилией Меерович, по паспорту которого я и проживал в качестве нелегального. Я не помню теперь точно, сколько времени я тогда провел с товарищем Дзержинским; кажется, очень краткое время, чуть ли не меньше суток. Обстановка, в которой мы вместе сидели, была достаточно гнусна: на полу лежали грязные, отвратительные матрацы, и это, кажется, было все, что вообще было в этой камере. Не помню, кого еще мы там застали, хорошо помню то громадное чувство облегчения, которое у нас было, когда мы попали из ада общей камеры сюда. Также я твердо помню, что тов. Дзержинский относился ко всей этой об-

[1] Третий от СДПиЛ случайно не явился. — **Юз. Красный.**
[2] Под фамилией Свентославский. — **Юз. Красный.**

становке с философским спокойствием; помню частую улыбку на его лице, постоянную озабоченность, очевидно, в связи с громадными арестами, бывшими в партии как раз в момент напряженной революционной борьбы. Общее впечатление от обеих упомянутых встреч: молодой, неопытный, не испытавший еще сил львенок уже возмужал, обогатился большим опытом. Это уже уверенный в себе революционер, чувствующий громадную ответственность за большую организацию, уже упражнявший свои острые и могучие когти в боях с противниками и врагами. Огонь его могучего революционного темперамента соединился с едким сарказмом по адресу противников. Романтизм юности исчез. Появилась беспощадность в партийной борьбе. Предо мною был уже лев революции, в когти которого не особенно приятно попадаться.

В один из последующих годов я его видел в Кракове не помню, в каком году это было. Я был в это время по революционным делам за границей и, будучи в Кракове и узнав адрес Феликса, я к нему по какому-то делу зашел. Встреча у нас была чисто деловая, не помню точно ее содержания, — в памяти осталось представление об очень маленькой квартирке, чрезвычайно скромно обставленной, и о товарище Дзержинском, погруженном с ног до головы в партийные дела, которыми он руководил твердой, опытной и деловитой рукой.

Вайнштейн

ПАМЯТИ тов. ЮЗЕФА

Впервые я встретился с тов. Юзефом в Варшавском комитете военно-революционн. орган. РСДРП в 1905 г. Это был высокий, тонкий и стройный, «как тополь киевских высот», молодой человек. Только несколько времени спустя я узнал, что фамилия его Дзержинский.

Тов. Юзеф принадлежал к числу тех руководителей партии с.-д., которые полагали что польское революционное движение должно итти в тесном контакте с русским, и что партия, защищающая интересы пролетариата Польши и Литвы, конечно, должна действовать в полном согласии с такой же партией России. Отсюда делался вывод, что то, что полезно для развития революционного движения в целях скорейшего свержения царского самодержавия, собственно, в России, столь же полезно и целесообразно для уничтожения царской военной и гражданской власти и над польским пролетариатом. Поэтому, когда вслед за наступлением осенью 1904 г. некоторой политической «весны», вызванной переменой курса внутренней политики после убийства мин. внутр. дел Плеве и замены его «либеральным» Святополк-Мирским, революционное движение начало заметно развертываться, и возникать военные организации для агитации в войсках,— тов. Юзеф выступил одним из первых с предложением начать работу среди войск варшавского гарнизона.

И вот осенью 1904 г., не оставляя своей постоянной работы среди польского пролетариата, он принимает деятельное участие в образовании группки в несколько человек для ведения пропаганды среди солдат.

Само собой разумеется, что по соображениям тактическим вновь образовавшаяся организация, получившая название военно-революционной, должна была действовать, как часть РСДРП, чтобы солдаты понимали, что с ними ведут разговоры члены именно русской революционной партии, а не польской, ибо военное начальство всеми способами прививало им мысль, что поляки — изменники, мятежники и что опасно слушаться тех поляков, которые обращаются к ним, может быть, и с дружескими речами и советами, но про себя помышляют о захвате власти и образовании самостоятельного польского государства.

В состав этой первой военно-рев. организации в Варшаве входили от РСДРП тт. С. Ю. Багоцкий (тогда сту-

дент мед. фак. Киевск. ун-та, а теперь—врач, представитель Красного Креста СССР в Швецарии) и Антонов-Овсеенко (в то время—подпоручик, вскоре дезертировавший и перешедший на нелегальное положение с партийной кличкой «Штык», а ныне—полпред СССР в Чехо-Словакии).

Работа в организации велась самым кустарным способом, тем труднее, следовательно, она была, так как приходилось затрачивать массу энергии вследствие отсутствия налаженного аппарата.

Значительную долю тяжести этой работы нес на своих плечах т. Юзеф.

После целого ряда промахов и неудач, когда удалось состав работников значительно (процентов на 50) пополнить за счет товарищей, прибывших из-за границы, организация получила достаточно оформленный характер, и тогда т. Юзеф уже официальным порядком вступил в члены Варш. к-та воен.-рев. орг. РСДРП, как представитель Варш. к-та с.-д. Польши и Литвы (см. «Договор Военно-Рев. Организации с С.-Д. Польши и Литвы» в моей статье «С.-д. работа в воинских частях варшавского округа в 1905 г.», напечат. в «Пролетарск. Революции» № 8 за 1925 г.).

Тов. Юзеф был одним из наиболее деятельных членов Варш. к-та В.-Р. О. Отдавая все свое время работе среди польского пролетариата, он, в пору существования реорганизованного к-та В.-Р. О., уже не принимал непосредственного участия в пропаганде или агитации в войсках, а работал со свойственной ему энергией лишь в самом к-те, участвуя и в обсуждении плана работ В.-Р. О., и в разработке организационных вопросов, и в составлении редактирования вышеназванного «Договора», затем—устава В.-Р. О., и в редактировании всякого рода воззваний и прокламаций В.-Р. О., а также № 1 «Солдатского Листка», органа нашей организации.

Тов. Юзеф отличался удивительной аккуратностью в отношении посещения заседаний к-та В.-Р. О.: в назначенное время он всегда бывал на месте. В ту пору все мы были конспираторами, но т. Юзеф был особенно строг в выполнении требований конспирации, и вследствие этого своего качества он как-то вдруг незаметно появлялся в квартире, где назначалось заседание к-та и так же незаметно исчезал.

Ту же аккуратность, строгую экономию времени соблюдал он и в тех случаях, когда приходилось с ним

где-либо случайно встречаться для разрешения какого-нибудь срочного вопроса в промежутки между заседаниями к-та. При тогдашних условиях нелегальной работы это качество было особенно ценно для революционера: при аккуратном появлении в условленный час и в условленном месте встречающихся ни одному из них не приходилось торчать лишнее время на улице или в кафэ (обычные места встреч в ту пору в Варшаве) и, следовательно, подвергаться наблюдению шныряющих повсюду шпионов, имевших обыкновение останавливать свое внимание особенно на том, кто, повидимому, поджидал кого-то.

Что из вождей польского пролетариата того времени особенное значение работе В.-Р. О. придавал именно т. Юзеф, видно по тому, что, хотя после его ареста (в конце июля или начале августа 1905 г.) наша организация и продолжала существовать на основании «Договора», устанавливавшего тесный контакт между В.-Р. О. и Варш. к-том СДПиЛ, и сношения с комитетом СДПиЛ поддерживались, но у нас уже не было такого дружного товарища по работе, каким был т. Юзеф, так как заменявший его товарищ, кажется, не больше раза был на заседаниях к-та В.-Р. О.; во всяком случае, связь заместителя т. Юзефа с к-том В.-Р. О. была настолько слаба, что о ней как-то не сохранилось воспоминания.

Провал нашего к-та В.-Р. О. в ночь с 1 на 2 ноября (ст. ст.) 1905 г. и разгром на некоторое время всей деятельности организации повели за собой прекращение сношений с т. Юзефом на долгие годы, так как за принадлежность к к-ту В.-Р. О. военный суд присудил двоих из нас (меня в том числе) к каторге, со всеми вытекавшими отсюда последствиями.

А. Петренко

ДЗЕРЖИНСКИЙ В ТЮРЬМЕ

С тов. Дзержинским мы одно время сидели вместе и вместе судились. Хотелось бы рассказать несколько эпизодов из нашей совместной тюремной жизни.

Провал наш в конце 1906 г. в Варшаве произошел следующим образом. Полиция захватила совещание польских с.-д. и бундовцев по выборам во 2-ю Государственную думу. Арестовано было 5 человек, в том числе 3 представителя Бунда и 2 с.-д.: я и т. Ауссем, ныне наш генеральный консул в Польше. Третий с.-д. тов. Уншлихт, только случайно не явился на заседание.

После ареста полиция устроила в моей квартире трехдневную засаду. Полиции повезло. В эти дни были праздники рождества, и многие из партийной публики,—в поисках ли связей или потому, что у семейного партийца можно было попить чаю (рестораны и кафе были закрыты),— шли ко мне в гости. На моей квартире, во дворе и, наконец, на улице полиция арестовала около сорока человек. Только недавно, после кончины Дзержинского, просматривая наше дело 1906—1908 гг., я узнал, что в связи с этим делом было арестовано так много людей. В квартире моей среди каких-нибудь десяти партийцев были арестованы тт. Домский, сестра Ледера и Дзержинский. Хотелось бы отметить интересный курьез. Ко мне шел товарищ Козлов (до сих пор не знаю, настоящая ли это фамилия), один из руводителей «Красноярской республики». Он бежал из Сибири, и мы его сплавляли за границу. Козлов, кажется, офицер, должен был явиться для окончательного разговора о переправе через границу. Его арестовали во дворе и через несколько дней выпустили, как захваченного случайного прохожего. А, ведь, он был, так сказать, смертник в отпуску.

Дзержинский тогда приехал из Лодзи, куда ездил в связи с развертывавшимся грандиозным локаутом текстильщиков. У него был на руках им же написанный доклад о локауте и делах в Лодзи. Этого документа потом в деле и на суде не оказалось по довольно непредвиденной жандармами причине. У партии были кое-какие связи в охранном отделении. Просто за деньги партия или выручала своих членов, или смягчала грозящую царскую кару. Освободить или взять под залог Дзержинского пока что нельзя было, охранных дел мастера догадались сделать

другое. Бумаги, взятые при личном обыске у тов. Дзержинского, они перебросили в дела других арестованных, случайно попавшихся и числившихся за иными следователями. Конечно, о той манипуляции товарищи наши не знали, а договор шел о том, чтобы из бумаг Дзержинского украсть то, что его компрометировало. Таким образом этих документов о локауте, а также другое, взятое при тов. Дзержинском, в материалах нашего жандарма Сушкова не оказалось. Вот почему по этому делу (суд состоялся осенью 1908 г.) Дзержинский, хотя хорошо знали, кто он, получил только поселение в Сибирь.

Мы, арестованные на совещании, не знали, что произошло на наших квартирах. Не знал и я ничего о трехдневной засаде у меня. И вот из участка нас перевели в центральный полицейский арест (Ратуша), где производилась сортировка арестованных. Там я встретился с тов. Дзержинским и остальными пленниками из моей квартиры. На мой вопрос: «как и откуда»—в течение нескольких дней я получал ответ: «у тебя».

Трудно описать, что в это время (1906—1907) представляла собою знаменитая Варшавская Ратуша. В камерах, где нар было человек на десять, сидело по шестьдесят человек и больше. Ложились и спали попеременно. Были счастливцы, ночевавшие сидя на параше. Двора для прогулок в этом царском притоне не было, а потому иные целыми месяцами дышали испорченным, зловонным воздухом. Вместо прогулок, шныряли в течение часа по коридору—все камеры (не помню—5 или 6) зараз. Трудно вообразить, какое это было столпотворение. Но этот коридор был нам полезен. В нем товарищи из разных камер договаривались, как держаться на следствии, сносились с волей и т. д. К достопримечательным местам Варшавской Ратуши надо причислить клозет. Потом в жизни я уже никогда ничего подобного не видел. В этом клозете по всему полу стояла ужасная жижа толщиной в 2—3 дюйма, а на местах для сидения и стоять нельзя было.

Об этих, казалось бы, не относящихся к делу частностях рассказываю потому, что из них видно, что основным нашим вопросом было удержать хоть кое-какой культурный уровень нашей жизни на Ратуше. Вообразите себе коридор и камеру после возвращения ее жителей из клозета!

В Варшавском центральном полицейском аресте канцелярия и женские камеры помещались внизу, общие муж-

ские, о которых шел выше рассказ, находились во втором этаже, а в третьем были расположены небольшие камеры и одиночки. В одной из этих одиночек, именно— в № 17, в марте 1906 г. сидела Роза Люксембург, выскоблившая на стене свою фамилию.

С самого начала своего прихода тов. Дзержинский установил связь с женщинами, которым сиделось хуже, чем нам. Он отправлялся на кухню и таскал на себе ушаты водой, ходил за обедом, таким образом попадая по пути куда ему нужно было. Но через несколько дней нас, т. е. Дзержинского, меня и трех бундовцев из совещания, перевели в третий этаж. Это была помощь товарищей с воли. Об Ауссеме тогда забыли, и его отправили в Алексеевский форт Варшавской крепости, куда направляли казавшихся жандармам неважными приступников; но потом спохватились и через несколько недель и Ауссем заявился на Павияке, т. е. в следственной тюрьме, где все мы получили квартиры на более или менее продолжительный срок. В третьем этаже Ратуши сидела аристократия, находящиеся там арестанты считались особо секретными,— и потому Дзержинского больше не пускали на кухню, и связь с остальными товарищами вообще оборвалась.

И вот мы «наверху». Нас перевели под вечер,—было темно. Камера представляла следующую картину. Ни куска мебели, кроме нар (на двоих) и параши. На нарах какая-то продолговатая куча, прикрытая серым одеялом. Кучей под одеялом оказались два молодых хлопца, смотревших на нас испуганными глазами. Разговорились. Мы и они—политики. Хорошо. Их за какие-то политические шалости (оба были ученики гимназии, лет 16—17) административно приговорили к трем месяцам отсидки. Они из провинции; привезли их зачем-то в Варшаву, но дело у жандармов не выгорело, и вот они кончают свой административный срок. Помощи у них никакой, денег тоже нет; все время живут на тюремной жиже. У нас кое-что было из пищи. Дзержинский стал за ними ухаживать, они перестали дичиться, дали себя обласкать. Впрочем, они не столько были испуганы нашим невольным набегом, сколько голодны и заморены. Час спустя мы были друзьями.

После общей нижней камеры-вонючки наше теперешнее жилье показалось над дворцом, хотя, правду говоря, из-за темноты его плохо было видно. Освещение в этой проклятой тюрьме было очень скудное. Маленькие керосиновые лампочки были расположены над дверьми каждой

второй камеры со стороны коридора. Свет в камеру проникал через стекло в стене—величиной в обыкновенную тетрадь. Но в первый вечер после недели, проведенной внизу, мы не были критически настроены и спустя некоторое время собрались спать. Нам дали сенники, на которых спали уже многие десятки наших предшественников, и насекомые всех тюремных сортов вывели много-много поколений для борьбы с человеческим родом.

Но мы, пять человек, легли под стеной рядышком, и первую ночь после недельных мытарств проспали хорошо.

Но утром, когда проснулись, идиллия кончилась. Перед глазами предстала на редкость грязная комната. Грязь так и висела на стенах и окнах, и на полу можно ее было собирать лопатой. Стали говорить, что надо позвать начальника, что так не полагается и т. д.,— как это бывает в нескончаемых тюремных разговорах.

Но для тов. Дзержинского вопрос, повидимому, был ясен и короток. Он повел переговоры с надзирателем Сергеевым, требуя горячей воды, швабры, тряпья. Сергеев торгуется: можно, мол, и холодной водой, а швабры вообще нет. Но в конце концов тов. Дзержинский настоял на своем. Первым делом он снял лишнюю одежду, штаны завернул до колен, обувь снял. Пошел за водой, добыл все нужное. Через несколько часов камера была вымыта начисто — пол, двери, стены, окна. Дзержинский работал так, как будто бы это мытье было важнейшим партийным заданием. И я помню хорошо, что мы все были удивлены не только его энергией в этой работе, но и той простотой, с которой он работал за себя и за других.

Этот случай я твердо запомнил и часто вспоминал. Ведь в то время тов. Дзержинский был уже старым членом нашего Центрального Комитета и два раза бежал из ссылки.

Вечером вышла история с лампой. Тов. Дзержинский перенес лампу из коридора в камеру. Надзиратель, заметив эту проделку, как бы невзначай залез в камеру и, пока мы, занятые чем-то, спохватились, лампу взял обратно и двери закрыл. На другой день история повторилась, но на этот раз т. Дзержинский уже приготовился к бою. Он стал в дверях, готовый к защите и драке. Сергеев шумел, пробовал сдвинуть т. Дзержинского с места, был момент, когда казалось, что выйдет настоящая драка,— но после нескольких минут тов. Дзержинский оказался победителем. Лампа осталась у нас.

В Ратуше мы сидели всего около трех недель. Мы очень мало говорили о политике, читать тоже не хотелось. Было огромное противоречие между той большой работой, которая делалась на свободе, надеждами, размахом жизни и той паршивенькой тюрьмой и камерой, в которой революционеров 1905 г., как тисками, сжимала царская власть. Вчера еще — на широком просторе бурной, освежающей жизни, а сегодня — за решеткой, за крепкой решеткой надолго... Видно было, что революция пошла на убыль,— так думалось, но чувство не хотело с этим согласиться. У каждого из нас были свои старые грехи— дела в жандармских папках, и потому каждый знал, что вот кончился определенный период его жизни. Во всей Ратуше носился какой-то нездоровый юмор, веселость, с помощью которой хотели заглушить роковое, которого ни устранить, ни уничтожить нельзя. Ратуша все сутки напролет пела, танцовала, устраивала спектакли, выдумывала всяческие коллективные игры. Но, конечно, у каждого была своя, полусознательно заглушаемая, тяжелая дума.

Подобное настроение было и в нашей камере. И мы выдумывали, чем бы развлечься на этом временном этапе. Играли, напр., в так называемого по-польски «дупака». Один из нас укрывал на коленях другую голову, а стоящие позади него кругом били его ниже спины. Ударяемый лежал под ударами так долго, пока не угадывал, кто его ударил; тогда тот ложился и т. д. Типичная тюремная игра. Тов. Дзержинский во время игры был так же запальчив, как и всегда. Он хотел правильно ударить и так, чтобы не угадали, что это он. Он так же, я бы сказал, чистосердечно играл, как четыре дня тому назад мыл пол. Мне казалось, что он этим своеобразным путем сводит счет с Бундом...

По соседству с нами сидели женщины. Мы с самого начала с ними переговаривались. Стены в Ратуше в то время были так разрушены, что через отверстия передавались газеты, сахар, даже колбаса. Как-то раз, вечером, у соседок было шумно. Мы спросили, в чем дело. Оказалось, что у них шел спектакль. Танцовали, ставили живые картины. Как бы и нам посмотреть?.. Сказано—сделано. Расширили дыру в стене и попеременно смотрели на «сцену». Затем женщины потребовали от нас того же. Мы должны были один за другим становиться в такое место и такую позу, чтобы нас видели. В течение нескольких дней мы жили почти общей жизнью; посылали письма женщин на волю, договаривались, как им быть на

следствии, менялись едой, переправляли газеты и т. д. Организатором всего этого дела был т. Дзержинский.

Наконец, нас перевели на Павияк (следственная тюрьма при ул. Павией). Начались долгие месяцы подследственной арестантской жизни. В то время на Павияке сиделось «хорошо». Камеры были открытые, имелись свои старосты и их технические помощники, библиотекари. Связь с волей была организована великолепно. Напр., если кто-нибудь получал обвинительный акт, его в тот же день посылали к защитнику. Сидели по партиям. Внизу во втором отделении сидели с.-д., на втором этаже в 4-м отделении — пепеэсовцы; террористов, эксистов, налетчиков держали в первом и третьем отделениях. Тюремная автономия доходила до того, что иногда старосты разных отделений сходились на совещание. Все, кто сидел в тюрьме, понимают, что это значило. Одно время старостой у нас был тов. Дзержинский, но недолго: он не годился в дипломаты—слишком был прост и напорист. Он нашел себе другую работу—организовал школу и сам стал ее инспектором. В школе преподавали все, начиная с азбуки и кончая марксистской наукой. В школе участвовало до 40 учеников. Лекции происходили группами по 4—6 человек в камерах, которые предназначены были для одного, но в которых в это время сидели иногда и трое. Величина павияцкой камеры—6×3 шага. Хотя преподавателей было много,— на нашем коридоре можно было создать три хороших парткомитета,— но руководить этой школой было нелегко. Требовалось обеспечить за собой каждый день 5—6 камер, распределить часы так, чтобы учащиеся не пропускали их из-за занятий в другой группе, и т. д. Тов. Дзержинский целый день носился по коридору с тетрадкой в руке, уговаривая дать камеру, усаживая публику, таща лекторов и т. д. Это было очень маленькое, но столь же сложное дело. И школа держалась не только авторитетом тов. Дзержинского, но и его организационной сноровкой и упорством.

Как сказано выше, все камеры были открыты. Поэтому бывали у нас и общие собрания. Они происходили в конце длиннейшего коридора — в комнате, отделенной от коридора стеклянными дверями; по обеим сторонам этой комнаты были клозеты. Во время собрания публика размещалась налево и направо под стенами, так что, смотря вдоль коридора, никогда не было видно. Как-то раз во время общего собрания нагрянуло тюремное начальство (начальник тюрьмы Калинин знал, что камеры открыты,

вообще знал обо всем, но просил старосту, чтобы, когда он или другое начальство является, все было бы по-тюремному, т. е. арестанты в камерах, тишина и прочее). Смотрят—камеры пусты, никого не видно, слишком тихо. Мы уже услыхали необычный шум, разговоры, но—все-таки продолжали собрание. Тов. Дзержинский председательствовал. Наконец, администрация подошла и к месту нашего собрания. Начальник просит немедленно разойтись. Положение очень неловкое. Одну секунду стоим смирно. Вдруг мне пришло в голову поставить предложение начальника на голосование. Дзержинский мигом смекнул, что есть удобный выход из положения. Голосуется предложение начальника разойтись по камерам. Все поднимают руки, все — «за»... Таким образом разрешился назреваемый конфликт.

В это время здоровье тов. Дзержинского было неважно — он был очень утомлен и страдал каким-то легочным заболеванием, и все мы несказанно желали, чтобы его освободили из тюрьмы. Известно было, что на воле хлопочут. Но пока что — время текло медленно.

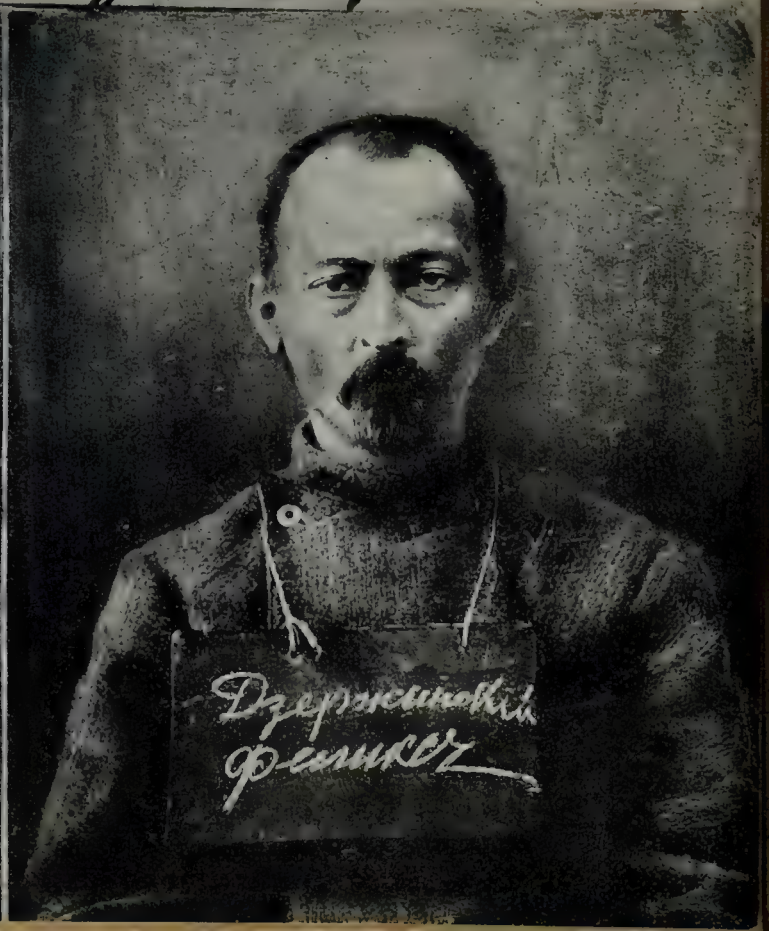
На Павияке шла постоянная оживленная дискуссия с пепеэсовцами. Много читали. Тов. Дзержинский одно время зачитывался эстетикой Веррона в польском переводе. По вечерам иногда играли в карты и шахматы. Между прочим, эти карты (иногда — тюремного производства) были до того засалены, что иные были рады, когда надзиратель находил их и забирал.

Тов. Дзержинский сидел в одной камере с тов. Ганецким. Как-то раз тов. Дзержинский с присущей ему импульсивностью ходит по коридору, смеется и рассказывает, что тов. Ганецкий здорово проиграл. В чем дело — проигрывает тот или другой, ничего особенного. Но вот, оказывается, что вышло что-то необыкновенное. Во время игры оба заартачились. Стали играть на уборку комнаты, в том числе — на уборку ночной посуды. И вот тов. Ганецкий проиграл на три месяца вперед. Вот что тов. Дзержинского ввело в такое веселое настроение.

Наконец, тов. Дзержинского в июне 1907 г. освободили под залог. Любимый всеми Юзеф был на свободе. Юзеф снова возьмется за руководство партией. Юзеф отдохнет. Мы все были несказанно рады, что он выбрался из жандармских лап. А Юзеф на другой день пришел в комнату свиданий и простоял там час у решетки, разговаривая с товарищами, приходящими на свидание с родными.

Юз. Красный

Приметы описаны 25 Октября 1914 г.



ПЕРВЫЕ ГОДЫ РЕВОЛЮЦИОННОЙ РАБОТЫ 1895—1902

Феликс Дзержинский в молодые годы воспитывался в Виленской гимназии. Гимназия скоро начинает тяготить его. Он чувствует, что царская школа не даст ему должного воспитания. Тайком от школы он много занимается дома самообразованием, организует среди учеников нелегальные кружки.

Эта работа, однако, не удовлетворяет его. В ученических кружках ему постоянно приходится выступать против шовинизма товарищей. Бороться с царизмом — раз'ясняет Дзержинский — надо не потому, что он угнетает польский национализм, а потому, что он является оплотом врагов рабочего класса, держит рабочих в рабстве. Рабочие всех национальностей должны сплотиться вокруг единого знамени и дружным натиском повести бой против общих врагов.

Дзержинский ищет связи с рабочими. В 1895 г. он вступает в литовскую социал-демократию и ведет пропаганду в рабочих кружках. Будучи уже в 8-м классе, он окончательно бросает гимназию и перекочевывает в рабочие кварталы.

С рабочими он вместе живет. С ними переживает все недуги пролетариев-рабов. С ними он вместе тужит и радуется. Их он учит и у них он учится. Холодные, сырые квартиры рабочих, куда не проникает солнечный луч, голодные их пайки, исхудалые болезненные лица их детей в лохмотьях, — раздирают душу пламенного революционера-романтика. В молодой душе зарождается глубокая ненависть к несправедливости, эксплоатации, произволу — и внутренний голос кричит: борьба, борьба до конца!

Дзержинский лихорадочно ищет революционной работы и все свое время посвящает рабочим. Он организует их, налаживает связь между отдельными профессиями, отдельными районами. Он пытается расширить работу на всю Литву, раз'езжает по разным ее городам.

В одной из таких поездок в Ковно в 1897 г. Дзержинского арестовывают вследствие провокации и 26 мая 1898 г. ссылают в Вятскую губернию, откуда он бежит в сентябре 1899 г.

Вернувшись в Вильно, Дзержинский чувствует здесь мало простора. Здесь мало фабричных рабочих — больше ремесленников. Да и шпики знали его чересчур хорошо. Он перебирается в Варшаву, быстро находит связи с рабочими социал-демократами. Вместе с преданным рабочим тов. Антоном Россолом он восстанавливает в разных районах Варшавы партийные организации, руководит целым рядом стачек. Работать пришлось в весьма трудных условиях. Не было почти никакой литературы, никакой почти помощи от интеллигенции.

Недолго пришлось ему быть на свободе. 4 февраля 1900 г. его арестовывают на рабочем собрании, держат два года — сначала в знаменитом X павильоне Варшавской крепости, а затем в Седлецкой тюрьме.

Мучительны были эти два года тюрьмы. Постоянные стычки с тюремным начальством, кончавшиеся часто карцером. Все время без свиданий (за все время имел два случайных свидания), без вести от родных и друзей-товарищей. Главным образом томила его невозможность работать. Он уже снесся было с товарищами за границей, хотел было с'ездить к ним лично познакомиться и наладить связь,— как вдруг этот проклятый арест, на долгое время отрезавший его от живого мира.

Дзержинский однако не теряет бодрости и, будучи 3 ноября 1901 г. царским указом сослан на пять лет в Восточную Сибирь, бежал по пути из Верхоленска в июле 1902 г.

Имеется весьма живое описание этого побега, написанное самим Дзержинским, опубликованное в № 1 польского партийного органа «Красное Знамя» от ноября 1902 г.

Приводим здесь лишь некоторые выдержки его:

«Полночь пробила на церковной башне; два ссыльных погасили огонь в своей избе и тайком, чтобы не разбудить своих хозяев, вылезли через окно на двор. Далекий и опасный путь стоял перед ними; им пришлось навсегда попрощаться с этими прекрасными местностями, но пустынными, дышащими смертью, чуждостью, неволей. Как злодеи, ночью прокрадывались они возле хижин, внимательно присматриваясь, нет ли кого-либо вблизи, не следят ли за ними. Кругом было тихо, деревня спала... Они нашли лодку, тихонечко вошли в нее, чувствуя в себе силу и

веру, что уйдут отсюда. Сердце их сжалось от боли, когда вспомнили, что в той же деревне томятся их братья и будут еще томиться, скучать и выжидать сведений с с поля брани, куда они — беглецы — сейчас спешат, несмотря на царские указы, на охрану и постоянное наблюдение шпиков. Чувство это, однако, продолжалось один момент. На другой берег быстрой и широкой Лены должны они были переплыть тихонько, чтобы не было никакого шума. Сперло дыхание, сердце сжалось от радости — они уже едут, деревня быстро скрывается и вскоре совсем скрылась в темноте. Крик радости вырвался тогда из их груди, измученной слишком двухлетним пребыванием в тюрьме. Беглецы хотели обнять друг друга, громко кричать о своей радости, чтобы весь мир узнал, что вот, будучи изгнанниками пять минут тому назад, они перестали ими быть, почувствовали себя по-настоящему свободными, ибо сбросили с себя кандалы и не сидят добровольно в изгнании только потому, что царь велел им там сидеть...»

Описывая дальше, как у них затонула лодка, как им пришлось возиться с окрестными крестьянами и всякими исправниками, Дзержинский заканчивает:

«...Дальше благополучно ехали они через бурятские степи и в течение нескольких дней были уже в поезде, а тот довез их туда, куда они рвались. Весь побег продолжался 17 дней, а в ту сторону везли их царские опричники в течение 4 месяцев».

После побега Дзержинского департамент полиции издает грозный приказ, в котором характеризует Дзержинского, как «опасного преступника», требует принять все меры с целью задержать Дзержинского и отослать его обратно.

Из оставшихся на свободе партийцев почти никто не знал тогда Дзержинского лично. Но мы имели возможность убедиться, какие глубокие корни сознательности и революционного духа бросил он в широкие рабочие круги за короткий срок своего пребывания в Варшаве. Мы, поэтому, жаждали его возвращения.

Этот период был тяжелым испытанием для польского рабочего движения. Царское правительство в Польше применяло более жестокие репрессии, чем в России. Разгром организаций был хроническим явлением. Рабочие вынуждены были вести одни всю работу,— помощи от интеллигенции почти не было.

Польская интеллигенция жила под тяжелыми воспоминаниями кровавых расправ царизма после польского восстания 1863 г. и жаждала мести против ненавистных

«москалей». Особенно сильны были эти настроения в Литве. Зарождался революционный романтизм, все более усиливающийся вследствие политики произвола царского правительства, беспощадно душившего всякую культурную и национальную работу. Чуткая молодежь жаждала борьбы. Психологически понятно, что в подавляющем большинстве она стала не на путь классовой борьбы, а борьбы за национальную свободу,— той же самой борьбы, за которую их деды расстреливались, ссылались в сибирскую тайгу.

Что мы видим в России среди лучшей части интеллигентской молодежи 80 и 90-х годов?

И здесь намечается сильная тяга к революционной работе. Интеллигенция тяготилась существующим царским режимом, была в оппозиции к царизму. Многие, поняв, что «Народная Воля» сыграла уже свою роль, что террористический путь заговорщических кружков изменить системы правления государством не может,— обратились в сторону рабочего класса, почуяв в нем неиссякаемый источник революционного творчества, революционной воли.

Создавались среди них кружки, которые помогали рабочему классу разбираться в стоящих перед ним задачах, нащупывать пути борьбы со своими противниками. В этот период сравнительно много интеллигентов становятся марксистами, работают в рабочих кружках.

Недолго, однако, удержались они на своих позициях, они скоро спасовали. Только немногие из них остались верными до конца соратниками пролетариата в его классовой борьбе.

К этим немногим и принадлежит Феликс Дзержинский. Вот почему мы с таким нетерпением ждали его возвращения и не сомневались, что при первой возможности он сбежит из ссылки.

Я. Ганецкий

ДЗЕРЖИНСКИЙ РУКОВОДИТЕЛЬ ПОЛЬСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ 1902—1917

После побега Дзержинского организуется немедленно партийная конференция за границей при участии пребывающих там теоретических основателей польской социал-демократии: Розы Люксембург (она на заседаниях конференции не могла присутствовать), Тыщко, Мархлевского и Варского. Важные решения были приняты на этой конференции, главным инициатором их был Дзержинский.

Намечается укрепление организации в Варшаве и других городах Польши и Литвы, причем особое внимание обращается на организацию молодежи, как на будущие кадры-резервы. Конференция ставит перед партией задачу углубления работы среди профессиональных союзов. Устанавливается связь между краевой организацией и заграничным ядром. Самым боевым вопросом был вопрос о систематическом издании литературы. В литературе тогда чувствовался острый недостаток,— ее почти не было. Вести партийную работу — агитацию, пропаганду,— без литературы невозможно. Особенно это немыслимо, когда партия работает в нелегальных условиях. Благодаря настойчивости Дзержинского решено было приступить к изданию партийной агитационной газеты (названной по инициативе Дзержинского «Красное Знамя»), целого ряда брошюр и возобновить, поставив его на должную высоту, научный марксистский журнал «Социал-демократическое обозрение».

Все мы впервые встретились тогда с Дзержинским. Он пленил нас своею преданностью, кипучей энергией, революционным пламенем. После заседаний мы беседовали с ним до глубокой ночи. С затаенным дыханием прислушивался я к его рассказам о прошлой работе, о невзгодах тюрьмы и ссылки, о плане будущей деятельности партии. С замечательной чуткостью и верностью характеризовал он психологию рабочих масс и интеллигенции. Последней мало доверял, предсказывал все большое ее банкротство. В первых видел новые, свежие силы — залог

нового строительства мира. Когда он говорил о предстоящих боях, о новом мире, глаза его сверкали, лицо его горело... Предо мною сидел человек, сильно любящий жизнь, природу, красоту. Но в его уже тогда усталом лице, вдохновленных глазах, острых, красивых чертах лица чувствовался какой-то аскетизм, титаническая сила воли. Для революционера он не признавал никакой личной жизнь, природу, красоту. Но в его уже тогда усталом себя на службу партии, на алтарь революции. В отношении к самому себе он применял это с полной строгостью и безоговорочно.

Помню, в перерыве я предложил ему пойти в музей. Дзержинский охотно согласился. Но пробыв там час-полтора, сбежал и раздраженно сказал мне: «Зачем ты повел меня сюда! Эта красота слишком привлекательна. Мы, революционеры, должны думать исключительно о нашем деле и не должны давать себя увлекать даже такими великолепными картинами и скульптурой, которые я здесь видел».

После конференции мы настаивали, чтобы Дзержинский отдохнул, полечился. Тюрьма и ссылка слишком сильно сказались на его истощенном организме. Но Дзержинский и слушать не хотел об отдыхе. Он переехал в Краков и организовал здесь издание, а также переправу литературы в Польшу.

Вскоре он переезжает в Польшу и принимает самое деятельное участие в руководстве партией. Трудно представить себе ту железную, неистощимую энергию, с которой он работал. Редко для него существовал ночной отдых. Бывало, лишь силой можно было заставить его поесть. Работал он по 18—20 часов в сутки. Сегодня Дзержинский в Варшаве, завтра в Лодзи, то он едет в Ченстохов, Домбровский район, на Литву. Организует, подкрепляет повсюду местные комитеты, выправляет их линию классовой борьбы, организует местные конференции, выступает на рабочих митингах, составляет прокламации.

Не смей ему напомнить об отдыхе или еде, не заикайся о том, чтобы он отказался от выступления из-за конспирации — не послушает, выругает и сделает по-своему.

В 1905 г. революционная волна в Польше охватила широчайшие массы. Повсюду, в самых отдаленных уголках рабочие зашевелились, жаждали дела, готовились к бою. Перед партией стояла гигантская работа. Дзержинский работает, не покладая рук. Победы радовали его, поражения не приводили в уныние. Они усиливали лишь

его энергию. Он быстро перестраивал ряды, отступал на вторые позиции и готовился к новому удару на врага.

Вспоминаю первомайскую «кровавую» демонстрацию в Варшаве 1905 г. Настроение в рабочих массах необычно приподнятое. По установленному плану демонстранты собираются в отдельных районах. Начинают появляться полицейские патрули, но они не тревожат демонстрантов. Это еще более разжигает страсть. Демонстрации увеличиваются, шествие проходит по отдельным районам. Появляется много знамен, ораторы произносят пламенные, зажигательные речи. В одном районе шествие приближается к солдатским казармам. Солдаты, вместо ожидаемых выстрелов, выбрасывают из окон красные флаги, машут руками, приветствуют демонстрантов... Мы сидим с Дзержинским в партийном штабе и получаем постоянные сообщения из районов. Количество демонстрантов повсюду быстро растет и доходит в общем до необычайных тогда размеров—30 тысяч. Настроение среди масс неописуемое. Мы опасаемся со стороны царских палачей провокации и пытаемся дать клич «по домам». Агитаторы, однако, уверяют, что масса не разойдется — и все районы направляются к главной улице, Уяздовской аллее. Внезапно из переулков выскакивает конница, без предупреждения стреляет в безоружные массы. В результате десятки раненых и убитых, среди них дети и женщины. Отрядом руководил офицер — поляк граф Пржездецкий, которого вскоре нашли убитым.

Дзержинский появляется тут же на поле битвы. Раненых стараемся укрыть, убитых подбирают в мертвецкую ближайшей больницы. До боли тяжело было смотреть на обезображенные трупы преданных товарищей, с которыми только что беседовали. Но Дзержинский не дает нам унывать. Он созывает немедленно совещание; по его предложению мы решили об'явить к 4-му мая забастовку в знак протеста против зверств царских опричников. Несмотря на многочисленные аресты и ретивость охранки, забастовка прошла блестяще. Это была всеобщая забастовка: стали заводы, фабрики, остановились трамваи и закрылись магазины и даже банки...

Несколько месяцев спустя Дзержинский в качестве представителя Центрального Комитета принимает участие в районной варшавской конференции. Конференция собирается в лесу, в нескольких десятках верст за Варшавой. Полиция пронюхала. Войска незаметно окружили собравшихся, арестовывают всех и ведут временно в ближайший

городок Новоминск. Дзержинский не впадает в уныние. Уже будучи под арестом, он продолжает обсуждать поставленные в порядок темы. Он успокаивает колеблющихся, указывает как держать себя на допросе. Он устраивает коммуну среди арестованных и следит, чтобы неимеющие денег были в одинаковых условиях с другими; особенно заботится он о женщинах. С караульными солдатами ведет беседу и настраивает их целиком в пользу арестованных. Пришлось в течение нескольких дней три раза сменить караульные части, так как солдаты проявляли большую «нерешительность» и «слабость».

Многие из арестованных узнали лишь теперь, кто такой Дзержинский. Все полюбили его, как брата, друга, товарища и чувствовали в нем настоящего пролетарского вождя. Но этот главарь был равным среди других. Мы на воле пытались было сорганизовать ему побег, но Дзержинский решительно отказался, несмотря на наш протест. «Я должен отдаться той же участи, что и другие; некоторые среди арестованных могли бы понять, что мы создаем привилегии для «генералов».

Жандармы быстро спохватились, что случайно в их руки попал Дзержинский. Они переводят его в Варшавскую крепость и создают против него крупное дело. Октябрьская (1905 г.) «амнистия» однако освобождает его из крепости.

Это были дни ликования и беспредельной радости. Наивные обыватели думали, что наступил конец царизму. Действительно пахло свободой. Жандармы и полиция в первые дни были сбиты с толку и спрятались по домам. Улицы были запружены народом, происходили стихийные митинги. Во многих местах выступали «призванные» политики. Они доказывали «громадное значение» полученной свободы, призывали «все слои общества к единению под национальным флагом».

Дзержинский прямо из тюрьмы попал в эту опьяневшую от «новой весны» толпу. Он не удержался — вскарабкался на фонарь и выступил с горячей речью: «Не доверять подачкам царя! Не доверять буржуазии, — она несомненно выступит против рабочих. У рабочих свои цели. Они должны рассчитывать лишь на собственные силы...» и тут же пошел в рабочие кварталы и митинговал на улицах всю ночь.

1905 — 1906 гг. — годы сильнейшего революционного напряжения в Польше. Перед партией стояли труднейшие, подчас неопреодолимые задачи. Вышедшую из берегов

революционную волну надо направить в соответствующее русло. Каждый день выдвигает важнейшие вопросы, на которые партия тотчас же должна дать ответ, притом точный, определенный и ясный.

Необходимо было ежедневно об'яснять рабочим и крестьянским массам, какие козни строит царское правительство, как фабриканты, помещики и капиталисты готовятся при помощи царской охранки отразить напор «темной необузданной толпы».

Необходимо было призывать польский рабочий класс к всемерной поддержке геройской борьбы русских рабочих.

Необходимо было создать сильную военную организацию среди солдат, а также организацию среди крестьян и батраков.

Необходимо было руководить стачечным движением, охватившим всю рабочую массу, ведя при этом беспощадную борьбу с предательством польских социал-патриотов, желающих придать этому движению опасные уклоны и призывающих рабочий класс «опомниться», не «тащиться в хвосте русского движения», «преследовать лишь свои польские интересы» и не делать ничего, что приносит ущерб «национальному достоянию».

Необходимо было вооружать партийные организации, создавать среди них боевые дружины самообороны и строго следить за тем, чтобы они не поддавались заразительным примерам террористических авантюр социал-патриотической партии.

Необходимо было разоблачать авантюристическую политику террора польских социал-изменников, сводящуюся к убийству отдельных царских чиновников, к ограблению казенных винных лавок, почтовых отделений и т. п., — могущую вызвать в несознательной части пролетариата надежду, что этим путем можно ожидать победы рабочего класса; политика террора, как и следовало ожидать, породила скоро обыкновенный бандитизм.

Во всей этой работе целиком потонул Дзержинский. По целым дням и ночам он на собраниях, митингах. Агитирует, убеждает, критикует, разоблачает.

Несомненно большая заслуга Дзержинского в том, что партии удалось в годы революции втянуть в борьбу широчайшие массы пролетариата. Она пользовалась громадным влиянием в массах. Массы шли за ее лозунгами и все решительнее открещивались от всяких лжесоциалистических партий.

Сильнейшим орудием в руках партии была тогда литература. В одной лишь Варшаве были созданы наново три нелегальных типографии, в которых печатались газеты на польском, еврейском и русском языках (специально для солдат), многочисленное количество прокламаций, листовок, брошюр. Типографии были и в других городах. В лодзинской типографии печатались также газеты и листовки на немецком языке для работавших там в большом количестве немецких рабочих.

Работники в типографиях с ног валились под бременем работы. Бывало, в течение 7 — 10 дней; не раздеваясь, работали они полные сутки. Не раз ночью приходил к ним Дзержинский, подбадривал, сам помогал им работать и, смеясь, поговаривал: «При помощи этой возмутительной эксплоатации вас — партийцев, партия добьется быстрого раскрепощения рабочего класса...»

В 1906 г. в Варшаве происходит совещание с бундовцами о предвыборной кампании. За одним из бундовцев шли шпики и нагрянули на квартиру. Арестовывают всех, в том числе и тов. Красного. На квартире последнего оставляют засаду, где в тот же день проваливается Дзержинский. Он опять очутился в столь хорошо знакомом ему X павильоне. Однако, в июле 1907 г. удается освободить его под залог. Но не долго пробыл он на свободе. В апреле 1908 г. шпик арестует его на улице. Снова забрасывают Дзержинского в железный мешок Варшавской крепости. На этот раз надолго. В августе 1909 г. его судят и приговаривают на поселение в Енисейскую губернию.

Годы работы сильно переутомили Дзержинского.

Свирепствующее военное положение, жестоко расправляющееся с революционерами и забрасывающее сотни борцов на долгие годы в тюрьмы и каторгу; авантюристический террор польской социалистической партии, следствием которого были неисчислимые виселицы и широкая провокация, — все это тяжело отразилось на психике усталого Дзержинского, очутившегося снова в тюрьме. Он рассчитывал здесь забыть о всех этих ужасах. Однако виселицы и кандалы еще больше стали отравлять ему жизнь в тюрьме. Круглые сутки раздается похоронный звук кандалов из окружающих камер. Постоянно ведут людей на виселицы. Выясняется, что сотни мучеников жертвы провокации и измены...

Дзержинский хочет бежать от окружающего его ада. Он весь уходит в себя — анализирует минувшие бои,

минувшие поражения, ищет причины и намечает пути к новым боям. Сомнение ни на минуту не поколебало его. Он и здесь тверд, как гранит, ждет минуты освобождения, ждет возобновления революционной работы.

Дзержинский вел в тюрьме дневник, который является прекрасной фотографией переживаний его души, фотографией его самого.

Мы приводим незначительные лишь выдержки из этого дневника — прекрасного памятника борца в тюрьме.

«30 апреля... Только две недели я оторван от мира, а кажется целую вечность. Мысль работала, охватывала минувшее время — время действий и лихорадочно искала сущность жизни. На дне души моей тишина и какое-то непонятное спокойствие, не гармонирующее ни с этими стенами, ни с тем, что вне этих стен осталось... Я хочу по крайней мере здесь вести регулярную жизнь, дабы не отдать им своих сил. Я чувствую такой гигантский источник энергии, что, кажется, выдержу и вернуть... А если не вернусь, то, может быть, дневник мой попадет в руки моих друзей, и будут иметь они меня, частицу меня и уверенность в том, что я был спокоен и что призывал их в минуты тишины и скорби и радостных мыслей моих и что мне было хорошо, как только может быть хорошо одному здесь, в тишине с мыслями о весне, о природе, о них,— а тишина временами такая, что увидеть и услышать можно мысли свои и дружескую улыбку...

2 мая... Каждый день заковывают в кандалы все больше и больше людей. Когда привели меня в камеру, в которой я семь лет тому назад сидел, первый звук, который дошел до ушей моих, это кандальный звон. Он долетел из соседней камеры. Этот звон сопутствует каждому движению закованного. Холодное бездушное железо, соединенное с живым человеческим телом, железо, вечно жаждущее тепла, никогда не насыщенное и всегда напоминающее неволю. Большинство на моем коридоре — закованных. Из 13 — 7. Когда выходят на прогулку, вся тюремная тишина наполняется одним этим лязгом, проникающим во все фибры души и властно заполняющим все существование. Они ходят со взором, устремленным в небо, на зеленеющие деревья, не замечая красоты, не слыша гимна жизни, не чувствуя лучей солнца. Заковывают их, ибо хотят отнять у них все, оставив только этот похоронный звон...

10 мая... Если бы звезда социализма, звезда будущего в действительности не светила человечеству, не стоило

бы жить. Ибо человеческое «я» не может существовать, не сосредоточив в себе все человеческое и вселенную...

5 июня... Кто жив, тот должен умереть, а кто умел так любить жизнь, тот сумеет умереть и не отравлять отчаянием последних минут своих. И если бы нашелся человек, который сумел бы передать весь ужас жизни этого мертвого дома, борьбу, падение и под'ем сердец, брошенных здесь на гибель, передал бы то, что происходит в сердцах закованных борцов и подлых людей, приговоренных в сердцах своих, которых ведут и которых ведут на висельницы,— тогда жизнь этого дома и его жителей превратилась бы в могучее оружие и пламенный факел для грядущей борьбы. Поэтому необходимо собирать и пересказывать не хронику приговоренных жертв, а жизнь, всю борьбу сердец, благородные и подлые падения и победы, великие страдания и радости в муках — всю истину, заражающую, когда она прекрасна и могуча, вызывающую сострадание к жертве, когда она побеждена и унижена. Это рассказать может только тот, кто сам много страдал и много любил, но не те, кто у нас пишет некрологи...

...В тюрьме пять умалишенных. Один из них буйный. Он находится уже давно в совершенно пустой камере. Разбиты окна, законопачены соломой. По ночам — без света. Крики отчаяния, бешенства, стон и удары в двери, стены. Закован в ручные кандалы, разбил их...

31 декабря... Сегодня последний день года. Уже пятый раз встречаю в тюрьме новый год (1898, 1901, 1902, 1907, впервые одиннадцать лет тому назад). В тюрьме созрел я — в муках, одиночестве и тоске за миром и жизнью. Однако сомнение о «деле» никогда не заглянуло мне в глаза — и теперь, когда в потоках крови похоронены на долгие годы, быть может, все недавние надежды, когда пригвождены они к столбам виселицы, когда многие тысячи борцов за свободу загнаны в темницы или заброшены в снежные тундры Сибири — теперь я горд. Вижу эти бесчисленные массы, которые уже заколыхались, подкопали старые устои, внутри этих масс подготовляются новые силы для новых боев. Я горд, что с ними, что вижу их, чувствую, понимаю их и что лично много вместе с ними перестрадал. Здесь в тюрьме часто бывает плохо, бывает страшно. Однако... если бы мне заново пришлось начать жизнь, я бы ее начал таким же образом: это не голос обязанности, но органическая необходимость. Благодаря тюрьме дело стало для меня нем

то ощутимым, реальным, как ребенок для матери — кровью и плотью, ребенком, который меня никогда предать не может и поэтому всегда доставляет радость. Тюрьма лишила меня многого, очень многого, не только нормальных условий жизни, без которых человек становится несчастным среди наиболее несчастных, но и самую приспособленность к использованию этих условий, лишила меня уменья плодотворной умственной работы, ибо многолетнее пребывание в тюрьме не могло пройти бесследно. И когда в сознании своем, в сердце своем я взвешиваю то, чего лишила и что дала мне тюрьма — хотя я не мог бы определить, в чем об'ективный перевес, я твердо знаю, что не проклинаю ни судьбы моей, ни долгих лет тюрьмы, ибо все это разобьет ту великую тюрьму, которая находится за этими стенами. Это не игра мысли, не резонерство. Это результат неудержимой жажды свободы и полноты жизни, тоски по красоте и справедливости... Там теперь наши товарищи и друзья пьют за наше здоровье, а я здесь, в одинокой камере, думаю о них— да здравствуют и куют оружие и будут достойны своего дела»...

Из поселения Дзержинский скоро бежит (1909 г.). Он работает над восстановлением организации. Усиливаая нелегальную партийную организацию, он одновременно уделяет много внимания на использование легальных возможностей... Вскоре происходит раскол польской социал-демократии главным образом на почве организационных разногласий. Дзержинский остался на стороне заграничного центра. Много горя доставил Дзержинскому этот раскол. Он ослабил партию. На стороне отколовшейся части были старые близкие преданные товарищи. Отколовшиеся часть политически весьма сблизилась с большевиками, между тем как у основной группы отношения с большевиками обострились...

В 1912 г. Дзержинский опять попадается. Его судят и за побег и за принадлежность к партии. Ему достается 3 года каторги, а потом дополнительно 6 лет. Он сидит вначале в знаменитой своим строгим режимом орловской тюрьме, а потом в Москве. Отзвуки нового революционного под'ема, войны, разгула воинствующего ура-патриотизма, разложения в армии доходят до него. Он чувствует, как сгущаются тучи, предвидит гром.

И гром грянул в феврале 1917 г.

Этот гром освобождает его от кандалов — Дзержинский на свободе.

За все время своей работы в польской социал-демократии Дзержинский всегда проводил линию классовой борьбы и защищал единство рабочего класса. Он был недоволен, что польская социал-демократия, в программе которой эти положения выставлены, не об'единена с российской социал-демократией. Вопрос этот ставится в порядок дня IV с'езда польской партии в 1903 г. Дзержинский волновался при обсуждении этого вопроса и очень обрадовался, когда единогласно было принято решение послать делегацию на начавшийся II с'езд российской социал-демократии.

Об'единения на этом с'езде не состоялось, и, как известно, российская социал-демократия раскололась на большевиков и меньшевиков. Дзержинский настаивает однако на том, чтобы польская партия была в постоянном контакте с русскими товарищами и политически поддерживала большевиков. Русские товарищи от времени до времени созывают разного рода совещания, в которых принимает участие польская партия, во многих случаях в лице Дзержинского. Тут обсуждается вопрос об участии социал-демократов в выборах в первую государственную думу, во вторую, о созданий военно-революционных организаций и др. Ленин при первой встрече с Дзержинским обращает на него внимание. Он видит в нем настоящего революционера-большевика и внимательно прислушивается к его советам.

Об'единение польской социал-демократии (официальное название: «Социал-демократия Польши и Литвы») с российской состоялось, наконец, в 1906 г., на об'единенном с'езде в Стокгольме, при непосредственном участии Дзержинского. На лондонском V об'единенном с'езде Дзержинский выбирается в Центральный Комитет партии. Он весьма интересуется делами российской партии, принимает по мере возможности в них участие и всегда выступает ярым большевиком.

Если в польской партии и бывали некоторые тактические уклоны от большевистской линии и Дзержинский им подчинялся, то он делал это как дисциплинированный партиец, не соглашаясь однако с ними.

Я. Ганецкий

СТРОИТЕЛЬ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В ПОЛЬШЕ

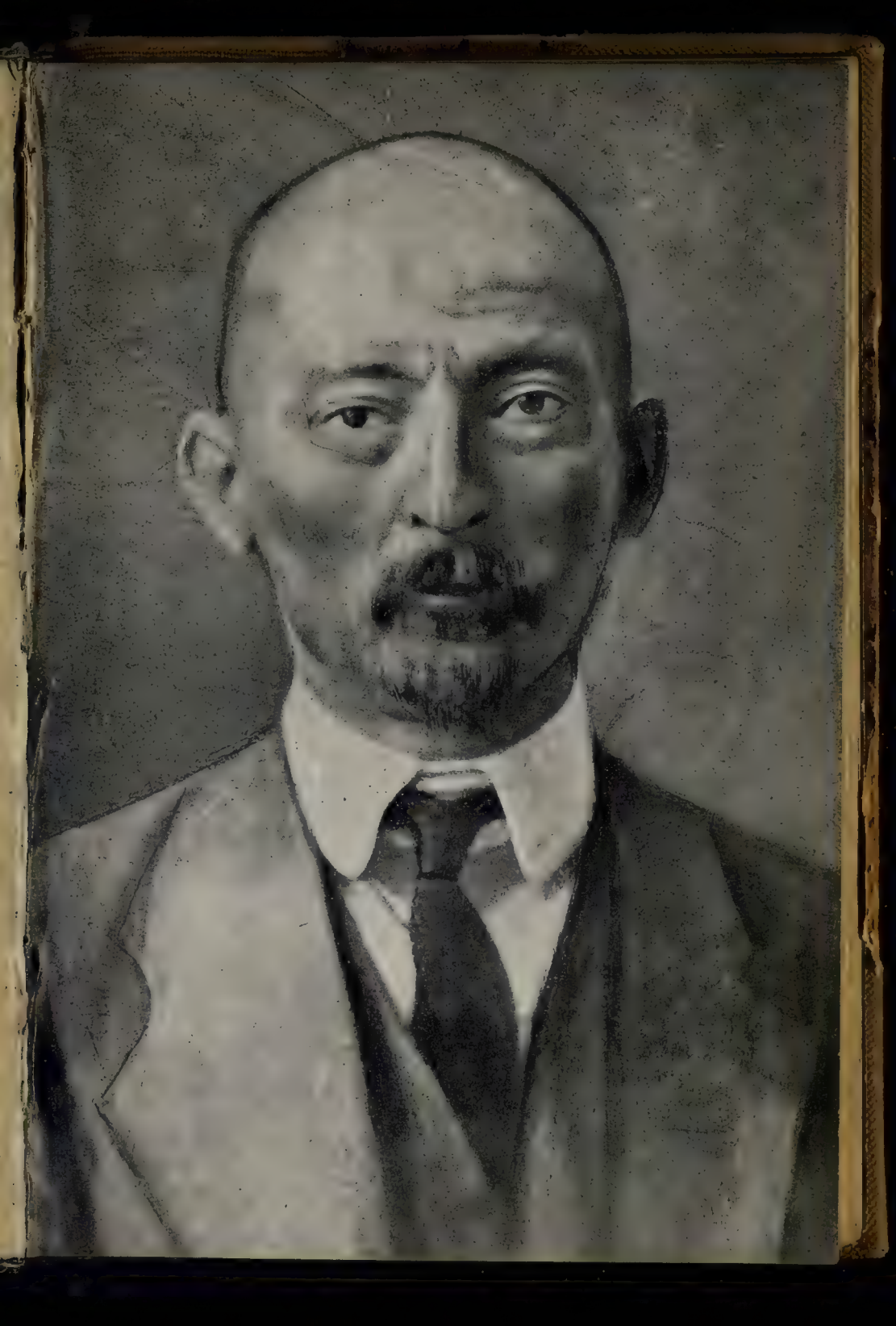
Социал-демократия Польши рождена из великих забастовок, охвативших в 90-х годах польские рабочие районы, и из опыта распада полутеррористической, полузаговорщической первой социалистической партии в Польше. «Партия Пролетариата», рожденная в бою с социал-патриотическим течением в 1893 г., скоро подверглась массовым арестам и была полностью разгромлена. Легкость, с которой удалось царской полиции ее разгромить, в значительной мере об'яснялась тем, что партия насчитывала в своих рядах очень маленькую горсть интеллигенции. Отсутствие интеллигенции об'яснялось ее националистическим характером и ярко антинационалистическим направлением молодой рабочей партии, которая с первого дня своего существования выдвинула лозунг единства и целей борьбы польского и русского пролетариата. Арест Ратинского, Веселовского и других социал-демократических работников и отсутствие прилива новых работников из интеллигенции порвали сеть связей, организацию транспорта и т. п.; рабочие кружки были еще чересчур мало самостоятельны, чтобы их можно было наладить. Уцелевшая за границей группа основателей партии Юлиан Мархлевский, Роза Люксембург, Лео Игихес-Тышко и Аболя Варский представляли собою группу идеологов, потерявших на известное время непосредственную связь со страной. Эту связь восстановил 23-летний молодой революционер Феликс Дзержинский, бежавший из ссылки. После разгрома 1895/96 г., только в начале XX столетия воссоздается, благодаря его усилиям, марксистская интернационалистская социал-демократия Польши и Литвы. Дзержинский является ее зодчим и остается ее душой в продолжение больше 10 лет. Можно сказать, что социал-демократия Польши и Литвы — предшественник коммунистической партии Польши — как массовая партия была детищем неутомимых усилий, бесконечного труда Феликса Дзержинского. «Иосиф»,— а под этим именем знали его широчайшие круги польских рабочих,— был самым любимым из вождей.

Высокий, стройный, с горящими глазами, с порывистой, страстной речью,— таким я узнал его осенью 1903 г.

когда он приехал на время в Краков, прячась от царских сыщиков и налаживая транспорты воссозданной главным образом по его инициативе социал-демократической польской литературы. Он завоевал любовь и уважение не только в среде стариков, но и у молодежи, вступившей впервые в движение, в глазах которой он был окружен ореолом тюрьмы и ссылки, ореолом лучшего организатора партии. К его мнению прислушивались чутко не только Роза, но и жестокий Тышко, имевший большой организационный опыт, соединявший большое марксистское образование с необыкновенной политической чуткостью. Во всех практических вопросах движения мнение Иосифа имело почти решающее значение. Откуда взялся его авторитет? Откуда взялся он сам, этот молодой, строгий к себе, строгий к другим, волнующий и увлекающий всех революционер?

Он родился в Литве, в Ошмянском уезде, в семье мелкого польского помещика, в том же самом уезде, в котором на несколько лет раньше родился Иосиф Пилсудский. Литва была тогда прибита воспоминаниями о Муравьеве-вешателе, воспоминаниями о кровавой расправе царизма за 1863 г. В дворянских домах Литвы жила мысль о тех, которых царский сатрап за участие в восстании казнил или сослал на каторгу. Интеллигентская молодежь лелеяла мысль о борьбе с царизмом за независимость страны. Старый штаб польской социалистической партии, созданной в последнем десятилетии XIX столетия, принадлежал в большинстве к молодежи из этих окраинных польских помещиков. Одним из немногих, отказавшихся от пути национализма и вступивших твердым шагом в лагерь международного рабочего движения, был т. Дзержинский. Это об'ясняется, по всей вероятности, тем, что, происходя из бедной, сравнительно, семьи, он ближе присмотрелся к крестьянской литовской массе, ближе присмотрелся к жизни маломестечковых ремесленников и почувствовал себя более связанным с ними, чем с дворянством и его идеалами.

В Литве не было фабричного пролетариата. Были еврейские и польские ремесленники, и среди них 16-летним юношей т. Дзержинский начал свою работу. Необходимость работы и среди польских и еврейских подмастерьев в стране, в которой крестьянство в большинстве своем было литовским, об'ясняет международное направление чувств и дум т. Дзержинского. Он учился социализму на польской и на русской литературе, а для работы среди еврейских рабочих учился по-еврейски. Мы смеялись поз-



же, что в правлении польской социал-демократии, в которой был целый ряд евреев, читать по-еврейски умел только Дзержинский, бывший польский дворянин и католик. Аресты, которым непрерывно подвергался Дзержинский уже в первые годы своей деятельности, позволили ему изучить всю существующую тогда основную литературу социализма, и он вошел в польское движение уже с твердо выработанным мировоззрением. Литература польской социал-демократии, ее орган «Справа Работнича» («Рабочее Дело»), издававшийся в 1894/95 г. в Париже, попал в его руки позже, когда он уже на основе собственного опыта и собственной работы мысли пришел в основном к тем же самым решениям, к которым пришли наши идеологи. Основой его взглядов была русская марксистская литература. Он, можно сказать, был выражением единства польского и русского рабочего движения.

Но значение его для движения состояло не только в твердости его взглядов, но и в непоколебимой революционной решимости, которую он внес в движение. Окраинное польское дворянство, выросшее в борьбе с татарами, а позже в борьбе с литовским и украинским крестьянством, отличалось искони большой энергией. Оно представляло самый решительный тип польской общественности. Дзержинский, впитавший в себя чуждые этой среде идеи, защищал их с той энергией, с которой польское «кресовое» (окраинное) дворянство защищало свои классовые интересы. Для Дзержинского не существовало никаких затруднений и никаких поражений, как они не существовали для Скшетуских, Бохунов, Володыевских и других героев окраинного польского дворянства, воспеваемых в польских исторических романах. Опасности существовали только для того, чтобы их преодолевать; поражения — только для того, чтобы, изучив совершенные ошибки, ковать заново меч для новых боев. Но если из дворян, переходящих на сторону революционных классов, создавались в большинстве типы «кающихся дворян», то сила революционной мысли, овладевшей Дзержинским, позволила ему полностью слиться с рабочим классом, чувствовать себя его неотделимой частью. Он не был человеком, пришедшим к рабочему классу, идеализирующим рабочий класс. Во время своих долгих нелегальных скитаний он жил у рабочих, ел с ними из одной тарелки, спал в одной кровати, знал их со всеми их историческими недостатками, но и со всем великим,

что рождает социализм в рабочем классе. Во все моменты опасности он был убежден, что соберет вокруг себя рабочих, которые его не выдадут, что сумеет воссоздать с ними, при помощи их, организацию, что сумеет сколотить снова боевой отряд, который пойдет заново на борьбу, не боясь голода, не боясь холода, не боясь оставить жен и детей, не боясь долгих лет одиночества в каторжной тюрьме Окатуя и в тайгах сибирских. Железо его пролетарской идеи выковывалось в этой работе среди рабочих и гибкую сталь, и это было то, что внес Дзержинский в польское социал-демократическое движение.

В нелегальной работе, предшествовавшей 1905 г., этот молодой революционер сделался вождем. Когда октябрьский манифест освободил его из заключения в X павильоне варшавской крепости, куда он попал в июле 1905 г. на массовой партийной конференции, организованной им в лесах под Варшавой, то никто уже не питал ни малейшего сомнения, что именно он, Дзержинский, является вождем социал-демократии. В течение нескольких месяцев массового движения до июльского ареста он был пламенем, одушевлявшим всю партию. Кто забудет дни, когда судился военным судом Мартин Каспшак, рабочий созидатель нашей партии, представший перед судом за вооруженное сопротивление при аресте весною 1904 г. в тайной типографии? Город, залитый войсками, массовые аресты. Дзержинский с Гапецким печатают в новой тайной типографии прокламации, призывающие к всеобщей забастовке. Дзержинский отправляется через ряды патрулей лично в рабочие районы и переносит прокламации, привязанные к его телу. Высокий, стройный, с орлиным лицом, он проходит с поднятой головой через шеренги солдат и жандармов, обыскивающих всякого прохожего. Жандарм, которому он посмотрел смело в глаза, не решился его задержать. Таким он жил в воспоминаниях варшавских рабочих долгие годы, жил, как легенда о непоколебимом революционере. Когда он попался в Домбе, он заставил товарищей отдать ему все бумаги, которых уже нельзя было уничтожить, чтобы взять на себя всю ответственность. В Домбе арестованных держали под конвоем казаков, но Дзержинский берется немедленно за агитацию среди солдат. Если бы не смена солдат, ему бы удалось подготовить побег.

В качестве организатора после октябрьских событий 1905 г. он, как огонь, движется по всей стране, везде поднимая боевое настроение, везде создавая глубочай-

шую уверенность, что партия поведет рабочие массы Польши совместно с рабочими всей России на штурм против царизма. На II с'езде русской социал-демократической партии социал-демократия Польши и Литвы не вошла в ряды общей русской организации из-за разногласий по национальному вопросу. После раскола на большевиков и меньшевиков партия больше года колебалась в споре между обеими фракциями. Руководящая идеологическая группа партии, близко связанная с западно-европейским движением, склонялась к организационным идеям меньшевиков, которые казались ей более соответствующими опыту международного рабочего движения, чем организационные идеи Ленина. Дзержинский уже к концу 1903 г. был близок к большевизму. С конца 1904 г., со времени так называемой земской кампании, Дзержинский горячо добивался скорейшего об'единения с большевиками. В 1906 г. во всех переговорах с русской социал-демократией он играет решающую роль в делегациях, назначаемых нашим главным правлением. Ленин тогда уже видел в нем ближайшего единомышленника в польской социал-демократии.

Пришли годы контрреволюции. Дзержинский, бежав снова из ссылки, работает бешено в Варшаве над воссозданием организации. Намечаются новые вопросы — борьба с ликвидаторами и отзовизмом. Дзержинский занимает непоколебимую ленинскую позицию борьбы на два фронта. Воссоздавая нелегальную организацию, он одновременно упорно работает над созданием легальной социал-демократической печати. В 1912 г. происходит в социал-демократии Польши и Литвы раскол на основе споров в части краевых организаций с находящимся за границей идеологическим центром по поводу ряда организационных вопросов. Этот раскол полон жестокой политической и личной борьбы, стоившей всем ее участникам больших страданий; для Дзержинского она представляет сущий ад, ибо, поддерживая основное ядро руководителей польской социал-демократии, он должен был отказаться на известное время от об'единения с большевистским центром, от которого политически его ничто не отделяло. Что переживал Дзержинский, оказавшийся незадолго до войны снова за каменными стенами варшавской крепости, а позже на каторге в Орле, он не любил рассказывать. Крушение II Интернационала, разгром партии после великих ее успехов в период «Правды», черная ночь,

окутавшая все рабочее движение, эхо войны, доходящее к нему через тюремные решетки, — все это не сломило его ни на одну минуту. Февраль 1917 г. застает его снова в боевых рядах большевистской организации неутомимым, полным веры, жажды борьбы, за Октябрь. Октябрь встречает его во главе борющихся за свою диктатуру рабочих масс в качестве члена Военно-революционного комитета в Петрограде.

Через великие фабричные города Польши, через Лодзь, Варшаву и угольный Домбровский бассейн, через ссылку и каторгу он пришел к путиловцам и обуховцам и во главе их стал в ряды правительства Союза Советских Республик.

К. Радек

ВЧК

В. Ч. К. это то учреждение, которое было нашим разящим орудием против бесчисленных заговоров, бесчисленных покушений на советскую власть, со стороны людей, которые были бесконечно сильнее нас.

ЛЕНИН

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВЧК 1917—1921

Февральская революция дает Дзержинскому долгожданную свободу. Он немедленно становится в ряды большевиков, отдает себя целиком в распоряжение партии.

После революции мы видим его таким же, каким он был в годы подпольной партии. Здесь замечается лишь значительно больший размах его работы. Из вождя подпольной партии он становится выдающимся руководителем рабоче-крестьянского государства.

Он работает бок о бок с Лениным... Февраль радует его, но не удовлетворяет. Участник революции 1905 г. — он помнит тяжелые годы реакции. Если не обессилить белогвардейщину, буржуазию, если рабочие не возьмут решительно и быстро власть в свои руки, реакция восторжествует и задушит революцию.

Дзержинский с самого начала и больше всех других поддерживал лозунг Ленина: «Вся власть Советам». Но не только поддерживал, а энергично боролся за него. Он становится душой Военно-революционного комитета Петроградского Совета, принимает непосредственное руководство и участие в Октябрьском восстании.

Восстание завершилось победой. Но буржуазия не сдается. Она без боя не откажется от своих привилегий, от эксплоатации рабочих и крестьян. Она с уверенностью готовится к схватке с революцией, имея обеспеченную помощь всего буржуазного мира.

Необходимо создать специальный орган защиты завоеваний революции, беспощадно карающий всякие попытки срыва Октябрьских завоеваний. Партия, не колеблясь, поручает этот тяжелый, ответственный и опасный пост Дзержинскому. Только Дзержинский, этот испытанный и дисциплинированный член партии, этот неустрашимый герой, мог лучше, чем кто-либо иной, создать этот карающий меч, могучую ВЧК, эту железную когорту коммунаров, своей кровью и жизнью защищающих государство рабочих и крестьян.

Когда-нибудь будет написана история ВЧК, ее отчаянная беспощадная борьба с саботажем, контрреволюцией, белогвардейскими заговорами. Она выявит, как пролетариат геройски завоевал себе свободу. Она послужит образцом и примером для пролетариата других стран.

ВЧК — детище Октябрьской революции — детище Дзержинского. Он воспитал ее своим мозгом, своей кровью, своей беспримерной самоотверженностью, своим личным бесстрашным мужеством.

Дзержинский был беспощаден, безжалостен по отношению к врагам революции. Он считал необходимым уничтожить их, иначе они, оправившись, окрепши, затопят много миллионов пролетариев в их собственной крови вместе с завоеваниями революции.

Он любил жизнь и за всяким признавал право на жизнь. Он даже в царских палачах пытался найти нечто человеческое. Говоря в своем тюремном дневнике о жандармах, он замечает, что даже и они не в состоянии задушить в себе чувство совести... Но историческая необходимость требует окончательной расправы с врагами рабочего класса. Эта задача стоит перед партией. Партия возложила ее на Дзержинского. Он учитывает всю важность ее и проводит ее твердо и решительно до конца.

Именно Дзержинский имел на это право — не только обязанность. Он — переживший столько мук в тюрьмах, с его высокой нравственностью, с его чуткой прекрасной душой, с его беспримерной личной храбростью.

Только Дзержинский мог, не задумавшись, во время лево-эсеровского мятежа 1918 г. пойти в отряд, руководимый эсером Поповым, где его насильно обезоруживают и арестовывают в качестве заложника за безопасность Спиридоновой. Только Дзержинский мог дерзнуть в такой обстановке сказать: «В таком случае надо вам заранее меня расстрелять, потому что если Спиридонову арестуют, я первый потребую, чтобы ее ни в коем слу-

чае не освободили». Только он, обезоруженный, мог обратиться к Попову: «Отдайте мне револьвер для того, чтобы я мог вам пулю в лоб пустить... Вы трус! Уходите отсюда!»

Будучи строг к врагам Советской власти, он вместе с тем был в отношении к ним справедлив. В разгаре гражданской войны, когда Советский Союз был окружен огненным кольцом царских генералов, нельзя было быть медлительным, надо было действовать решительно и быстро. Дзержинский сознавал, что в такой обстановке могут быть и ошибки, и он старался всячески их избегать.

Старые работники ВЧК помнят хорошо, как инструктировал их на этот предмет Дзержинский. Отношение к арестованным, даже к самым злейшим врагам, должно быть человеческое. Каждый работник ВЧК не должен был забывать, что он исполняет великую идейную задачу защиты революции. ВЧК не мстит, а вследствие необходимости самозащиты обезвреживает пролетарское государство от врагов.

Вспоминаю случай, когда Дзержинский, узнав поздно ночью, что один ответственный работник ВЧК, старый партиец, задержал женщину, которая пришла за справками по поводу арестованного брата, велел его немедленно вызвать к себе и сделал строгий выговор. А женщину тут же освободил и на автомобиле отослал домой.

Таких случаев много.

Тяжела была работа на посту председателя ВЧК. И если Дзержинский блестяще с нею справился, то немало заслуги в этом самоотверженных его соратников и всех честных и сознательных граждан нашего Союза, которые оказывали всяческую помощь ВЧК.

Только низменные гады, пресмыкающиеся перед молохом капитала, не в состоянии понять величия, красоты и силы Дзержинского, проявляющиеся именно в его роли руководителя ВЧК. Только продажные мошенники не в состоянии понять, как томился Дзержинский вследствие необходимости ведения такой борьбы и как он непоколебимо и стойко провел ее до конца.

Но даже обыкновенные честные и справедливые обыватели умели об'ективно оценивать Дзержинского.

Так, например, ксендз на польской территории, у которого Дзержинский вместе с другими товарищами во время войны с Польшей в 1920 г. остановился на ночь и много с ним беседовал, узнав фамилию Дзержинского, с изумлением сказал: «Как, это тот самый Дзержинский!

Это тот самый, о котором так много писали газеты!» — «Да, да, — с веселой улыбкой подхватил Дзержинский, — они говорят обо мне, как о красном палаче». — «Никогда бы я не поверил, — изумленно говорит ксендз, — что вы таков».

А ведь трудно заподозрить ксендза в особых симпатиях к большевикам.

Вот приезжает в 1920 г. в Москву англичанка-скульпторша, Шеридан, совсем аполитичная, и среди других советских деятелей лепит также и Дзержинского. Вернувшись в Лондон, она издала книгу — свои впечатления о Советской России.

В книге этой она следующим образом характеризует Дзержинского:

«Сегодня пришел Дзержинский. Он позировал спокойно и очень молчаливо. Его глаза выглядели, несомненно, как омытые слезами вечной скорби, но рот его улыбался кротко и мило. Его лицо узко, с высокими скулами и впадинами. Из всех его черт нос как будто характернее всего. Он очень тонок, и нежные бескровные ноздри отражают сверхутонченность. Во время работы и наблюдения за ним в продолжение полутора часов он произвел на меня странное впечатление. Наконец, его молчание стало тягостным, и я воскликнула: «У вас ангельское терпение, вы сидите так тихо!» Он ответил: «Человек учится терпению и спокойствию в тюрьме». На мой вопрос, сколько времени он провел в тюрьме, он ответил: «Четверть моей жизни, одиннадцать лет». Революция освободила его. Несомненно, что не абстрактное желание власти, не политическая карьера, а фанатическое убеждение в том, что зло должно быть уничтожено во благо человечества и народов, сделало из подобных людей революционеров. Добиваясь этой цели, люди с утонченным умом вынесли долгие годы тюрьмы»...

От одного беспартийного инженера-поляка, не работавшего никогда с Дзержинским, но высоко ценившего его работу и знающего, какие чувства я питаю к Дзержинскому, работая с ним двадцать пять лет, я на-днях получил следующее письмо:

«Глубоко тронутый неожиданной вестью о смерти Дзержинского, спешу выразить вам глубокое соболезнование по поводу незаменимой утери. Пусть утешением для вас и ваших друзей будет сознание, что умерший сделал для государства в сто раз больше, чем можно было ожидать от самого сильного человека, и что плодами его тита-

нической деятельности будет все увеличивающееся благополучие и мощность государства».

После смерти Дзержинского, как и можно было ожидать, многие продажные газеты пытаются его оплевать. Однако многие из них дают хорошие отзывы, признавая его силу, преданность, способности.

Характерной является статья в еженедельнике «Голос Правды», органе Пилсудского, посвященная Дзержинскому. В статье наравне с критикой Дзержинского приводятся выдержки из воспоминаний известного историка Домбровского, встречавшего Дзержинского в ученические годы и так характеризующего его: «Он всегда производил впечатление преданнейшего фанатика социальной революции, вне ее не видевшего никакого спасения».

Здесь приводятся также выдержки из книги Эрио, посетившего Москву в 1922 г. Там, между прочим, читаем: «Пилсудский говорил мне, что Дзержинский в Вильне, где он знал его учеником, выделялся своей нежностью и скромностью. Действительно, высокий и худой, производит он впечатление аскета с лицом иконы... Жестокий или нет — вопрос этот выяснит история — человек такой не может врать...»

В статье, между прочим, говорится: «В результате переворотов власть получают Дзержинские, или великие предки Дзержинского — Робеспьер, Сен-Жюст и т. п., которых ни золото всех тронов мира, ни советы друзей, ни человеческие соображения не могут отклонить от предначертанной цели, чего бы достижение этой цели ни стоило»...

Я. Ганецкий

ПРОЛЕТАРСКИЙ ЯКОБИНЕЦ

С именем тов. Дзержинского будет связана, прежде и раньше всего, та поистине великая героическая полоса, когда наш рабочий класс шел к власти и когда наш рабочий класс, под обстрелом решительно со всех сторон, отбивал эту власть от жестоких нападений бесконечных врагов. Герой Октябрьского восстания, с многолетней каторгой за спиной, с кандальным звоном в своем прошлом, тов. Дзержинский после Октябрьской победы стал на одно из самых трудных мест. Он оказался разящим мечом рабочей диктатуры. Он стал во главе «Чрезвычайной Комиссии». Мы, товарищи, теперь уже много лет прожили с тех пор, когда рабочему классу нашей страны нужно было со стальным мечом в руке отстаивать свое право на существование, свое право, как право господствующего класса. И многое уже успело изгладиться из нашей памяти, и многое уже успело исчезнуть. Новое поколение растет, растет новая молодежь и в городе и в деревне, новые рабочие тянутся в город, и по-новому сейчас поют фабричные трубы. И вот теперь, когда мы уже опустили в могилу Феликса Эдмундовича Дзержинского, перед нашими глазами вновь и вновь проходят картины еще недавнего великого прошлого нашей борьбы.

Вспомните, товарищи, что было тогда, когда мы только что пришли к власти. Старый аппарат государственной власти отказывался работать. Почти вся интеллигенция — служащие, учителя, техники, инженеры, государственные чиновники — отказывалась работать, и волна саботажа прошла по всей стране. Нас — молодой класс — нашу партию, авангард этого класса, хотели оставить без рук и без ног. Громаднейший миллионный напор со стороны рабочего класса свергнул старую власть. Но у нас не было еще ни одного маленького рычажка власти, нам надо было строить все сызнова и сызнова налаживать это дело.

Одной из первых задач, с которой надо было справиться, была борьба с саботажем. И эта борьба была победоносной.

Вы помните, что Чрезвычайная Комиссия называлась тогда Чрезвычайной Комиссией «по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией». Эти три задачи были поистине чудовищными и поистине гигантски трудными.

Я помню, как рассказывали о факте назначения т. Дзержинского на этот пост. Совершенно было ясно всем в Совнаркоме, который был тогда в Петрограде, что требуется такое учреждение. Но не находили сразу человека, который должен был стоять во главе этого учреждения. Тов. Ленин говорил тогда, что надо найти такого товарища, который имел бы в себе нечто якобинское. Вы знаете, что якобинцы — это были революционеры эпохи Французской революции, которые с мечом в руках, путем беспощадного террора отражали контрреволюционных врагов. И как только было произнесено это слово «якобинец», сразу было названо имя Феликса Эдмундовича Дзержинского. Он был настоящий пролетарский якобинец, он был сух и строен, как стрела, и эта стрела метко разила противников рабочей революции.

Потом пошла громадная полоса заговоров, восстаний, интервенции, нападений, когда решительно все силы старого мира, извне и снаружи, из-за границы и из глубины страны, по разработанному плану шли на нас саранчей и хотели ликвидировать нашу власть, хотели ниспровергнуть господство рабочего класса, хотели вернуть старый режим. И тут тов. Дзержинский сыграл роль поистине неоценимую. Эта полоса его жизни сделала его настоящим героем рабочей революции, и эта полоса его жизни, в первую очередь, создаст вокруг его имени — и уже создает — славную и героическую легенду.

Все силы старого мира пошли против нас, и одно дело за другим надо было раскрывать, одно за другим дело надо было вытаскивать на свет божий, одну за другой атаку надо было отражать бесстрашной и решительной рукой.

Офицерский союз и его раскрытие, и его ликвидация; разоружение анархистов, под флагом которых, как теперь совершенно ясно видно из целого ряда белых документов, были организованы белые офицеры; дело английских шпионов во главе с Локкартом, который, на основе связи с иностранными посольствами, готовил против нас вооруженное нападение; дело «союза защитников родины и свободы», под вывеской которого скрывался белогвардейский союз во главе с Савинковым, поднявшим в связи с чехо-словацким бунтом известное ярославское восста-

ние; затем левоэсеровский мятеж; затем покушение на тов. Ленина; убийство тов. Урицкого; убийство тов. Володарского и целый ряд других дел, — все это прошло через руки тов. Дзержинского. А огромное дело национального центра в Москве и отчасти в Ленинграде? Тогда наша власть висела, в буквальном смысле слова, на волоске; тогда мы были со всех сторон окружены белыми армиями, уже подступившими к основным пунктам нашего господства; тогда Деникин был уже близко к Москве; тогда Юденич стоял под стенами Ленинграда; тогда бомбы контрреволюционеров и эсеров взрывали в Леонтьевском переулке Московский Комитет нашей партии; тогда здесь в Москве уже стояли наготове белые части; тогда ряд наших военных школ был заполнен белыми офицерами, а во главе двух квалифицированных военных школ стояли два замаскированных якобы коммуниста, которые на самом деле были членами союза русского народа и главарями заговора. Здесь, в Москве, были уже заготовлены и отпечатаны приказы по белым войскам Московского военного округа.

А в самую последнюю минуту Чека накрыла заговорщиков вместе с приказами и уничтожила их.

Вот каково было дело «национального центра», когда уже были заготовлены министры, генералы, военные власти и был заготовлен приказ о том, чтобы расстреливать всех коммунистов и сочувствующих им, «как бешеных собак»; когда уже вражеские войска подступали как к Питеру, так и к Москве. И тогда наша ЧК, во главе с тов. Дзержинским, захватила всех с поличным. Пришлось решительным образом уничтожить начисто всех, и этой суровой расправой, которая была необходима, мы разгромили и уничтожили основные кадровые силы врага.

А потом пошло дело «Тактического Центра»—военной организации, которая точно так же уже заготовила себе министров. Затем заговор в Ленинграде, во главе которого стояли два адмирала нашего флота. Затем измена на Красной Горке, потом Кронштадт, затем антоновское дело,— тамбовское восстание, затем заговор Савинкова и целый ряд многих других крупнейших дел, крупнейших попыток со стороны контрреволюции подорвать нашу власть, разбить господство рабочего класса и вернуть назад старые порядки.

Это все теперь, быть может, звучит, как какой-то странный каталог фактов из жизни какой-то другой страны. Но это есть краткий перечень самых главных дел,

которые были раскрыты нашей ЧК, ЧК, являющейся в руках победоносного рабочего класса одним из самых острых орудий борьбы против контрреволюции. Враги были раскрыты. Враги были отражены. Враги пали под ударами нашего меча.

Когда теперь вспоминаешь о наших делах, вспоминаешь эту героическую, великую, несравнимую эпоху, когда нам, окруженным со всех сторон, приходилось отбиваться, когда рабочий класс ничего не имел, кроме гнилой картошки, когда работницы не ели ничего другого, кроме отвратительной баланды, когда массам рабочего класса не было во что одеться, когда враги напирали со всех сторон,— день и ночь, в труднейших условиях, стоял тов. Дзержинский на передовом посту, день и ночь можно было его застать в этой ЧК. Он редко когда ночевал тогда дома, беспрерывно, ежечасно, ежеминутно он делал свою работу.

Товарищи, редко кто способен был так работать, ибо у каждого человека есть нервы, и каждый живой человек может выполнить такой работы только определенное количество.

Мы теперь уже вступили в другую полосу, теперь у нас другие задачи. Но, товарищи, когда мы вспоминаем прошлое, не забудем, сколько безыменных героев нашей ЧК погибло в боях с врагом. Не забудем, сколько из тех, кто остался в живых, представляют собой развалину, с расстроенными нервами, а иногда и совсем больных. Ибо работа была настолько мучительна, она требовала такого гигантского напряжения, она была такой адской работой, что требовала поистине железного характера. И тов. Дзержинский эту работу вел от начала до самого конца. Он провел свое учреждение — ЧК, а затем ГПУ — сквозь строй действительно жестоких испытаний, и, нужно сказать, что бывало время, когда это учреждение являлось по своему аппарату, по своей работе одним из самых образцовых. А если вы спросите работников этого учреждения, сколько вложил в это дело сам тов. Дзержинский, то каждый из этих стальных людей скажет вам, что очень много значения имели его личный авторитет, его неустанная работа, его безумная храбрость, его личное презрение к смерти, его постоянный, ни на минуту не прекращающийся труд.

Н. Бухарин

НЕИСТОВЫЙ ФЕЛИКС

Феликс Эдмундович Дзержинский, с его неисчерпаемой энергией, железной волей, неустрашимой решительностью, стал пролетарским якобинцем еще до образования ВЧК.

Борьба с контрреволюцией началась, одновременно с победой пролетарской революции, в стенах Военно-революционного комитета. Покойный тов. Дзержинский был одним из самых активных членов Военно-революционного комитета, и ему приходилось вести борьбу с врагами молодой, первой в мире Советской Республики. Военно-революционному комитету при ближайшем участии тов. Дзержинского приходилось разрабатывать планы борьбы против эсеровщины и кадетов, против буржуазной печати, которая клеветой обливала пролетарскую власть, производить первые аресты, допросы. Тов. Дзержинскому приходилось также после ликвидации Военно-революционного комитета работать в ликвидационной комиссии Военно-революционного комитета, на которую до образования Всероссийской чрезвычайной комиссии была возложена обязанность борьбы против контрреволюции и т. д.

Совет народных комиссаров, созданный после ликвидации Военно-революционного комитета, постановлением своим от 20 декабря 1917 г. организовал Всероссийскую чрезвычайную комиссию, или сокращенно ВЧК. Вот точный текст постановления Совета народных комиссаров:

«Назвать комиссию Всероссийской чрезвычайной комиссией при СНК по борьбе с контрреволюцией, саботажем и утвердить ее. Задачи комиссии: 1) преследовать и ликвидировать все контрреволюционные, саботажнические попытки и действия по всей России, со стороны кого бы они ни исходили; 2) предание суду Революционного трибунала всех саботажников, контрреволюционеров и выработать меры борьбы с ними; 3) комиссия ведет только предварительное расследование, поскольку это нужно для пресечения.

Комиссия разделяется на отделы: 1) информационный; 2) организационный отдел (для организации борьбы с контрреволюцией по всей России) и филиальный отдел; 3) отдел борьбы.

Комиссия конструируется окончательно завтра. Пока действует ликвидационная комиссия Военно-революционного комитета. Комиссия обращает внимание на печать, саботаж и др. прав. с.-р. саботажников и стачечников. Меры конфискации, лишения карточек, опубликования списков врагов народа и т. д.».

Председателем Всероссийской чрезвычайной комиссии был назначен тов. Дзержинский.

Это постановление Совнаркома возлагало на Всероссийскую чрезвычайную комиссию сначала две, а потом три грандиознейших задачи, ибо вскоре на нее, кроме борьбы с контрреволюцией и саботажем, была возложена также задача по борьбе со спекуляцией. Легко сказать — бороться со спекуляцией, когда в Ленинграде после Октябрьской революции продовольствия было на несколько дней. При этом везде остался аппарат почти исключительно частной торговли, использовавший переходный период — период хаоса, неразберихи и продовольственных затруднений — для того, чтобы набить себе карман. Бороться с саботажем, когда вся интеллигенция, начиная от бывших князей и вельмож, состоявших на царской службе, и кончая последним делопроизводителем и машинисткой, идейно вдохновляемыми меньшевиками и эсерами, материально щедро поддерживаемыми буржуазией, — выходила на улицу в стачке против пролетарской власти, против советов; бороться с контрреволюцией, когда Ленинград был наполнен царскими офицерами и чиновниками, строившими планы борьбы с Советской властью; когда легально существовал Комитет спасения родины и революции, в котором об'единялись все враги пролетарской власти, начиная от Милюкова и кончая Мартовым, Даном и Гоцем; когда существовала еще буржуазная меньшевистская печать, наполнявшая ежедневно свои страницы клеветой и злобой против советской власти, — было задачей чрезвычайно тяжелой.

Кроме того во время хаоса и неразберихи много находилось желавших использовать переходный момент для личной поживы, путем грабежа, хулиганства, пьяных погромов и т. д.

Контрреволюционные элементы пользовались каждым удобным случаем для борьбы с Советской властью.

О пьяных погромах агенты буржуазной контрреволюции заявляли, что «вот, мол, большевики говорили, что после революции все будет народное, сейчас же вам не дают пить, вас разгоняют» и т. д., прекрасно зная, что пьяные погромы и хулиганство есть немаловажное средство контрреволюции для подрыва авторитета и мощи новой, еще не окрепшей власти.

Вот в этой чрезвычайно тяжелой обстановке тов. Дзержинский, очутившийся во главе ВЧК с такими неопределенными задачами и неопределенными правами, которые изложены в вышеупомянутом постановлении Совета народных комиссаров, должен был организовать борьбу с ожесточенными врагами.

СНК была составлена коллегия ВЧК. Первая коллегия ВЧК в составе тт. Дзержинского, Петерса, Ксенофонтова, Аверина, Серго, Петерсона, Евсеева и Трифонова собралась только один раз. На следующий же день большинство этих товарищей получили новое назначение, и тов. Дзержинскому снова пришлось искать людей как для руководящих постов ВЧК, так и для аппарата. Подбирать сотрудников для аппаратов было чрезвычайно тяжело. Первое время на работу в ВЧК приходилось брать исключительно коммунистов, и только постепенно вокруг аппарата ВЧК стали сплачиваться и беспартийные рабочие, которые верно шли за большевистской партией.

Рассчитывать на беспартийную интеллигенцию не приходилось, и даже коммунистов не всех, кого намечали, удавалось вовлечь в работу ВЧК. И среди партийных товарищей было еще много предрассудков — гражданская война еще не научила понимать логику борьбы между пролетариатом и буржуазией. Неприятно было итти на обыск и аресты, видеть слезы на допросах, особенно тем товарищам, которые сами еще недавно были на допросах у жандармов и полиции. Не все различали обстановку вчерашнего дня и сегодняшнего, не все усвоили, что вчера нас допрашивала охранка буржуазной власти, которая держала в рабстве трудящихся, а сегодня — мы трудящиеся освободили, мы победили и, чтобы удержаться у власти, должны беспощадно бороться, не останавливаясь ни пред какими трудностями и не поддаваясь никакой сентиментальности, иначе нас разобьют, подавят, и мы снова станем рабами. И Дзержинскому немало приходилось уговаривать товарищей итти на работу в ВЧК.

Кроме того, немало было других трудностей. СНК вначале был составлен из членов двух партий: коммуни-

стов и левых эсеров. Всем известна расхлябанность, нерешительность, чисто интеллигентская слюнявость партии левых социалистов-революционеров. Тогда во главе Наркомюста стоял левый эсер Штейнберг, который тормозил каждый более или менее решительный шаг по борьбе с врагами советской власти и старался подчинить ВЧК своему контролю. Каждый неудачный шаг ВЧК левые с.-р. раздували и боролись против прав ВЧК.

Так, некий проходимец, летчик, со своими товарищами якобы от имени ВЧК произвел обыск у кутящих буржуев в гостинице «Медведь», забрал у них ценности и деньги и заявлял, что это делается по поручению тов. Дзержинского. Этот проходимец ничего общего с ВЧК не имел. Это был просто хулиган и грабитель, но тем не менее, когда об этом «обыске» узнал Штейнберг, он пустился в такую истерику, что тов. Дзержинскому пришлось тратить чрезвычайно много времени и сил, чтобы доказать, что борьба с хулиганами и грабителями входит в задачи ВЧК.

А проходимцев тогда было немало. Так, спустя несколько дней после создания СНК, был арестован бывший князь Эболи с подложными бланками и печатями СНК, ЦИК, ВЧК, НКВД, который по подложному мандату от имени ВЧК производил обыски и присваивал себе найденные при обысках драгоценности и деньги.

Только такой человек, как Дзержинский, с его решительностью, твердостью и неослабеваемой энергией, мог преодолеть все эти препятствия, завоевать доверие к себе и к ВЧК, создать аппарат, спаять его в стальной дисциплине и успешно бороться с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией.

Ленинградский период ВЧК знаменуется этими трудностями борьбы и организацией аппарата, но тем не менее до переезда в Москву в марте 1918 г. ВЧК уже стала твердо на ноги: имела около 120 сотрудников, выработанные методы борьбы и завоеванное имя, перед которым дрожали враги советской власти.

Переезд в Москву поставил перед ВЧК работу опять сначала с той только разницей, что ВЧК имела кадр подобранных работников, имела имя, но это имя не всем нравилось. В Москве, наряду с Московским советом и Красной гвардией, существовали «черная гвардия» и штаб «анархистов», которые занимали самовольно буржуазные особняки, захватывали в них найденные ценности, золото, серебро и прочее присваивали себе, а разный хлам разда-

вали обывателям. По вечерам черногвардейцы устраивали облавы на улицах, отбирали оружие, часто и у коммунистов. Таким образом, наряду с властью советов фактически существовала вторая власть — власть «анархическая», власть «черной гвардии», состоявшая на 95% из хулиганов и белогвардейцев, которые под флагом «анархистов» добывали оружие и организовывали борьбу против советской власти.

Как только ВЧК переехала в Москву, она сейчас же столкнулась с этими хулиганствующими элементами. В первый же день приезда ВЧК в Москву некоторые товарищи из отряда ВЧК зашли в чайную. Но не успели сесть за столик, как на них напали бандиты-хулиганы с целью разоружить и в схватке убили одного. Немедленно Дзержинский отдал распоряжение разыскать убийцу, и в тот же вечер коллегия ВЧК рассмотрела данное дело, и несколько человек были присуждены к высшей мере наказания и расстреляны. Тов. Дзержинскому пришлось тогда за это постановление коллегии отдуваться перед товарищами, стоявшими во главе Московского совета. Но тов. Дзержинский решительно поставил вопрос о ликвидации ненормального положения в Москве. Он потребовал разоружения так называемых «анархистов» с их «черной гвардией», особняками и т. д. Работа «черной гвардии» «анархистов» велась настолько широко, что предложение тов. Дзержинского вызвало некоторые опасения у московских товарищей, ибо «черная гвардия» довольно хорошо была снабжена оружием, бомбами и даже пулеметами, полученными через Московский военный комиссариат.

Дзержинский доказывал, что дальше терпеть такое положение, когда наряду с советской властью существует власть «черной гвардии», невозможно, и, добившись согласия, блестяще провел всю операцию по разоружению «анархиствующих» бандитов. В течение одной ночи были ликвидированы все «анархические» особняки и произведено разоружение «черной гвардии». Это разоружение показало, что под флагом «анархистов» в московских особняках засели люди, начиная от простых лентяев и кончая хулиганами, грабителями и белогвардейцами.

Следующий момент в организации ВЧК, когда проявилась энергия и твердость тов. Дзержинского, относится к маю 1918 г., при раскрытии первого крупного контрреволюционного заговора так называемого Комитета Союза спасения родины и свободы. При раскрытии этого

заговора выяснилось, что в Москве существует контрреволюционная организация, организованная по способу военных частей, т. е. в полках, ротах и т. д., участники которой в большинстве служат в продовольственной милиции и вооружены винтовками из советских складов. Во главе этой организации стоял Савинков, но в нее входили элементы, начиная от меньшевиков и кончая кадетами.

Этот заговор так же, как раскрытый несколько месяцев позднее заговор иностранных послов, во главе с Локкартом, поставил перед аппаратом ВЧК новую сложную и чрезвычайно трудную задачу. Одно дело — бороться с хулиганством и бандитизмом и небольшими группами белогвардейцев (дела, какие ВЧК приходилось разбирать до раскрытия белогвардейского савинковского заговора), другое дело — разбираться в материалах, допросах хорошо подобранной белогвардейской организации, имеющей специальные шифры, пароли и внутриорганизационную дисциплину.

Между тем комиссары и следователи ВЧК в то время почти исключительно состояли из рабочих. И вот им, этим мало подготовленным бойцам, предстояло выдержать экзамен, тяжелый экзамен по раскрытию всех контрреволюционных затей, путем кропотливой сосредоточенной работы.

Так, по найденным паролям выявилась возможность послать из Москвы в Казань, под видом белогвардейского офицера, одного из наших комиссаров для того, чтобы при помощи найденного при обыске пароля войти прямо в белогвардейский штаб. Мы снарядили тепершнего полномочного представителя ГПУ в Сибири тов. Заковского. Но товарища Заковского с его толстой фигурой и непослушными волосами никак нельзя было пригладить под офицера; все-таки его снарядили и послали. И он блестяще выполнил роль, войдя непосредственно в штаб белогвардейцев. Последние, впрочем, быстро поняли, что имеют дело не с офицером, но все-таки при самой невыгодной для себя обстановке тов. Заковский успел арестовать весь штаб и раскрыть организацию из нескольких сот человек.

На допросе были не меньшие затруднения. Белогвардейцы, несмотря на обильный материал, найденный при обыске, стали все отрицать или изображать в ином виде. Нужна была кропотливая работа, чтобы шаг за шагом все расшифровать и найти нити контрреволюционного заговора...

Многие товарищи говорят, что тов. Дзержинский слишком много загружал себя мелкой работой, но именно благодаря тому, что тов. Дзержинский днем и ночью сидел и кропотливо работал над расшифровкой нитей белогвардейского заговора, его удалось полностью раскрыть. Он делал многое сам, а главное учил своим примером следователей и комиссаров, как надо работать. И нетерпеливые комиссары и следователи учились у него, как, работая над расшифровкой мелких бумажек, можно найти ценнейшие нити для дальнейшего раскрытия контрреволюционных заговоров.

Раскрытие савинковской организации совпало с чехословацким наступлением. Разбирая материалы, найденные при раскрытии этой организации, мы видели, что готовится чехо-словацкое наступление. Принять меры предотвращения этого наступления было уже поздно, ибо оно фактически началось.

По вопросу, как отнестись к арестованным белогвардейцам, в коллегии ВЧК обнаружились резкие разногласия с левыми эсерами. Предварительно была создана комиссия для разрешения вопроса о мере наказания арестованных. В комиссию входили тт. Дзержинский, Петерс и Александрович потом был привлечен тов. Лацис. Но разногласия с левыми эсерами как в оценке этой организации, так и в вопросе о мерах наказания ее участников были настолько велики, что, несмотря на то, что состав комиссии несколько раз изменялся, мы, благодаря участию левых эсеров, не могли притти к единогласному решению. Эсеры отказались от решительной расправы с бывшими офицерами, состоящими на службе у советской власти, вооруженными советскими винтовками и осмелившимися восстать против советской власти. Большевистская часть считала, что наступает серьезный период для советской власти, ибо контрреволюционные силы об'единяются для активной борьбы. В эту борьбу были вовлечены чехо-словацкие батальоны, и готовилась интервенция капиталистов Западной Европы.

Только дальнейшие события раз'яснили позицию левых эсеров. Выяснилось, что они идут рука об руку с союзниками под флагом борьбы с германским империализмом, а на деле — против завоеваний Октябрьской революции.

В истории ВЧК мятеж левых эсеров следует отметить как важное событие. Один из ближайших участников мятежа Александрович, левый эсер, был заместителем

председателя ВЧК. Ввиду перегруженности работой тов. Дзержинского, особенно после раскрытия савинковской организации «спасения родины и свободы», Александрович фактически руководил организационной и административной работой ВЧК. Кандидатура начальника отряда Попова была выдвинута им. Отряд ВЧК был организован им и в значительной своей части состоял из несознательных элементов.

Вот как это обстоятельство об'ясняет сам тов. Дзержинский в своих показаниях о восстании левых эсеров:

«Как случилось, что такие попали к нам в отряд. Это — дело Александровича, Попова и ЦК левых эсеров. Александровичу я доверял вполне. Работал с ним все время в комиссии, и всегда почти он соглашался со мной, никакого двуличия не замечалось. Это меня обмануло и было источником всех бед. Без этого доверия я не поручил бы ему дела против Блюмкина, не поручал бы ему расследовать жалобы, которые поступали иногда на отряд Попова, не доверял бы ему, когда он ручался за Попова в тех случаях, когда у меня возникали сомнения в связи со слухами о его попойках. Я и теперь не могу примириться с мыслью, что это — сознательный предатель, хотя все факты налицо, и не может быть после всего двух мнений о нем».

Но Александрович оказался сознательным предателем. Оказывается, что он давно, по постановлению ЦК левых эсеров, подготовлял отряд для восстания.

Вот выписка из постановления ЦК левых эсеров от 24 июня 1918 г.: «В этих целях ЦК партии постановляет: организовать ряд террористических актов в отношении виднейших представителей германского империализма». Одновременно с этим ЦК партии постановил мобилизовать для проведения этого решения надежные военные силы.

Верный исполнитель постановления ЦК левых эсеров Александрович, во исполнение постановления об организации террористических актов, вовлек в аппарат ВЧК Блюмкина, наметив его как непосредственного исполнителя убийства германского посла в Москве графа Мирбаха.

Блюмкин стал подготовлять почву для убийства. С этой целью он стал усиленно муссировать слухи о готовящемся покушении на жизнь германского посла, с таким расчетом, чтобы эти слухи стали известны немецкому посольству, и дал соответствующие сведения ВЧК. После этого он решил проникнуть в германское посольство. Для первой цели он избрал разных темных лиц, подсылая их в

немецкое посольство под видом осведомителей; для второй же цели он арестовал некоего офицера австрийской службы Мирбаха, якобы племянника германского посла.

Поведение Блюмкина вызвало подозрение тов. Дзержинского накануне восстания левых эсеров. Для проверки полученных германским посольством через своих «осведомителей» сведений о готовящемся покушении на германских представителей тов. Дзержинский назначил специальную комиссию из Карахана, Лациса и меня. Это было уже накануне восстания левых эсеров.

Начался V с'езд советов. Несмотря на то, что эсеры после заключения Брестского мира ушли из всех наркоматов «в народ», чтобы агитировать против передышки за новую войну с Германией, на с'езде все-таки громадное большинство имела большевистская партия. Тогда левые эсеры решили провести постановление своего ЦК от 24 июня 1918 г.

Для того чтобы исполнить намеченный террористический акт, Блюмкин, взяв через Александровича дело вышеупомянутого австрийского офицера Мирбаха, направился в германское посольство. Предварительно, чтобы дать Блюмкину возможность попасть к германскому послу и доложить ему о преступлениях якобы его племянника, Александрович с помощью самого Блюмкина сфабриковал соответствующий подложный мандат. Мандат был написан на бланке ВЧК; Александрович, у которого хранилась печать ВЧК, приложил печать, причем подпись Дзержинского на мандате была подделана. С этим мандатом Блюмкин вошел в германское посольство и убил графа Мирбаха. Итак, левые эсеры, не добившись большинства на с'езде для легального расторжения Брестского мира, хотели во что бы то ни стало спровоцировать войну с Германией, хотя бы путем измены.

Когда тов. Дзержинский узнал от Владимира Ильича о предательстве левых эсеров и о роли Александровича в этом предательстве, его это чрезвычайно возмутило. Узнав, что убийство Мирбаха совершено Блюмкиным, находящимся в лево-эсеровском отряде, Ф. Э. прямо поехал в отряд для ареста Блюмкина. Но в отряде находилась уже вся головка партии левых эсеров. Левые эсеры скрывали нахождение Блюмкина в отряде и всячески старались обмануть тов. Дзержинского. Но тов. Дзержинский категорически требовал выдачи Блюмкина. После долгих пререканий левые эсеры, схватив за руки тов. Дзержинского, разоружили его и тем начали свое

открытое предательское выступление против советской власти.

Мятеж левых эсеров погубил их как партию. Все хвастливые уверения левых эсеров перед тов. Дзержинским во время его ареста, что за ними рабочие массы, что они уже победили, оказались пустой фантазией потерявшей голову группы интеллигентов. «Победа» левых эсеров кончилась захватом отрядом Попова нескольких улиц в Москве и захватом на несколько часов почты и телеграфа, после чего бандиты, набранные левыми эсерами, разбитые наголову, бежали из Москвы по всем дорогам.

По возвращении из плена левых эсеров, тов. Дзержинский энергично взялся за работу по очистке самого аппарата ВЧК от членов предательской партии левых эсеров. Характерно, что многие из членов партии левых эсеров не знали о планах своей же партии и категорически осуждали восстание.

После того как ВЧК успешно выдержала экзамен по раскрытию савинковской организации и особенно после восстания левых эсеров, аппарат ВЧК совершенно окреп. Было ликвидировано то ненормальное положение, которое создалось в ВЧК до восстания левых эсеров, когда приходилось считаться с мнением части членов коллегии—левых эсеров, стремившихся не к укреплению советской власти, а к ее дезорганизации.

Очистка коллегии и аппарата ВЧК от левых эсеров совпала с началом интенсивной работы контрреволюционных сил в стране. Десанты союзников окрылили мечты антисоветских сил. В ближайшие месяцы после левоэсеровского мятежа ВЧК открыла целый ряд крупнейших контрреволюционных заговоров, которые могли нанести советской власти чрезвычайно тяжелые удары.

Первый заговор после восстания левых эсеров, раскрытый в сентябре 1918 г. (так называемое «дело английского посла Локкарта»), об'единял против советской власти почти все иностранные посольства. Активнейшее участие в этом заговоре принимали английский, французский и американский послы. Они щедро снабжали контрреволюционные силы деньгами; имели шпионскую сеть по всем концам страны; организовывали взрывы складов оружия и доходили в своей ненависти против советской власти до того, что организовали поджоги продовольственных складов в то время, когда страна переживала чрезвычайно тяжелый продовольственный кризис. Но это мало беспокоило защитников «цивилизации». Кроме того

агенты послов организовали взрыв моста через р. Званку. Ленинград переживал тогда, осенью 1918 г., очень тяжелый продовольственный кризис. Снабжение Ленинграда шло главным образом по железной дороге через этот мост, и взрыв моста означал, если бы заговор не был своевременно раскрыт, безвыходное положение для населения Ленинграда. Иностранные заговорщики в лице представителей капиталистических стран, не имея возможности захватить красную столицу при помощи Юденича и белофинских банд, хотели ее взять измором.

Заговор иностранных послов открыл также их усиленную работу по разложению красноармейских частей. Так, интересно отметить, что одному из честных командиров Красной армии, которого заговорщики хотели сагитировать в агенты Локкарта, была вручена в течение двух недель огромная сумма — миллион рублей — для разложения Красной армии. Усиленную работу локкартовские агенты вели по созданию недовольства среди населения, для чего, между прочим, держали связь с духовенством и другими антисоветскими слоями населения.

Вслед за делом Локкарта, или, вернее, за несколько дней ликвидации дела Локкарта правыми эсерами были совершены убийство тов. Урицкого и покушение на Владимира Ильича. Эти события взволновали всю страну. Тов. Дзержинский в день покушения на Владимира Ильича находился в Ленинграде. В день убийства тов. Урицкого Владимир Ильич позвонил в ВЧК и предложил Дзержинскому немедленно поехать в Ленинград для выяснения обстоятельств убийства тов. Урицкого. Вечером было покушение на Владимира Ильича. Этот наглый предательский удар в спину пролетарской революции, который совершили социалисты-революционеры, встряхнул всю страну. Без всяких директив из центра с мест стали поступать сведения о решительной расправе с контрреволюционерами, начиная с эсеров и кончая белогвардейскими генералами. В ВЧК поступали телеграммы очень часто такого содержания, что в таком-то городке общее собрание, обсудив вопрос о покушении на Владимира Ильича, постановило расстрелять столько-то контрреволюционеров. ВЧК приходилось удерживать это возмущение трудящихся масс, направлять борьбу против зарвавшихся агентов иностранных капиталистов в правильное русло.

Трудно перечесть все контрреволюционные заговоры, которые в разное время были открыты ВЧК. Достаточно упомянуть о таких крупнейших из них, как «Союз воз-

рождения», «Национальный центр». Эти организации об'единяли в своих рядах меньшевиков и эсеров, кадетов и октябристов. По социальному составу в «Союз возрождения», «Национальный центр» и «Тактический центр» входил «цвет» старого мира, капиталистического строя в России. Рядом с профессорами там сидели практики военного дела, рядом с крупнейшими капиталистами — меньшевик Розанов. Заговорщики имели свои военные организации и планы восстания. В самые тяжелые для Ленинграда дни военная организация белогвардейцев усиленно вела работу среди войсковых частей с целью подготовки вооруженного восстания в момент, когда силы Юденича подступят ближе к Ленинграду. Город был разделен белогвардейцами на военные сектора, в каждом секторе были свои руководители для организации военных сил на случай восстания. С фронтами белогвардейского генерала Юденича и с руководителем английского десанта в Архангельске Пулем белыми поддерживалась тесная связь через иностранные миссии. Через иностранные же миссии передавались сведения о состоянии красноармейских частей. Так, весной, когда Юденич находился на подступах к Ленинграду, во время обыска в швейцарском посольстве были найдены готовая к отправке подробная дислокация наших войсковых частей, точные сообщения о настроении войсковых частей и справки о том, кто из командиров предан советской власти на деле и, наоборот,— кто является сторонником белогвардейцев. Эти сведения дали возможность предотвратить переход некоторых частей на сторону белогвардейцев.

При такой близкой связи с иностранными миссиями белогвардейцам нетрудно было через надежных для них командиров в наших красных частях организовать дело так, что во время боя преданные белогвардейцам командиры Красной армии подводили красноармейские части под окружение белогвардейцев, и они должны были сдаваться. Своевременное раскрытие этих заговоров дало возможность спасти красную столицу Революции.

Те же организации во время занятия Деникиным Курска и Орла имели в Москве белогвардейский военный штаб с еще более разработанным планом восстания, чем ленинградский. Москва также была разбита на военные сектора, в каждом секторе были назначены коменданты, разработан подробный план захвата Москвы вплоть до пулеметных установок на разных улицах, в разных домах. Штаб имел в своем распоряжении армию царских генера-

лов и офицеров и рассчитывал на восстание целого ряда войсковых частей. Войсковые части, на которые рассчитывали белогвардейцы, состояли главным образом из технических войсковых школ, были хорошо подготовлены и хорошо вооружены.

Можно было бы перечислить еще десятки крупных заговоров по всей стране во время гражданской войны, раскрытых в разных концах Республики органами ВЧК, раскрытых в такое время, когда белогвардейцы уже были накануне выступления и могли бы нанести тяжелый удар красным фронтам.

Вся эта работа говорит об одном, что она могла быть проделана лишь аппаратом, преданным полностью интересам пролетарской революции, аппаратом дисциплинированным и решительным, готовым итти в бой за торжество коммунизма в какой угодно обстановке, аппаратом, созданным и руководимым тов. Дзержинским.

Не надо забывать, что помимо тех трудностей, которые мною упомянуты в начале этой статьи, перед ВЧК была еще одна трудность: аппарат ВЧК приходилось строить совершенно заново. В то время как другие наркоматы, после саботажа интеллигенции, получили кое-какого из бывших сотрудников соответствующих министерств, ВЧК должна была строить свой аппарат на голом фундаменте.

Прежнюю охранку ВЧК должна была уничтожить в первую очередь. Первоочередной задачей ВЧК было изловить всех тех жандармов и полицейских, которые были верными псами капиталистического строя и общества, и создать охрану советской власти, власти трудящихся, из сотрудников, питавших наибольшую ненависть к капиталистическому строю и обществу и наивысшую преданность пролетарской власти.

Заслуги аппарата ВЧК заключаются не только в раскрытии контрреволюционных заговоров и бандитских организаций: немаловажная заслуга ВЧК заключается еще в решительной и умелой расправе с врагами советской власти. Поймать врага — это даже не половина работы. Врагов советской власти в начале ее существования было чрезвычайно много, их всех нельзя было переловить. Еще больше было недовольных, страдающих от голода и холода обывателей. Главная задача ВЧК заключалась не в том, чтобы схватить всех врагов советской власти — она должна была расправиться с врагом так, чтобы это подействовало на действительных врагов советской власти,

она должна была уметь отличать бурчащего обывателя от непримиримого классового врага пролетарской власти.

Тов. Дзержинский в этом отношении был самым подходящим якобинцем пролетарской революции. Для него не существовало никаких трудностей, никаких преград или предрассудков. Он понимал трудности пролетарской революции, он ясно видел преграды, стоящие на пути этой революции, но не дрогнул перед трудностями. Он шел вперед всегда убежденно, верно, не срываясь, не увлекаясь, хладнокровно делая дело пролетарской революции. Несмотря на то, что он горел в борьбе, что для него борьба была сама жизнь, он не увлекался, сохраняя хладнокровие в самые тяжелые моменты борьбы.

Он глубоко ненавидел лживость, притворство и трусость, ненавидел неосновательные нападки на ВЧК.

Осенью 1918 г., когда некоторые товарищи и в печати и на собраниях стали выступать против ВЧК, говоря, что наступила пора ограничить права ВЧК в области непосредственной расправы,— тов. Дзержинский глубоко возмущался и болел этими нападками. Он не был ведомственником, слепым защитником существующих прав ВЧК, но остро реагировал на эти нападки, потому что считал их вредными для пролетарской революции.

Говорить об ограничении прав ВЧК в 1918 г., когда кругом только еще развертывались фронты белогвардейцев и десантские операции капиталистов всего мира, когда белые всюду работали, имели свои военные организации и штабы в Ленинграде и Москве,— говорить в это время об ограничении прав ВЧК, о расправе с врагами советской власти через гласный суд, конечно, было наивно, и Дзержинский возражал товарищам, выступившим с такими предложениями, не потому, что жаждал крови хотя бы злейших врагов революции, но потому, что видел пагубность всех этих выступлений.

Только такой человек, с такой выдержкой, с такой решимостью мог возглавлять ВЧК. Партия не могла подыскать более достойного председателя ВЧК. Его глубокая вера в успех революции, его неисчерпаемая энергия, решимость бороться, несмотря ни на какие препятствия, передавались аппарату сверху донизу, и никогда не было в ВЧК большего авторитета, чем авторитет тов. Дзержинского. Такой авторитет он создал себе не только вышеупомянутыми качествами борца. Он его создал также своей образцовой личной жизнью. Занимая ответственнейшие государственные посты, Ф. Э. в своей личной жизни остал-

ся образцом скромности. Не потому, что он хотел, как некоторые, щеголять этим, а потому, что не мог жить иначе. Он остался таким, каким был до революции в тюрьме и ссылке, потому что ему было приятно быть именно таким.

У тов. Дзержинского не было личной жизни, кроме работы. Мы неоднократно удивлялись его энергии. Сутками не выходя из здания ВЧК на чистый воздух, он работал, отдыхая лишь несколько часов в той же комнате, где работал; там же имел постель, там же принимал скудную пищу.

В работе ВЧК и ГПУ много было и есть соблазнов; особенно много соблазнов было в тяжелые годы гражданской войны. Никому так близко не приходится прикасаться к старому умирающему буржуазному обществу, как сотрудникам ВЧК или ГПУ. Я никак не могу удержаться от того, чтобы не повторить фразы, сказанной Владимиром Ильичом: «Когда умирает человек, его хоронят, зарывают глубоко в землю, иногда посыпают известью, чтобы труп не вонял, а перед нашими глазами умирает целое общество, оно остается на поверхности, его никто не зарывает; это умирающее общество своей вонью заражает иногда слабых, кто к нему прикасается».

И кому больше, чем сотрудникам ВЧК и ГПУ приходится касаться этих полутрупов буржуазного общества в лице спекулянтов, белогвардейских офицеров и всякой падали, которая остается на поверхности, не находит себе места в новой жизни, становится трупом, разлагается!

И только человек с такими качествами, как тов. Дзержинский, мог подобрать себе подобных и из них составить мощный аппарат ВЧК и ГПУ, который в руках пролетарской власти в переходный период, когда мы кругом окружены еще врагами, ненавидящими нас и готовыми на какие угодно средства, какими угодно средствами уничтожить нас,— является верным орудием обороны революции в руках пролетарской власти.

Умер тов. Дзержинский, умер как верный солдат революции, до последнего часа своей жизни оставаясь верным ленинцем, преданным революции до последней капли крови, и его смерть, как и его жизнь, будут примером, наследством мощному аппарату ГПУ.

Сейчас кончилась гражданская война, резко изменилась обстановка. Часть врагов советской власти сознала свою ошибку, перешла на сторону советской власти. Пролетарское государство в глазах всего мира стало

признанной мощной державой. Перед ГПУ нет перспектив раскрытия контрреволюционных заговоров в масштабе 1918—1919 гг., но работа ГПУ в обстановке капиталистического окружения не менее важна, чем в дни тяжелой гражданской войны. Она только более сложна, требует большего внимания.

Аппарат ВЧК не дрогнул ни разу при жизни своего организатора и вождя. Таким же крепким, зорко охраняющим развитие пролетарской революции он останется и после смерти своего вождя.

Я. Петерс

пролетариат выделил для работы в органах чк лучших сынов своих. и не удивительно, что враги наши бешено ненавидели чк и чекистов. их ненависть вполне заслуженная. вчк может гордиться тем, что она была об'ектом неслыханной травли со стороны буржуазии.

(„Правда" от 17 декабря 1922 года.)

ф. дзержинский

ДЗЕРЖИНСКИЙ и ВЧК

Организация ВЧК и ее работа настолько тесно связаны с именем тов. Дзержинского, что нельзя говорить о них отдельно. Он создал ВЧК, он ее организовал, он ее преобразовал. Поэтому, говоря о тов. Дзержинском, о его работе по охране завоеваний Октября, нам неизбежно придется говорить и о ВЧК и ее органах.

Недели через две после Октябрьской революции, когда от нашего Военно-революционного комитета постепенно стали отпочковываться органы управления советским государством, тов. Дзержинский был назначен членом коллегии народного комиссариата внутренних дел. В те дни, когда налицо еще был Военно-революционный комитет, когда «власть на местах» толковалась подчас неограниченно, комиссариату внутренних дел придавали мало значения. Были довольно серьезные предположения о его ликвидации. Этим отношением к названному органу об'ясняется и то, что овладение бывшим министерством внутренних дел было произведено в последнюю голову. Жандармерия была уничтожена, вместо полиции действовала народная милиция, дела вероисповедания и церковные были на время выброшены из нашего круга внимания. Национальные дела перешли к Комиссариату национальностей. Работа земства и городских управ включалась в работу Совета. Что же было делать Народному комиссариату внутренних дел?

— Наводить порядок и организовать власть на местах.

Так мы тогда понимали работу НКВД. И вот, когда на одном из первых заседаний коллегии НКВД ставился вопрос о распределении работы (не знаю, нашло ли это суждение какое-нибудь отражение в протоколе, так как тогда не все записывалось или вернее, мало что записывалось), тов. Дзержинский напросился на работу по водворению порядка в стране.

Первым делом надо было водворить порядок в столице Советского государства. Естественно, что тов. Дзержинский, оставаясь одновременно и членом Петроградского Военно-революционного комитета, начал строить планы по охране революционного порядка в столице. Им был создан комитет по охране Петрограда. На эту работу, вначале был приглашен тов. Аверин, который скоро ушел,

и вместо него стал работать тов. Ворошилов. Эта работа неизбежно увязывалась с бывшим градоначальством. Поэтому собственно здесь и обосновалась комиссия по охране Петрограда. Тов. Дзержинский всецело ушел в эту работу и очень редко показывался в комиссариате. Но вслед за столицей восстала вся страна. Работа контрреволюционеров естественно распространилась и на провинцию. Как можно говорить только об охране Петрограда? Необходим орган, который расправлялся бы с контрреволюцией по всей стране. Это мог делать и Комиссариат внутренних дел. Но были опасения, что левые с.-р. во что бы то ни стало потребуют себе место в этом комиссариате (что потом и сбылось), коллегия которого пока была составлена только из большевиков. Если левые с.-р. проникнут в НКВД, какая же может быть борьба с контрреволюцией? Поэтому мысль руководителей начинает работать в другом направлении,—необходимо создать особый чрезвычайный орган борьбы с контрреволюцией, не комиссариат, а комиссию, куда с.-р. можно и не пускать, а если пускать, то не по требованию ЦК левых с.-р., а по деловым соображениям. Эти соображения и вызвали организацию Всероссийской Чрезвычайной Комиссии. Вопрос об ее организации был ясен еще 19 декабря, но запротоколировано об ее организации только 20 декабря. Насколько мысль о ее существе была еще неясна, видно из текста протокола, который, как явствует из записи, был писан наспех самим Владимиром Ильичом.

Протокол [1] гласит буквально следующее:

«Назвать комиссию Всероссийской Чрезвычайной Комиссией при Совете Народных Комиссаров по борьбе с контрреволюцией и саботажем и утвердить ее.

Задачи комиссии:

1) Преследовать и ликвидировать все контрреволюционные и саботажнические попытки и действия по всей России со стороны кого бы они ни исходили.

2) Предание суду Революционного трибунала всех саботажников и контрреволюционеров и выработка мер борьбы с ними.

3) Комиссия ведет только предварительное расследование, поскольку это нужно для пресечения. Комиссия разделяется на отделы: 1) Информационный, 2) Организационный отдел (для организации борьбы с контрреволю-

[1] Оригинал хранится в архиве Совнаркома.

цией по всей России) и филиальный отдел, 3) Отдел борьбы.

Комиссия сконструируется окончательно завтра. Пока действует Ликвидационная комиссия В.-Р. комитета. Комиссия обращает внимание на печать, саботаж и др. прав [правых? — *Ред.*] эсеров [,] саботажников и стачечников. Меры — конфискация, водворение, лишение карточек, опубликование списков врагов народа и т. д.».

Это — скорее черновой набросок, чем декрет об организации ВЧК. Но в те дни некогда было отшлифовывать. Необходимо было действовать. Толчок был дан, направление более или менее выявлено,— пусть руководители развивают дело, руководствуясь революционным правосознанием и своей совестью.

Все же, как явствует из приведенного документа, ВЧК тогда хотя и мыслилась как орган непосредственной расправы — ему предоставлялось право конфискации, лишения карточек, опубликование списков врагов народа и т. п.— но в области судебной предполагалось, что все судебные дела после предварительных следствий ВЧК будет передавать в Революционный трибунал. Этот правовый момент мы здесь подчеркиваем преднамеренно, чтобы яснее выступила потом фигура Феликса Эдмундовича, шедшего в разрез с буквой закона, но действовавшего, согласно своему классовому правосознанию и совести.

ВЧК сорганизовалась в тот же день в составе председателя тов. Дзержинского, тт. Ксенофонтова, Петерса, Аверина, Серго (Орджоникидзе), Петерсона, Евсеева и Трифонова, разместилась в доме бывшего градоначальника по Гороховой ул., д. № 2 и приступила немедленно к работе, собственно продолжая работу ликвидации комиссии Петроградского Военно-революционного комитета.

Во что выльется в ближайшие же месяцы работа ВЧК, никто еще не знал, и те задачи и права, которые были даны ВЧК, заставили серьезно отнестись к подбору руководителей этого органа — орудия пролетарской диктатуры. В те дни об'явить гражданина врагом народа было равносильно присуждению к смерти. Революционное правосудие не было еще введено в рамки советского аппарата. Каждый революционно настроенный гражданин считал своей обязанностью расправиться с врагами народа.

Да, это уже была игра головами. При правильной работе наши головы могли быть пощажены, хотя бы из-за этого полетели головы контрреволюционеров, при неверном подходе к делу — мы могли бы проиграть свою голову.

Кому поручить это дело? По внешности оно — кровавое, выступающее в разрез с опошленным, но односторонне почитаемым принципом — неприкосновенности человеческой личности, отрицанием смертной казни, войны. Это самая черная работа революции. В перчатках ее не осуществишь. И в то же время это — самая необходимая работа. Не всякий бы за эту работу взялся и не всякому эту работу можно было поручить. Осмысленно или неосмысленно было назначение председателем ВЧК тов. Дзержинского — теперь безразлично. Одно ясно, счастьем нашей революции было назначение председателем ВЧК Феликса Эдмундовича Дзержинского.

Кристально чистый, самоотверженный, волеустремленный, человек немедленного действия, не отступающий перед препятствиями, подчиняющий свои личные интересы интересам революции, забывающий себя, справедливый даже по отношению к своим врагам,— вот каким тов. Дзержинский показал себя за долгие годы работы вплоть до своей смерти, таков был он и на этом посту, обрызганном кровью, закопченном пороховым дымом.

Итак, Феликс Эдмундович — председатель ВЧК. Он начинает действовать.

Будем следовать за ним в его работе.

Нет еще опыта на этом фронте борьбы. Налицо только постановление Совнаркома и жизнь, требующая действия и немедленного действия. Поэтому ВЧК не берет на себя судебных функций и действует через Революционный трибунал. На вечернем заседании коллегии ВЧК от 20 декабря тов. Дзержинский протоколирует:

«Комиссия должна вести только предварительное следствие».

Жизнь, однако, уже на первых шагах комиссии диктует другое — она требует непосредственной расправы на месте преступления. Пользуясь периодом перестройки аппарата управления и, в связи с этим, естественным временным отсутствием государственного аппарата, прикрываясь флагом революционеров, творящих революционное правосудие, разные темные элементы начинают действовать в своих личных интересах, производя грабежи. Некоторые из них начинают действовать под видом сотрудников ВЧК. Это последнее очень опасно — нельзя допустить скомпрометирования имени ВЧК. Ее имя должно быть чисто. К этому органу должны обращаться за помощью все ищущие революционного правосудия. Так мыслил Феликс Эдмундович.

И вот, когда в руки ВЧК попал шантажист и бандит, известный по делу под именем князя Эболи, действовавший при вымогательстве под видом сотрудника ВЧК, Феликс Эдмундович отдает приказ — расстрелять. И Эболи был расстрелян 24 февраля 1918 г.

Завершился первый период работы ВЧК: жизнь заставила присвоить революционным путем право непосредственной расправы.

Тов. Дзержинский сделал шаг, декретом не предусмотренный, никем не разрешенный. Левые социалисты-революционеры, возглавлявшие комиссариат юстиции, поднимают вой, требуют поставить вопрос в Совнаркоме. Однако, Владимир Ильич уклоняется от включении этого вопроса в повестку Совнаркома. Он понимает, что тов. Дзержинский прав. Против жизни не пойдешь. Таким образом жизнь сама узаконивает право ВЧК на непосредственную расправу. Это право — право расстрела ВЧК применяла до июля 1918 года только по отношению к бандитам и спекулянтам. Политические противники этой каре не подвергаются.

После первого оглушительного удара контрреволюционеры опомнились. На место бесплодных, необдуманных шагов в Петрограде они переносят свою работу в провинцию, мобилизуют свои силы и начинают планомерно наступать на Советскую власть.

Ясно, что ВЧК уже не может ограничить работу одним лишь Петроградом. Необходимо раскинуть аппарат по всей стране. Первым долгом организуется Московская Чрезвычайная Комиссия. Но она не успела развернуть пути своей работы, как вынужденная эвакуация Петрограда заставляет и ВЧК переехать в Москву и обосноваться здесь. К этому времени Москва оказалась почти в руках анархистов, к которым примазался весь уголовный элемент. Московским Советом анархистам предоставлено право держать свои вооруженные отряды. Анархисты уже не просто политическая партия, а вооруженная сила. В городе, теперь в столице, начался произвол.

А сюда переехало правительство и Центральный комитет партии большевиков. Необходимо железной метлой вымести всю нечисть, терроризирующую население и срывающую мирную работу. За это дело первым долгом берется тов. Дзержинский совместно с комендантом города и в одну ночь он разоружает все штабы анархистов. Последние оказывают сопротивление, и ему приходится пускать в дело пушки. И до, и после этого ВЧК арестовы-

вает отдельные группы вооруженных бандитов на месте преступления и применяет к ним высшую меру наказания— расстрел.

Этим недоволен Московский Совет. Как это так — на нашей территории, без нашего ведома применять зверскую расправу — расстрел?! Теперь все это кажется невероятным, но в те дни было не мало товарищей, которые принцип неприкосновенности личности ставили выше интересов революции, конечно, находясь еще в идейном плену у обывателя.

Такое вопиющее непонимание задач момента и тактики ВЧК заставляет тов. Дзержинского выступить с открытым письмом. Это письмо является программой, намеченной для ВЧК тов. Дзержинским,— поэтому мы здесь его приводим целиком:

К населению гор. Москвы.

От Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией при Совете Народных Комиссаров.

Волею Совета Народных Комиссаров Российской Федеративной Социалистической Советской Республики мы призваны к деятельности в гор. Москве. Вступая в отправление своих обязанностей, Всероссийская Чрезвычайная Комиссия считает необходимым довести до сведения граждан гор. Москвы, что первейшей задачей Всероссийской Чрезвычайной Комиссии будет борьба за полную безопасность и неприкосновенность личности и имущества граждан от произвола и насилия самовольных захватчиков и бандитов, разбойников и хулиганов и обыкновенного жулья, осмелившихся созываться и выдавать себя за анархистов, красногвардейцев и членов других революционных организаций. В борьбе с этими двойными преступниками, охотно входящими в сношения и принимающими в свою среду контрреволюционеров, ударников и белогвардейцев, будет проявлена особая решительность и беспощадность. Все население Москвы призывается к полному спокойствию и содействию законной власти и неукоснительному покорению всех элементов, деятельность которых явно враждебна свободному республиканскому строительству нашего социалистического отечества. Население должно знать, что во Всероссийской Чрезвычайной Комиссии оно встретит самую живую отзывчивость к каждому, где попрана справедливость, совершено и готовится совершиться преступление. За каждое сведение о местопребывании громил, захватчиков, спиртогонов, спекулянтов,

саботажников и контрреволюционеров Всероссийская Чрезвычайная Комиссия будет признательна и благодарна. Надо твердо знать, что только общими усилиями твердой власти и друзей свободной России мы можем непоколебимо и могущественно утвердить начало нового строя революционно-социалистической России.

За истекшие месяцы со дня Октябрьской революции к работе правительства примазались под маской сочувствующих и единомышленников различные нежелательные элементы. Очищением от этой своры комиссия займется особенно усердно и здесь мы просим содействия граждан. Необходимо немедленно заявить Всероссийской Чрезвычайной Комиссии о каждом неправомерном, незаконном или преступном поступке всех без различия положения и службы, наперед зная, что всякое такое заявление письменное или устное будет встречено искренней благодарностью.

Все лица, носящие оружие, должны озаботиться о выправлении у Советской власти надлежащих удостоверений, причем Всероссийская Чрезвычайная Комиссия предупреждает, что после опубликования этого обращения к населению всякое незарегистрированное и холодное или огнестрельное оружие не только будет отбираться, но собственники его будут подвергаться самой суровой ответственности.

Все взрывчатые вещества, хранящиеся в сыром виде, а также бомбы, гранаты, машины и прочие приспособления, находящиеся в распоряжении частных лиц, учреждений и партийных организаций, не получивших правительственного разрешения, должны быть сданы во Всероссийскую Чрезвычайную Комиссию немедленно. Лица, не подчинившиеся этому постановлению, тем самым об'являют себя врагами народа и становятся вне закона.

Лицам, занимающимся грабежами, убийствами, захватами, налетами и пр. совершенно неприемлемой преступной деятельностью, предлагается в двадцать четыре часа покинуть гор. Москву или совершенно отрешиться от своей преступной деятельности, зная наперед, что через двадцать четыре часа после опубликования этого заявления все застигнутые на месте преступления немедленно будут расстреливаться.

Это обращение к населению Москвы, выпущенное в конце марта 1918 г., свидетельствует о том, что Феликс Эдмундович еще рассчитывал на благоразумие антисоветских партий. Политического противника достаточно изо-

лировать от общества, уголовный элемент надо пресечь в корне — вот подход Феликса Эдмундовича на первых порах деятельности ВЧК.

Этой верой в благоразумие об'ясняется и сотрудничество с левыми соц.-рев. Мы уже говорили, что ВЧК мыслилась на первых порах исключительно, как орган большевиков. Но мало-по-малу Феликс Эдмундович стал лично приглашать отдельных левых эсеров для работы в ВЧК. Из эсеров на первых порах приглашен был рабочий Ильин. Но как только ВЧК стала беспощадно расправляться с противниками, ЦК левых эсеров потребовал себе места в ВЧК, и Феликс Эдмундович на это согласился. Из числа левых эсеров тогда были введены Александрович, в качестве заместителя председателя, и Закс. Постепенно к июлю 1918 г. из числа 20 человек коллегии ВЧК 7 были левые соц.-революционеры. Кроме того начальником отряда ВЧК был левый соц.-революционер Попов.

Тов. Дзержинский не только примирился с этим положением, но даже, как видно по всему, считал такое положение нормальным: раз левые соц.-революционеры разделяют государственную власть, то пусть несут и ответственность за подавление бандитизма, саботажа и контрреволюции. Все это было так, пока левые эсеры не ушли от власти, т. е. до Брестского конфликта. Но как только они от власти ушли, следовало их «уйти» и из ВЧК.

Этот момент тов. Дзержинский просмотрел, в чем потом себя открыто обвинял на заседании Совета Народных Комиссаров. Сталкивавшиеся ближе с эсерами по практической работе члены коллегии Петерс и Лацис указывали и Дзержинскому, что с эсерами не стало возможности работать: в тройке по расстрелу они постоянно голосуют против, а для приговора необходимо единогласное решение. К этому времени был раскрыт Савинковский «Союз защиты родины и свободы». Девять пойманных с поличным организаторов необходимо было расстрелять. Левые соц.-революционеры возражали.

Разногласия были перенесены на решение Якова Михайловича Свердлова. Петерс и Лацис ставили вопрос ребром: или мы, или эсеры. Яков Михайлович посоветовал подождать до с'езда Советов: «Если они останутся в правительстве — придется оставить и в ВЧК, если уйдут — прогоним их из ВЧК».

6 июля эсеры подняли восстание и воспользовались отрядом ВЧК, где находился их повстанческий штаб. Тов. Дзержинский был арестован эсерами и вместе с ним

Лацис, Беленький и несколько комиссаров ВЧК. Это единственный серьезный промах, допущенный тов. Дзержинским за время работы в ВЧК.

В этой своей ошибке он немедленно сознался и, после освобождения, на заседании Совнаркома требовал своего отстранения от работы в ВЧК до разбора дела следственной комиссией тов. Стучки. Так как Феликс Эдмундович решительно настаивал на этом, Совнарком принял это предложение и временным председателем ВЧК был назначен Петерс.

Эта именно черта характера — немедленное открытое сознание ошибки и немедленные меры к ее исправлению — делала Феликса Эдмундовича неоценимым работником. Через неделю он снова председателем ВЧК, и теперь этот орган пролетарской диктатуры был цельный, без эсеров. Отложенные выполнением приговоры над руководителями «Союза защиты родины и свободы» приводятся в исполнение.

Стало ясным, что антисоветские партии пошли на все, не брезгая ничем. Или мы, или они. Теперь уже бандит и спекулянт менее опасен, чем кадет, эсер и меньшевик. И Феликс Эдмундович решается на применение расстрела к политическим противникам, выступившим с оружием против нас. Война остается войной, где бы она ни проходила — на границе или внутри страны.

Было ли на это разрешение власти? И да, и нет. По предложению Малого Совнаркома, Совнаркомом в мае было, кажется, принято постановление, об'являющее врагами народа действующие против Советской власти партии. Это постановление не было опубликовано, но о нем знали. Я даже не берусь сказать, было ли утверждено Совнаркомом это постановление. Сомневаться заставляют неоднократные выступления Нарком'юста против беззаконной расправы ВЧК. Во всяком случае, эти права не были Совнаркомом широко декларированы. Нельзя же временные чрезвычайные мероприятия включать в действующие в общем порядке законы. Поэтому тов. Дзержинский руководствовался партийной директивой и каждый раз применял ее согласно требованиям момента.

Мы нередко слышали и слышим ходячую фразу: цель оправдывает средства. Не только вражеский стан, но и большинство наших советских работников уверены, что ВЧК руководствовалась в своей работе именно этим девизом.

Я должен здесь засвидетельствовать, что это грубейшая ошибка. Тов. Дзержинский еще в 1918 г. на заседании коллегии ВЧК от 18 марта провел постановление, запрещающее пользоваться провокацией в работе ВЧК. Больше этого, в заседании коллегии от 17 февраля 1918 г. принимается постановление о пользовании секретными сотрудниками только вне стен комиссии и только по отношению к спекулятивным делам, к политическим же врагам эти меры не принимаются. Борьба ведется чисто идейным содействием советских элементов.

Разве это сколько-нибудь похоже на — «цель оправдывает средства»? Эту последнюю мысль, что борьба ведется главным образом «содействием советских элементов», мы встречаем и в обращении тов. Дзержинского к населению Москвы. Значит, это не случайное волеизлияние, не случайный протокол.

В этом мы убеждаемся, взглянув на состав сотрудников ВЧК. В первые месяцы работы ВЧК в Москве в ее аппарате насчитывалось всего 40 сотрудников, включая сюда и шоферов и курьеров. Даже к моменту восстания левых эсеров в ВЧК число сотрудников доходило только до 120 человек. Если все же ВЧК осуществляла сравнительно большую работу, то главным образом благодаря содействию населения. Почти все крупные заговоры были раскрыты указанием населения. Первая нить бралась от них, этих добровольных и бесплатных сотрудников от населения и потому уже разматывались аппаратом ВЧК.

Начиная с марта 1918 г. тов. Дзержинский приступает к организации аппарата ВЧК на местах. Сначала он мыслил организацию только Губчека, а потом и уездных, но места забегают вперед и нередко создают даже районные и волостные чека. Это уже заставляет вести работу по сжатию не вмеру взятого провинцией размаха. Организуется иногородний отдел, которым руководит тов. Фомин.

Проникшая в военную сферу контрреволюция приводит к стихийной организации фронтовых чека. Потом организуются Транспортные Чрезвычайные Комиссии и создаются войска ВЧК. К началу 1919 года ВЧК уже имела широко разветвленный аппарат и была в состоянии пресекать в корне все попытки контрреволюции, как направленные к непосредственному вооруженному свержению Советов, так и к экономическому задушению, путем рас-

стройства транспорта, промышленности и сельского хозяйства.

Необходимо отметить, что такому росту аппарата ВЧК значительно способствовало покушение на тов. Ленина в августе 1918 г. и бешеный рост белого террора в пограничной полосе. На белый террор надо было ответить красным террором. Эту работу и осуществляла ВЧК, руководимая тов. Дзержинским.

Естественно, что такой широко разветвленный аппарат, требующий уже десятки тысяч работников, не мог сохранить повсюду исключительную добросовестность. Нередко примазывались к аппарату ВЧК негодные элементы, иногда даже контрреволюционеры. Производилось это одними исключительно в карманных интересах, другими — с целью компрометировать ВЧК, выведать тайны. Особенно много неприятностей было с низовым аппаратом. Все это порождало недовольство штатом ВЧК, и некоторые товарищи из советской среды, в частности тов. Крыленко, открыто выступали за сокращение аппарата ВЧК и ограничение ее прав.

Тов. Дзержинский берется за искоренение этого зла и каленым железом выжигает обнаруженную язву. К своим сотрудникам самые строгие требования и за преступления самая строгая кара. Расстрел — вот мера наказания для своих сотрудников, воспользовавшихся своим служебным положением для личного обогащения или просто удовольствия. Нередки случаи, когда за одинаковой тяжести преступления тов. Дзержинский гораздо строже карал своих сотрудников, чем «уголовников» или политических противников. Только такой железной рукой тов. Дзержинскому удалось сохранить доброе имя ВЧК и добиться серьезных успехов в борьбе с контрреволюцией.

Но тов. Дзержинский — не просто организатор, не просто председатель ВЧК. Его натура не довольствуется только руководством. Он жаждет сам действовать. И мы нередко видим, как он сам допрашивает обвиняемых и роется в изобличительных материалах. Его настолько захватывает дело, что он просиживает ночи в помещении ВЧК. Ему некогда сходить домой. Он спит перерывами тут же в кабинете за ширмой, где приспособлена для него кровать. Он и столуется тут же, и курьер приносит ему в кабинет еду — обыкновенную, какой питаются все сотрудники ВЧК. Правда, курьер старается приготовить для него что-нибудь получше; на место конины, которой все питались в 1919 и 1920 гг., поджаренный картофель с

салом. Но Дзержинский не любит, чтобы для него создавали какие-то исключительные условия и ругает курьера-старика и тов. Беленького, взявшего на себя заботу о личности Дзержинского. Поэтому нередко приходится его обманывать указаниями, что и для других сотрудников тот же обед. Такая усиленная работа расшатывает его изнуренный каторгой организм, и лучший уход за ним необходим. Тов. Беленький в меру своих сил и средств ВЧК старается представить Феликсу Эдмундовичу минимум удобств.

Самым напряженным временем в работе ВЧК была полоса после покушения на Владимира Ильича, когда обнаглевшая свора лжесоциалистических партий решилась на индивидуальный и массовый террор и когда правительство учредительного собрания (в Самаре), опираясь на чехословаков, начало серьезное наступление по Волге.

Это положение страны приводит к необходимости предоставить ВЧК самый широкий круг прав, и Совнарком в сентябре принимает следующее постановление:

«Совет Народных Комиссаров, заслушав доклад председателя Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности о деятельности этой комиссии, находит, что при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью, что для усиления деятельности Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности и внесения в нее большей планомерности необходимо направить туда возможно большее число ответственных партийных товарищей; что необходимо обеспечить Советскую республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях, что подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам, что необходимо опубликовать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры».

После этого и в Москве к делу борьбы с контрреволюцией привлекаются все районы. Им представляется даже право расстрелов. То, против чего так возражали многие из партийных товарищей,— право расстрела,— сейчас узаконено. На белый террор жизнь заставила ответить красным террором.

Следующим напряженным периодом в работе ВЧК была осень 1919 г., когда был взорван Московский комитет и

раскрыт заговор «Национального центра». На фронтах военное кольцо сжималось все ближе к столице и Петрограду. Почуяв нашу слабость, подняли голову заговорщики и успели уже организовать в Москве и окрестности две дивизии вооруженных сил. Как только Деникин подойдет ближе к Москве, они поднимут восстание и облегчат овладение Москвой. Таков их план. Но этот замысел был пресечен раскрытием «Национального центра». В то же время завершена и другая серьезная операция — ликвидация анархистов подполья, работавших в тесном контакте с крайним течением левых эсеров, во главе с Донатом Андреевичем Черепановым.

На фронтах наступил перелом, и наши войска победоносно наступают. Головка контрреволюции внутри задавлена. Для Феликса Эдмундовича становится скучно работать здесь в Москве. Он отправляется на Украину, где орудуют банды Махно и других «батек». Он напрашивается сам на должность начальника тыла Украинского фронта и приступает к работе.

Для Дзержинского не важен чин. Ему важна работа. Теперь не один только ответственный коммунист запротестовал бы, если его, состоящего в должности наркома (Дзержинский был в то время и Наркомвнуделом), подчинили бы какому-нибудь начальнику фронтового участка. Для Дзержинского такого подхода не существовало. Где бы он ни работал, кем бы он ни числился, он всегда сам собой, он всегда Дзержинский.

Он внимательно следит за спадением контрреволюционной волны и, как только представляется возможность, выступает за смягчение карательных мер. Так, в январе 1920 г. он входит в Совнарком с предложением об отмене расстрелов по приговорам ВЧК. Совнарком с этим соглашается и почти буквально утверждает проект постановления, вносимого тов. Дзержинским.

Возвратившись с Украины, он снова в своем кабинете в ВЧК. Даже дела Наркомвнудела он осуществлял здесь. Руководители Нарковнудела считали с первых дней существования комиссариата, что борьба с контрреволюцией это дело Наркомвнудела.

На первых порах ВЧК мыслилась в тесной связи с комиссариатом, и даже первые деньги были отпущены из сумм НКВД. К тому же тов. Дзержинский числился членом коллегии НКВД, а тов. Лацис, работавший постоянно в НКВД, членом коллегии ВЧК. Исходя из этого взгляда, НКВД посылал первоначально по губисполкому директивы

по борьбе с контрреволюцией и тут встретился с директивами ВЧК. Возник спор: должны ли чрезвычайные комиссии подчиниться НКВД или нет? Формально спор был бесплоден, так как ВЧК была организована при Совнаркоме, согласно официальному постановлению. По существу же чрезвычайные комиссии должны были быть частью аппарата губисполкома, работая на правах его отдела, а не над ним.

Выход был найден в том, что председатель ВЧК должен одновременно быть и Народным комиссаром внутренних дел, что и было сделано после того, как Гр. Ив. Петровский занял пост председателя Украинского ЦИК.

Откуда у тов. Дзержинского это упрямство — нежелание подчинить ВЧК НКВД? Тут два соображения. Первое — передавая ВЧК НКВД, приходилось бы увязать работу ЧК с милицией и получилась бы аналогия с царской жандармерией, что политически было недопустимо. Второе — чрезвычайная комиссия временный орган, орган борьбы, нужный на время борьбы. Пройдут чрезвычайные обстоятельства, будет ликвидирован и чрезвычайный орган. Не то НКВД. Его работа постоянная, присущая и нормальным условиям. Зачем путать эти две разных работы?

К тому же, было еще привходящее обстоятельство. Аппарат ВЧК был компактен и более или менее хорошо подобран. Слить с широким аппаратом НКВД,— это скажется на качестве. НКВД не раз высказывал, так же как и многие губисполкомы, свое недовольство чрезвычайными комиссиями. Передать им дело борьбы — останутся от ЧК рожки да ножки, а время для этого еще не настало. И последнее соображение — чрезвычайным комиссиям не раз приходилось арестовывать ответственных сотрудников губисполокма. Как же после этого чрезвычайные комиссии им подчинить?

Таковы, пожалуй, были основные соображения, породившие позицию тов. Дзержинского.

Феликс Эдмундович не в состоянии примириться с тесными рамками буквально понимаемой контрреволюции. Разве контрреволюционер только тот, кто работает в направлении свержения Советской власти с оружием в руках? А тот, кто преднамеренно компрометирует авторитет Советской власти перед рабочими и крестьянами взяточничеством, незаконными поборами или личным поведением, разве он не контрреволюционер? А тот, кто, хотя и не преднамеренно, а в своих личных интересах, ради своей утробы, ради личного удовольствия уклоняется от вы-

деленной для него нормы потребления и хочет жить за счет урезания и так голодного пайка другого, разве он не творит препятствий, идущих наруку контрреволюции? Разве это не подлежит искоренению и разве это не должно войти в круг работ ВЧК?

А тот, кто преднамеренно или непреднамеренно разрушает транспорт или товарообмен, кто мешает хотя бы своим попустительством развитию производственных сил страны и строит препятствия на пути изобретательного духа народа, разве все они не работают наруку котрреволюции? Разве до них ВЧК нет никакого дела? Нет, все это вредно, подлежит искоренению, и ВЧК должно всем этим заняться. Сам тов. Дзержинский входит во все эти вопросы, и ВЧК занимается всем этим.

Борьба с мешечничеством, с Сухаревкой, борьба с фальшивомонетчиками, с укрывателями и фальсификаторами продуктов,— даже это становится предметом внимания ВЧК. Спекулянты, да и сами бывшие собственники вывозят за границу драгоценности, укрывают их от сдачи. Это — ограбление Советского государства. Тов. Дзержинский направляет свой заостренный аппарат и на этот фронт.

Мы напрасно пытались бы перечислить все области народной жизни, которыми интересовался Феликс Эдмундович и в которых работал его орган борьбы—ВЧК.

Все это привело к тому, что Владимир Ильич стал давать тов. Дзержинскому поручения, уж никак не присвоенные ЧК не только положениями о ВЧК, но и традициями. Так ВЧК оберегала и поддерживала серьезных изобретателей, работу которых Владимир Ильич счел нужным держать в секрете.

ВЧК чувствуется повсюду, ее рука тяжело опускается на плечи всякого врага Советской власти. Безжалостно, но не зверски. Про ВЧК возникла специальная литература за границей. Одним это было нужно, чтобы подработать на пропитание, другим, чтобы выместить свою злобу, третьим, чтобы обрабатывать общественное мнение в политических целях. В этих писаниях на ВЧК, на ее работников выливаются ушаты самой подлой клеветы. Доходило до инсценировки зверств ЧК, и эти инсценировки заснимались для кинолент.

И все же в этой литературе имя тов. Дзержинского вынуждены выгораживать. Дзержинский в этих описаниях фанатик своего дела, неумолимо тверд в проведении борьбы с контрреволюцией, но и не истязатель, не взяточник, не развратник, каковыми эпитетами наделяется боль-

шинство сотрудников ВЧК. Дзержинский и в их глазах рыцарь революции, который не жалеет своего меча, своего здоровья в интересах своей «дамы сердца» — пролетарской революции.

Эту чистоту характера Феликс Эдмундович перенес полностью и на ВЧК. ВЧК играет головами граждан, в ее руках имущество населения. Разве трудно в таких условиях поскользнуться рядовому сотруднику? Ведь кругом искушения, а власть — почти безграничная. Ослабить вожжи или хоть немного отклониться от общественной нормы в своей личной жизни, разве это не приведет к развалу аппарата? Дзержинский это чует, знает и держит в руках аппарат, подавая повсюду личный пример и наказывая расстрелом нарушивших строгий устав ВЧК.

Но чем успешнее работа ВЧК, тем быстрее приближается время, когда этот аппарат, необходимый лишь для чрезвычайных условий, становится в некоторой части излишним. Поэтому к началу 1919 г. тов. Дзержинский поднимает вопрос о ликвидации уездных чрезвычайных комиссий, эти комиссии ликвидируются повсюду, кроме Украины и полосы фронта, где жизнь еще далеко не вошла в нормальное русло.

Уже не так бешено тяжела работа. Жизнь постепенно входит в нормальную колею. Контрреволюция, разуверившись в успехе случайных ударов, уходит глубже в подполье и начинает разрабатывать другие методы борьбы — медленное экономическое задушение. В связи с этим приходится тов. Дзержинскому перестроить и свой аппарат. От нервной, беспрерывной работы можно перейти к более спокойной планомерной работе по предупреждению глубоко задуманных заговоров и по пресечению военного шпионажа.

Но вот вооруженная интервенция союзников отбита. Красная армия переходит на мирное положение. Военный фронт заменяется фронтом труда. Контрреволюция внутри подавлена. Настает время, когда ВЧК свою миссию может считать законченной.

Учитывая это, тов. Дзержинский в феврале 1922 г. входит в правительство с предложением о ликвидации ВЧК и организации на место ее Государственного Политического Управления. Это предложение принимается, и ВЧК перестает существовать.

Эта спокойная работа в последний период деятельности ВЧК, а потом ГПУ, не может удовлетворить беспокойную натуру тов. Дзержинского. Он, оставаясь председателем

ВЧК, а потом ГПУ, одновременно работает на транспорте в качестве Народного Комиссара Путей Сообщения, а потом председателя ВСНХ СССР.

Но и в этих областях государственной работы он применяет свои методы и своих людей. За долгие годы работы в ВЧК у него выработались свои сотрудники, люди школы Дзержинского. Они постепенно переходят на хозяйственную работу и здесь доказывают, что они кое-чему научились у своего учителя и умеют не только уничтожать контрреволюцию, но и уничтожать разруху и создавать хозяйство.

М. Лацис

когда революционный класс ведет борьбу против имущих классов, которые оказывают ему сопротивление, то он это сопротивление должен подавлять; и мы будем подавлять сопротивление имущих теми средствами, которыми имущие подавляли пролетариат,—другие средства еще не изобретены.

ленин

НЕСКОЛЬКО
ВСТРЕЧ

Потом я уже его встречал много раз после Октябрьской революции. Расскажу только о первой из встреч, которая произошла на квартире у тов. Каменева. Бунд тогда еще не влился в РКП, существовал отдельно, но уже твердо шел к коммунизму. Дело, о котором я между прочим беседовал с тов. Каменевым, было несколько оригинальное. Речь шла о судьбе большого провокатора Каплинского, стоявшего в течение многих лет близко к Центральному комитету Бунда и предавшего в руки охранки массу революционных деятелей. После Октябрьской революции он был арестован в Саратове и затем препровожден в Москву, где и сидел в тюрьме. Товарищи, приехавшие в 1919 г. из Саратова по мобилизации в Красную армию, напомнили Центральному комитету Бунда о Каплинском и подняли вопрос о предании его суду. Дело сводилось к тому, что сам провокатор Каплинский отрицал свою провокаторскую деятельность, хотя и не отрицал своих связей с охранкой. Он изображал дело так, что связался с охранкой с целью помогать, оказывать ряд услуг Бунду, — обычное об'яснение некоторых предателей-провокаторов. Ввиду того, что дело Каплинского было раскрыто в самые мрачные годы революционного движения (в 1909 г.) и что новое поколение рабочих, в особенности послереволюционное, о нем ничего не знало, мы и решили, что было бы целесообразно поставить дело Каплинского в Революционном трибунале. Центральный комитет Бунда был в то время в Минске, поэтому мы и обратились в Саратов с просьбой отправить Каплинского в Минск с тем, чтобы здесь его предать суду.

Через короткое время Минск был эвакуирован и взят поляками, и наша просьба не могла быть выполнена.

Осенью 1920 г. я поставил этот вопрос перед тов. Каменевым, тем более, что распространились слухи о том, что Каплинский расстрелян. Каменев мне ответил, что скоро будет Дзержинский, и я буду иметь возможность с ним переговорить. Через несколько минут Дзержинский вошел в комнату. Я его не видел несколько лет. Вот мое впечатление от этой встречи: в военной форме, широкоплечий, сильно возмужавший, весь напряженный, с саркастиче-

ской улыбкой на губах, — передо мной стоял уже новый человек. Новая стадия и новые черты. Раньше опытный, мужественный подпольный работник, руководитель партии, — теперь крупный, опытный, уверенный в себе, государственный человек, крепко держащий в руках руль управления государством и охраны революционных завоеваний. Насколько я его наблюдал и в последующее время, уже сталкиваясь с ним на непосредственной государственной работе, это был тот же Франек, Юзеф, с тем же огненным темпераментом, с той же безграничной преданностью революции, с той же цельностью и непримиримостью, с тем же фанатическим блеском, в глазах и с той же бесконечно милой улыбкой и добродушно хитрым подмигиванием, обличавшим в нем обворожительного человека. Что прибавилось? — Прибавились громадные заботы пролетарской власти, прибавился громадный опыт государственного управления. Расширился кругозор. Дзержинский уже один из первых государственных людей в нашем Союзе и вкладывает всю свою изумительную волю, весь огонь своего революционного темперамента, всю цельность своей натуры в дело управления пролетарским государством, в дело социалистического строительства.

Тогда — в эту первую встречу я спросил тов. Дзержинского о желательности постановки процесса Каплинского. Я помню, как он загорелся: «Что? — Процесс над провокатором? Вы что, — берете назад свое обвинение? Я бы первый расстрелял тот состав революционного трибунала, который бы вынес оправдательный приговор человеку, об'явленному революционной партией провокатором. Если вы возьмете назад обвинение, — тогда мы посмотрим». Я ему сказал, что об этом не может быть и речи, так как никто из нас не сомневается в провокаторской деятельности Каплинского, и что речь идет исключительно о показательном процессе над провокатором. Он дал свое согласие на посещение Каплинского и на дополнительный его допрос нашими представителями.

Потом оказалось, что Каплинский действительно расстрелян.

Дзержинский за три самых различных периода жизни стоит как живой перед моими глазами.

Молодой, еще недостаточно опытный и недостаточно созревший, но зато пылающий революционной страстью, юноша Франек, ищущий в Варшаве связей с рабочими и трудящийся над восстановлением социал-демократической организации в Польше.

Уже возмужалый, обогащенный опытом, твердый, испытанный в боях руководитель и организатор партии, неутомимо трудящийся над ее правильным ростом и развитием.

Большой государственный человек, один из руководителей государственной жизни нашей страны, крепко и опытно руководящий охраной завоеваний Октябрьской революции, грозный для врагов революции.

Единой чертой для всех этих периодов жизни тов. Дзержинского является фантастическая преданность тов. Дзержинского революции и рабочему классу, безграничная его страстность в деле революционной борьбы и революционного творчества, а также чрезвычайная твердость и громадная воля в исполнении велений революции.

Таков был этот лев и рыцарь революции всю свою жизнь; таким он и умер.

А. И. Вайнштейн (Рахмиэль)

ПИСЬМА И ДОКУМЕНТЫ
периода работы в О Г П У 1924

18-й общезаводской конференции и общезаводскому собранию рабочих, работниц и служащих заводов г. Выксы Приокского округа.

Дорогие товарищи! Моя болезнь помешала мне до сих пор ответить вам на ваше приветствие к седьмой годовщине ОГПУ и поблагодарить за преподнесенный вами нам подарок — «Наковальню и молоток». Ваша поддержка, поддержка тысяч рабочих, нам особенно ценна. Только эта неизменная поддержка давала нам до сих пор силы вести успешную борьбу с врагами революции, с врагами рабоче-крестьянской советской власти. Впереди у нас еще долгая упорная борьба, до тех пор пока не восторжествует всюду власть рабочих, до тех пор пока не будут обезврежены раз навсегда происки империалистов буржуазных, окружающих нас государств, до тех пор пока не будут раздавлены окончательно наши белогвардейцы, меньшевики и остальные контрреволюционеры. И ваша поддержка, как и поддержка всех рабочих масс в этой борьбе ОГПУ, будет и впредь залогом успеха ее.

Главный и самый тяжелый фронт борьбы однако с нашими врагами проходит сейчас не только по линии ОГПУ, но прежде всего по линии хозяйственного возрождения и восстановления нашего Союза советских социалистических республик, т. е., товарищи, вы сами занимаете сейчас самый главный и самый ответственный участок боевого фронта. Восстанавливая металлопромышленность, поднимая производительность труда, удешевляя свои изделия, ставя себе задачей достигнуть не только довоенные, но и заграничные нормы и перешагнуть их, неизменно улучшая положение и быт рабочих и крестьян, укрепляя их неразрывный союз,— вы создаете то, чем окончательная победа наша над всеми врагами будет безошибочно вполне обеспечена.

ОГПУ, сильное вашей поддержкой и доверием, всегда будет бдительно и настороже, чтобы враги революции и советской власти не помешали вам на вашем главнейшем для революции участке боевого фронта.

С коммунистическим приветом

Председатель ОГПУ Ф. Дзержинский.

28/XII—24 г.

ДЗЕРЖИНСКИЙ
В НАРКОМПРОСЕ

Как всякий участник нашей революции, как член правительства, я, конечно много раз встречал покойного Феликса Эдмундовича, видел его в разных ролях и переделках, слушал его доклады, принимал участие вместе с ним в обсуждении различных вопросов и т. п.

Но именно потому, что Феликс Эдмундович был чрезвычайно многогранен, что он связан был многочисленнейшими и разнообразнейшими нитями со многими сотнями более или менее ответственных деятелей партии и нашей эпохи,— воспоминания о нем будут очень обильны, и мне не хочется прибавлять к ним что-нибудь такое, что может лучше рассказать другой.

Были, однако, у меня с покойным вождем встречи совсем особого характера, которые, правда, имели широкий общественный отголосок, но которые все же менее известны, чем другие формы деятельности тов. Дзержинского, а между тем вносят в этот незабвенный образ своеобразные черты, которые не должны быть забыты.

Имя Дзержинского в то время (к 1922 г.) было больше всего связано с его ролью грозного щита революции. По всем личным впечатлениям, которые я получал от него, у меня составился облик суровый, хотя я прекрасно сознавал, что за суровостью этой не только таится огромная любовь к человечеству, но что она-то и создала эту самую непоколебимую алмазную суровость.

К тому времени самые кровавые и мучительные годы оказались позади. Но войны и катастрофа 1921 г. оставили еще повсюду жгучие раны.

Страна переходила к эпохе строительства, необернувшись лицом от побежденного врага, увидела свое жилище, свое хозяйство превращенным почти в груду, развалин.

На том кусочке фронта, где работали мы,— просвещенцы, и который в то время называли «третьим» фронтом для обозначения его третьеочередности, к которому даже у самых широко смотревших на вещи вождей было отношение как к группе нужд и вопросов, могущих подождать,— на этом кусочке общего фронта не счесть было

всяких пробоин, которых нечем было забить, всяких язв, которых нечем было лечить.

Теперь, во времена несравненно более обильные, спокойные и мирно-плодотворные, когда иной раз не без жути измеряешь расстояние между необходимым и возможным,— лучше всего бывает вспомнить о тогдашних сумрачных днях, тогда вся обстановка кругом кажется куда светлее.

В один из дней того периода Феликс Эдмундович позвонил мне и предупредил меня, что сейчас приедет для обсуждения важного вопроса.

Вопросов, на которых перекрещивались бы наши линии работы, бывало очень мало, и я не мог сразу догадаться, о чем же таком хочет поговорить со мною творец и вождь грозной ВЧК.

Феликс Эдмундович вошел ко мне, как всегда, горящий и торопливый. Кто встречал его, знает эту манеру: он говорил всегда, словно торопясь, словно в сознании, что времени отпущено недостаточно и что все делается спешно. Слова волнами догоняли другие слова, как будто они все торопились превратиться в дело.

— Я хочу бросить некоторую часть моих личных сил, а главное сил ВЧК, на борьбу с детской беспризорностью,— сказал мне Дзержинский, и в глазах его сразу же загорелся такой знакомый всем нам, несколько лихорадочный огонь возбужденной энергии.

— Я пришел к этому выводу,— продолжал он,— исходя из двух соображений. Во-первых, это же ужасное бедствие. Ведь когда смотришь на детей, так не можешь не думать— все для них. Плоды революции — не нам, а им. А между тем сколько их искалечено борьбой и нуждой. Тут надо прямо-таки броситься на помощь, как если-бы мы видели утопающих детей. Одному Наркомпросу справиться не под силу. Нужна широкая помощь всей советской общественности. Нужно создать при ВЦИК, конечно, при ближайшем участии Наркомпроса, широкую комиссию, куда бы вошли все ведомства и все организации, могущие быть полезными в этом деле. Я уже говорил кое с кем; я хотел бы стать сам во главе этой комиссии; я хочу реально включить в работу аппарат ВЧК. К этому меня побуждает второе соображение: я думаю, что наш аппарат один из наиболее четко работающих. Его разветвления есть повсюду. С ним считаются. Его побаиваются. А между тем даже в таком деле, как спасение и снабжение детей, встречается и халатность и даже хищничество. Мы все

больше переходим к мирному строительству; я и думаю: отчего не использовать наш боевой аппарат для борьбы с такой бедой, как беспризорность?

Я не мог найти слов в ответ. Если само предложение поразило меня и своей оригинальностью и своей целесообразностью, то еще больше поразила меня манера, с которой оно было сказано. И тут был все тот же «весь Дзержинский». И тут то же взволнованное, словно на кого-то рассерженное лицо, раздувающиеся ноздри, как будто вдыхающие веяние бури, те же горящие глаза. Дело как будто бы постороннее обычным интересам человека, а вот оно прикоснулось к нему, и он уже вспыхнул, и уже горит, и уже течет от него богатым током волнующее, побуждающее к творчеству живое электричество.

Как известно, деткомиссия создалась. Если подсчитать количество детей, спасенных ею при постоянном деятельном участии ЧК, позднее ГПУ, то получится внушительнейшее свидетельство благотворности тогдашнего движения мысли и сердца Феликса Эдмундовича.

Расставаясь со мною и пожимая руку, он повторял: «Тут нужна большая четкость, быстрота и энергия. Нужен контроль, нужно постоянно побуждать, тормошить. Я думаю, мы всего этого достигнем».

И он ушел, торопясь куда-то к новому делу.

Но вот Феликс Эдмундович призван к мирной строительной деятельности в огромном масштабе. Он поставлен во главе Наркомата путей сообщения.

Прошло немного дней с его назначения, он только-что мог разобраться в важнейших проблемах порученной ему огромной области хозяйственной жизни, но уже он наткнулся и на такой вопрос, который, повидимому, при непосредственном соприкосновении каждый раз особенно волновал его: опять на вопрос о детях.

Вновь звонок Дзержинского. И опять он у меня в кабинете, куда я вызвал, узнав о чем идет дело, ближайших заинтересованных в нем членов коллегии и сотрудников.

С самого начала жизни Наркомпроса у нас тянулся вопрос с железнодорожниками о сети их школ. У губернских отделов народного образования была тенденция разобрать их по губерниям. Они же цепко держались за свои «линии» и доказывали, что линии эти нельзя резать границами губерний и уездов, что школы по линии ближе друг к другу и к своему центру, чем подчас к ОНО или губОНО. Железнодорожники доказывали, что их могучее

хозяйство умело и еще сумеет поддержать свои школы не только профессиональные, но и общеобразовательные на более высоком уровне, чем общий. Но эти доводы натыкались на стремление ведомства и его органов на местах до конца довести своеобразную монопольную централизацию народного образования, не позволить разбивать отдельных кусков единого целого: просвещения.

Вот об этом-то и заволновался, на этот счет и загорелся Феликс Эдмундович.

Когда кто-то из моих помощников в несколько полемическом тоне завел речь о единстве, о разбазаривании, о необходимости централизовать методическое руководство и т. п., тов. Дзержинский вспыхнул.

Все знают эти его вспышки, это его глубокое волнение, эту торопливую, страстную речь, речь человека, до конца, свято убежденного, которому хочется как можно скорее высказать свои аргументы, устранить с дороги дорогого дела какие-то недоразумения, фальш или волокиту. «Я не ведомственник,— торопился Дзержинский,— и вам не советую ими быть. Руководство — пожалуйста. Напишите сами какой хотите устав. Обеспечьте за собой руководство полностью. Готов подписать, не глядя. Вам и книги в руки. Но администрировать, но финансировать — дайте нам. В чем дело? У нас есть какая-то лишняя копейка. Мы можем прибавлять какие-то гроши к каждому билету. И вот возможность несколько тысяч детей учить немного лучше, чем остальных. Поддержать их привилегию. Да, привилегию. Или вы хотите непременно сдернуть их до той нищеты в деле образования, в которой сейчас вынуждены барахтаться ваши школы? Ведь мы же общий уровень поднять не можем? Эти наши деньги мы вам отдать на всё дело образования не можем? Зачем же вы хотите помешать, чтобы дети рабочих хоть одной категории имели эту, скажем, «привилегию» — учиться немножко лучше? Придет время и это совсем не нужно будет. Я вовсе не семперантист, я, только знакомясь с этим делом, увидел, что многочисленная группа детворы из-за ведомственной распри может пострадать в своем обучении. А этого нельзя. Что хотите, какие условия, только без вреда для самих детей».

Именно эта, с огненной убежденностью сказанная речь, которую я передаю, кажется, почти дословно, послужила основой нынешнего положения о Цутранпросе, которое сейчас многим кажется спорным, которое, может быть, в свое время будет отмечено, но благодаря кото-

рому детишки железнодорожников в течение этих лет получили весьма значительные блага образовательного характера.

Я не хочу давать здесь места общим характеристикам, общим суждениям об этом прямом слуге пролетариата, об этом святом террористе. Я хочу только вплести эти два воспоминания в тот строгий, но грандиозный венок, сплетенный из полновесных заслуг, который сам себе нерукотворно создал безвременно погибший герой. Мне хочется, чтобы два эти цветка, показатели горячей любви к детям, лишний раз свидетельствовали о том, что нам, сподвижникам великого человека, было хорошо известно, но что отрицают ослепленные молниеносным гневом революции, носителем которой он был, далекие от него круги,— я хочу, чтобы они свидетельствовали о том, что этот рыцарь без страха и упрека был, конечно, рыцарем любви.

А. Луначарский

МЕЧ
ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В дни, когда еще шла борьба за Петроград и Москву, Дзержинский создает комиссию для борьбы с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем. Выкованный в пятнадцатилетних боях, Феликс Дзержинский поднимает меч революционной решимости на защиту пролетарской революции. Этот меч опускается с ошеломляющей силой на классового врага, когда тот пытается поднять голову. Днем и ночью сторожит неутомимо верный страж революции, ища врага, преследуя его по пятам, хватая его врасплох. Дзержинский создает организацию революционной бдительности так, как когда-то создавал рабочие организации.

Враги наши создали целую легенду о всевидящих глазах ЧК, о всеслышащих ушах ЧК, о вездесущем Дзержинском. Они представляли ЧК в качестве какой-то громадной армии, охватывающей всю страну, просовывающей свои щупальцы в их собственный стан. Они не понимали, в чем сила Дзержинского.

Сила Дзержинского была, во-первых, в том, в чем состояла сила большевистской партии — в полнейшем доверии рабочих масс и бедноты, в уверенности, что Дзержинский есть их карающий меч, их бдительный глаз. Каждый рабочий, каждый бедняк считал своим долгом помогать ЧК в ее великой борьбе защите революции. ЧК — это не только были штаты мужественных чекистов, ЧК — это была многомиллионная рабочая масса, бдительная и доносящая о каждом движении врага. Кто не помнит, как во время борьбы с Юденичем был раскрыт заговор начальника штаба петроградской обороны, сносившегося с Юденичем и действовавшего по его указанию. Орудием связи негодяя был старик, натурализованный француз. Дочь его теряет сверток бумаг на улице, обыкновенный красноармеец поднимает уроненные бумаги, развертывает их, видит какие-то чертежи. Он видел уже военные чертежи, подозревает, что дело неладно, арестовывает уронившую бумаги девицу. В руках ЧК главная ячейка юденичского шпионажа. Дзержинский рассказывал мне, что арестованный

француз на допросе, нахальничая, сказал ему: «Если бы не случай, вы бы меня не поймали!»—«Что же вы ему ответили?» — спрашиваю я Дзержинского.— «Если бы не бдительность обыкновенного красноармейца, случайная потеря бумаг вам бы не повредила. А эта бдительность рядового красноармейца не случай, а сила ЧК». Лучших чекистов Дзержинский подбирал из старых рабочих-партийцев, беспрекословно преданных делу пролетарской революции.

Второй источник силы Дзержинского и ЧК была решительность действия, рожденная из железа убежденности его в правоте дела пролетарской революции. Летом 1918 г. Дзержинский дает интервью представителям существовавшей тогда еще буржуазной и мелкобуржуазной печати. Они спрашивали его, не допускает ли он, что ЧК может ошибаться и совершать акты несправедливости по отношению к лицам. «ЧК — не суд, — отвечает Дзержинский, — ЧК — защита революции, как Красная армия, и, как Красная армия в гражданской войне, не может считаться с тем, принесет ли она ущерб частным лицам, а должна заботиться только об одном — о победе революции над буржуазией, так и ЧК должна защищать революцию и побеждать врага, даже если меч ее при этом попадает случайно на головы невинных». Спасение революции было для Дзержинского высшим законом, и поэтому он находил в душе непоколебимую силу, без которой не была бы возможна победоносная борьба с контрреволюцией.

Враги пытались представить его кровожадным. Имя его сделалось пугалом для всей международной буржуазии. Но тем, кто знал Дзержинского, известно, как нелегко давалась ему его беспощадность. Дзержинский был человеком, стремящимся всеми корнями души к социализму, к гармоническому строю, дающему простор развитию всех человеческих сил. В Дзержинском, человеке беспощадной борьбы, было всегда много мечты о том строе, когда социальные условия не будут больше рождать не только неравенства, но и преступления. В нем была глубочайшая любовь к людям, к работе их мысли, и недаром за тюремной решеткой в 1908 г. в своем дневнике он дает выражение своему глубочайшему отвращению к насилию. Он даже в жандармах и провокаторах видит продукт социальных условий. И только глубокое убеждение в том, что всякое мягкосердечие может причинить бедствия и страдания миллион-

ным массам, позволяло ему опускать непоколебимо меч революции.

Он не любил говорить о том, что происходит в его душе в бессонные ночи, но от времени до времени у него прорывались слова, показывающие, как нелегко ему было. Когда мы собирались в 1920 г., во время борьбы с белой Польшей, на фронт, надеясь на победу, надеясь на то, что поможем польским рабочим в скором времени построить свою власть, освободиться от буржуазии, Дзержинский говорил мне: «Когда победим, я возьму Наркомпрос». Товарищи, бывшие при этом разговоре, смеялись. Дзержинский сжился. Но эти слова открыли то, что ясно было всякому, знающему Дзержинского. Разрушение, насилие было для него только средством, а самое существо Дзержинского — это была глубочайшая тоска по строительству новой жизни.

Благодаря тому, что этот источник был в нем самым сильным, окончание гражданской войны привело его на пост строителя социализма. Не только международная буржуазия, но даже многие товарищи были удивлены, когда услышали о назначении Дзержинского на пост руководителя нашего транспорта. Но эти назначения отвечали мечтам Дзержинского, отвечали всей его природе. Не выпуская из рук руководство ГПУ, ибо не исчезли опасности, угрожающие республике, от внутренней и внешней контрреволюции, Дзержинский бросился с жадностью на хозяйственную работу.

К. Радек

никто, кроме социалистов-утопистов, не отрицал, что можно победить без сопротивления, без диктатуры пролетариата и без наложения железной руки на старый мир...
... вы упорно не желаете видеть, что эта железная рука, разрушая и создает".

ЛЕНИН

НКПС

Народный Комиссар Путей Сообщения 1921—1924

Кончается гражданская война. Необходимо взяться за быстрое восстановление разрушенного хозяйства в стране. Оставив Дзержинского на посту председателя ВЧК, партия одновременно ставит его и на другой боевой пост — хозяйственный.

В эту новую, до того неведомую ему, область работы Дзержинский бросается со всей свойственной ему пламенностью, решительностью и вместе с тем осторожностью. Многие опасались, что Дзержинский не справится с этой чуждой ему работой. Вскоре однако он доказал, что он в такой же мере может строить новое, социалистическое хозяйство, в какой он уничтожал и разрушал старое, гнилое.

Со всей осторожностью и рвением изучает он новую отрасль работы. Выявляет стоящие перед ним задачи и к разрешению их подходит в порядке их важности. Он строит планы, при помощи которых лучше всего и быстрее всего можно исполнить возложенные на него партией задачи. В высшей степени умело подбирает он соответствующий штаб, умеет его вдохновить своими идеями и дружно и единодушно работает с ним.

Добросовестных специалистов он высоко ценит. Внимательно прислушивается к их голосу, учится на их опыте, руководит их работой, оказывает им всемерное содействие и внимание.

Будучи очень требовательным к своим сотрудникам, он приближает их к себе своим искренним теплым отношением, отношением доброго товарища, отца.

Дзержинский никогда не был узким ведомственником. Он всегда подходит к разрешению стоящих перед ним вопросов с точки зрения общепартийных интересов, единого социалистического строительства советского хозяйства.

После смерти Дзержинского остались ценнейшие памятники в форме разных его приказов, циркуляров, записок. Необходимо все это подобрать и издать. На материале этом наши красные хозяйственники многому могут научиться.

Эти материалы учат, как следует взяться за социалистическое строительство хозяйства. Почему хозяйствен-

ный фронт является и партийным. Как одну область хозяйства следует связывать с другими. Как важна спайка между промышленностью и деревней, и что спайка эта возможна лишь при расширении промышленности и все большем понижении цен на промышленные товары. Они учат необходимости увязки работы промышленности с кооперацией и т. д.

Дзержинский стал во главе Комиссариата Путей Сообщения, когда транспорт у нас находился еще в разрушенном состоянии. К восстановлению его он привлекает в помощь рабочих, специалистов, профессиональный союз. Он старается расшевелить всю железнодорожную рать, призывает их к проявлению инициативы, к совместному творчеству, к изжитию дефектов, а главное, к разрешению задач транспорта с точки врения общегосударственных интересов.

Дзержинский учит их:

«Основные причины недостаточного под'ема хозяйства: а) плохая организация производства, труда и распределения, б) бесхозяйственность, в) работа без плана на будущее и без учета потребностей и средств всего народного хозяйства без увязки с другими отраслями хозяйства и обороны страны, г) местничество и ведомственность — самый главный враг наш, — отрыв от постоянного сознания, что ты своей хозяйственной работой, каждым шагом строишь или разрушаешь великое рабочее государство... Роль транспортников в этой борьбе? Наши узкие интересы идут по линии интересов рабочего государства. Борьба с дороговизной предметов нашего снабжения и снабжения нашей рабочей силы, борьба за развитие грузооборота — есть борьба за развитие всего народного хозяйства. Для того чтобы выполнить эту задачу, для того чтобы получить моральное право взяться за эту огромную задачу,— надо более всего и прежде всего у себя повести такую борьбу, не скрывая всей своей безхозяйственности и недостатков, наоборот, вскрывая их и ведя с ними борьбу гласно»...

Вот подход Дзержинского к работе по улучшению транспорта.

Дзержинский пылал пламенной страстью быстрейшим образом восстановить транспорт, он верил, что это удастся сделать, и этой верой заражал окружающую его среду. Он всегда заботился о том, чтобы поставить своих сотрудников в возможно лучшие условия работы, заботился о них, как отец.

Товарищ Князев, секретарь Дзержинского по Наркомпути, рассказывает, что Дзержинский, как только замечал способного работника, сейчас же выяснял, как тот живет, что ему необходимо, и продолжал следить за этим работником в течение очень долгого периода. Через каждые 10—12 дней он справлялся, как тот себя чувствует, и просил с'ездить к нему на квартиру, застать врасплох, а потом осветить ему, Дзержинскому, полную картину обыденной жизни данного работника. Вот одна такая записка к т. Князеву:

«Прошу вызвать т. . . . . и запросить его о его нуждах для его работы — книги, приборы (счетная линейка), обстановке его рабочего помещения, само помещение, работников в помощь (писать, чертить, составлять доклады, сводки) и т. д.— и в максимально возможной мере удовлетворить. Узнайте, как он питается. Моя просьба к тов..... обеспечить ему питание, ибо истощение его очевидно, а работник он прекрасный». (Писано 14/I—1923 г.)

Хочется в этом месте указать на другую подобную черту Дзержинского. Мы уже отмечали внимательное отношение его к добросовестным специалистам. Он относился к ним с корректностью и уважением. За последние недели своей жизни Дзержинский вследствие переутомленности был очень раздражителен. Присутствуя на одном междуведомственном совещании, он при докладе одного крупного добросовестного и преданного специалиста сделал несколько злостных замечаний, которые докладчику могли показаться обидными. Вернувшись к себе, Дзержинский немедленно от руки написал ему следующее письмо:

«Уважаемый товарищ! Ввиду того, что моим цвишенруфам (репликам — Я. Г.) придан характер, которого я совершенно не имел в виду, именно — намеков на бывшие или настоящие политические убеждения, могущих в моих устах носить характер не аргумента, а террора, я спешу этим письмом развеять это ложное впечатление... Только . . . . . мог придать моему выступлению персональный характер, чего я, повторяю, не имел в виду, как не имел в виду персонально задеть вас и других товарищей... Горячность моих реплик связана с моим характером... Я все это пишу вам, руководимый мыслью исправить то неверное впечатление, которое могло получиться, что я незаслуженно напал на основных работников, которые честно ведут тяжелую советскую работу. Феликс Дзержинский». (Писано 5/VI 1926 г.).

ПИСЬМА И ДОКУМЕНТЫ

ПЕРИОД РАБОТЫ В НКПС 1922—1923

Шатуновскому

Уважаемый товарищ!

У нас намечена сейчас большая реформа: децентрализация транспорта, организация правлений, хозрасчет, величайшая экономия, колоссальнейшее сжатие и уплотнение. Центральные управления НКПС из органов, непосредственно управляющих, должны превратиться в органы регулирующие и контроля и намечающие линию. Роль Трансплана величайшая: искать новых путей для приведения в соответствие возможности удовлетворения транспортных потребностей страны при имеющихся ресурсах.

Вы и Никольский введены в техническую секцию Трансплана. Пишу вам это частное письмо, желая просить вас взяться за работу в этой секции со всей энергией. На эту секцию возлагается очень много: задачи бывшей ОТК (Основной транспортной комиссии при СТО) по ремонту; введение технических усовершенствований; уплотнение работ; все работы по эксплоатации и технике; подведение итогов и намечение новых линий и методов.

Прошу вас, когда сочтете нужным, непосредственно обращаться ко мне для того, чтобы с самого начала работ техсекции придать ей не академический, а ударный характер для восстановления транспорта.

Ситуация такова: или капитуляция перед заграничным капиталом, или приспособление транспорта и транспортников к ресурсам, имеющимся в распоряжении РСФСР. Это требует величайшего напряжения и работы мускулов и мысли.

С коммунистическим приветом

Ф. Дзержинский

28 мая 1922 г.

ЦБН Гершензону

В ответе вашем от 1/IX № 70/6575 я не нашел ответа, почему помощники зарабатывают больше, чем их начальники, об'ем этого явления и необходимые меры устранения, так как это явная бессмыслица. Вообще вам необходимо выработать широкий план кампании по упорядочению тарифного дела и всей заработной платы, привлекши весь комиссариат и места — как их внимание, так и участие в работе. Надо твердо помнить, что ресурсы страны и транспорта (при его полной изношенности) не дадут нам долгое время никакой возможности увеличить фонд заработной платы в его об'еме на весь транспорт, а потому надо исходить из его настоящей величины и изыскивать способы упорядочения его распределения между отдельными работниками в целях увеличения производительности, каковая только и может быть в дальнейшем единственным источником как восстановления транспорта, так и увеличения зарплаты. Это придется нам твердо сказать всем работникам транспорта и усвоить. Но это на вас налагает величайшей важности и ответственности задачи. ЦБН должен стать одним из главных рычагов всего нашего комиссариата, необходимо поэтому наметить план усиления самого ЦБН и поднятия его работоспособности и авторитетности.

Привлечь крупные силы.

Далее, необходимо установить живую связь с местами и заставить места заняться этим делом и быстро вас информировать.

Необходимо поднять кампанию в прессе — как общей, так и нашей.

Необходимо прекратить жалобу на низкую зарплату, перенеся центр тяжести на вопрос упорядочения этой платы и увеличения производительности труда.

Необходимо составить для себя, меня и всех работников транспорта справочник величины заработной платы и жалованья в с е х квалификаций транспортников, с указанием добавочных вознаграждений в смысле пользования квартирой, бесплатным проездом, землей под огород и т. д. и с указанием содержания (количественного и качественного) их труда и его производительности в абсолютных цифрах и на час рабочего времени. (Между прочим, необходимо напомнить забытую истину, что 8-часовой рабочий день должен дать увеличение производительности труда, а не наоборот.)

И одновременно необходимо давать цифры, факты и анализ настоящего состояния и заставить этим заняться и места. Неприглядная действительность должна быть выявлена и осознана во всех ее проявлениях.

Дальше с этим идет анализ и необходимость дальнейшего сокращения штатов и уплотнения работ.

Это будет упорная, жестокая борьба, а не только кабинетный труд. Надо перебороть леность, эгоизм, рутину, обывательщину.

Прошу вас представить: 1) план подхода к кампании вовлечения всех управлений и Трансплана и всех мест, форсировать их задачи с точки зрения ЦБН и 2) план самой кампании.

Прошу ответа в недельный срок.

Ф. Дзержинский

2 IX—22 г.

Тов. Благонравову

Необходимо упорядочить дело продажи билетов из городской кассы (Метрополь). Там заведен такой порядок. Желающие ехать записываются у одного из предприимчивых пассажиров, затем приходят в 10 часов вечера и, кроме того, утром, в 5 часов утра, на перекличку. Кто не явился, тот теряет очередь. Кассу открывают в 10 часов утра, и наперед никогда не известно, сколько городская станция имеет билетов. Записывающий очереди получает от пассажиров 5%. Это вчера я узнал сам у стоящих в хвосте. Прошу поручить кому-либо из ТО ГПУ выяснить (без шума) всю постановку дела и доложить мне для упорядочения дела.

Надо выяснить:

1. Кто и когда определяет, сколько билетов будет в распоряжении гор. кассы, от чего и от кого это зависит. Как заблаговременно извещать о количестве имеющихся билетов приходящих пассажиров (об'явление для всех доступное).

2. Кто и как контролирует, чтобы не было перепродажи билетов, кто при продаже контролирует, чтобы через кассу были проданы все билеты, а не часть их, а остальные стороной (это дело ТО ГПУ).

3. Какое количество желающих купить билеты (пассажиров) и сколько всего билетов на протяжении всей недели по дням, по каждому направлению отдельно.

4. Одновременно проверка самих поездов — остались ли в них свободные места и какое уплотнение.

5. Какие дороги не могут перевезти всех желающих, сколько остается (на вокзале), почему и какие меры принимались и принимаются для разгрузки.

Ф. Дзержинский

8/XI—22 г.

Тов. Благонравову

Необходимо ударно обратить внимание на вопрос борьбы с хищениями. До сих пор мы подходили к нему односторонне и неправильно — увеличение чинов охраны. В результате попадали в заколдованный круг — надо было охранять груз от нашей охраны. Надо пойти по другому пути, более верному, хотя и более длительному и тяжелому, а именно:

1. Уменьшить охрану предельно, обеспечив ее и делая постоянный подбор.

2. Выяснить и устранить условия, способствующие хищениям:

а) оградить станционные пути (товарные в первую очередь),

б) накладывать беспощадные денежные кары за хождение по путям, заменяя для несостоятельных принудработами для транспорта.

в) принимать неослабные меры по борьбе с отцепками, накладывать кары на виновных, определив, кто является ответственным за недосмотр и неисправность вагонов, за отсутствием смазки и т. д.,

г) усилить меру наказания за ж.-д. хищения,

д) выдавать премии и наградные с широким оповещением за раскрытие и указание похитителей,

е) изучить вопрос о скорости товарных вагонов и принять меры к ее увеличению,

ж) привлечение дорог (управления) к ответственности за пропажу грузов,

з) премирование соответствующих агентов за уменьшение процента пропаж и хищений и т. д.

Прошу вас наметить план, привлекши кого следует и поставив предварительно свой план на обсуждение в бюро правлений.

Наряду с борьбой со взяткой — это важнейшая задача.

15/XII—22 г. Ф. Дзержинский

Тов. Благонравову

Я договорился с Сокольниковым о необходимости провести кампанию в феврале месяце для того, чтобы положить предел бесплатному проезду, путем безбилетного проезда «за взятку», путем подделки билетов, путем злоупотреблений служебными и провизионными билетами и другим путями. Мы должны доход дорог поднять во что бы то ни стало. Злоупотребления искоренить, пользование бесплатным проездом ограничить до возможных пределов.

Значит, надо задачу расчленить — точно определивши зло и задачи, их об'ем и условия, дав описание их и размеры.

Что касается злоупотреблений — здесь пути ясны.

Что касается ограничения бесплатности, то надо дать данные и условия довоенного времени, определивши, сколько тогда было бесплатных пассажиро-верст — и дать эти данные и сейчас и выразить их в деньгах. Для этого ограничения необходима кампания, хотя и дружественная, но и против нас и в прессе. Тов. Сосновский мог бы, имея от вас данные, провести эту кампанию,— только предварительно вы должны согласовать со мной предложения.

Вы же должны установить размеры этих поездок сейчас.

Кроме того, вы должны предложить мне меры борьбы со злоупотреблениями протекц. вагонами и билетами служебными и провизионными — путем введения фотографий, путем строгого контроля и проверки документов и т. д.

Как у нас с зайцами?

Какой у нас подбор контролеров — не жулье ли это?

Проверяют ли фактически поезда агенты ТО ГПУ и какой результат? Какой подбор начальников поездов? Не следовало ли бы посылать в качестве контролеров свердловцев, рабфаковцев, дав им пару лекций? Не послать ли их для того, чтобы они на выдержку учли и записали, сколько в поезде едет бесплатно по служ. билетам — в течение месяца.

Эта работа большая, но долженствующая в результате дать большой приток средств. Это надо проверить особенно на тех поездах, где наплыв пассажиров больше, чем есть мест.

Ф. Дзержинский

4/II—23 г.

Прошу собрать по вопросу о жезлах следующие материалы:

Описание изобретения Трегера, его мытарства, документы с оценкой его изобретения. Как широко применяется уже это изобрение.

Прохождение вопроса на с'езде.

Приветствие... с'езды Вебба (собственн. фабрики в Англии). Кто их читал?

Сравнение жезла Трегера и Вебба — по прочности, безопасности, цене, сложности и т. д.

Сколько жезлов ежегодно покупалось до войны и какое потребление сейчас и какая потребность?

Кто был комиссионером в России этих жезлов — где они сейчас?

Выписываем ли сейчас жезлы, какое количество и на какую сумму?

Имеются ли у нас в продаже эти жезлы — и у кого?

Справка у НКВТорга, кто получал и получает лицензии на эти жезлы.

Имеются ли сейчас в России агенты фабрики, — где, кто?

Получить и собрать все справки у ХМО, у матер. служб, на дорогах, у ЦШ и ДШ — как официально, так и агентурно.

Я определенно подозреваю, что у нас многие подкуплены и потому не смеют защищать и использовать изобретение Трегера. Необходимо довести борьбу до конца и вывести агентов англ. фабрик на чистую воду, отослав их в Англию.

Надо собрать весь материал по всем линиям, а затем поднять открытую борьбу вплоть до арестов.

Верно ли, что англ. фабрика существует только для русских жел. дорог?

Этим делом должно заняться ТО ГПУ в ускоренном порядке и при помощи т. Герсена. С докладом мне о ходе.

Ф. Дзержинский

29/XI—23 г.

[redacted]

Тов. Благонравову

У меня впечатление, что всякие сообщения в «Гудке» и других местных органах союза нами (НКПС) недостаточно используются и не проверяются. Прошу при устном докладе сообщить мне, в каком положении дело.

Я думаю, что дело должно быть сосредоточено в ЦА. Проверка же через подлежащие органы. Если мы на это дело обратим внимание, то газеты станут мощным орудием возрождения транспорта. Теперь важнее всего работа в деталях. Надо изгнать из газет демагогию и вранье и пригласить всех транспортников через газету указывать на все случаи бесхозяйственности, тунеядства и безделья. Сговоритесь по этому вопросу с тов. Груниным. Необходимо издать циркуляр ко всем на УЦ, чтобы на сообщения в органах союза реагировали.

Ф. Дзержинский

Тов. Латугину, копия тов. **Грунину и Благонравову.**

Я очень рад, что вы согласились заняться этой работой по проведению в жизнь изобретений наших рабочих. Это огромная работа. Прошу вас прежде всего заняться изучением постановки у нас этого дела, а затем, согласовав с тов. Груниным, Благонравовым и другими, представить мне план действий и мер.

Мне кажется, что главное — это то, чтобы все действительно изобретатели почувствовали, что они у нас найдут действительную поддержку для их дела против явного и скрытого саботажа наших аппаратов, нашей рутины, самолюбия «признанных» специалистов и засасывающего болота нашей повседневщины.

А, с другой стороны, задача наша — наблюдать за тем, чтобы наши УЦД и вообще коммунисты на линии и на дорогах и профсоюзы не теряли сознания того, что без улучшения техники, без наших изобретений мы с задачей не можем справиться, т. е. вам нужно будет разбудить заинтересованность всеобщую и наблюдать, чтобы она не ослабевала.

У капиталистов — изобретения были делом чисто коммерческим, у нас — они должны стать проявлением воли пролетариата к победе, к созданию пролетарского транспорта в пролетарском государстве. Это значит — мы не должны вести линию на покупку изобретателей, а на их подвиг пролетарский, для привлечения к этой работе творчества масс и работы мысли рабочего у станка, создавая изобретателю и материальные и общественные условия не его личной корысти, а его изобретения для пролетарского транспорта. Таким образом, мы, вместе с тем, освободимся от тучи «изобретателей» в кавычках, ищущих только наживы.

Постановку дела я мыслю себе так:

1. Обеспечить беспристрастие и техническую полную компетентность органа, дающего оценку изобретению.

2. Дать оценку кроме технической — и финансовую, и бытовую.

3. Составить точный план осуществления изобретения — как технический, так и финансовый.

4. Организовать кампанию по данному конкретному изобретению.

5. Наблюдать неослабно за проведением плана, оказывая необходимую поддержку.

Проводить в жизнь надо на дорогах, вменив в обязанность УЦД руководить этим делом и оказать всякую поддержку.

Надо будет составить вначале общее циркулярное письмо ко всем УЦД и Н по этому вопросу, раз'яснив все революционное его значение и описав все неслыханные мытарства наших героев — рабочих-изобретателей.

Надо будет вначале сосредоточить внимание на нескольких дорогах, посылая туда изобретателей и подбирая комсостав постепенно так, чтобы быть уверенным, что изобретатели найдут там искреннюю поддержку.

Я очень рад, что вы беретесь за это дело. Это дело борьбы с нашей рутиной и ва призыв к коллективному творчеству.

Не создавайте только для этой вашей работы аппарата — дело погибнет.

Ф. Дзержинский

1/XII—23 г.

Тов. Благонравову

копия УЦД Курской

Я сегодня был на Курском вокзале при отходе скорого поезда в Севастополь в 18 часов. Поезд был почти что пуст,— в вагонах из 40 мест было занято 10—14. Я спросил проводников, случайно ли это — ответили, что нет, что сейчас такая нагрузка нормальна.

Я поражаюсь, чем занимается УЦД, если не может настоять и возбудить вопрос о прекращении такой бесхозяйственности у него под боком. Что делают служащие, которым поручено было следить за населенностью пасс.

поездов, проходящих через Московский узел, и принимать меры.

Мне передавал товарищ, что он из Читы тоже ехал сам один в целом вагоне из-за отсутствия пассажиров.

Прошу вас, тов. Благонравов, заняться этим делом, переговорить от моего имени с тов. Дрейером о принятии мер по срочному сокращению бесполезных поездов. А вас прошу сорганизовать контроль и разработать предложение об ответственности УЦД, Н и других за своевременным принятием мер.

О последующем прошу мне доложить.

Кроме того, в багажном отделении (там, где проход на площадь около помещения ГПУ) бегают крысы. Очевидно, портят имеющиеся там грузы. Разве нельзя их истребить? Очевидно, развелось их очень много, если не стесняются людей.

Ф. Дзержинский

2/XII—23 г.

Халатову, Дашевскому, Ледовскому, Редькину

просвещение на транспорте

Необходимы данные:

Сколько тратилось на это средств в царское время?

Какой это составляло процент от сметы транспорта?

Какая сеть школ была тогда и теперь?

Сколько обслуживалось детей и молодежи тогда и теперь?

Анализ и обоснование нашей программы.

Какое количество населения и детей (и молодежи) должно было бы обслуживаться нами при всеобщем обучении?

Оценка и анализ программы нашей и сметы — с точки зрения программы и сметы НКПроса по всей России как по центральной смете, так и по местным, то же по городским сметам, т. е. данные, сколько средств отпускается: 1) на голову всего населения, 2) на голову городского населения вообще и фабричного в частности и 3) на голову транспортного населения.

Для выяснения всех этих вопросов сроку у нас очень мало, ибо иначе погубим свое дело.

Необходимо также разработать проект декрета о целевых сборах в таких размерах, чтобы он покрыл всю испрашиваемую сумму. Было бы самое лучшее такой декрет:

«Тарифн. комитету поручается вводить целевые сборы на нужды просвещения на транспорте в пределах сметы на эту цель, утвержденную СНК, т. е. в пределах 16 млн. зол. рублей на год минус доходы от штрафов, обращаемых полностью на эту цель».

Необходимо далее составить не только смету нашу и обосновать ее, исходя из средств государства, но и наметить организационный план поднятия дела просвещения, для этого полагаю, что своевременно поставить вопрос о соединении Транпрофобра и Цекультрана в одно целое — самодовлеющее, в малый комиссариат под нашим (НКПС) протекторатом, с членом коллегии НКПроса во главе, входящим в наш совет по просвещению, который должен остаться в том виде, как сейчас. Без выделения в самостоятельное целое мы успешно бороться с внутренними и внешними препятствиями не сможем. Будем постоянно хромать или в сторону отрыва от всего дела просвещения или в сторону беспомощности — как финансовой, так и педагогической.

Ф. Дзержинский

Все эти вопросы надо подработать совместно с НКПросом (В. Н. Яковлевой).

ревизии подсобных предприятий

У нас работают без числа комиссии, совещания, учреждения, отдельные «государственные» люди над тем, как удешевить товары в производстве и в продаже для потребителя. Намечается ряд мер. Но главное, мне кажется, уметь подобрать людей. Здесь нужны уже не государственные мужи и не литераторы, а скромные муравьи — практики, одушевляемые великой идеей создания рабоче-крестьянского государства. Надо найти и самим быть каменщиками этого здания — уметь укладывать кирпич за кирпичом этого колосса. Колосс этот только в душе, но без него нельзя кирпичей укладывать, ибо в результате получиться может совсем обратное. Таким образом самый скромный труженик-практик должен иметь цель перед собой и в себе. Значит надо быть борцом в самом малом деле — торговли и производства, иначе ничего не выйдет. А это значит — быть честным прежде всего и уметь подбирать честных людей, готовых в «малом» деле служить великому делу.

Я хотел такую узкую поставить задачу: организовать комиссионную контору, без коммерческих тайн, для снабжения транспорта возможно лучшими и дешевыми изделиями и материалами, для намечения и принятия мер по улучшению их качества и по удешевлению их; для использования опыта и практики такой конторы — для подражания или широкой борьбы, для наблюдения и сравнения с деятельностью самих дорог — т. е. для инструктирования их и вскрытия злоупотреблений; для изучения рынка и движения цен и спекуляции, для вытеснения паразитов — ненужных посредников, вздувающих цены или играющих на понижение и повышение; для поддержки транспортной кооперации и выявления ее недостатков и болезней: для дальнейшего расширения поля деятельности и на предметы потребления рабочего-транспортника.

Такая контора могла бы стать главным информатором о махинациях рынка и производства и могла бы давать самые целесообразные и действительные указания для борьбы и предупреждения этих махинаций.

Сосредоточив свое внимание на предметах снабжения транспорта, она не разбрасывалась бы, а вместе с тем, развернув свою работу, оказала бы решающее давление на все остальные отрасли и была бы живым доказательством по своим результатам, что может сделать честное, знающее свое дело учреждение с малым личным составом, но подобранным и поставленным в рабочем государстве сугубо коммерчески, т. е. с максимальной пользой для государства.

Ф. Дзержинский

6/XII—23 г.

ДЗЕРЖИНСКИЙ
НА ТРАНСПОРТЕ

Чтобы дать оценку деятельности Ф. Э. Дзержинского как народного комиссара путей сообщения, необходимо, хотя бы в самых кратких и основных чертах, обрисовать общеполитическое и хозяйственное положение Союза советских социалистических республик к моменту, когда Ф. Э., согласно решению партии и постановлению правительства, принял на себя руководство этой чрезвычайно сложной и ответственной отраслью народного хозяйства.

Датой назначения Ф. Э. Дзержинского на пост народного комиссара путей сообщения является 14 апреля 1921 года, т. е. как раз момент, когда в партии был провозглашен и принят, по настоянию Владимира Ильича, принцип новой экономической политики.

Момент этот как в жизни всей страны, так и в нашем железнодорожном хозяйстве носил отпечаток следов только что пережитой героической борьбы, вернее,— борьбы, которая к данному моменту еще не совсем окончилась. Пожар гражданской войны быстро затухал, и вырисовывалась уже новая и сложная творческая работа партии по восстановлению разрушенного народного хозяйства и изжитию следов только что пережитой эпохи военного коммунизма, хотя и исторически необходимого, но чрезвычайно болезненно отразившегося на всех сторонах народного хозяйства и, может быть, в большей степени на железнодорожном транспорте.

К началу новой экономической политики состояние транспорта может быть охарактеризовано следующими основными чертами: техническое разрушение достигло небывалых размеров; сама сеть не представляла чего-либо целого и неразрывного: в тысячах своих участков сеть прерывалась; разрушенный путь, сгоревшие здания, взорванные мосты, чрезвычайно высокий процент больных, выбывавших из строя паровозов и вагонов, миллионы сгнивших шпал и сотни верст отслуживших свою службу рельсов — все это требовало какой-то нечеловеческой воли к своему исправлению, восстановлению, ремонту и смене...

Этого требовала сама жизнь, этого требовало и пробудившееся народное хозяйство, а транспорт еще не мог в силу целого ряда условий так быстро перейти на рельсы

новой экономической политики, как это сравнительно быстро и легко сделала наша легкая индустрия или сельское хозяйство, начавшие выбрасывать свою продукцию на рынок и требовать быстрых и точных перевозок грузов. На транспорте же в это время еще не был окончательно изжит противоположный принцип — принцип бесплатности услуг. На транспорте еще оставались от империалистической и гражданской войны следы его милитаризации. Здесь же было совершенно ненужное, частью только вредящее делу, огромное, далеко свыше миллиона количество служащих и рабочих, при бесконечно упавшем грузообороте и при абсолютной материальной необеспеченности самих рабочих.

Все это преодолеть, направить транспорт в русло нормального восстановительного процесса и призван был Ф. Э. Дзержинский, который прекрасно видел и знал, что в ближайшие же годы народное хозяйство потребует от транспорта полной и точной, как механизм часов, работы.

С чего же об'ективно можно было начать свою работу по действительному оздоровлению транспорта?

Новый этап жизни республики, начавшийся в первой половине 1921 г., с введения нэпа, поставил перед транспортом задачу произвести коренную перестройку всей его работы в направлении наилучшего приспособления к обслуживанию этой полосы хозяйственного развития страны.

Декретированная постановлением СНК от 9 июля 1921 г. платность услуг транспорта, а затем установление на нем начал хозяйственного расчета, по постановлению от 16 января 1922 г., вызвали целый ряд последовательно проводимых мероприятий, нашедших свое отражение в сводной форме в новом уставе железных дорог, введенном в действие с 1 августа того же года.

Очевидно, что новые формы хозяйственного бытия, с одной стороны, а с другой стороны, ряд специфических особенностей данного периода развития советского хозяйства,— требовали новых организационных форм построения транспортного аппарата. Это необходимо было уже потому, что в чрезвычайно тяжелых финансовых условиях узко централизованная система ведения транспортного хозяйства не могла дать выхода из создавшегося, казалось бы, тупика.

В своей речи на одном из собраний ответственных работников транспорта т. Дзержинский говорил: «Надо было транспорт для того, чтобы он стал советским, приобщить ко всем тем вопросам, которые стояли перед всем народным хозяйством в других его отраслях. Для этого необходимо было разбить бюрократический централизм. Исходя из этих соображений, нами было внесено... предложение реформы управления железных дорог и создания правлений железных дорог. Эта реформа означала не столько организационную перестройку, сколько то, что на первое место, для того чтобы разрешить транспортную проблему в условиях Советской России, надо было поставить экономику, советскую экономику».

Эта реформа нашла свое выражение в Положении о правлениях железных дорог 31 мая 1922 г. Тот же путь был пройден в отношении других видов транспорта, и принцип этот нашел свое отражение в образовании морских, а затем и речных госпароходств с переводом их на хозяйственный расчет.

В соответствии с этой коренной организационной перестройкой была проведена и реорганизация центрального аппарата НКПС.

Реорганизация НКПС была проведена Ф. Э. по принципу отказа от централизма, изжития бюрократизма управления и по линии максимального удешевления и сжатия аппарата. Уменьшение личного состава, непомерно разбухшего в период военного коммунизма, было произведено почти на 50%.

Такая организационная перестройка создала благоприятные условия для наиболее интенсивной и проводимой с наименьшей затратой сил работы по дальнейшему упорядочению и восстановлению транспорта.

Впервые в истории транспорта были проведены, под руководством Ф. Э., организационные формы, которые в условиях государственного планового регулирования обеспечили единство транспорта, позволив сочетать национализацию железнодорожного и водного транспорта со всеми преимуществами ведения хозяйства отдельных предприятий на принципе хозрасчета. Наряду с централизацией руководства была проведена деконцентрация управления, позволившая привлечь к активнейшей работе по оздоровлению и развитию транспорта сотни и сотни хозяйственников и техников сети.

Вместе с тем централизация и единство не превратились на транспорте в бюрократическую систему казенного

характера, благодаря развитию, по инициативе Ф. Э., широкой общественности на транспорте.

Ф. Э. был создан орган хозяйственной общественности — бюро правлений, ныне преобразованное в Совет правлений транспорта СССР. Общественный орган хозяйственников сыграл большую роль в области установления наиболее тесной увязки между работами, которые велись в центре (по руководству транспортом) и на местах (по выполнению практических транспортных задач).

Но построение новой системы управления было лишь частью проблемы. Два кардинальнейших вопроса были постоянно в центре внимания Ф. Э.: качественное улучшение работы аппарата и вовлечение масс в дело совершенствования хозяйства.

Первая мысль нашла свое яркое выражение в пространной его записке от 30 октября 1923 г., разосланной его ближайшим помощникам по транспортной работе, где он говорил, что необходимо «улучшение организации управления так, чтобы минимальный аппарат давал максимум (оптимум) работы управления (сокращение штатов, поощрение и улучшение всех условий быта—материальных и моральных—наших специалистов, работающих на совесть, изъятие их из канцелярий и посылка на линию, сокращение ненужной переписки и отчетности и т. д.). Восстановить транспорт можно лишь при условии, если будет обеспечено руководство в низовых и в верхушечных органах (важнее всего в настоящее время в низовых) высококвалифицированным преданным делу личным составом».

Лучшей иллюстрацией того, как Ф. Э. сумел об'единить вокруг себя живые силы специалистов транспорта, служат строки статьи бывшего начальника ЦУЖЕЛа, инженера О. О. Дрейера, посвященные памяти т. Дзержинского: «С ним легко было работать, и, в частности, автор этих строк, которому приходилось встречаться с ним по служебным делам довольно часто, за время совместной службы не слыхал от него ни одного резкого слова или упрека. У праха покойного сказать правду, это — обязанность каждого; поэтому я смело скажу, что при первом появлении т. Дзержинского специалисты-транспортники были сильно подавлены в ожидании нажима, но все эти мрачные ожидания быстро рассеялись и заменились небывалой до той поры уверенностью и спокойствием, как только все поняли, что заботливое отношение к вверенному нам огромному хозяйству и успешная работа на транспорте всегда найдут поддержку и правильную оценку со стороны т. Дзержин-

ского. Умный и твердый начальник, ты вернул нам веру в наши силы и любовь к родному делу!».

Что же касается вовлечения масс в хозяйственное строительство, то правильному разрешению этого вопроса Ф. Э. всегда придавал исключительное значение. В циркулярном письме, написанном в основном под его диктовку (январь 1924 г.), говорится: «В борьбе за восстановление транспорта и его безубыточность мы слишком мало внимания уделяли вопросу применения новых изобретений и — главное — не поощряли к активному участию в этом деле рабочих у станков, между тем как коллективная мысль, воля и коллективное творчество самих рабочих, будучи поддержаны руководящими лицами, могут сделаться новым фактором небывалого гигантского роста промышленности и транспорта».

Эту же мысль в еще более общей и яркой форме он развивал в личной записке ко мне, к несчастью, не сохранившейся в подлиннике, где, отмечая исключительную роль производственных комиссий и совещаний в нашем строительстве, он говорил, что без активной работы всей массы немыслимо выполнение лежащих перед нами гигантских задач.

Нужно отметить, что по инициативе Ф. Э. был организован и наш Изул,— орган, ведающий изобретениями на транспорте, на работу которого он обращал сугубое внимание.

1921 и 1922 годы были годами огромных усилий транспорта, направленных на то, чтобы приостановить процесс распада, который начался еще в период империалистической войны и продолжался в период демобилизации и гражданской войны, и на отыскание новых форм работы. Это время требовало величайшей бдительности, величайшей выдержки.

Характеризуя этот период своей работы, Ф. Э. в письме от 23 августа 1923 г. говорит: «До последнего времени все наше внимание было главным образом обращено к тому, чтобы удержать наш разрушенный и истощенный транспорт в том состоянии, при котором он мог бы если не целиком, то в наибольшем приближении выполнить те задачи, которые ему пред'являлись в общем деле восстановления хозяйства рабоче-крестьянского государства. Наши организационные стремления приурочивались к тре-

бованиям момента и выполнению тех или иных очередных задач».

В своей записке ко мне, в связи с намечавшимся моим переходом на транспортную работу в сентябре 1922 г., Ф. Э. писал о необходимости тщательного наблюдения и регулирования продперевозок: «Наркомпрод нередко не считался с пробегами маршрутов, забывая о максимальной экономии транспорта»... Надо «...достигнуть при разнарядке минимальных пробегов, что для нас при недостатке вагонов очень важно. Далее, необходимо наблюдать за скоростью маршрутов, полновесностью вагонов, отцепками в пути, простоями при погрузке и выгрузке, утечкой, т. е. хищениями. Таким образом вопрос наблюдения за продперевозками превратится в большой вопрос организации и восстановления нашего транспорта».

Если вспомнить условия работы этого периода, когда вопрос о продгрузах был основным в жизни страны, то станет понятным и особое значение, которое придавал ему Ф. Э.

Особенно остро стояла проблема борьбы со взяточничеством и хищениями, на искоренение которых, в целях начального упорядочения работы, Ф. Э. направил свою энергию.

По инициативе Ф. Э., в июле 1923 г. организуется Центральная комиссия по борьбе со взяточничеством, а затем и специальные комиссии на местах.

С декабря начинает действовать комиссия по борьбе с хищениями, а в феврале 1923 г. деятельность обеих комиссий об'единяется.

Корни явлений взяточничества и хищений были в общем расстройстве хозяйства, в падении дисциплины служащих и их материальной необеспеченности, голоде, бандитизме и, наконец, скоплении в полосе отчуждения безработных, бездомных и уголовного элемента. Прежде чем начать планомерное восстановление транспорта, необходимо было изжить эти явления, наличие которых в корне дезорганизовало работу транспорта.

Борьба шла по линии повышения ответственности и дисциплины, улучшения аппарата и улучшения материального положения трудящихся. Уже в 1923 г. транспорту удалось добиться значительнейших результатов.

И ежедневно, ежечасно шла под руководством Ф. Э. тяжелая борьба за поддержание транспорта, борьба за то, чтобы нужды страны сегодняшнего дня были удовлетворены, чтобы подвезти хлеб в голодные районы, чтобы

вывезти уголь, нефть, чтобы разрушенный транспорт не подсекал начавшегося хозяйственного оживления в стране. Для этого в первую очередь надо было улучшать материальное положение транспортного аппарата. В сентябре 1922 г. Ф. Э. писал: «Необходимо обеспечить своевременную, доброкачественную и полностью выдачу пайка». Наконец, «необходимо систематически и постепенно переходить на замену госснабжения оплатой дензнаками, имея в своем распоряжении, однако, фонд натурой для того, чтобы избежать перебоев и повышения цен на хлеб».

Хозяйство страны вступало в период своего восстановления, и, в связи с этим, перед транспортом вставала новая совокупность задач. Эту перемену Ф. Э. отметил в цитированном раньше письме в начале второй половины 1923 г.

Формулируя основные задачи, вставшие перед транспортом, Ф. Э. в своей статье от декабря 1923 г. писал: «В современную эпоху нэпа, с переходом всего нашего хозяйства на денежный расчет, на железных дорогах, как и во всех других отраслях промышленности, наиболее важным моментом является финансовое положение. Основное же, что характеризует финансовое хозяйство железных дорог в истекшем году,— дефицитность».

В это время страна готовилась к проведению денежной реформы, и изжитие дефицитности транспорта было одним из основных условий успеха реформы. Следует также отметить, что проведению реформы значительную помощь оказал выпуск в конце 1923 г. железнодорожных сертификатов, в сущности — заемных обязательств транспорта, удачный опыт которых подтвердил, что твердая валюта в мелких купюрах будет принята рынком.

Итак, основной задачей являлось изжитие дефицитности. Ф. Э. организует особое совещание по борьбе с бесхозяйственностью и дефицитностью железных дорог, на которое возлагается работа по упорядочению хозяйства транспорта и систематическому изжитию всех недочетов, обусловливающих дефицитность.

В своих многочисленных записках он указывает на безусловную необходимость соблюдения финансовой кредитной дисциплины, на всемерное сжатие расходов, на экономию.

«Сейчас важнейшая и возможная задача — сжать максимально расходную часть смет дорог для того, чтобы накопить оборотные средства»,— пишет Феликс Эдмундович.

Каковы же пути изжития дефицитности? В каких областях надо вести борьбу?

Отвечая на этот вопрос, Ф. Э. пишет: «Бесхозяйственность на транспорте — еще весьма и весьма широкий фронт для упорной борьбы. Во всех технических коэфициентах своих расходов — в паровозах, вагонах, ремонте их и пробеге, топливе и т. д. — железные дороги оставляют ожидать много лучшего. В улучшении всех этих измерителей коэфициентов — наряду с ростом грузооборота страны — залог возрождения советского транспорта...».

Для того чтобы улучшить работу транспорта, нужно прежде всего тщательное изучение, анализ его главных болезней и недочетов.

«Обратите внимание,— пишет т. Дзержинский в письме к руководителям транспорта на местах,— на прекрасный график т. Ильина, которым он меня поразил. Необходимо всех транспортников им поразить. Он дает свою убийственную и вместе с тем возрождающую критику нашего хозяйства — топливного, паровозного, вагонного, шпального и т. д.; надо применить его к вашей дороге, дав его Н[1] и начальникам служб для анализа самих себя. Надо составить применительно к вашей дороге целую программу, т. е. указать, где и как можно достигнуть сбережений, сокращений, где поднять производительность»...

Для более детального и точного изучения работы отдельных единиц выделяются образцовые дороги, на которых проводится ряд мероприятий по улучшению хозяйства и эксплоатационной работы.

Ф. Э. входит в отдельные детали и мелочи, особенный интерес проявляет он к делу ускорения оборота подвижного состава.

«Одним из основных факторов, влияющих на себестоимость перевозок и на размеры самого грузооборота, является стоимость перевозок, сохранность грузов и возмещение потерь от пропажи».

В целях улучшения перевозочной работы и достижения более тесной спайки между транспортом и клиентурой по инициативе Ф. Э. организуется акционерное общество «Транспорт». Формулируя задачи акционерного общества «Транспорт», тов. Дзержинский указывал, что оно организовано в целях борьбы со взяточничеством и хищениями, а также с частными конторами и должно вести к умень-

[1] Начальник дороги. А. Х.

шению накладных расходов на перевозки, к увеличению грузооборота и проверке четкости работы железных дорог. До последних дней он проявлял живейший интерес к работе акционерного общества, состоя председателем совета общества.

Вопросы технического улучшения транспорта были всегда предметом живейшего интереса Ф. Э. Отметим здесь вопрос об улучшении дела пропитки шпал, к которому он неоднократно возвращался.

Основной характерной особенностью Ф. Э. было то, что он всегда был далек от узковедомственной точки зрения. Хозяйственные задачи транспорта всегда мыслились им в плане общегосударственных задач.

В одном из его писем на места говорится: «Ведомственного, узкого патриотизма своего прихода не должно быть на транспорте.

Транспорт — самый могущественный фактор торжества пролетарского государства. Он должен эту миссию со всеми жертвами нести сознательно».

Когда партия в конце 1923 г. выдвинула лозунг борьбы за снижение цен в целях укрепления смычки между рабочим классом и крестьянством, Ф. Э. формулировал задачу транспорта следующими словами: «Лишь снижением своих расходов на единицу полезной работы, т. е. удешевлением стоимости перевозок, вытекающим из технических улучшений, транспорт сможет выполнить свою роль в общей борьбе за сдвиг «ножниц».

Но как вопрос о бездефицитности транспорного бюджета, так и проблема сжатия «ножниц» заставляли подойти к другому вопросу — о снижении расходов на изделия промышленности, поставляемые транспорту. «Огромная роль транспорта в потреблении металлов и топлива дает ему неоспоримое право влиять на снижение цен этих основных элементов развития промышленности и хозяйства страны».

В своем докладе Совету труда и обороны Ф. Э. подробно останавливается на положении металлопромышленности и намечает ряд конкретных мер к упорядочению ее работы.

Одновременно с этим в связи с разразившимся кризисом сбыта донецкого топлива Ф. Э. говорит о необходимости помощи топливопромышленности со стороны транспорта и проводит ряд мероприятий, направленных как к расширению потребления минерального топлива на транспорте, так и к удешевлению стоимости перевозок.

Вдумчиво анализируя работу нашей промышленности, Ф. Э. ищет путей к снижению цен. К этой работе он привлекает общественный орган хозяйственников транспорта — Бюро правлений.

Единство усилий транспорта и промышленности в разрешении общегосударственных задач — такова была постоянная линия работы Ф. Э.

«Первейшей госзадачей является сейчас — справиться с кризисом сбыта донугля и металлов. Это от нас (железных дорог) требует жертв, неслыханного финансового напряжения для перевода, даже в убыток себе (временный, но очень болезненный), дорог с дровяного на угольное отопление, снижения тарифов на уголь в центр и вообще, т. е. уменьшения своих доходов... А потому надо поставить свое хозяйство на ноги, сорганизовать между нами (транспорт, металл и топливо) смычку, взяться железной рукой за борьбу с бесхозяйственностью, за улучшение организации производства и сбыта и т. п.».

Для того чтобы наладить связь с промышленностью как органом, перевозящим свою продукцию и заинтересованным в транспорте, Ф. Э. организует, как отмечалось выше, акционерное общество «Транспорт». Для того чтобы наладить связь с промышленностью как поставщиком и воздействовать на нее в области снижения цен, по его инициативе организуется акционерное общество «Транспорткопи». В упомянутом уже нами докладе правительству о взаимоотношениях с металлической и топливной промышленностью Ф. Э., подчеркивая, что себестоимость продукции «Транспорткопей» ниже себестоимости УГКП, а производительность выше, указывает на возможность снижения цен на уголь. Причину же положительных достижений «Транспорткопей» надо искать в непосредственной хозяйственной заинтересованности потребителя, «не только в отсутствии ведомственности и антагонистических трений и потребителями (т. е. железными дорогами), но и во всемерной поддержке и прямой заинтересованности получить дешевле и в достаточном количестве топливо».

Так стремится Ф. Э. сочетать интересы двух важнейших отраслей хозяйства с общими интересами страны и революции.

Мне лично едва ли не чаще всего приходилось иметь с ним беседы по вопросам, касающимся рабочей силы на транспорте, которыми я ведаю. Еще в первые годы своей работы на транспорте Ф. Э. часто останавливался на производительности труда,— на той именно проблеме,

которая впоследствии при его ближайшем участии была поставлена партией перед нашим хозяйством в целом.

В одной из записок ко мне, в сентябре 1922 г., он писал: «Изучение и улучшение организации труда на транспорте... Текущий день и вчерашний (традиции уравнительности) убивают плановую реформаторскую работу. А здесь необходимо произвести целую революцию... Главная и основная задача, это — пересмотреть наши штаты, так чтобы дать при 8-часовом рабочем дне максимальную производительность и заинтересованность, исходя из того, что дальнейшее повышение зарплаты невозможно из каких бы то ни было источников, кроме увеличения производительности самого труда».

К этой проблеме он возвращался постоянно. В числе неотложных задач, в письме от 28 августа 1923 г. он упоминает о необходимости постепенного введения методов научной организации труда и производства. По его инициативе организуется на транспорте ЦНОРТ [1].

В октябре 1923 г. Ф. Э. пишет: «В области нормирования труда главные заботы и работы как центра, так и мест не только в удержании реальной зарплаты на уровне программы, но и в упорядочении норм выработки». До последних своих дней он проявлял живейший интерес к нормировочной работе. Всем еще памятно его выступление на с'езде нормировочных органозв промышленности.

Задача зарплаты ставилась Ф. Э. в общегосударственном масштабе. Он говорил, что мы не можем ставить вопрос о зарплате транспортников изолированно, мы должны его связывать прежде всего с уровнем зарплаты металлистов и горняков. «Дальнейший рост зарплаты должен быть в этих трех отраслях взаимно обусловлен, и должен быть осуществлен блок на этой почве. Какая же база для этого увеличения? База — резолюция ЦК по экономполитике: снижение цен, расширение производства, увеличение производительности труда, улучшение организации производства, смычка с деревней и увеличение зарплаты» [2].

---

[1] ЦНОРТ — Центральная комиссия по научной организации труда на транспорте.

[2] Чтобы обрисовать во всех деталях все сделанное Ф. Э. для транспорта, чтобы выявить в цифрах в итоговых данных достижения транспорта за период его руководства, нужна большая, длительная, кропотливая работа. Ее выполнит будущей историк советского транспорта. Моя же цель была гораздо уже, я стремился лишь дать в сжатой форме изложение основных директив Ф. Э. в его огромной плодотворной работе по руководству советским транспортом.

Основной чертой работы Ф. Э., как мы отмечали выше, было уменье решать все вопросы в плане общегосударственных задач, общегосударственных целей.

Заняв пост руководителя Высшего совета Народного хозяйства, т. Дзержинский так же, как и раньше не держался узко ведомственной точки зрения.

В одном из последних заседаний президиума ВСНХ под председательством Ф. Э. имело место обсуждение вопроса о взаимоотношениях транспорта и промышленности.

Выступление Ф. Э. на этом заседании как нельзя лучше иллюстрирует нашу мысль о том, насколько он всегда интересы целого ставил выше интересов того или другого отдельного учреждения, и, что особенно ценно, вне зависимости от того, какое он сам имел отношение к данному учреждению.

Разделяя всецело высказанную докладчиком точку зрения об осложнении для промышленности в связи с задержкой НКПС следуемых промышленности платежей, т. Дзержинский отметил: «Необходимо обратить внимание на транспорт. Это одно из наших узких мест. Мы знаем, что транспорт несвоевременно платит, а он не платит потому, что нет притока тех средств, которые ему необходимы. И он таким образом дезорганизует всю нашу промышленность. Я думаю, что гораздо лучше нам меньше размахнуться по целому ряду отраслей, но помните, что транспорт должен будет в будущем бюджете занять довольно важное место для того, чтобы он своей дезорганизацией не ударил нас с другой стороны».

Столь присущее всегда Ф. Э. Дзержинскому желание служить интересам советского государства в целом было проявлено особенно отчетливо в момент, когда он, оставив транспорт, перешел на работу в промышленность. Будучи еще наркомом путей сообщения, Ф. Э. ясно видел, что часто по целому ряду вопросов интересы промышленности и транспорта находятся как бы в самом непримиримом противоречии, в том именно противоречии, которое часто у нас является предпосылкой образования у многих товарищей частной, «ведомственной» политики. Ведомственность, сепаратизм ему были совершенно чужды: и то и другое он подчинял в своем руководстве и в своей работе служению общим целям и задачам социалистического строительства.

Уходя с транспорта в промышленность, он ставил своей задачей реальное воплощение, реальное осуществление

«смычки транспорта с промышленностью и промышленности с транспортом».

В бурном темпе восстановительного процесса идея единства хозяйства освещала ему все темные стороны и была для него верным и испытанным средством всегда ясно видеть основную, нужную для каждого данного момента линию направления в развитии народного хозяйства.

Он, как никто другой, умел найти, как учил нас Владимир Ильич, те основные звенья работы, ухватившись за которые, можно поднять всю цепь.

Работники транспорта в связи с назначением Ф. Э. председателем ВСНХ, провожая его в феврале 1924 г., писали в своем адресе: «С глубоким сожалением встречая уход уважаемого руководителя и любимого товарища от непосредственной работы на транспорте, мы уверены, что расширение поля вашей деятельности позволит выдвинутый вами лозунг единства хозяйства транспорта превратить в реальное осуществление единства всего народного хозяйства — промышленности, сельского хозяйства и транспорта».

Говоря о Феликсе Эдмундовиче — руководителе транспорта, невольно вспоминаешь о нем как о личности. В его работе как руководителя, в его обращении со своими помощниками была особая простота и непосредственность. чувствовался старший товарищ.

Личные доклады, телефонные разговоры и многочисленные записки, его строгое отношение к своевременному и точному выполнению даваемых им заданий,— вся его руководящая деятельность, так похожая на деятельность Владимира Ильича, заставляла нас всех быть особенно вдумчивыми и точными в выполнении его директив. Он умел будить активность, умел направлять и умел требовать.

Его руководство никогда не было узким, мы всегда чувствовали, как за каждым даже мелким вопросом кроется строго продуманная общая система. Он мыслил всегда в об'еме больших задач и в то же время находил место мелочам, его хозяйственное руководство было всегда вместе с тем и руководством политическим.

Отличительной чертой Ф. Э. было неустанное желание учиться. «Нам всем прежде всего надо учиться управлять, надо охватить хозяйство, а затем вести его по

пути улучшения. Я сам первый год своей работы на транспорте прежде всего учился»,— так говорил нам т. Дзержинский в тот день, когда страна призвала его на новый пост руководителя промышленности Союза, и он покидал транспорт. И он учился, учился упорно, непомерно много работал и часто удивлял всех нас своими познаниями даже в узко специальных технических вопросах.

Хотя смерть оторвала его от нас и любимого дела, однако, она не могла и никогда не сможет взять от нас то, что он успел нам дать: уменье ясно видеть цель; стремление твердо итти к ней, не упуская из вида никаких «мелочей», однако, не теряя из-за них «основного» и «главного»; непоколебимую веру в себя, в общее дело и в конечную цель; неиссякаемую силу энергии и воли...

Для нас, ближайших его сотрудников по хозяйственному возрождению транспорта, образ Ф. Э., как руководителя-хозяйственника, не должен быть никогда забываем.

Только претворением в повседневной действительности его принципов и методов работы мы сможем окончательно изжить все недостатки нашего хозяйствования и создать благоприятные условия для дальнейшего развития и укрепления социалистического хозяйства Союза советских республик.

А. Халатов

ДЗЕРЖИНСКИЙ

НА ФРОНТЕ ТРАНСПОРТА

Теперь мы совсем позабыли о тех временах, когда стояли наши железные дороги, когда достаточно было пройти большому снегу, чтобы останавливались наши поезда. Мы теперь уже позабыли о тех временах, когда населению, скажем, Москвы, сообщалось о движении какого-нибудь одного, единственного, захудалого маршрутного поезда с несколькими вагонами хлеба, шедшего черепашьим шагом через какую-нибудь степь, и когда тов. Ленину приходилось сидеть у телефона и через диспетчерскую службу получать сообщения о том, на какой станции застрял этот поезд и куда пошли пассажиры, чтобы нарубить дров для того, чтобы поезд сдвинулся с места. Мы теперь позабыли все это, а эти времена были, и всего несколько лет прошло с тех пор, как были эти времена.

И вот, товарищи, когда становилось особенно трудно, тогда посылался т. Дзержинский. Когда одолевали мешочники и нужно было предпринять решительные меры,— посылался тов. Дзержинский.

Когда нужно было очищать наш путь от снега,— посылался т. Дзержинский.

Когда разваливался наш транспорт, от которого зависело все,— посылался тов. Дзержинский.

Мы помним тяжелое положение с транспортом в то время, когда наклеивались на заборах воззвания о транспорте, когда мы кричали всюду о транспорте,— тогда посылался в первую шеренгу борцов тов. Дзержинский. На самую тяжелую, самую ответственную работу, которая требовала величайшего, сверхчеловеческого напряжения,— шел тов. Дзержинский.

Товарищи, теперь у нас новое время, у нас теперь другая обстановка, теперь нам гораздо легче живется, чем было прежде. Вспомните, товарищи, снова то время, когда рабочий класс настолько обессилил, что нужно было ему как-нибудь продержаться, когда мы должны были запускать свои руки в сундуки купчих, или даже мещан, чтобы достать лишние штаны, или шубу, или пальто и поделить среди рабочего класса, когда нужно было ловить каждую запрятанную золотую монету, потому что мы настолько были нищи, настолько голодны, потому что

рабочий класс так подорван был в своих силах, что нужно было все собрать под метелку, чтоб продержаться. Это было время жестокой борьбы со спекуляцией, это была чрезвычайно тяжелая борьба. И она целиком лежала на плечах т. Дзержинского.

Но вот мы окончили гражданскую войну, окончили ее победоносно, разбили нашего противника, подавили заговоры внутри, бандитизм был ликвидирован. Это было тоже одной из величайших заслуг тов. Дзержинского. Шпионские организации иностранных государств были перестреляны — это тоже было одной из больших заслуг тов. Дзержинского.

Наши фронты упорядочены — это тоже было одной из промаднейших заслуг тов. Дзержинского.

Армия наша победила, и началась строительная работа, начались «новые песни», и тов. Дзержинский принимал на себя и здесь самые трудные и самые тяжелые задачи. Всякому из нас по работе среди рабочего класса отлично известно, что гораздо лучше говорить приятные вещи, чем неприятные, чрезвычайно хорошо и приятно притти к рабочим и сказать: вот мы можем повысить заработную плату. Это очень легко и очень приятно. Чрезвычайно приятно и чрезвычайно легко работать тогда, когда все быстро идет вверх, когда кошелек государства быстро наполняется, когда есть из чего платить и т. д. Тогда легко работать, и очень многие такую работу могут без труда выполнить. Другое дело, когда положение тяжелое. Такая работа требует величайшего напряжения сил; тогда нужно личным примером показывать, что ты требуешь с других. Борись в первую очередь сам,— это будет потруднее. И тов. Дзержинский никогда не отступал перед тем, чтобы вынести на своих плечах самые трудные задачи. Будучи поставлен начальником нашего транспорта, он провел огромную работу по реорганизации нашего железнодорожного хозяйства. Он чрезвычайно много сделал, чтобы поднять это транспортное хозяйство. Но он провел здесь одну кампанию, о которой теперь тоже мы, пожалуй, позабыли,— это была кампания по борьбе со взяточничеством и хищениями. Взяточничество было, как зараза, как эпидемия. Вы помните, что нельзя было послать ни одного вагона, если не дашь взятку,— иначе он мог очутиться там, где ему вовсе не полагалось быть.

Вы помните, какая огромная деморализация царила на железных дорогах. Тов. Дзержинский провел эту кам-

панию по борьбе со взяточничеством и хищениями, причем провел ее — и это было огромной победой,— опираясь на здоровую часть железнодорожного рабочего класса, вместе с массами, при их помощи, опираясь на них. С огромным мучением, с огромным трудом, он провел это дело.

Н. Бухарин

BCHX

BCHX

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВСНХ 1924—1926

Большую работу проделал Дзержинский по восстановлению и укреплению транспорта за короткий срок своего пребывания Народным Комиссаром Путей Сообщения. Но партия не дает ему продолжать с таким успехом начатую работу в НКПС. В феврале 1924 г. партия перебрасывает его на более важный пост — председателя ВСНХ. Здесь он работает с таким же рвением и самоотверженностью. Здесь он применяет те же методы работы.

В тяжелых неблагоприятных условиях принял Дзержинский руководство советской промышленностью. Разруха — результат империалистической и гражданской войны,— оставила здесь еще сильный отпечаток. Вся промышленность сильно отставала от довоенного уровня. Не было должной плановости, отсутствовала необходимая согласованность между отдельными ее отраслями. Производительность труда была низка, что, между прочим, влияло и на заработную плату и на цены продукции.

Если благодаря усилиям партии и всех работников на промышленном фронте удалось за истекшие два с половиной года значительно исправить указанные дефекты, то, несомненно, в этом большая заслуга Дзержинского.

Так, промышленность за этот период повысила продукцию в три раза и довела ее сейчас до довоенного уровня, а целый ряд отраслей уже превысил довоенный уровень. Производительность труда рабочего увеличилась процентов на 50, в такой же мере увеличилась заработная плата.

Одной из основных забот Дзержинского было — возможно больше, возможно скорее расширить производство. «Политика расширения производства и снижения цен есть самое лучшее и верное выражение союза города с деревней» — вот боевой лозунг Дзержинского.

Столько же энергии уделял он вопросу об индустриализации страны. «СССР из страны, ввозящей машины и оборудование, должна превратиться в страну, производящую машины и оборудование», говорит Дзержинский.

Особенное внимание обращал Дзержинский за последнее время на оздоровление рынка, на урегулирование товаропроводящей сети. Необходима теснейшая увязка гос-

промышленности с кооперацией в целях совместной борьбы за овладение рынком и изживания дефектов в организационной и оперативной работе.

В соответственном циркуляре от 12 января 1926 г. Дзержинский говорит:

«Все расширяющиеся и усложняющиеся задачи экономического строительства выдвигают в качестве одной из основных проблем текущей хозяйственной политики — установление теснейшей связи между нашей государственной социалистической промышленностью и широкими кооперативными массами рабочих и крестьян СССР.

Рабочий класс СССР в союзе с основной массой крестьянства уже достиг первых серьезных успехов в деле социалистического строительства. Наша задача — повести это строительство дальше так, чтобы всякий мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении социализма (Ленин). Наша ближайшая цель заключается в том, чтобы государственная промышленность, являющаяся авангардом народного хозяйства, самым непосредственным образом сомкнулась через всю систему потребительской кооперации с широчайшими слоями низового рабочего и крестьянского потребителя.

Так поставленная задача может быть выполнена лишь при самой тесной увязке работы госпромышленности и кооперации».

Кто не помнит, с какой решительностью выступал Дзержинский за режим экономии. Он объявил борьбу излишнему формализму, бюрократизму, высмеивал груды всяких излишних справок, отчетов, докладов. Он выступал против вредного централизма в хозяйстве. Больше прав низшим ячейкам и больше возложить на них ответственности.

Все эти вопросы он обдумывает, взвешивает, совещается с соответствующими работниками и, наконец, издает приказы, циркуляры.

Вот выдержки из одного такого циркуляра по поводу необходимой экономии накладных расходов:

«Упорными усилиями всего рабочего класса, его партии и государства госпромышленность в текущем хозяйственном году вплотную подходит к довоенным размерам продукции.

Продолжающаяся диспропорция между промышленным производством и потребностями страны, создающая обстановку товарного голода, и непомерный рост оптово-розничных «ножниц» настоятельно диктуют необходимость дальнейшего развертывания и широкого нового строительства

в целях доведения промышленности до уровня потребностей всего народного хозяйства, и в первую очередь сельского хозяйства...

Путем величайшей экономии и жесткой урезки расходов непроизводительного потребления государство направляет все усилия на содействие под'ему промышленности.

Такое положение обязывает нас, руководителей промышленности, к самым энергичным, самым решительным мерам борьбы по устранению всякого рода непроизводительных расходов в самой промышленности, чтобы ни одна копейка вкладываемых в промышленность народных средств не оказалась использованной на малопроизводительные нужды...

Борьба за экономию, за решительную ликвидацию всякого рода неоправдываемых затрат»... (23 февраля 1926 г.)

Дзержинский придавал большое значение тому, чтобы руководители отдельных отраслей промышленности, отдельных трестов, фабрик привлекали всегда к своей работе самих рабочих. Производственным совещаниям он придавал крупное значение. Вот как он о них говорил:

«Задачи, стоящие перед нами (ВСНХ), смогут быть успешно разрешены лишь при одном условии, если эти задачи станут задачами самых широких пролетарских масс. Самой лучшей формой должны быть производственные совещания. Я считаю этот вопрос сейчас основным вопросом нашего дальнейшего бытия. Хозяйственник, не привлекший к поддержке рабочих, которыми он руководит, не может выполнить поставленных историей перед нами задач. Наши хозяйственники ни на секунду не должны забывать, что они являются исполнителями — работниками диктатуры рабочего класса. Связь их с рабочим классом не только в том, что они являются членами партии, платят взносы и бывают на партийных собраниях. Для хозяйственника только такая связь — ничто. Они по сути своей работы — вожди рабочих в деле, которое им вручено. И если хозяйственник не знает массы, не умеет стать ее вождем, не сумел завязать с ней постоянных живых связей, то он не может быть ни хорошим членом партии, ни хорошим хозяйственником. Формой этого общения с массой и являются производственные совещания». (Записка к т. Кравалю — заведующему Отделом Экономики Труда ВСНХ).

Неуклонно стремясь привлечь самих рабочих у станка к социалистическому строительству, он следил за тем,

чтобы им была дана широкая возможность инициативы. Весьма характерен в этом направлении его циркуляр о рабочем изобретательстве от 11/IV—1925 г.:

«С переходом средств производства в руки советского рабоче-крестьянского правительства перед рабочим у станка открылись совершенно новые возможности использования изобретательских способностей, которые таятся в нем. Работая над усовершенствованием труда, рабочий знает в настоящее время, что он работает не для усиления производства своего классового врага — капиталиста, что он не дает ему новых средств для усиления эксплоатации и угнетения рабочих, но, наоборот, дает своему же государству, своему же классу возможность повысить производительность труда, увеличить сумму производимых богатств, сберечь тяжелый труд, улучшить положение трудящихся... Самое существенное — это помочь рабочему изобретателю преодолеть те трудности, которые стоят перед ним на пути к осуществлению его изобретения вследствие недостатка научно-технических знаний... Страна рабоче-крестьянского, советско-коммунистического строительства должна быть также страной коллективного творчества в области техники и улучшения методов труда...

Рабочий изобретатель, на производство! — таков должен быть наш лозунг»...

Я. Ганецкий

Ф. Э. Дзержинский

руководитель промышленности

некоторые этапы

Справка

Деятельность Ф. Э. Дзержинского на посту председателя ВСНХ СССР неразрывно связана с развитием советской промышленности за последние годы и процессом социалистического строительства нашего хозяйства.

Вступив в исполнение обязанностей председателя ВСНХ 11 февраля 1924 г., в ответственнейший момент для всего народного хозяйства СССР — во время осуществления денежной реформы, Ф. Э. Дзержинский, естественно, основное внимание уделяет в первую очередь вопросам, связанным с укреплением червонца и установлением твердого денежного обращения.

«Особенно важным,— пишет он в обращении ко всем хозорганам,— является мобилизация государственных, промышленных и торговых органов с целью наилучшего приспособления к возможным затруднениям переходного периода». В этом обращении Ф. Э. Дзержинский указывает на огромное значение, которое будет иметь при проведении реформы правильная политика цен, а также концентрация денежных ресурсов промышленности в банках.

Директива о снижении цен на продукцию госпромышленности, данная в это время Ф. Э. Дзержинским, и упорная борьба за доведение пониженных цен до потребителя сыграли немалую роль для успеха в денежной реформе.

В борьбе за упорядочение торговой деятельности госпромышленности большое значение имело создание торговой комиссии, которая была организована в феврале—марте 1924 г. Задачи этой комиссии были определены Ф. Э. Дзержинским, как борьба с дефектами госторговли, с ажиотажем, неправильным ценообразованием, борьба за сокращение путей продвижения товаров к потребителям, районирование рынка и т. д.

«Требуется коренная перестройка всего торгового аппарата госторговли и радикальный пересмотр всех методов торговой рабо-

ты» — такую директиву дал Ф. Э. Дзержинский торговой комиссии.

Этот же первый период работы Ф. Э. Дзержинского в ВСНХ совпал с обострением болезней роста госпромышленности. К таким болезням в первую очередь следует отнести кризис сбыта донецкого топлива, грозивший остановкой в развитии каменноугольной промышленности. Ф. Э. Дзержинский энергично ведет борьбу за расширение сбыта донецкого топлива, становясь во главе центрального комитета содействия Донбассу.

К этому же, примерно, времени относится и организация топплана, сыгравшего крупную роль в области внесения плановости в топливоснабжение промышленности. Наряду с этим Ф. Э. Дзержинскому приходится вести борьбу с организационными неувязками. Эта борьба завершается изданием положения от 10 июня 1924 г. «об управлении промышленными заведениями, входящими в состав треста», которое представляет собой конституцию промышленных предприятий. Одновременно под руководством Ф. Э. Дзержинского продолжается оформление трестов в соответствии с действующим декретом о трестах.

К началу апреля 1924 г. относится возникновение кампании за повышение производительности труда, начатой по инициативе Ф. Э. Дзержинского. Всем памятно, какой горячий отклик вызвали выступления Ф. Э. Дзержинского по этому вопросу.

С 20 ноября 1924 г. Ф. Э. непосредственно руководит металлопромышленностью. На посту председателя правления Главметалла Ф. Э. Дзержинский руководит бурным процессом восстановления и развития тяжелой индустрии. Весною 1925 г., после XIV конф. РКП, т. Дзержинский в обращении к хозяйственникам указывает:

«Временная стабилизация мирового капитализма заставляет нас с удвоенной силой развивать наше хозяйство в теснейшем союзе с крестьянством и в то же время усиливать экономические позиции рабочего класса; поэтому хозяйственники и техники металлопромышленности должны выявить величайшую инициативу и энергию, чтобы в первую очередь восстановить, развить, расширить металлопромышленность, как основу для развития всего народного хозяйства».

К весне 1925 г. относится также образование особого совещания по воспроизводству и расшире-

нию основного капитала промышленности, во главе которого становится Ф. Э. Дзержинский. Несколько позже Ф. Э. Дзержинский издает приказ об организации особого совещания по качеству продукции, председателем которого впоследствии был назначен Л. Д. Троцкий.

К концу лета 1925 г. в соответствии с постановлениями партии и правительства о необходимости усиления роли потребительской кооперации в товароснабжении президиум ВСНХ заключает соглашение с правлением Центросоюза о взаимоотношениях госпромышленности с кооперацией. Это соглашение положило основу правильной связи госпромышленности с кооперацией. Завершением этого соглашения явилось образование в декабре 1925 г. — январе 1926 г. паритетной комиссии ВСНХ и Центросоюза.

В октябре 1925 г. Ф. Э. Дзержинский начинает кампанию против спекуляции и ажиотажа, которая кладет конец рыночной вакханалии.

23 февраля т. г. Ф. Э. Дзержинский издает памятный всем приказ № 413, с которого начинается кампания за установление режима экономии сначала в промышленности, а потом и во всех отраслях народного хозяйства.

Эта кампания неразрывно связана с кампанией по снижению розничных цен, в которой Ф. Э. Дзержинский принимает самое активное участие как в роли председателя ВСНХ, так и в качестве зам. председателя центральной комиссии по снижению розничных цен.

Уже в самые последние дни Ф. Э. Дзержинский выдвигает лозунг реформы управления промышленностью. Этой кампании за улучшение управленческого аппарата, за борьбу против волокиты, бюрократизма, за установление персональной ответственности, за борьбу против «организационного фетишизма» (выражение Ф. Э. Дзержинского) был посвящен ряд последних выступлений покойного вождя.

ПИСЬМА И ДОКУМЕНТЫ

период работы в ВСНХ

Выписка из письма к тов. Павлунскому

1924—1926

...я думаю — надеюсь, что удастся осуществить государственный блок транспорта с тяжелой индустрией. А потому просьба к вам не порывать со мной личной связи по хозяйственным вопросам. Я думаю и в ВСНХ повести ту же линию, что и на транспорте: ясная государственная линия, общая и обязательная для всех хозяйственников, единство и в этом смысле советской госуд[арственной] промышленности, при максимальной самодеятельности и инициативности мест и правлений и их не синдикатских, а общественных об'единений. Задача тяжелая, огромная.
5/II—24 г.

З(аместителю) пред(седателя) В(сесоюзного) Т(екстильного) С(индиката) тов. Килевицу

Не имея возможности принять лично участие в совещании производственников текстильной промышленности, прошу вас передать совещанию мои горячие пожелания успешно довести до конца работы по столь важному вопросу, как сокращение ассортимента тканей и их стандартизация. От разрешения этой тяжелой задачи зависит огромное удешевление и расширение текстильной продукции.

Текстильная промышленность играет одну из самых важных ролей в деле укрепления союза пролетариата с крестьянством, в деле сплочения всех народов нашего Рабоче-крестьянского союза в единую непобедимую силу. Разрешение вопросов, поставленных в повестку вашего совещания, поможет текстильной промышленности выполнить эту задачу. Эта задача — прямое завещание покойного Виктора Павловича.

3/IV—24 г. **Ф. Дзержинский**

Служебная записка

тов. Рейнгольцу

Вашу «неполемику» получил. Получу данные — отвечу тоже «неполемикой». Пока одно: вы не усвоили постановки вопроса. Вы заканчиваете:

«Мне представляется, что наряду с лозунгом поднятия производительности труда не меньшее значение должен иметь лозунг правильной организации производства». Вы тут напутали ужасно — смешали понятия «производительности» и «интенсивности»; на самом деле: только правильная организация производства и труда при данной технике может поднять производительность труда. Интенсивность же труда может играть только второстепенную роль. Вы спросите, зачем я в таком случае поднял кампанию! А потому, что улучшить организацию производства и труда при диктатуре рабочего класса можно только в результате сознания и воли всего рабочего класса и всей партии, а не путем аппаратного воздействия. Далее, вам лучше отступить от вашей ошибки и признать ее. Что значит — в среднем производительность труда для всей промышленности достигла 75% довоенной? Это значит, что если один рабочий (в среднем исходя из продукции всех рабочих, т. е. из всей продукции) выработал 100 единиц, теперь он вырабатывает 75. Почему? Потому, что плохая организация труда, производства, слабая нагрузка и т. д., т. е. с учетом всех условий и не только индивидуальной воли рабочего. Конечно, такой продукции мы не достигли, и это статистическая ахинея. Но причем в таком случае приводимые вами примеры в вашей «неполемике» об известной категории рабочих, если даже считать, что ваши цифры верны?

Ф. Дзержинский

Резолюция тов. Дзержинского на отношении тов. Рейнгольца

«Тов. Чубарову. Прошу дать ваше цифровое заключение на эту «неполемику». Верно ли, что нефтедобывающие и забойные рабочие при той же добыче, что и до войны, при тех же условиях, зарабатывают меньше, или что на еди-

ницу добычи зарабатывают сейчас меньше, чем до войны. Так ли это? Не касается ли это фонтанов и более легких шахт по добыче? Как дело обстоит на самом деле. Если это верно, то необходимо изменить тарифную сетку в сторону увеличения довоенной нормы тем, которые вырабатывают при том же напряжении столько, сколько ...со своим заключением.

Ф. Дзержинский

23/VII—24 г.

Тов. И. Косиору

Уважаемый товарищ!

Я очень благодарен вам за ваше письмо. И также прямо постараюсь вам ответить. Сведения, что я отрицательно отношусь к Грознефти — преувеличены и неправильны. Наоборот, у меня впечатление, по всем сведениям, дошедшим до меня, что Грознефтью, восстановлением его промыслов мы можем гордиться перед всем миром, и что в этом именно ваша заслуга. Но, вместе с тем, у меня создалось впечатление, что темп восстановления Грознефти не соответствует темпу восстановления всего нашего хозяйства, и что поэтому темп этот чрезмерно быстр и что цены на нефть, особенно для госпотребителей (НКПС в первую очередь), чрезмерны, что отягчает госбюджет, влияет на повышение тарифов и т. д. Мне кажется, что Гроз-, как и Азнефть, слишком оторваны от всего нашего остального народного хозяйства и представляют самостоятельные, слишком замкнутые царства. Я пишу: мне кажется, ибо я только приступаю к работе по ВСНХ и должен ознакомиться и убедиться. Поэтому я так рад вашему письму, ибо лучше всего я смогу узнать от вас непосредственно.

Моя точка зрения такова, что мы должны всю нашу национализированную промышленность и переведенную на хозрасчет — особенно основную топливную, металлургическую и всю тяжелую, а также и транспорт — рассматривать с точки зрения рабочего государства как единую, органически связанную интересами своего развития, хотя и децентрализованную по отраслям, иногда и по предприятиям, по принципу хозрасчета. Но хозрасчета рабочего государства. И те, кто возглавляет данную отрасль, кто целиком ответствен за нее — являются не только стро-

ителями этой отрасли, но и строителями всего государства, всего хозяйства в целом. И наша нефть, наше «счастье» (фонтаны), мне казалось, могли быть источником гораздо большего возрождения всего нашего народного хозяйства, чем это имело место, как ни велика его роль сейчас. Мне передавали, что вы провели около 100 верст ж.-д. пути и возводили капитальные постройки в размерах, которые были чрезмерны, если исходить из общей нашей нужды.

Вы недавно увеличили зарплату процентов на 30, увеличив отчисления на культнужды и фабзавкомы. В то же время в ряде отраслей мы бьемся, чтобы найти средства для своевременной выплаты зарплаты по «стриженным» индексам в основных отраслях нашей промышленности — хотя бы в Донбассе. У нас, собственно, ВСНХ не было. У нас каждый трест и синдикат — сам по себе. Во всех почти вопросах. По зарплате, по восстановительным работам, по концентрации, по овладению рынком. И каждый норовил все свое «счастье» использовать для себя, а «несчастье» переложить на государство, требуя дотаций, субсидий, кредитов, высоких цен. Разве это не верно? Вы сравниваете свои цены с довоенными — это неправильно, ибо это несоизмеримые величины. Я просил бы вас прислать мне сравнительную калькуляцию по всем элементам себестоимости и цены до войны и сейчас — тогда это будет ясно. Вы стоите и здесь неизмеримо выше других отраслей,— но, мне казалось бы, могли бы стоять еще выше.

Я мечтаю о том, чтобы все наши руководители основных трестов,— каждый будучи на своем посту,— представляли единое целое — единственную государственную линию, единую государственную цель, единый блок во главе со мной, раз я назначен председателем ВСНХ. Поэтому я рад, что между нами завяжется непосредственная переписка, ибо только непосредственная связь может выковать эту единую линию. Пока я должен учиться — поэтому моя просьба к вам помнить об этом и помочь мне в этом. Смотреть глазами своего аппарата — это гибель для руководителя. Моя просьба посылать мне оценку этого центрального аппарата ВСНХ, как он вам виден по своей работе, по Грознефти.

Политика ваша по бурению мне кажется правильной, но для оценки ее в конкретной программе необходимо ее рассмотреть детально, учтя всю обстановку, чего я сейчас сделать не могу.

Я постараюсь вскоре вам прислать записку с просьбой прислать мне основные данные о работах и программе Грознефти.

С коммунистическим приветом
Ф. Дзержинский

В редакцию „Торгово-Промышленной газеты". Служебная записка тов. Савельеву

С удовольствием читаю «Торгово-Промышленную Газету», развернувшую широкую кампанию за «Режим экономии». Здесь «ТПГ» может сыграть и должна сыграть очень большую роль в этом деле, которое должно сберечь для производственных целей много десятков миллионов. Газета должна для этого не только мобилизовать наших хозяйственников, требовать от них принятия мер, но и организовать проверку действительности этих мер, действительного достижения реальной и максимально возможной экономии. Здесь надо опасаться, чтобы не случилось того, что часто бывает у нас: за шумихой, за миллионом комиссий и распоряжений следует увеличение новых накладных расходов. Необходимо, чтобы ваша кампания содействовала осознанию того, что «Режим экономии» — это обязанность борьбы и мер всех наших нормальных органов и работников, и что задача комиссий лишь наблюдение за выполнением всеми на их должностях этого «режима» и помощь им.

Газета ваша безусловно должна требовать отчетов от всех, что ими сделано. Отчеты должны быть тоже экономны — «сократили такой-то расход на столько-то». «Сэкономили сырья, топлива на столько-то». «Сократили аппарат на столько-то» и т. д. и т. д.

Далее, газета ваша должна поставить и информацию, что и кем необходимо сократить и сэкономить. Для этого вам надо связаться с профсоюзами, ГПУ (Эконом. Упр.), РКИ, НКФином, мобилизовать для этого дела рабкоров, использовать молодежь.

Кроме того, необходимо втянуть в эту кампанию другие газеты, центральные и правительственные, так чтобы режим экономии стал для всех необходимым и обязательным. Эта кампания должна быть увязана с кампанией по снижению розницы, поэтому необходимо обратить внимание на накладные расходы торговых организаций.

Я ожидаю от вас большой кампании по вопросам об'явлений, реклам, печатания всяких отчетов.

Свяжитесь с комиссией тов. Русанова.

Ф. Дзержинский

28/II—26

ЦУГПРОМ тов. Юлину

В связи с данным вам мною сегодня поручением о намечении мер по сокращению отчетности.

Самым основным злом, дезорганизующим заводы, тресты, органы управления промышленностью и нас (органы президиума ВСНХ СССР) — это отчетный, справочный, бухгалтерский, статистический, контрольный потоп. Доклады, доклады. Отчеты, отчеты. Цифры, таблицы, бесконечный ряд цифр. А людей, знающих дело,— нет. Нет при этой системе времени изучить вопрос. Знают дело не люди, а справки, доклады. Пишутся горы бумаг. Читать их некому, и нет физической возможности.

Как взяться за это дело? Как отказаться от пудов и гор ненужных отчетов и цифр? Изучать зло не надо — оно очевидно. Здесь необходима хирургия. Я думаю, надо найти смелую и знающую дело группу людей и дать им нож, безапелляционный. Может быть, созвать совещание под моим председательством, пригласить туда и Амосова и Чуцкаева из РКИ? Если созвать, то — кого из ВСНХ и трестов, синдикатов? Кто сделает доклад?

Знаю одно, если не найдете хирургического метода и хирургов — ни чорта не выйдет. Слишком большая косность и сила сопротивления. Может быть, стоит пойти на диференциацию наших хозорганов: освободить от отчетности максимально и прежде всего тех из них, кто более или менее сносно работает — по особому списку, утвержденному президиумом ВСНХ? Далее, заменить сплошную и систематическую отчетность по отдельным статьям отчетностью лишь условной в случае серьезного отклонения от нормы (например, не требовать данных о своевременности выплаты зарплаты, а только о несвоевременности, буде таковая окажется). Далее, выбросить все то, что не перерабатывается вовсе и т. д.

Ф. Дзержинский

8/III—26 г.

Тт. Русанову, Савельеву и Самсонову

Тов. Куйбышеву и мне поручено срочно написать проект циркулярного письма о проведении кампании за режим экономии. Прошу составить такой проект. Надо его написать кратко, четко, деловито и сильно, и дать губкомам ряд конкретных указаний. Основные мысли проекта: грандиозные задачи, стоящие перед нашим государством в области строительства. Исчерпание основного капитала во всех отраслях народного хозяйства. Необходимость реконструкции и расширения. (Основная цель — поднять общее благосостояние и мощь и обороноспособность рабоче-крест. государства.) Только на этой базе труд рабочего и крестьянина даст огромнейший результат. Наши богатства — обеспечивающие успех. Необходимы средства. Они могут быть у нас самих найдены. Мы безумно расточительны, только рубль сбережения на душу населения в год даст 140 млн. Маленькое сбережение в каждой нашей хозячейке — экономия на всем, что не неотложно необходимо, жесткая урезка всяких излишеств и непроизводительных расходов — даст нашему хозяйству в год сотню миллионов сбережений, которые пойдут через кредитную и всю нашу финансовую систему в русло нашего строительства. Без этой экономии, без напряжения всех сил в этом направлении — мы со стоящими перед нами грандиозными задачами нашего роста, обороны и удовлетворения интересов широких трудовых масс не справимся. Дать заветы Ленина. Надо указать, по какому пути итти в борьбе за экономию.

Разбухшие штаты, бюрократизм, накладные расходы, торжества (запретить юбилеи, сократить съезды), рекламы и об'явления, всякие незаконные поборы и обложения, ненужные организации, издательства, отчеты и другие — важнейшие (как излишний транспорт, совхозы, убыточные подсобные предприятия, бесконечные ремонты, роскошная обстановка и т. д.).

Вместе с тем, надо указать на недопустимость каких бы то ни было прямых и косвенных поборов со стороны парторганизаций от хозорганов. Эти поборы должны быть раз навсегда ликвидированы. Парторганизация должна укладываться целиком в данную ей смету и сама должна быть образцом величайшей экономии. Только при этом условии она сможет быть руководителем необходимой кампании за режим экономии по отношению ко всем хозорганам — как государственным, так и кооперативным.

Пусть напишет тот, кто умеет такие обращения писать. Надо написать к субботе.

От губкомов надо потребовать ежемесячных отчетов о результатах кампании в цифровом выражении.

Ф. Дзержинский

19/III—26 г.

Тт. Пятакову, Квирингу, Юлину, Локшину, ГЭУ, Межлауку, Лобову

Из поездки своей на юг и ознакомления с положением дел в ЮМТе, Югостали и у других я вынес твердое убеждение о непригодности системы управления, базирующейся на всеобщем недоверии, требующей от подчиненных органов всевозможных отчетов, справок, сведений, оперирующей средними данными по тресту, обезличивающей основные наши единицы — заводы, плодящей бесконечную переписку и волокиту, губящей всякое живое дело и растрачивающей колоссальные средства и силы. Эту систему надо отбросить. Мы фактически не знаем при этой системе, что же есть на самом деле, и вместо плана, связующего всех в одном согласованном направлении и темпе, имеем хаос и стихию. Главметаллом было «становлено» в мае повышение себестоимости за первое полугодие на 29%. Сейчас эта цифра опровергается и проверяется. Сейчас «установлено», что за первое полугодие на Таганрогском заводе ЮМТа одна зарплата составляла 98% от цены всего выпуска за это же время. Заводы до сих пор не знают своей себестоимости. Вместо организующей силы наша система превратилась в этой части в топтание на месте.

Мы должны круто изменить наш курс — на все 180°; мы должны перевести этот курс на курс доверия. Нельзя управлять промышленностью иначе, как доверяя тем, кому ты сам вручаешь данное дело, уча их и учась от них, помогая им и тщательно подбирая соответствующий системе доверия кадр работников советской промышленности. Из этого вытекает: побольше личного общения по линии главк — трест — завод, сведение переписки и бумажной отчетности до необходимого минимума, замена в органах управления чиновников-бюрократов людьми, лично знающими дело и умеющими учиться ему; частые выезды руководящих работников на места на заводы;

перевод всех заводов на так называемый хозрасчет, на положение заводских балансов и нормированных взаимоотношений с трестом с тем, чтобы хозяйственное лицо завода было полностью и четко выявлено не только для самого завода, треста и ВСНХ, но и для общественного мнения.

Для того, чтобы быстрейшим образом ввести эту новую систему, сделать ее необходимой, надо начать, мне кажется, от жесткого хирургического сокращения отчетностей и приложений к ним. Надо оставить получение ВСНХ только тех данных, без которых вовсе нельзя управлять, руководить промышленностью. Эти данные должны из первичных данных разрабатываться не в ВСНХ, а в трестах и на заводах. Мы должны получать только итоговые данные не от треста, не средние только по тресту, но и по каждому заводу. То же самое и трест должен базироваться на данных, разработанных самими заводами в части, их касающейся. Надо немедленно установить перечень и формы этих максимально сжатых необходимых для ВСНХ, трестов и заводов данных, а все остальное решительно отбросить, проведя в законодательном порядке постановление, запрещающее кому бы то ни было (кроме президиума ВСНХ) требовать от трестов и заводов каких бы то ни было данных иначе, чем в порядке специальной ревизии каждый раз по специальному постановлению высших госорганов. Вместе с тем, должны быть усилены ревизионные комиссии трестов не в количественном, а в качественном отношении — с тем непременным условием, чтобы деятельность их тоже отбросила совершенно практикуемые ныне методы бюрократического контроля, и чтобы они стали помощниками правлений трестов и ВСНХ.

Если мы это проведем, в наших центральных органах останутся тысячи без работы, их можно будет направить на заводы — к первоисточнику. В случае если установленные данные будут в том или ином случае недостаточны, или если присланные из трестов в ВСНХ и из заводов в трест данные будут возбуждать сомнения или будут неправдивы, взяты с потолка — тогда... данному руководителю придется ехать на место к первоисточнику, что будет пользой для обеих сторон.

Необходимо срочно проработать все поднятые мною в этой записке вопросы — для их конкретного практического разрешения. В эту проработку необходимо втянуть широчайшие слои хозяйственников. По этой линии должна пойти кампания по режиму экономии в области управле-

ния промышленности. Она должна нам сэкономить десятки миллионов, дать сотни миллионов дохода.

В связи с вышеизложенным поручаю: 1) Комиссии тов. Юлина под наблюдением Ю. Л. Пятакова в двухнедельный срок выработать конкретное предложение. 2) Тов. Пятакову для рассмотрения этих предложений созвать совещание в составе по его определению — из представителей трестов, заинтересованных отделов и главков ВСНХ и с непременным привлечением нескольких директоратов из основных отраслей промышленности. Результаты работ совещания доложить в президиум ВСНХ СССР.

Ф. Дзержинский

1/V—26 г.

ТРУД И ЗАРПЛАТА
В ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Речь на I Всесоюзном с'езде отделов экономики труда и ТНБ 7 июля 1926 г.

Товарищи, я хотел поделиться с вами некоторыми мыслями, которые могут быть вам полезны в вашей работе. Сейчас, как вам известно, мы переживаем один из самых трудных и самых ответственных этапов развития всего нашего советского народного хозяйства. Трудности эти являются, безусловно, трудностями роста, а не упадка, ибо, как вам известно, процесс развития нашего хозяйства шел столь быстрыми шагами, что о таком темпе развития не мечтали даже самые пылкие из наших советских работников. То, на что по плану предполагалось потратить, скажем, не десятки лет, а десять лет, этого мы достигли в течение 4—5 лет, и вот именно этот бурный рост, этот бурный темп развития и создает все те трудности, в полосу которых мы вступили.

В самом деле, мы исчерпали основной капитал, который достался нам от буржуазии, он в значительной степени изношен, его необходимо переоборудовать, а вместе с тем, достигши почти предельного уровня при имеющемся основном капитале, мы испытываем величайший и громаднейший товарный голод. Вместе с тем у нас исчерпался запас квалифицированной рабсилы и технического персонала, и мы сейчас стоим вплотную перед необходимостью их воссоздания. Вы знаете, что наша крупная государственная промышленность, не считая мелкой, в течение одного года привлекла более 400 тысяч новых рабочих, которые раньше не были в процессе производства. При капиталистическом строе теоретики капитализма говорили о трудностях, связанных с этим привлечением новых рабочих, ибо рабсилу, взятую из деревни для того, чтобы ее квалифицировать, для того, чтобы ее переварить в фабричном котле, нужно было много обрабатывать. Конечно, в наших условиях это должно произойти гораздо быстрее, но для того, чтобы этим новым рабочим избавиться от психологии частного собственника, частного хозяйчика, мелкого собственника, для того, чтобы перейти к психологии сплоченного в одно целое рабочего

класса и пролетариата, сознающего свои классовые задачи, для этого необходимы величайшие, колоссальнейшие усилия. А пока мы вместе с этим ростом рабочей силы видим, что в производительности труда мы не достигли даже довоенного уровня. Точно так же в смысле зарплаты, если не говорить о тех отраслях, рабочие которых эксплоатировались неслыханным образом и зарплата которых в настоящее время выше довоенной, но если взять отрасль тяжелой индустрии, то видим, что там при этом росте не удалось достигнуть зарплаты даже довоенной. Я говорю о металлической промышленности и о горной промышленности. Перед нами, таким образом, при нашем колоссальнейшем росте встает целый ряд труднейших и важнейших задач, иногда в своем разрешении кажущихся противоречивыми, одновременное разрешение которых кажется невозможным. Отсюда и эти трудности и эти элементы кризиса, которые мы преодолеваем: вот хотя бы сейчас, мы вступили в полосу несвоевременной выплаты зарплаты.

Какие же задачи стоят перед нами? Как к ним надо подойти? Как поставить вопрос для того, чтобы все эти задачи решить, а мы их должны решить и решим, ибо если рабочий класс и его организации не разрешат их, если этих задач не решит государственная промышленность, то это будет означать, что рабочий класс не разрешил проблему своей власти, он не разрешил задачу, как руководить и вести государство по социалистическому пути, не выполнил возложенной на него историей задачи. Поэтому необходимо все эти трудности ставить во всем об'еме, и каждый работник промышленности, особенно работник, который имеет дело с организацией труда, никогда не должен забывать ни одну из трудностей и должен совершенно открытыми глазами смотреть на явления и трудности в их обнаженном виде. Мы знаем, что у нас есть товарищи, не скажу чтобы много, но есть некоторые, ударяющиеся в панику, которые теряются при этих трудностях, несмотря на имеющийся у нас рост, теряют равновесие, и когда эти вопросы встают перед нами, и надо давать ответ, за чей же счет производить преодоление всех этих трудностей, — становятся втупик. Основная трудность, основное противоречие заключается в том, что без переоборудования нашей промышленности мы не можем поднять в достаточной степени производительность труда. Не поднимая в достаточной степени производительности труда, мы никоим образом не можем поднять зарплату, ибо для каждого ясно, что рабочий не может получать

больше, чем он дает. Здесь-то вот и встает вопрос: за чей счет производить нашу индустриализацию, переоборудование нашей промышленности? Может быть, многие из вас читали книжку Преображенского и выступления ряда других товарищей, которые где намекали скрыто, а где и прямо дают такой ответ: индустриализировать страну, переоборудовать промышленность надо за счет крестьянства. Можем ли мы в советском государстве, можем ли мы действительно дать такой ответ: за счет крестьянства? Конечно, с таким ответом мы согласиться не можем. Не можем не только теоретически, не только идеологически, потому что это совершенно неправильная постановка вопроса, но мы фактически не в состоянии дать такой ответ. Идеологически неправильна такая постановка потому, что наш строй, это — строй прежде всего диктатуры пролетариата, союза рабочих и крестьян, и этот союз рабочих и крестьян является материальной базой существования нашего государства.

Если вы скажете, что диктатура рабочего класса — за счет крестьян, то теряется та связь и основа, на которой рабочий класс провел Октябрьскую революцию, и будет разрушена та материальная база, на которой существует и в настоящее время наш строй.

Вы помните, что в 1923 г., когда наша промышленность забывала увязку и связь с крестьянством, когда промышленность поставила вопрос о своем промышленном накоплении для восстановления износившегося оборудования за счет высокого повышения цен, — в ответ на это получится кризис сбыта. Таким образом совершенно автоматически вместо того, чтобы достигнуть той цели, которую промышленность себе поставила, она достигла прямо противоположного результата, т. е. стали наполняться склады, изделия рабочего класса не стали реализоваться, и налицо оказался кризис сбыта, из которого мы, правда, скоро вышли, понизив цены и восстановив ту основу, на которой зиждется наш строй.

Затем не надо забывать, что крестьянство несет величайшие тяготы точно так же, как рабочий класс, по издержкам революции, гражданской войны, издержкам ниспровержения буржуазии, издержкам по борьбе за свою свободу. Если взять довоенное соотношение цен между изделиями сельского хозяйства, продуктами сельского хозяйства и ценами на промышленные изделия государственной промышленности, по которым их получает деревня, вы увидите, что это соотношение не в пользу крестьянства.

Коэфициент ножниц, если взять продажные цены, по которым крестьяне продают свою продукцию, и те цены, которые они платят за наши изделия, то коэфициент этот очень часто для крестьянина будет по отдельным товарам не меньше трех.

Таким образом говорить о переоборудовании промышленности за счет крестьянства нельзя, ибо и то соотношение, которое имеется сейчас, слишком тяжело для крестьянства. Некоторые говорят, что эту индустриализацию необходимо произвести за счет кулачья, за счет буржуазии, но это есть в нашем строе несколько меньшевистский уклон, ибо заграничные социал-демократы и наши меньшевики не мыслят иного строя, как строя при господстве буржуазии и кулачья. Поэтому при капиталистическом строе социал-демократические партии требуют, чтобы за счет буржуазии и ее прибылей, за счет кулачья попадало кое-что и рабочим. Ясно, что доходы буржуазии и кулачья есть доходы от эксплоатации рабочего класса и крестьянства. Наш строй не зиждется на этом. Если мы допустили некоторую третью силу, то Владимир Ильич давно сказал, чтобы мы отступление свое приостановили, и мы совершенно не думаем буржуазии и кулачью давать развиваться и за счет их развития перестраивать наше народное хозяйство.

Сейчас перед нами стоит задача не плодить буржуазию и кулачье, а наоборот, наша задача заключается в том, чтобы уменьшить их накопление и поставить его в возможно более узкие рамки. Это — задача нашего советского строя. Мы должны конкретно и ясно сказать, что все те задачи, которые возникают перед рабочим классом и советской властью, могут быть разрешены только путем труда, путем организации труда, путем применения в наших условиях, при нашей власти той высокой техники, которая достигнута в капиталистических странах и которая, будучи применена в наших условиях, даст нам колоссальнейшие и громаднейшие средства, ибо эта новая техника, новое оборудование и новые фабрики дадут возможность нашему труду давать результаты в десятки раз большие, чем этот труд дает сейчас.

Вот где источник нашего накопления, вот где источник тех средств и сил, при помощи которых мы можем разрешить те задачи и те трудности, которые возникают сейчас перед нами. И вот, если так поставить вопрос, то ответственность ваша, как представителей работников и

отделов труда и технического нормирования этого самого труда, вырисовывается во всей ее трудности и во всей ее ответственности, во всей ее сложности.

Собравшись здесь, вы обсуждали те болячки и те недочеты, которые на местах, на фабриках и заводах имеют место.

Этих недостатков, болячек чрезвычайно много.

Действительно, поскольку прогулы увеличиваются, поскольку подрывается основа существования рабочего класса и уменьшается продукция, постольку все больший и больший процент потребляется без соответствующего эквивалента в смысле производства. Недочеты в смысле снабжения, в смысле технического оборудования приводят целый ряд заводов и станков к простою. Мы знаем, что целый ряд недочетов имеется на фабриках и заводах в нашем производстве оттого, что недостаточно проведены в жизнь те директивы, партийные и советские, которые устанавливают место в производстве техническому персоналу.

Это есть тоже один из вопросов, от которого зависят производительность, организация труда и результаты труда. Вместе с тем вы констатировали, что по тем или другим причинам имеется на фабриках и заводах ряд лишних рабочих. Вот над этим вопросом я хотел бы немного остановиться. Некоторые к этому вопросу относятся боязливо, относятся так, что не выявляют всей болезненности этого явления, не ставят его во всем об'еме перед соответствующими органами. Наличие на фабриках и заводах при данной организации труда ненужных для производства лишних рабочих является преступлением перед рабочим классом, ибо каждый лишний рабочий на фабрике и заводе мешает другим. Это вам совершенно ясно.

Лишние рабочие дезорганизуют дисциплину и производство, они пожирают средства, которые данный завод имеет в ограниченном количестве, и не дают возможности заводу стать на ноги, переоборудоваться, улучшить организацию производства, и таким образом уменьшают темп развития данной фабрики, данного завода. Сокращение же темпа развития данной фабрики, данного завода означает, что если мы сегодня имеем лишних 100 рабочих,— это значит, что мы отдаляем то время, когда мы сможем расширить производство, взяв, может быть, 100 — 200, а может быть, 300 новых рабочих. Нас безработица мучает и мучает очень серьезно, но никоим

образом нельзя вести борьбу с безработицей путем предоставления рабочему на заводе места, где для него работы нет. В этом отношении для производства и всего народного хозяйства гораздо выгоднее выплачивать безработным из особых фондов для безработных, из фондов по социальному страхованию. Выгоднее было бы сократить рабочий день для того, чтобы привлечь большее количество работающих, если это нужно, чем держать лишний штат рабочих, не загружая их полностью работой.

Я уже сказал, что трудовая дисциплина на предприятиях расшаталась, что это не настоящая пролетарская, не трудовая дисциплина,— а стала она такой благодаря тому, что на наши фабрики и заводы пришлось привлечь сотни тысяч новых рабочих,—и поэтому задача наших хозяйственников и отделов труда в этом отношении совместно с профессиональными союзами — находить мероприятия для того, чтобы эти вновь привлеченные массы получили соответствующее, достаточное и нужное воспитание, чтобы они сроднились, органически спаялись и связались с фабрикой, которая является основной базой всего благосостояния рабочих и крестьян СССР.

Но ваши отделы, организуя труд, нормируя его, именно с этой точки зрения не должны забывать и о том, что успешная работа в этой области возможна лишь в том случае, если ваши собственные аппараты, если аппараты заводоуправления, если аппараты треста, если аппараты Высшего Совета Народного Хозяйства работают четко и правильно, если производительность труда именно в этих управленческих органах стоит на высоте задачи. Не надо забывать, что в нашей борьбе за трудовую дисциплину, в этой борьбе за перевоспитание вновь привлекаемых сил, нам могут нередко, как это до сих пор и бывало, сказать: «врачу, исцелися сам»,— а какова ваша производительность труда? Когда мы говорим о производительности труда рабочего, мы измеряем эту производительность труда тем количеством продукции, которое он нам дал, а производительность труда в управленческих органах сможем ли мы измерить тем количеством продукции, которое мы даем в нашей работе? Если в металлургии мы указываем, что столько-то и столько-то удалось выплавить чугуна на такое-то и такое-то количество рабочих, в такой-то и такой-то срок, при таких-то и таких-то издержках, то мы получаем все элементы для определения производительности труда. Если

же мы скажем, что данный трест прислал в другой орган 25 пуд. бумаги,— этим ли нужно измерять его производительность? Где же и в чем нам нужно искать продуктивность и производительность труда управленческого аппарата? Я должен сказать, что у нас еще этого измерителя нет, ибо наши измерители определяются именно пудами, фунтами или, может быть, длиной наших ведомостей и нашей неслыханно страшной волокитой. Если производительность труда измерять издержками энергии, то у нас в бюрократических органах управления и канцеляриях энергии тратится очень много, но толку, я должен это прямо сказать, толку безобразно мало.

Наша система и наша практика управления являются одной из важнейших помех, препятствующих поднятию производительности труда в тех органах, которые создают материальные ценности. Отделы труда, безусловно, должны этим вопросом, вопросом управленческих аппаратов, вопросом волокиты, вопросом сокращения бумагомарания, бумажного потока, в котором мы тонем, серьезно заняться. Мне вчера показывал председатель Резинотреста нарисованную картинку, как бумажка, присланная в Резинотрест из саратовского отделения с запросом, какие цены на такие-то и такие-то изделия,— как эта бумажка, маленькая бумажка, которая, будучи послана на фабрику, где производятся эти изделия, получила бы ответ моментально, как эта бумажка в правлении Резинотреста проходила через 32 руки для того, чтобы по почте был послан ответ, что такие-то изделия стоят по калькуляции столько-то и столько-то. Председатель треста мне указывал, что, когда в аппарате было на это обращено внимание, то выяснилось, что достаточно только 5 рук, чтобы эта бумажка получила ответ, когда она придет в правление Резинотреста, считая курьера и экспедицию, хотя я думаю, что и этого много. Всего пять человек. До сих пор над этой бумажкой работало 32 чел., причем по этой бумажке в аппарате в 2 местах заводились дела. Этот пример характеризует всю нашу систему.

Это вопрос не только Резинотреста. Возьмите какое-нибудь учреждение и ваши отделы труда в трестах и ТНБ. Если вы покопаетесь в своей практике, вы увидите, что, когда вам надо кого-нибудь спросить, с кем-нибудь сговориться, вы пишете бумажку, и вот она пошла и пошла гулять вместо того, чтобы целый ряд вопросов разрешать непосредственно, путем непосредственного сношения, пу-

тем личных переговоров, путем телефона. Такой неслыханный бюрократизм имеется всюду и везде и, в первую очередь, у нас в ВСНХ. Я скоро думаю созвать наших ответственных работников ВСНХ и с ними переговорить на эту тему. И в самом деле, как у нас поставлена работа в ВСНХ? Примерно, меня интересует вопрос о розничных ценах на текстиль,—какие меры там приняты для того, чтобы цены снизить? Я передаю этот вопрос члену президиума, ведающему этим делом, член президиума передает начальнику отдела, начальник отдела передает своему помощнику, его помощник передает начальнику подотдела. У начальника подотдела есть подчиненная ему часть, он передает начальнику подподотдела. У начальника подподотдела есть подчиненная ему часть, он передает в часть. Не забудьте, что почти у каждого из названных имеются еще секретари. Наконец, приходит дело к тому, кто должен дать ответ, кто должен над этим поработать. Очень часто бывает и так, что он совершенно не знает этого вопроса, и поэтому он давай писать бумажку: как же—председатель ВСНХ требует срочно, экстренно. И вот он обращается в Текстильный синдикат к тов. Килевицу. Килевиц, конечно, этим заниматься не может, он передает следующему. Это может произойти в течение дня, если боятся Дзержинского, а если это не Дзержинский,—будет итти целую неделю, целый месяц, тогда как, скажем, если бы я, вместо того, чтобы итти по инстанциям и по чинопочитанию, раз меня интересуют камвольные изделия, взял телефон и, зная, что такой-то занимается этим, протелефонировал бы ему, получил бы ответ, то вся эта переписка отпала бы совершенно. Поэтому безусловно надо сверху донизу так перестроить работу, чтобы уничтожить излишние бюрократические звенья, возложив больше ответственности на непосредственно выполняющих.

Или возьмите доклады, которые мною формально подписываются, казалось бы, не может быть на свете более умного и всезнающего человека, чем Дзержинский. Он пишет доклады о спичках, о золоте, о недрах, он пишет абсолютно обо всем, нет такого вопроса функционального или материального, по которому бы Дзержинский не писал, и доклада, под которым бы не подписывался. А это ведь и есть выражение нашей бюрократической, никуда негодной системы, ибо тот, кто фактически работает, кто прорабатывает вопрос, его не видно нигде, он скрыт. И поэтому нам надо внимательно подойти

к нашему аппарату, чтобы он работал четко и ясно, чтобы была полная ответственность всех. Если, скажем, в каком-нибудь отделе ведают вопросами розницы или вопросами более частыми, и какой-нибудь работник сидит и имеет в голове своей все сведения и прорабатывает и пишет доклады,— он эти доклады должен подписывать, и его подпись должна быть во всех инстанциях, куда бы эта бумажка ни шла. Конечно, данный работник не может сноситься с СТО и Совнаркомом, и не может низший орган непосредственно сноситься с председателем ВСНХ, но тот начальник, который за него отвечает, он должен подписаться формально, так как он формально отвечает, так как тот работает под его руководством. В отделе экономики труда, например, много работников, вы пишете мне много докладов, а я знаю, кто пишет, так как все подписаны Кравалем или Рабиновичем. Если мне, скажем, нужно по текстилю или по металлу что-либо узнать, мне приходится вызывать Краваля или Рабиновича, а они вызывают третьего, а тот, может быть, четвертого. Вот эти методы нашего управления и создают неслыханную волокиту, создают то, что мы не можем угнаться за жизнью, мы теряем темп и в то же время при нашей системе, если вопрос возникает на заводе и если вопрос должен пройти при централизации во всех инстанциях, и нужно согласовать с комиссиями и пойти в Госплан, а там есть подкомиссии и комиссии, и неизвестно, с кем имеешь дело, не с людьми, которые ответственны, а с учреждением,— то понятно, как нам тяжело решать все эти конкретные задачи, которые связаны с производительностью труда, благодаря нашим аппаратам и штатам. Поэтому наши аппараты растут неслыханно.

В стране пролетарской никоим образом нельзя терпеть, чтобы труд непроизводительный, т. е. такой, который не создает ценности, настолько развивался. Ведь благодаря этому мы имеем в нашей торговле такие неслыханные большие наценки и накидки, столь обостренный товарный голод, и зря тратим средства вместо того, чтобы их направить на восстановление индустрии. А недостаток предметов широкого потребления и является результатом слишком раздутых аппаратов наших органов управления, что создает и углубляет наши трудности. Поэтому вы, товарищи, работая в трестах, работая на заводах по вопросам труда, прежде всего должны обратить внимание на аппараты ваших управлений, чтобы не было лишних

штатов, чтобы была точная, четкая у каждого работника ответственность за его работу, чтобы он был работником не только в своем аппарате известным, но был широко известен всем тем, которые имеют с вами дело. Вы должны будете переписку всемерно заменять личными связями: работники треста должны быть связаны с заводами, работники трестов с ВСНХ.

Я должен еще одно указать. Надо нам остерегаться больших докладов, надо нам изжить тот укрепившийся в нашу практику обычай, что если кому-нибудь потребуется какой-нибудь доклад, ему пишут целый том. Если вы идете в высшее учреждение, вы обосновываете и стараетесь доказать правильность вашей точки зрения опять, повторяю, громадными томами. Это совершенно неправильный подход,— таких ваших докладов, таких ваших томов те, кто руководит делом, не могут читать. Когда у нас в аппарате пишется доклад, что нужно столько-то средств, и это идет в СТО, вы думаете, что хоть один член СТО имеет время и возможность это прочитать? Ни в каком случае, никогда этого не бывает. Поэтому нам надо от этой системы больших докладов отказаться. Надо писать кратко, по-штабному, по-военному: ввиду того-то и того-то, ввиду таких-то мотивов, прошу то-то и то-то, и затем подпись — имя рек. Если ко мне пришло такое предложение, четкое и конкретное, я могу его прочитать. Если я им заинтересуюсь, то вместо того, чтобы сидеть по ночам и читать эти доклады, в которых девять десятых лишнего, я могу лучше вызвать к себе заинтересованное лицо и попросить его рассказать. Тогда этот товарищ берет на себя ответственность за дело. Нам надо отказаться от этой колоссальной работы, от больших докладов, отчетов и т. д.

Вместе с тем, товарищи, я хотел указать, что ваши отделы, отделы труда не смогут выполнить тех великих задач, тех трудных задач, которые стоят перед нами в области нормирования заработной платы, в области организации труда, если между вами, если между заводоуправлениями, если между нашими хозяйственниками и теми рабочими, которые непосредственно работают и выполняют эти работы, не будет необходимой, достаточно прочной, крепкой связи. В этом именно и есть назначение производственных совещаний. До тех пор, пока перед нами не было таких больших трудностей, пока основной капитал не был исчерпан, пока наша работа

заключалась в том, что мы переходили от станка к станку, загружали цехи при тех станках, которые у нас были, и нам удавалось благодаря этому увеличивать производительность труда и расширять производство, и таким образом создавать базу для дальнейшего накопления, для дальнейшего переоборудования и расширения и для роста зарплаты,— мы могли кое-как обходиться без инициативы широких рабочих масс. Теперь же, при том положении, в котором мы находимся, без доброй воли, без решительной воли рабочего класса, тех рабочих, которые работают на фабрике, мы не сможем разрешить задач, которые ставим перед собою. Поэтому, когда вы приходите сюда и называете цифры прогулов и всяких других непорядков и неладов, если вы думаете, что мы можем из центра, путем приказов, все разрешить, то вы жестоко ошибаетесь. Вы стоите на известном посту, на известном фронте организации труда, и эту задачу организации труда можно выполнить, если вы расхлябанности, некультурности и недисциплинированности сможете противопоставить волю и доверие рабочих, а это нетрудно в нашем рабочем государстве. Вы можете от самих рабочих иметь необходимую инициативу, как улучшить дело при тех средствах и при том оборудовании, которые имеются. Только тогда вы сможете провести те мероприятия, которые мы намечаем, которые целесообразны и которые необходимо принять. Многое могут выявить производственные совещания, потому что рабочие там могут сказать о всех недочетах, которые они видят, и они нередко вносят дельные предложения, оздоровляющие работу. А если они вносят предложения нецелесообразные, тогда это означает, что именно здесь надо об'яснить этим рабочим, почему они неправы. Если рабочие, которые работают на фабрике, неправильно относятся к производству, а у нас есть разные элементы,— то надо нашим хозяйственникам, руководителям, особенно отделам труда, учитывать настроение рабочих, учитывать их взгляды и их мысли, которые надо направлять в ту или другую сторону.

В заключение, товарищи, я должен сказать, что мы со своей стороны должны приложить все силы и все старания к тому, чтобы производственные совещания всемерно развивались, чтобы наши хозяйственники и все вы принимали в них самое деятельное участие. Только при этих условиях все те трудности, которые стоят перед нами, могут быть преодолены. (Бурные аплодисменты.)

НА БОРЬБУ С БОЛЕЗНЯМИ АППАРАТА[1]

ТЕМП РАЗВИТИЯ И АППАРАТ

Я созвал настоящее совещание для того, чтобы мы все вместе, ответственные работники ВСНХ, посовещались и всерьез обсудили, что нужно делать для того, чтобы двинуть более быстрыми шагами дело улучшения нашего аппарата, аппарата промышленности. Это тем более важно, что именно промышленность является той основной базой, на которую опирается развитие всех остальных отраслей и всей мощи государства. Вместе с тем она является тем самым узким местом, которое определяет силы государства, мощь его и которое определяет те трудности, которые мы сейчас переживаем.

Для того, чтобы аппарат наш работал бесперебойно и правильно, для этого, в первую очередь, необходимо осознание тех задач и той линии, которую этот аппарат и наши органы промышленности должны вести. Мы имеем основную линию наших задач и нашей работы, которая сформулирована с'ездом, как генеральная линия. Это — линия на индустриализацию страны.

В вопросе преодоления товарного голода, т. е. увеличения продукции государственной промышленности, в вопросе качества, в вопросах нашей политики цен наша линия всегда оставалась и остается неизменной, и нашими работниками достаточно осознана правильность этой политики цен. Мы эту кампанию провели в отношении отпускных цен, сейчас мы принимаем зависящие меры для снижения розничных цен и ищем по этому пути разрешения целого узла самых сложных вопросов и взаимоотношений различных элементов.

Далее совершенно осознан вопрос значения планового нашего народного хозяйства, представляющего одно целое. Мы не можем поэтому вести и не должны вести ведомственной линии, изолированной линии промышленности от остального хозяйства. Наша линия

---

[1] Речь на совещании ответственных работников ВСНХ 9/VIII 1926 г.

должна итти по твердой намеченной линии планового хозяйства, как единого народного хозяйства нашего Союза.

Затем нет двух мнений относительно значения проблемы специалистов и вопроса, какую роль в нашей системе управления должно играть знание дела. То же и относительно вопросов производительности труда и изыскания всяких мероприятий для того, чтобы эту производительность труда поднять и чтобы материальная база создателей этих ценностей, т. е. рабочих, могла расти.

Нами уже понята и осознана необходимость равняться в нашем хозяйстве не по довоенным индексам, не по индексам довосстановительного момента, а равняться по мировым индексам. Вместе с тем перед нами совершенно ясно и определенно стоит задача в отношении частного капитала и в смысле необходимости такой постановки и такого разрешения этого вопроса, чтобы частный капитал не мешал развитию государственной промышленности и всего национализированного народного хозяйства, а, наоборот, чтобы он был вовлечен в той мере, в какой это необходимо.

Все эти задачи весьма трудны и для своего разрешения ставят другую основную задачу — задачу изыскания в нашей экономике, в нашей хозяйственной системе необходимых средств. Как фокус всей проблемы и явился тот лозунг, который вышел из наших недр,— лозунг величайшего режима экономии.

В тех условиях, в которых нам придется разрешать,— а нам придется разрешать в условиях известной конкуренции как с частным капиталом, так и с внешними враждебными нам силами,— ясно, что мы не должны и не можем потерять темпа. И в самом деле, если говорить относительно частного капитала, то хотя он в абсолютных цифрах и относительно по сравнению с государственными средствами, с государственным хозяйством и его размерами составляет незначительную величину, однако он может представлять реальные опасности, и нужна огромная работа в этой области.

Мне вчера рассказывал тов. Кузнецов из своего изучения Украины, что там 30 коп. частного капитала производят такую же работу, как наш рубль или 1 руб. 20 коп. Частный капитал оборачивается в 3—4 раза быстрее и таким образом он, имея в 3—4 раза меньше средств, может произвести ту же самую работу, что и мы, имеющие

большие средства. Это показывает, что наш аппарат, наше умение управлять капиталом, наше умение оборачиваться очень недостаточно, и что поэтому вопрос темпа играет для нас колоссальнейшую роль.

Ни для кого не тайна, что в связи с забастовкой английских горняков мы безусловно являемся тем об'ектом, на который обращено враждебное внимание капиталистических хищников. Мы знаем, что всяческие перевороты, как будто бутафорские, которые в соседних странах происходили, что они совершаются не без участия тех сил, которые направлены против Советского Союза.

Поэтому вопрос темпа играет колоссальную роль.

организационный фетишизм

Условия нашей внутренней и внешней ситуации требуют от нас довести работу нашего аппарата до максимальной четкости, до максимально быстрого темпа. Необходимы полная четкость и ясность в ответственности, необходимо знание аппарата. Наши средства и энергия наших аппаратов не должны растрачиваться бесплановo, ибо затем нехватило бы средств для основных задач индустриализации, рационализации, поднятия производительности труда и т. д.

Мне недавно говорили, что в одном из крупнейших трестов на содержание аппарата тратится до 40 проц. по сравнению с тем, что платится рабочим. Этот расход показывает, что эта организация никуда не годится, раз она производит расход в таком размере на свое содержание. Мы должны со всей резкостью, со всей смелостью революционеров подойти к вскрытию всех тех недочетов, которые имеются в наших аппаратах,— как в нашем аппарате Высшего Совета Народного Хозяйства в центре, так и местных органов — у трестов, на заводах и т. д., для того чтобы, оголивши, выявивши эти отрицательные стороны, легче было бы их сбросить.

Мы страдаем организационным фетишизмом. Нам кажется, что для того, чтобы организовать какое-нибудь дело, для того, чтобы построить что-нибудь, достаточно взять бумагу, сесть в свой кабинет и написать: «принять энергичные меры», «изыскать средства» и все прочее и т. д. и т. д. Это нам кажется достаточным. Нам кажется доста-

точным взять карандаш и начертить генеологическое дерево с развернутыми кружками. Поставить там кружок, тут кружок, один кружок этим ведает, другой кружок другим ведает, третий — третьим и т. д.; и вот, нарисовав картину, организовали. При этом организационном фетишизме, при этом бюрократизме стираются живые люди, между тем как работу руководства и управления нельзя механизировать. Это — работа мозговая, индивидуальная, хотя, вместе с тем, она глубоко коллективна, глубоко общественна. Не учреждения работают, а люди работают в учреждениях. Центр тяжести должен заключаться в ответственности работающих, в противопоставлении организационному фетишизму живых людей, ответственных людей.

В самом деле, как у нас протекает работа? Я начну с себя. Благодаря тому, что отвечают не лица, хорошо знающие то или другое дело, а учреждения, возглавляемые этими лицами, я нахожусь в таком положении, что должен сидеть в грудах бумаги, и когда ко мне приходят те живые люди, которые создают жизнь, я говорю, что у меня нет времени их принять. Они идут к тому ответственному человеку, который может решить вопрос. Ясно, что все устремление у них — к этому одному, двум-трем лицам, которые стоят во главе. Но осуществить это невозможно, и, благодаря этому, работа делается невозможной.

сила
бумаги

В ВСНХ приходят бумажки с тем или иным требованием, и для того, чтобы избежать волокиты, стали посылать много бумаг на мое имя, думая тем самым обойти волокиту. И вот приходит 100—200 бумаг на имя Дзержинского. Разве я могу все просмотреть, да сплошь и рядом я бы не понял их вовсе. Я смогу дать оценку линии, общую директиву, когда знающие люди в аппарате проработают вопрос. И вот бумага начинает ходить из рук в руки, пишутся резолюции, и она путешествует по инстанциям. Я недавно видел такую картинку. Резинотрест показывал — я об этом говорил на с'езде ОЭТ — замечательную картинку. Бумага, которая просит сообщить калькуляционные цены на изделия, должна пройти 32 руки, отложиться в два дела в самом правлении треста. Но это

не только в Резинотресте, но и в Высшем Совете Народного Хозяйства то же самое.

Мы скоро направляем отчетный доклад по структуре ВСНХ и самодеятельности. Доклад вот этакой толщины. Спрашивается, какой член СТО может это прочесть? Ни один член СТО прочесть этого абсолютно не в состоянии, а мы этот доклад пишем, отнимаем время у людей, чтобы те, кто решает и руководит, совершенно не читали его.

Наша система управления такова, какой она могла быть и какой она должна была быть 4—5 лет тому назад, когда мы не имели подбора работников, не имели базы, на которую мы могли бы опереться для того, чтобы взять и повести то дело, которое мы вырвали из рук буржуазии. Нужно, чтобы не было такой сложной структуры, как теперь, нужно, чтобы не было той бюрократической системы, когда мы не знаем, что делаем, а знают это другие и бумаги в наших портфелях. Мы докладываем на основании данных, цифр и головокружительных отчетов, которые мы требовали с мест. При этом мы изменяем те цифры, которые мы требуем от трестов, а тресты от заводов, и этим самым делаем дающих эти цифры не ответственными за них. Точно так же поступают и с нами. От нас требуют сведений и в Госплане и в других учреждениях, наши цифры режут и меняют.

Все отчеты доведены до такой степени, что они превратились в свою прямую противоположность, они утеряли всякий смысл, а мы, однако, тратим на них громадное количество времени. Мы загружаем этой отчетностью наши тресты и заводы.

ЧТО
надо сделать

Я думаю, что мы должны заменить систему централизованной ответственности ответственностью всех ответственных работников. Должны быть четкость и ясность, кто за что отвечает, и поэтому мне кажется, необходимо ввести и у нас в наших органах, если можно так выразиться, приписную ответственность работников. Мы должны ввести личную ответственность, чтобы было известно, кто чем занимается, что изучает и за что отвечает, в какой мере.

Сейчас, когда я получаю из того или другого отдела или того или другого треста тот или иной доклад или предложение, я не знаю, кто, собственно, отвечает за это. Конечно, председатель треста за все отвечает, но это—ответственность бюрократического характера. Он отвечает постольку, поскольку не умеет подобрать людей, создать аппарат и дать линию, но за самую работу должны быть ответственны те товарищи, те работники, которые выполняют данное дело. Поэтому мне кажется, что каждая работа должна быть подписана, а не визирована тем, кто ее сделал, на какой бы стадии иерархической лестницы он ни находился.

Если есть работники, которые аккумулируют в своей голове знания, а то, что не могут аккумулировать в голове, держат в книжке в виде цифр и прочих данных, они должны быть всем известны, кто имеет дело с данным вопросом. Я об этом писал в своем приказе, но он однако не приведен в исполнение.

Если мне нужно знать, как обстоит дело с кампанией по снижению розничных цен на соль или другие изделия, я передаю председателю торговой комиссии, он — секретарю, секретарь — в отдел и там идет по инстанции. Я не знаю, кто этим занимается, кто за это отвечает. Можно сказать, что это нарушение иерархии, когда задача идет непосредственно тем работникам, которые внизу. Ничего подобного, иерархия должна быть, но не бессмысленного характера.

Я должен сказать, что бесконечная коллегиальность, комиссии, совещания и т. д. сыграли свою роль, но теперь превратились в помеху.

Конечно, личное общение, присущее коллегиальности, имеет громаднейшее значение, но единоличие, которое мы должны теперь формулировать в противовес коллегиальности, никоим образом не исключает личного общения. Если соответствующий начальник имеет своего помощника, если у них нет уверенности, что они оба одинаково решат, тогда помощник должен докладывать начальнику, как он этот вопрос разрешил. Начальник может его корректировать, может исправлять и т. д. Безусловно, нам необходимо ввести режим личного общения с теми, над кем мы управляем и кому мы поручаем ту или иную работу. Нужно видеть живого человека, чтобы знать что-нибудь по тому или по другому делу. Никакой отчет и доклад не могут сказать того, что сам

живой человек скажет. Такие же отношения личного общения должны быть у наших трестов с заводами.

Далее я думаю, что нам нужно категорически отказаться от больших докладов. Если нужно научный труд написать, дать анализ, указать проблемы — это другой вопрос. Но доклады по текущему управлению, по вопросам управления и отчетности должны быть краткие. Надо просто написать: ввиду того-то и того-то прошу то-то и предлагаю то-то и то-то. Тут надо мотивы привести, но не доказывать эти мотивы, а в конце написать, что докладчик по этому вопросу такой-то.

Когда я, например, идя в СТО, буду итти с чистой совестью? Тогда, когда все доклады и предложения прочитал. Если мне понадобится, я могу вызвать докладчика, причем он не будет много мне говорить, а ответит мне по существу именно то, что я должен знать.

Затем наши предложения должны быть краткими, четкими, реальными и конкретными, а не так, как у нас часто бывает, когда мы хотим решить задачу, а в голове у нас ничего нет, и пишем поэтому что-нибудь вроде: «принять меры» и т. п.

Очень много времени уходит на совещания и комиссии. Должен сказать, что при нашей системе они не всегда неизбежны. Нельзя сказать, что их не должно быть, потому что ряд вопросов требует согласования, но максимально сократить совещания и комиссии безусловно можно, поскольку мы расширяем систему личной ответственности.

Согласование вопросов превращается у нас часто в карикатуру; открываются прения, преют в то время, как наперед можно сказать, какое будет решение. Наконец, сплошь и рядом согласовать вполне возможно простым телефонным разговором.

Конечно, мы быстро устранить тех недочетов, которые имеются, не можем. Мы в очень значительной степени зависим от других,— например, в смысле требования всяких отчетов и данных. Мы должны сопротивляться. Я повторяю, что мы должны сопротивляться там, где это по закону можно, нужно сопротивляться, чтобы нас не дергали туда и сюда, точно так же, как мы не должны дергать других. Мы должны сократить всевозможные увязки, заседания, посылку бесконечных сведений и т. д. и т. д.

Вот, если мы так поставим вопрос во всех ячейках управления сверху донизу, то действительно нам удастся провести режим экономии и нам удастся найти средства

для технического возрождения, для индустриализации, для ослабления товарного голода. Только тогда, когда мы действительно в этой области проведем режим экономии, только тогда,— это совершенно очевидно для всех,— поднимется производительность нашего управленческого аппарата и руководственного труда, только тогда мы сможем принять все меры для того, чтобы кампания по производительности труда на фабриках и заводах была поставлена во всем об'еме.

заключительное слово

Понятно, что, говоря об ответственности, я не имел в виду судебной ответственности, по которой идут в тюрьму.

Если я подписываю все и вся, то ясно совершенно, я отвечаю, как председатель ВСНХ, как известное лицо. Я, безусловно, отвечаю, когда трест летит вверх тормашками и банкротирует, и когда такой вопрос разбирается в СТО, я сижу и готов сквозь землю провалиться. Но почему Дзержинский должен отвечать, а не коренной работник, который фактически является ответственным?

Ясно, что есть ряд таких товарищей, которых мы не видим, которых бюрократический аппарат заволакивает. Каждый ответственный работник болеет душой. Есть очень доброкачественный материал, и много его, но мы не умеем использовать. Разве вы не замечаете, что те творческие задачи, которые мы ставим, увлекают людей, у людей есть любовь к делу, которым они занимаются и которое ведут. И мы знаем, что инженер-специалист горного дела является энтузиастом своего дела. По Главметаллу, могу сказать, лично видел людей, которые не знают, как болеют за этот металл.

Ответственность должна заключаться в том, чтобы каждый работник, который имеет в себе силы быть ответственным, который является ответственным, чтобы он был всем известен, чтобы он брал на себя ответственность. Мне говорят здесь относительно самой механики подписей, механики докладов и т. д. Я думаю, что если я возьму товарища, который умеет писать, и ему буду диктовать и высказывать свои мысли, то разве это значит, что он ответствен за этот доклад? Конечно, нет. Но если человек сидит на этом деле, если он спец по этому вопросу, если он знает это дело и у него все необходимые сведения

в кармане и он в любой момент может дать их, то, конечно, такой товарищ является ответственным.

У каждого должна быть амбиция, известное честолюбие, каждый имеет имя и лицо. Ведь на заводе каждый рабочий хочет иметь лучшую квалификацию. А почему у нас в органах управления товарищ только пишет, а там после, куда это идет, кто это читает, ему все равно. Нужно каждую работу соответственным образом квалифицировать.

Мне кажется, что тов. Гуревич перегнул палку, когда говорил о расширении прав, когда говорил, что нужно лицензии выдавать непосредственно трестам. Простите, пожалуйста, при нашем недостатке валюты, когда имеются 5 хлебов для 5 тысяч, как мы можем расширять права? Мы можем расширять права в том случае, если удастся воздействовать на увеличение экспорта, т. е. на получение актива в валюте. При том, что сейчас, делается, было бы преступным расширять права для трестов. Как мы можем расширять права трестам сейчас, когда живем в ужасном финансовом положении? Как мы можем при том положении, когда все тресты нуждаются в государственных деньгах, предоставлять им большую свободу? Этого ни в коем случае делать нельзя, ибо они перевернутся, обанкротятся. Разве наш текстильный синдикат, у которого колоссальный коэфициент вздорожания, разве он может распоряжаться средствами так, как хочет?

Ни в коем случае, потому что мы — единое хозяйство. Это зарезало бы другие отрасли промышленности, нарушило бы пропорцию.

Говорить о правах рановато. Если мы собрались и говорим о системе управления, мы должны найти у себя собственные недочеты и что мы можем сделать своими средствами.

Когда я говорил о чрезмерном бюрократическом централизме, я имел в виду и тресты, и заводы. Я утверждаю, что цифры, которые дают нам тресты, раздуты, что они фантастичны. Та отчетность, которую мы собираем, есть фантастика, квалифицированное вранье. Дело в том, что у нас нет ответственности за цифры. Что значит ответственность за цифры? Это значит не то, что мы под суд отдадим ответственного работника за неправильные цифры, а просто мы доведем до общего сведения, что вот, имя рек, такой-то врал, обманул, надул. Мы должны это довести до сведения нашей общественности.

Мы не должны так жить, как сейчас живем. У нас система такова, что она поощряет эту фантастику. Почему трест за эти цифры, которые он дает, общественно не ответствен. Потому, что он дает такие-то и такие-то цифры, а мы ему переделываем, а нам в Госплане переделывают. При этой системе выходит так, что ты можешь врать сколько угодно. Мы знаем наперед, что ты врешь, и я заранее допускаю, что даются цифры неправильные, какая же тут может быть ответственность!

Мы должны бороться с такой системой во что бы то ни стало, но я не придумал никакого рецепта. Я ищу, товарищи. Я вижу, что эта задача очень сложная. Я побывал в Югостали, в ЮМТе и, после того как я там побывал, я пришел к очень печальным заключениям. Нам нужно переделать нашу систему, нам нужно иные пути найти. Если я вас здесь собрал, то для того, чтобы мы совместно нашли какой-нибудь выход.

Что я вам предлагаю? Я предлагаю вам мои мысли для разрешения тех задач, которые сейчас стоят перед нами. Никто из вас не отрицает, что эти задачи стоят. Я говорю, что принцип, который мне кажется абсолютно верным, это — дружная семья и ответственность в том смысле, что каждый за свое дело несет известную ответственность. Как я себе мыслю технические пути проведения этой работы? Должна быть определенная связь, совершенно новая связь с трестами. Для того чтобы управлять каким-нибудь делом, каким-нибудь трестом, какой-нибудь отраслью, мы должны иметь определенные данные и определенные данные не по тресту, не эти проклятые средние, которые очень хороши для общих выводов, для планирования в широком масштабе, но никуда не годятся, когда нужно управлять, когда нужно дать конкретные указания о деятельности каждого треста. Нам нужно, чтобы тресты в определенные сроки присылали те данные, без которых мы не можем выполнить нашей работы. Эти данные нужны для работы, потому что без них мы не в состоянии управлять своим делом. Но за эти данные товарищи должны нести ответственность. Не должны нам присылать различных предположений в десятках пудов и т. д. У треста должна быть так поставлена работа, чтобы можно было проверить, если это нужно, у него на месте.

Какой смысл имеют такие фолианты? Ими можно только запутать дело. Ведь вот, когда был спор о производительности труда, когда начал тов. Струмилин рассчиты-

вать и оказалась производительность труда выше довоенной, а зарплата ниже, то видно было сразу, что это чепуха. В статистике очень легко можно запутаться ученым людям. Они складывают, затем берут среднюю взвешенную, геометрически взвешенную, и если в основном были цифры неправильны, выводят чорт знает что. Ясно совершенно, что человека, который не знает, скорее надуют, а человек, который следит за всеми проявлениями жизни, сразу видит: ты тут надуваешь. Человек сведущий едет на место, и таким образом мы имеем живую связь, которая говорит, правильны или неправильны представленные данные. И если подтвердится, что представили неправильные данные, этих обманщиков нужно гнать вон. Вот вся ответственность, никакого суда не нужно в таком деле. Если человек не справляется с делом,— уходи, дай место другому.

Мне кажется, что если бы мы сказали каждому главку и управлению, без чего мы обойтись не можем,— количество цифр и документов можно было бы сократить раз в тысячу.

Тут товарищи говорили, что для согласования требуется много времени. Это есть доказательство, что у нас механика согласования плохо поставлена, что у нас нет взаимного достаточного доверия, которое обязательно должно быть.

Согласование необходимо. Я — председатель Главметалла, а без отдела финансовой политики никак не могу управиться, никак не могу без него разрешить вопросы и входить с ходатайством в высшие органы. Как может быть Главметалл отделен от Сахаротреста, от Донугля и т. д? Этого никак нельзя.

Одной из причин наших недочетов, хотя и косвенной, является то, что мы работаем со слишком большим напряжением, что мы работаем без всякого резерва. Те указания, которые были даны в циркуляре о составлении промышленно-финансового плана, где уделено большое внимание роли резерва, имеют большое значение. Если бы наши тресты этим руководствовались и выдерживали бы эту линию, то нам гораздо легче было бы разрешить все те вопросы, которые сейчас являются столь трудными.

Я еще хотел успокоить наших товарищей из Цугпрома и других, которые указывают на опасность сношений председателя ВСНХ и вышестоящих инстанций непосредственно с товарищами, от которых их отгораживает не-

сколько этажей. Я должен сказать следующее. Мы должны различать две линии связи — линию сношений и линию подчинения. Линия сношения должна быть такова, что вы можете сноситься с тем, с кем вы должны снестись в интересах дела. Не запрещайте делать этого и председателю ВСНХ. Вы говорите, что нельзя этого вводить в систему. Я говорю: я без вас решать не должен, — это дезорганизует, если устанавливается непосредственная линия подчинения. Линия подчинения должна остаться. Я не предлагаю спутать все линии подчинения, но если мне нужно получить справку или разработать вопрос и я во избежание волокиты посылаю задание непосредственно тому, кто этим делом занимается, то здесь нет никакой спутанности. Я думаю, что когда бумага приходит на предприятие, регистратор или тот, кто этим ведает, должен послать бумагу тому, кто непосредственно этим делом занимается, но этот товарищ, который работает, должен докладывать своему начальнику и сказать: дай директиву. Так следует понимать то, что я говорил по этому вопросу.

ДЗЕРЖИНСКИЙ

У РУЛЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Когда т. Дзержинскому пришлось стать во главе нашей промышленности, он провел не одну кампанию из тех, которые подняли нашу промышленность и дали ей резкий скачок вверх. Все мы отлично знаем, что именно за то время, когда покойный Феликс Эдмундович стоял у руля нашей промышленности, она сделала особенно крупный скачок вперед. И эти кампании тов. Дзержинский проводил в связи с массой и опираясь на массу. Уже довольно много времени назад была проведена кампания по производительности труда. За последнее время тов. Дзержинский вел с все возрастающей энергией и силой кампанию по снижению розничных цен и по борьбе со спекуляцией. Всем известен его нашумевший приказ о розничных ценах в связи с борьбой со спекуляцией. Он проводил кампанию по режиму экономии, и я должен сказать, что Феликс Эдмундович был чрезвычайно далек от такого понимания режима экономии, когда некоторые из наших хозяйственников на местах думают, что режим экономии сводится к тому, чтобы отменить кипяток для рабочих. Это не есть режим экономии, это есть преступление против режима экономии. Не это думал т. Дзержинский, когда он этот лозунг выбросил. Он прежде всего думал и говорил об упрощении аппарата управления, о рационализации труда, а не о том, чтобы сколотить лишний пятачок за счет рабочего кипятка. Это — бессмысленное понимание режима экономии, против которого, прежде всего, протестовал сам тов. Дзержинский. Самой последней заботой тов. Дзержинского была забота об упрощении нашего государственного аппарата. Уже тов. Ленин неоднократно говорил, что наш государственный аппарат настолько громоздок, настолько бюрократичен, что нужно лбом прошибить эту стену. И тов. Дзержинский все последнее время страшно мучился этой проблемой. С каждым из нас он десятки раз снова и снова ставил вопрос о том, что система управления нашей промышленности должна быть эластичнее, что меньше должно быть бюрократического затора, что не должно быть идиотского хождения из инстанции в инстанцию, когда каждая бумажка проходит чуть ли не полгода, прежде чем дойдет до цели. Упорядочить эту систему,

уничтожить ряд промежуточных инстанций, упростить аппарат, нанести удар бюрократизму, — было одной из последних забот Феликса Эдмундовича. Он уже наметил план и целый ряд совершенно героических мер в этой области для радикальной перестройки нашего государственного аппарата и в первую очередь нашего хозяйственного государственного аппарата. Мы уверены, что он сделал бы это дело. Но смерть подкралась и задушила нашего друга. Тов. Дзержинский был страшно требователен к другим, но он был безмерно требователен к самому себе, и совершенно неудивительно и не случайно, а совершенно неизбежно было то, что 49-летний тов. Дзержинский умер после одной из своих речей. Это было неизбежно. Он столько работал, он столько мучился, он столько страдал, он столько вынес на своих плечах, он столько передумал и перечувствовал, он так п е р е т р у д и л с я, что этот конец был для него неизбежен. Последним словом, последней мыслью тов. Дзержинского была мысль о единстве и упрочении единства нашей партии. Эту мысль тов. Дзержинский защищал с такой же страстью, с какой он защищал решительно все. Иногда было страшно трудно смотреть на тов. Дзержинского, потому что каждую мелочь он переживал так остро, он так волновался даже по каждому пустяку, что он никогда по существу дела н е г о в о р и л. Его речь всегда была к р и к о м, всегда была в о п л е м д у ш и. Говорил ли он о каком-нибудь улучшении в том или другом ведомстве, или поднимал какой-нибудь большой вопрос, он всегда кипел, он всегда горел,— и он перегорел. Сказал нам свое последнее слово, сделал свое последнее завещание и умер.

Товарищи, наша эпоха, ведь особенная эпоха. И людей она требует особенных. А так как, товарищи, особенные люди все же состоят из мускулов и из нервов, телесно построены по образцу и подобию других людей, то они неизбежно должны будут уходить раньше чем люди, которые живут спокойной, размеренной — на диэте — жизнью, вроде прежних священников православной церкви или современных немецких профессоров. Но мы, товарищи, можем сказать, что не будем ни капли завидовать этим людям. Наши люди, наши герои, наши работники, — а первым из таких был тов. Дзержинский, — живут меньше. Они уходят скорее. Но это ничего. Потому, что бешеный бег истории рождает им на смену десятки новых. Мы, люди, стоящие во главе нашей партии, знаем сейчас, что что бы ни случилось, наше дело не по-

гибнет. Не погибнет никогда. Мы это знаем, потому что мы физически ощущаем ту гигантскую разницу, которая у нас есть сейчас, с тем, что было, когда мы вступили в революцию, и даже с тем временем, когда мы вступили в революционный 17-й год. Тогда высокограмотные политики нашей партии были наперечет, их можно было сосчитать на пальцах руки одного человека. А вот мы сейчас вернулись с пленума нашего Центрального Комитета, где сидело вместе с членами ЦКК больше 200 человек. Уже каждый из них если не первоклассный, то уже почти первоклассный политик, а огромный процент из них — это рабочие, которые выдвинулись на новую дорогу. И мы тоже знаем, что то, что было горсточкой, стало сейчас полумассой, а завтра станет массой. И поэтому, когда мы видим, как сгорают наши люди, самые передовые борцы, соль нашей земли, мы говорим: несмотря на то, что всем нам до боли, до крика души горьки эти утраты, — это ничего. Потому что они вместо себя создали сотни. Они могут спать спокойно. Дружная рать идет за ними. Рать, которая не предаст, которая головы своей не склонит, которая победу доведет до конца.

Н. Бухарин

НА ХОЗЯЙСТВЕННОМ ПОСТУ

незаменимая утрата

В лице т. Дзержинского наша партия, наш Советский Союз, все наше народное хозяйство потеряли пламенного работника-борца, великого коммунистического строителя. Смерть Ф. Э. Дзержинского — незаменимая утрата для нашего хозяйства и особенно для промышленности, где он работал последнее время. В сердцах наших хозяйственников партийцев и спецов, красных директоров, технического персонала и рабочих, руководителей промышленностью и широкой производственной рабочей массы — будет всегда запечатлен этот образ пламенного борца, целиком отдающегося тому делу, где он в данный момент работает. Особенно те, кому приходилось по характеру работы сталкиваться с ним, никогда не забудут его чрезвычайно чуткого товарищеского обращения, его чуждого малейшего бюрократизма отношения к людям.

В течение всей своей трудной жизни революционера-профессионала он целиком отдавался тому делу, которому беззаветно служил. Велением партии поставленный на ответственнейший пост руководителя нашей промышленности, он и на этом фронте отдал делу укрепления и развития нашего производства все без остатка свои последние силы. Взявши в свои руки тяжелую ответственность руководства нашей промышленностью — отраслью до тех пор ему мало знакомой,— он с величайшей добросовестностью принялся за ее изучение и сравнительно быстро вошел во все детали сложного дела промышленного строительства. Здесь он очень скоро наметил с в о е определенное отношение к основным промышленным проблемам.

Обладая громадной интуицией, умея подойти к вопросу глубоко диалектически, т. Дзержинский быстро нащупывает наиболее уязвимые места нашей промышленности и начинает со всей силой борца бить по этим местам, давая директивы, сплачивая вокруг выдвигаемых им хозяйственных проблем работающих с ним товарищей, за-

жигая в процессе решения сложных хозяйственных вопросов энтузиазм работников ВСНХ, партийцев и специалистов.

борьба с препятствиями

Отличительной чертой т. Дзержинского на протяжении всей его тридцатилетней борьбы за дело рабочего класса являлось то, что он всегда брал на себя наиболее трудные задачи. Не считаясь с тяжестью революционной ноши, он с величайшей готовностью нес тяжелое бремя, отдаваясь весь без остатка выполнению поставленных себе задач.

Задача руководства промышленностью была для него вдвойне тяжелой задачей: с одной стороны, она требовала от него серьезного ознакомления с чуждой до тех пор ему проблемой, с другой стороны, вся об'ективная обстановка хозяйственного момента начала 1924 г. говорила о чрезвычайных трудностях промышленного роста, о чрезвычайной сложности дела промышленного восстановления.

Не нужно забывать, что руководство промышленностью принято было т. Дзержинским в момент весьма неблагоприятный. Последствия тяжелого 1921 голодного года, заставившего наш Союз все свои силы напрячь для преодоления этого стихийного бедствия, конечно, не могли не отразиться своими последствиями и на нашем промышленном развитии. Создалась чрезвычайно трудная обстановка для надлежащего развития производительных сил и установления правильных взаимоотношений с деревней. Имевшая место в 1923 г. практика чрезвычайно высоких промышленных цен, приведшая, как известно, к серьезному кризису в конце года, с другого конца ударяла по смычке и по рынку, создавая для дальнейшего промышленного развития всяческие препятствия.

Таковы были об'ективные условия, в обстановке которых приходилось брать т. Дзержинскому наркомат, намечать дальнейшее строительство. Опираясь на директивы нашей партии, имея за собой поддержку центральных хозяйственных органов, опираясь на лучших хозяйственников, прошедших октябрьскую закалку, Феликс Эдмундович начинает со всей страстностью своей натуры подходить к одной промышленной проблеме за другой, выявляя свой большой организаторский талант, умение связывать отдельные промышленные проблемы с пробле-

мами общехозяйственными, с проблемами общепартийными.

В тот момент, когда так внезапно останавливается после двух с половиной лет неутомимой работы его больное сердце, мы видим, что наша промышленность выглядит уже совершенно иначе. За два с половиной года его руководства она сделала громадный скачок вперед.

Было бы, конечно, неправильно об'яснять весь этот громадный бег нашей промышленности его личными качествами, личной инициативой. Было бы тем более неверно связывать достигнутые нашей промышленностью за это время успехи с его личной «удачей». Законы экономического развития имеют свою логику, а тот великий восстановительный процесс, который захватывает в это время нашу хозяйственную и, в частности, промышленную жизнь — это есть совокупность усилий миллионов людей, параллелограмм слагаемых сил промышленного пролетариата СССР, решившего покончить с хозяйственной и, в частности, промышленной разрухой. Но в этом параллелограмме энергия, воля, колоссальная прозорливость Феликса Эдмундовича несомненно имеют чрезвычайно большое значение и большой удельный вес. Мы видим в лице его смелого рулевого, который должен был решать сложнейшие вопросы нашего промышленного строительства, подчас преодолевая значительное сопротивление «аппаратных» интересов, силы традиции или чиновничьего бюрократизма.

За эти два с половиной года наша промышленность повысила свою продукцию в два-три раза. Оптовые цены, неимоверно вздутые к концу 1923 года, постепенно снижаются, падая на 30—35 проц. Производительность труда рабочего в общем и целом вырастает почти на 50 проц., приблизительно на 50—60 проц. вырастает и заработная плата.

Целый ряд отраслей нашей промышленности перешагнул к середине 1926 г. рамки довоенного уровня производства, а вся промышленность в целом заканчивает в настоящем году свой восстановительный период. Промышленный экспорт вырастает за это время не менее, как в три раза. Металлопромышленность — это любимое детище т. Дзержинского — поднимается на 350—400 проц., перешагнув довоенные рамки, а общий удельный вес нашей промышленности в народном хозяйстве продолжает непрерывно расти.

Все эти показатели подчеркивают большие реальные достижения нашей промышленности, которые потребовали упорной концентрированной работы и наших высших партийных и хозяйственных инстанций, и непосредственно работников промышленности. Роль Дзержинского в преодолении хозяйственной разрухи особенно велика. Она потребовала от него громадной напряженной работы, в корень надломившей его хрупкое здоровье.

первые шаги
работы в ВСНХ

Для нас остались бы невыясненными некоторые чрезвычайно характерные черты т. Дзержинского как хозяйственника, если бы мы не остановились как раз на первом периоде его работы в ВСНХ, на периоде, так сказать, его «учобы» в области промышленности. Не нужно забывать, что прежняя работа Феликса Эдмундовича до тех пор почти совершенно не сталкивала его с вопросами промышленного строительства. Громадная работа, выполнявшаяся им с начала Октябрьской революции в ВЧК—ОГПУ, хотя и знакомила его с обратной медалью нашего хозяйствования, но она все же не давала возможности сколько-нибудь обстоятельного изучения чрезвычайно сложной фактической стороны состояния нашей промышленности. Все это заставляет Феликса Эдмундовича подходить к вопросам в первый период пребывания на посту руководителя промышленностью в значительной степени ощупью. Так, с присущей ему прямотой и искренностью он пишет в начале 1924 года в одной из служебных записок: «Я только что вступил в то сложное дело, как ВСНХ, а потому мне приходится самому ориентироваться и учиться»... Как это далеко от скверной манеры всезнайства, иногда сквозящего у отдельных ответственных руководителей!

И вот, если бы этот подход,— столь характерный для т. Дзержинского и его работы,— явился бы образцом правильного отношения к делу всех наших и больших и малых работников — от скольких серьезных ошибок было бы сохранено наше народное хозяйство, наша промышленность!

Раз взявшись за изучение промышленности, т. Дзержинский проникает во все мелочи отдельных деталей

производства, целые ночи просиживая над докладами, цифрами, справками. Зато он в последнее время своей работы так поражал своей эрудицией в области вопросов промышленности. Было видно, что те вопросы, по которым ему приходилось выступать и которые нужно было защищать, он действительно изучал со всей глубиной и серьезностью. Вот почему каждое его выступление на с'ездах и конференциях, в частности, для него сопровождалось колоссальной тратой энергии. Он готовился к этим выступлениям, просиживая ночи напролет, волнуясь, убивая на дорогое ему дело последние силы.

Как это видно из данных положения нашей промышленности в 1923/24 хозяйственном году, руководство промышленностью требовало исключительной работы. Революционная интуиция и большой организаторский талант сильно помогали т. Дзержинскому на первых шагах его работы в ВСНХ.

Мы все вспоминаем, с какой суровой решительностью поставил он перед нашими хозяйственниками—уже в первые месяцы пребывания на посту председателя ВСНХ — вопрос о ликвидации задолженности по зарплате, особенно в металлопромышленности, тяжелым пятном ложившейся на правильном руководстве предприятием. Тут потребовался весь авторитет его и как руководителя ГПУ, чтобы в корне и весьма решительно пресечь недопустимое зло.

Разбираясь в его деловой переписке, можно с ясностью установить, что уже в 1924 г. вопросы увеличения производительности труда и сокращения производственных расходов занимают его в высшей степени. И опять-таки со всей прямотой и остротой ставит он вопрос о необходимости решительных шагов в искоренении зла: «Главная задача удержать реальную заработную плату», пишет он в одной из своих ранних записок... «Для этого,— говорит он далее,— необходимо со всей энергией взяться за сокращение наших аппаратов, за сокращение подсобного обслуживающего персонала и целых аппаратов. Иначе не выдержим и полетим к чорту»... Оказалось, что последующие годы с полной очевидностью показали, что мы справимся и выдержим. А увеличение производительности труда и расширение производства — задачи, над которыми так много работал т. Дзержинский, действительно спасли положение, доведя нашу государственную промышленность до такого состояния, о котором три года тому назад не приходилось и мечтать.

отношение к рабочим и специалистам

Старый партиец-массовик, получивший партийную закалку в обстановке массовой политической работы, т. Дзержинский сохраняет уменье нащупать правильный подход к рабочей массе и в обстановке чисто хозяйственного строительства. Вот почему те основные задачи, которые он ставит перед промышленностью, требуют проведения больших кампаний, имеющих не только хозяйственное, но и политическое значение. Экономика и политика чрезвычайно тесно переплетаются в его хозяйственной работе, а те кампании, которые предпринимает он в целях хозяйственного оздоровления, расширяясь и развертываясь под напором бурно-пламенного его темперамента, логически переходят в большие политические кампании, регулируемые последующими постановлениями наших центральных, партийных и советских инстанций.

Вот почему так ярко обрисовывают весь подход т. Дзержинского в решении основных хозяйственных проблем нижеследующие строчки из его служебной записки: «Задачи, стоящие перед нами, смогут быть успешно разрешены лишь при одном условии, если эти задачи станут задачами самых широких пролетарских масс».

Эта яркая мысль вполне характеризует отношение т. Дзержинского к задачам и роли рабочего в производстве. Он не мыслит себе возможности успешного поступательного движения нашей промышленности без втягивания в активное промышленное строительство широкой рабочей массы и он чутко прислушивается к тем настроениям, которые создаются в широкой производственной массе, непосредственно работающей на предприятии. Вот почему, между прочим, он так много пишет и так решительно выступает за всякое усиление роли и активизации «производственных совещаний».

Ставя основной своей задачей вовлечение рабочего производственника в сознательное отношение к промышленному строительству, он и от руководящего промышленного кадра требует активного содействия в этом направлении. Вот как он формулирует эти задачи хозяйственника-руководителя производства в одной из своих служебных записок: «Наши хозяйственники ни на секунду не должны забывать, что они являются исполнителями-

работниками диктатуры рабочего класса. Связь их с рабочим классом не только в том, что они являются членами партии... Они по сути своей работы — вожди рабочих в деле, которое им вручено. И если хозяйственник не знает массы, не умеет стать ее вождем, не сумел завязать в ней постоянных живых связей — то он не может быть ни хорошим членом партии, ни хорошим хозяйственником».

Сознательное отношение рабочего к труду, сознательное отношение к нашему хозяйству — вот что ставит перед нашим рабочим классом т. Дзержинский в своих выступлениях. Считаясь с тем, что только героический напор масс, увеличение производительности труда смогут вывести нашу промышленность из тяжелого положения, он со всей решительностью, не боясь какой-либо демагогии, выступает против лодырничества, прогулов, за суровую производственную дисциплину. Необходимо отметить, что эти его выступления встречают всегда большой и внимательный отклик со стороны наших профорганов и самих рабочих масс, а мы можем отметить не менее десятка воззваний и обращений, выпущенных по его инициативе президиумом ВСНХ совместно с ВЦСПС и направленных к усилению сознательного отношения рабочих к производству.

Чрезвычайно чутко и с большой внимательностью подходит т. Дзержинский и к работе специалистов ВСНХ. «Страшный» руководитель ВЧК и ГПУ, размалеванный в какое-то пугало обывательским воображением некоторых специалистов, превращается при более их близком знакомстве с ним в чрезвычайно чуткого, внимательного, входящего в нужды и положение своих сотрудников руководителя промышленности. Вот почему мы видим, как постепенно тает лед замкнутости в кругах специалистов, растет громадное уважение к личности т. Дзержинского. И не случайно, как раз сейчас, в момент его смерти, мы читаем весьма показательные документы, помещаемые в газетах и подписанные десятками лучших наших промышленных специалистов, в которых они публично преклоняются перед величием его личности, оплакивают в его лице великого организатора и руководителя нашей промышленности.

В самые последние дни перед своей смертью т. Дзержинский особенно много думал об установлении более тесной и непосредственной связи с нашими хозяйственными руководителями, минуя всякие бюрократические рогатки; он мечтал в качестве одного из подходов к живому общению

с нашей хозяйственной головкой о создании специального клуба ВСНХ, где каждый хозяйственник мог бы непосредственно поделиться своим опытом и своими сомнениями.

развертывание производства

Задачи индустриализации страны — это один из тех заветов Владимира Ильича Ленина, которые требуют выполнения со стороны нашей партии и советской власти. Тов. Ленин подчеркивал необходимость индустриализации неоднократно. На III конгрессе Коминтерна он с чрезвычайной категоричностью формулировал свое отношение к этому вопросу: «Я еще раз должен подчеркнуть,— говорил он,— что единственной возможной экономической основой является крупная машинная индустрия. Тот, кто забывает это, тот не коммунист».

Тов. Дзержинский, верный ученик Владимира Ильича, на протяжении всей своей работы в ВСНХ помнил этот лозунг, ставя основной своей задачей максимальное развитие нашей промышленности. Так, касаясь взаимоотношения сельскохозяйственных и промышленных цен и подчеркивая необходимость создания равновесия между ними, Дзержинский говорит: «Здесь может быть единственный способ достижения этого результата — в то чтобы то ни стало расширять производство. Другого метода вы не найдете. Мы можем противодействовать последствиям недорода только тем, что продукция нашей промышленности будет в большем размере и дешевле посылаться на рынок». И далее: «Ясно, что политика расширения производства и снижения цен есть самое лучшее и верное выражение союза города с деревней».

Курс на расширение производства — это основной курс, который красной нитью проходит во всей политике Феликса Эдмундовича за его пребывание в ВСНХ. Однако нужно оговориться, что проведение этого курса он не мыслит изолированно от тех общих возможностей, которые имеются в распоряжении народного хозяйства в целом. Вот почему он всегда отгораживается от крайнего индустриализаторства, не учитывающего реальных возможностей. Он отлично понимал, что промышленность,

это — важнейший, но не единственный фронт, а наши ограниченные финансовые ресурсы требуют, с одной стороны, строго планового, а с другой, чрезвычайно осторожного и бережного отношения к каждой советской копейке. Вот почему, характеризуя работу наших трестов в докладе на VII всесоюзном с'езде рабочих металлистов, он отмечает: «Год тому назад некоторые тресты выламывались из планового хозяйства, на собственный риск пытались, не имея достаточной финансовой базы, расширять производство; точно так же и сейчас некоторые тресты нашей металлургии, увлекаясь рыночной кон'юнктурой, не думают и не желают работать по тому плану, которым мы об'единяем всю металлопромышленность и в котором мы увязываем интересы металлопромышленности с интересами всего нашего хозяйства».

Стремясь к максимальному развертыванию промышленности, борясь со всей страстностью за необходимые кредиты для индустриализации страны, он, однако, чрезвычайно бережно подходил к вопросам сохранения устойчивости нашего денежного обращения, был противником инфляционистских тенденций. Насколько тесно увязывал он необходимость развития нашей промышленности с интересами устойчивости денежного обращения, показывают следующие выдержки из его выступлений. В своей книжке «Металлопромышленность» он пишет: «Осенью 1924 г., когда наметившийся частичный недород угрожал срывом денежной реформы, промышленность ответила на эту опасность новым снижением цен и дружной кампанией по поднятию производительности труда и расширению производства. В результате на базисе сохранения с боем твердой валюты наши взаимоотношения с основным рынком, сельским хозяйством, все более упорядочиваются и наша промышленность быстро, неудержимо расширяется и крепнет, находя все новые средства в стране для своего развития».

Касаясь расхождения «ножниц» на V всесоюзной конференции союза металлистов, он опять-таки подчеркивает: «Необходимо было поставить на очередь вопрос о твердой валюте, надо было поставить вопрос о сокращении государственных расходов и о сведении государственного бюджета без дефицита. Поэтому сейчас, когда вся наша сила, или весь наш, можно сказать, бешеный темп, с которым мы идем вперед, об'ясняются нашей твердой валютой, мы не можем предполагать и ставить такие требова-

ния, которые бы сорвали этот темп развития, которые бы сорвали наш союз с крестьянством, которые бы сорвали денежную реформу».

Как мы видим, вопрос расширения промышленности Феликсом Эдмундовичем всегда тесно связывался со снижением себестоимости, со снижением промышленных цен. Вот почему вопросы калькуляции и всемерного снижения себестоимости продукции являются теми вопросами, которые с самого вступления т. Дзержинского на пост председателя ВСНХ его чрезвычайно интересовали и беспокоили.

С первых шагов своей деятельности он об'явил решительную борьбу тем трестам, которые в целях наживы пытались пойти по линии наименьшего сопротивления путем повышения оптовых цен. Более того, он в середине 1924 г. сделал основой политики ВСНХ инициативное снижение оптовых цен. Как известно, по почину ВСНХ, цены на промышленные изделия трижды снижались за это время. Учитывая раздутость калькуляции и неэкономность работы трестов, Дзержинский выдвинул лозунг, на первый взгляд звучавший даже несколько парадоксально. Он предложил фиксацию оптовых цен в ряде случаев ниже выведенной трестами себестоимости. Мы позволим себе привести весьма длинную выдержку из его очень интересного выступления на совещании по вопросу о производительности труда, созванном при ВСНХ 18 июля 1924 г., где он подверг этот вопрос подробному выяснению:

«У нас колоссальное количество населения,— говорил он,— которое обладает значительными средствами, и поэтому удешевление наших изделий создает и расширяет круг потребителей скачкообразно. Поэтому самый основной вопрос, который стоит перед нами,— это вопрос удешевления наших изделий. Очень часто говорят: расширить производство невозможно,— для этого необходимы средства, удешевить продукцию мы не можем,— нагрузка заводов слишком мала; при такой нагрузке ничего сделать нельзя и т. д. Мне кажется, такой подход неправилен. Надо подходить к вопросу диалектически, динамически и, принимая ту или иную меру, учитывать тот процесс, который должен возникнуть в связи с данным мероприятием. Иначе мы можем попасть в заколдованный круг: если мы не сможем понизить себестоимость ниже определенной цены, а население не в со-

стоянии покупать по той цене, то приходится, как будто бы, сложить оружие и закрыть наши фабрики. Для всех, кто умеет пользоваться методом марксизма, ясно, что, продавая ниже себестоимости, удешевляя продукцию до некоторой степени искусственно, мы создадим базу для расширения производства, увеличив сбыт. А раз мы производство расширим, загрузка увеличится, и низкие цены, которые были исходной точкой для расширения, на некоторой стадии уже будут даже выше себестоимости и дадут известный определенный процент прибыли».

В связи с почти стопроцентной нагрузкой нашей промышленности и использованием почти всех ее производственных ресурсов, вопрос о дальнейшем снижении опыта в обстановке товарного голода несомненно должен был потерять некоторую свою актуальность, но он и сейчас остается боевой перспективной директивой; в частности в отношении тех отраслей, где имеются к тому технические и организационные возможности, он имеет и сейчас чисто практическое значение.

Параллельно с расширением производства перед промышленностью встала проблема об использовании всех имеющихся в ее распоряжении внутренних ресурсов и об ускорении кругооборота производства. В отношении использования внутренних ресурсов необходимо остановиться на ряде директив т. Дзержинского по ликвидации неликвидных фондов. Председателю центрального бюро при ВСНХ по ликвидации неликвидных фондов т. Дзержинский пишет специальное письмо, где подчеркивает: «считаю необходимым обратить ваше внимание на то, что работа по учету и по реализации неликвидного имущества хотя и улучшилась за последнее время, но все же протекает недостаточно интенсивно». И как вывод он предлагает: «Усилить наблюдение за учетом и реализацией в трестах и предприятиях неликвидного имущества, командируя в случае необходимости на места инспекторов и т. д.».

Давая строжайшие директивы к использованию внутренних ресурсов, имеющихся в наличии у трестов, т. Дзержинский отлично понимает, что наша промышленность не может сдвинуться с мертвой точки, если не будет систематически улучшаться ее техническое оборудование, не будет планомерно производиться рационализация производства, с одной стороны, и не будет в то же самое время иметь место усиленная амортизация изношенного капитала, с другой.

Внутри президиума ВСНХ в свое время имела место длительная дискуссия по вопросу о нормах амортизации. Тов. Дзержинский высказался решительно за повышение амортизационных отчислений. В одной из служебных записок он пишет:

«Так называемая «прибыль» нашей промышленности в большей своей части фиктивна, ибо наши амортизационные отчисления ни в какой мере недостаточны для восстановления даже того, что износилось за время советской власти, не говоря о годах империалистической войны. Оценка основного капитала у нас фиктивна—значительно преуменьшена. Отчисления в амортизационный фонд у нас в процентах преуменьшены и исчисляются без учета недостаточной амортизации за предыдущие годы. Искусственное раздувание прибыли очень вредно, потому что создает у рабочих, хозяйственников и партии общее настроение благополучия, не соответствующее действительности. Необходима переоценка основного капитала и увеличение амортизационных отчислений — конечно, без повышения цен, а за счет искусственной прибыли, всемерной экономии и рационализации в производстве».

Вопрос рационализации производства — как проблемы технического и организационного улучшения нашего производства — глубоко интересовал т. Дзержинского. На всесоюзном совещании по рационализации он горячо призывает пойти по пути использования всего того громадного производственного опыта, который мы находим за границей: «Я могу только пожелать,— говорил он там,— чтобы наши хозяйственники не уподоблялись тем, которые говорят: «зачем нам заграница, шапками ее закидаем». Этот путь самомнения и чванства своим национальным или советским — очень опасен для нашего развития... Мы должны использовать и мы должны научиться той технике и тем достижениям, которые имеют наши враги».

Но одна амортизация, хотя бы и усиленная, не решает, конечно, дела.

Необходимо новое строительство, необходимы средства для производства капитальных затрат промышленности. «Вопрос стоит,— говорит т. Дзержинский,— не только о восстановлении основного капитала, но и о производстве нового, о расширенном производстве».

Вопросы нового строительства чрезвычайно занимают Феликса Эдмундовича. Он является горячим сторонником

постройки новых фабрик и заводов. Особенно близко затрагивают его вопросы расширения базы металлопромышленности. В январе 1926 г. он обращается со специальным письмом в президиум по восстановлению основного капитала, где он указывает: «В соответствии с решением XIV с'езда партии, установившим, что ближайшей задачей производства является индустриализация страны путем развития производства средств производства, предлагаю в основу развития промышленности вообще и металлопромышленности в особенности положить следующие директивы. Вести экономическое строительство под таким углом зрения, чтобы СССР из страны, ввозящей машины и оборудование, превратился в страну, производящую машины и оборудование. Особому совещанию по восстановлению основного капитала промышленности предлагаю при разработке плана развития промышленности исходить из этой директивы».

борьба за производительность труда

Проблеме производительности труда т. Дзержинский придавал исключительное значение, и неслучайно, что этот вопрос был выдвинут его инициативой и энергией не только в качестве одного из основных условий правильной работы промышленности, но и как важнейшая задача всей нашей современной хозяйственной политики.

Еще в самом начале своего прихода в наркомат, знакомясь с положением отдельных отраслей промышленности, он сталкивается с чрезвычайно низкой производительностью труда, особенно на фоне сравнительно быстрого повышения уровня заработной платы в 1924 г. Это сопоставление наводит его на ряд весьма пессимистических выводов, заставляет резко поставить вопрос: «Угрожающее отставание роста производительности труда от роста зарплаты — в результате идет катастрофа и невозможность необходимого накопления для обновления оборудования, т. е. подрывается база и дальнейшего повышения зарплаты и самого бесперебойного существования производства». Так констатирует он положение вещей еще в середине 1924 г. и начинает действовать, развивая колоссальную агитацию за необходимость усилить производительность труда рабочего, использовав прежде всего

внутренние наличные ресурсы самого производства, увеличив дисциплину труда и т. д.

В ноябре 1924 г. им издается приказ по ВСНХ, где вопрос о производительности труда подвергается всестороннему рассмотрению и развертывается во всю ширь.

Выясняя возможности поднятия производительности труда, он намечает в своей книжке «Промышленность СССР» четыре основных момента, определяющих уровень производительности труда: это — высоту зарплаты, состояние технического оборудования, качество сырья и полуфабрикатов, организацию производства и организацию труда, и, наконец, в качестве пятого момента он выставляет сознательное отношение рабочих и волю рабочих преодолеть все трудности.

«В условиях полной послевоенной разрухи нашего хозяйства, — говорит т. Дзержинский, — мы были сильны только этим последним условием, и рабочий класс СССР совместно со всеми трудящимися, вопреки всем трудностям и вопреки надеждам всех врагов рабочего класса — от меньшевиков до монархистов и империалистов, — победил и на этом фронте ценой своих огромнейших лишений и жертв, и создал ныне такие условия, когда на базе уже поднятой производительности труда мы можем и поднимать зарплату там, где она отстала, и улучшать условия труда и отдыха (рабочее жилстроительство), и восстанавливать техническое оборудование, и подымать на высшую ступень организацию производства и труда, рационализируя все производство».

Проблема поднятия производительности труда красной нитью проходит через все его выступления. В первые полтора года своей работы в наркомате он особенно выдвигает на первый план эту задачу. В результате дружных усилий и самих хозяйственников и рабочих, в результате ряда постановлений наших партийных и советских органов, производительность труда на наших фабриках и заводах начинает значительно повышаться.

Важно отметить неоднократно высказывавшуюся Феликсом Эдмундовичем мысль о необходимости самой тесной связи между ростом производительности труда и ростом заработной платы. Считая преступлением перед республикой и революцией проедание основного капитала и расходование сверх средств, сверх реальных возможностей на повышение зарплаты, Феликс Эдмундович в то же самое время считал насущно необходимым увеличение реальной заработ-

ной платы, ее бесперебойный рост в меру развития производительности труда, в меру наших успехов на промышленном фронте. Выступая на одном из заседаний президиума в июле 1924 г. по вопросу о снижении цен и производительности труда, т. Дзержинский говорит: «Наша политика совершенно ясна. Мы не можем итти на безработицу и на уменьшение количества уже занятых в производстве рабочих. Здесь мы должны принять формулировку, говорящую о необходимости сохранения той рабочей силы, которая имеется сейчас, и в первую очередь — квалифицированной рабочей силы. Но это возможно только при такой организации производства, когда рабочие будут давать стране большое количество продуктов. Поэтому расширение производства на предстоящий год и должно быть поставлено как наша первоочередная задача».

Удешевление производства при расширении его размаха тесно связано с ростом производительности труда и является залогом дальнейшего укрепления нашего хозяйственного положения. Он считает совершенно неоспоримым, что наша социалистическая промышленность может найти в себе достаточно сил и возможности, чтобы побороть внутри себя ту расхлябанность и ту слабую производительность, которые мешают нам в нашем социалистическом строительстве. Являясь ярким последователем ленинского подхода в решении наших хозяйственных проблем, он выступает популяризатором на примере практической работы известного положения Ильича о том, что рост производительности труда — это в конце концов самое важное, что нам необходимо для дальнейшего продвижения на более высшую ступень хозяйственной организации по пути к социализму.

Великолепно учитывая, что наша социалистическая промышленность только путем повышения своей организации и снижения себестоимости способна победить частнокапиталистическую, отчетливо оценивая необходимость равнения на мировые цены, он видит в повышении производительности труда, т. е. в снижении себестоимости важнейшего ее элемента — рабочей силы, залог правильной хозяйственной политики и на внутреннем и на внешнем рынках.

Вот почему он не боится сказать рабочим Союза горькую правду и самым решительным образом выступает против прогулов, пьянства, понижающего производительность труда, против слабой интенсивности труда,— одним

словом, против малейшего ослабления суровой пролетарской дисциплины на производстве.

С другой стороны, он считает совершенно и категорически необходимым выполнение всех тех обязательств со стороны предприятия, которые зафиксированы в коллективном договоре его с рабочими. Не случайно одной из первых мер по оздоровлению общей обстановки труда явилось с его стороны, как мы уже указывали раньше, жесткое требование решительной ликвидации задолженности по зарплате. Незадолго перед своей смертью он выпускает специальный приказ по ВСНХ, где предлагает хозяйственникам строгое выполнение взятых на себя обязательств по коллективным договорам.

Тесно увязывая каждую большую промышленную проблему с задачами общеполитического порядка, он и проблему труда и проблему повышения его качеств и производительности тесным образом связывает с общественными кампаниями, развертываемыми нашей партией и профсоюзными органами. Одной из наиболее правильных форм развития большой общественной кампании за поднятие производительности труда он считает организацию «производственных совещаний».

Производственному совещанию, как форме вовлечения самой массы данного предприятия в дело устранения производственных дефектов, он придает чрезвычайно большое и всестороннее значение. Достаточно отметить тот круг вопросов, который он помечает в одной из своих записок для обсуждения на производственных совещаниях:

«Вопросы, которые безусловно должны быть предметом обсуждения производственных совещаний: недочеты в производстве; режим экономии и накопление, производительность труда, прогулы, снабжение, простои, себестоимости цен, коэфициенты, правила внутреннего распорядка и права техперсонала, трудовая дисциплина. Вопросы должны стоять не вообще, а конкретные. Это тем более необходимо, что только через эти производственные совещания мы сможем переварить вновь вовлекаемых в фабричное производство».

Мы видим, насколько широко ставил т. Дзержинский вопрос о производственном совещании и как тесно он увязывал работы производственных совещаний с общей кампанией по увеличению производительности труда.

Всего за несколько дней до смерти Феликс Эдмундович выпускает совместно с ВЦСПС циркуляр, где он под-

черкивает, что «наиболее целесообразной и лучшей формой сосредоточения внимания широких рабочих масс на вопросах восстановления и развития нашего хозяйства, привлечения их к активному участию в нем, развития их самодеятельности и активности являются производственные совещания».

«Значительная доля вины за слабость работы производственных совещаний ложится на хозяйственников» — отмечает он. Вот почему нужно усилить работу наших трестов на этом поприще. «Тресты теперь,— говорит он,— когда синдикатская система освобождает их от торговой деятельности, должны сосредоточивать все свое внимание на производстве, и одной из форм усиления работы треста в этом отношении является правильный подход к использованию производственного совещания».

Кампанию по производительности труда дополняет целый ряд мероприятий, направленных к увеличению качества этого труда, направленных к развертыванию профтехнического образования, повышению квалификации трудящихся, особенно тех, которые в процессе развития производства впервые втягиваются в процесс производства. Нельзя было не учитывать того обстоятельства, что наша промышленность совершает головокружительный под'ем, что в последние годы она впитывала в себя до 300 тысяч нового рабочего персонала ежегодно. Нужно было обучить, спаять эту массу трудящихся, в значительной степени оторванную от сохи, малодисциплинированную, еще недостаточно прошедшую школу профессиональной организации. Вот почему забота о максимальном развитии профессионального образования так волнует и беспокоит т. Дзержинского. Вот почему он придает такое громадное значение повышению квалификации работников промышленности, начиная от инженера, кончая мастером, квалифицированным рабочим и пр.

восстановление

тяжелой индустрии

Являясь энтузиастом всемерного поднятия на надлежащую высоту нашей социалистической промышленности, т. Дзержинский отчетливо сознает, что только при условии быстрого восстановления у нас металлопромышлен-

ности и достаточного развития остальных отраслей тяжелой промышленности, как каменноугольной, нефтяной и т. д., мы можем стать страной, изготовляющей орудия и средства производства, можем свести к значительному минимуму зависимость нашего Союза в деле машинного оборудования от заграницы. И он со всей страстностью своей натуры берется за дело восстановления нашей тяжелой индустрии и прежде всего металлопромышленности.

Металлопромышленность, это — поистине его любимое детище. Он сам становится во главе отдела металла ВСНХ, прорабатывая самым тщательным образом важнейшие вопросы развития нашей металлургии, машиностроения и т. д. Он обращает серьезнейшее внимание, с одной стороны, на Донбасс с его металлургическими гигантами, с другой стороны, на железоделательные заводы Центральной промышленной области и особенно на ленинградскую металлопромышленность. Он видит в развитии этих отраслей промышленности залог действительной индустриализации, ставит горделивый лозунг о том, что «СССР должен стать металлическим».

На XIII с'езде он делает подробнейший доклад о положении нашей металлопромышленности, прорабатывая к докладу груды материалов, основательно знакомясь с проблемой во всей ее сложности. В результате, как мы знаем, с'ездом принимается подробная резолюция, где даются следующие директивы:

«В области поднятия государственной промышленности задачей наступающего периода является поднятие металлургии. После того как обеспечено дело с топливом, как поднят транспорт, как сдвинута денежная реформа — очередь за металлом. Наладить производство средств производства внутри Союза означает создать действительно прочную базу для социалистического хозяйства и в значительной степени освободить себя от необходимости передачи больших заказов за границу».

Необходимо отметить также те усилия, которые произведены были им для устранения ряда финансовых и прочих затруднений, возникших за последнее время в нашей украинской металлопромышленности, в частности на Югостали и ЮМТе. Получив очередной отпуск по болезни, т. Дзержинский проводит этот «отпуск», созывая одно за другим совещания в Харькове, об'езжая заводы, волнуясь, проделывая ударную работу по устранению ряда ненормальных явлений нашей южной металлургии.

Чрезвычайно большое внимание уделяется им и другим отраслям тяжелой промышленности, в частности топливной.

«Особое внимание мы должны обратить на топливный баланс», указывает т. Дзержинский в своем докладе о положении промышленности в 1924/25 г. Как известно, СССР является страной постоянного недостатка топлива, т. е. при развертывании промышленности, при развитии сети железных дорог, топливный баланс у нас будет очень и очень напряжен.

Мы вспоминаем те большие дебаты, которые имели место в президиуме ВСНХ по вопросу об организации Главного энергетического управления и создании единого топливного органа внутри ВСНХ. В результате было решено создать единый топливный отдел, и затем в СТО было направлено ходатайство об учреждении в составе ВСНХ управления энергетики.

режим

экономии

«Режим экономии» — это целая полоса особого подхода к нашим производственным и вообще хозяйственным задачам. Режим экономии — это есть длительный период, через который должен пройти наш Советский Союз к коммунизму. Режим экономии — это открытое признание нашей бедности, слабого накопления производительных сил, но в то же самое время это лозунг, дающий нам правильный путь преодоления тех материальных и производственных затруднений, которые стоят на нашей дороге. Режим экономии — это есть истинно пролетарский режим, режим суровой бережливости людей, выросших в нужде, знающих цену каждой копейки, это есть необходимая оболочка пролетарской диктатуры в неслыханно трудных условиях в стране, которая должна в капиталистическом окружении пока одна пробивать себе дорогу к коммунизму.

Инициатором проведения этого режима экономии, этого бережного, истинно пролетарского подхода к вещам безусловно является т. Дзержинский.

Ставя в начале 1926 г. вопрос «о режиме экономии в области управления промышленностью», он неизбежно переводит его на широкие общественные рельсы, а очень скоро идея режима экономии становится важнейшим вна-

менем в борьбе за оздоровление всего нашего народного хозяйства и всего нашего государственного аппарата.

Борьба за режим экономии самым тесным образом переплетается в представлении т. Дзержинского с упрощением аппаратов, с установлением четкости работы.

«Мы безумно расточительны,— говорит он в одной из своих служебных записок,— только рубль сбережения на душу населения в год даст 140 миллионов. Маленькое сбережение в каждой нашей хозяйственной ячейке — экономия на всем, что неотложно необходимо, жесткая урезка всяких излишеств и непроизводительных расходов — даст нашему хозяйству в год сотню миллионов сбережений, которые пойдут через кредитную и всю нашу финансовую систему в русло нашего строительства. Без этой экономии, без напряжения всех сил в этом направлении — мы со стоящими перед нами грандиозными задачами нашего роста, обороны и удовлетворения интересов широких трудовых масс не справимся. Дать заветы Ленина. Надо указать, по какому пути итти в борьбе за экономию».

«Разбухшие штаты, бюрократизм, накладные расходы, торжества (запретить юбилеи, сократить с'езды), рекламы и об'явления, всякие незаконные поборы и обложения, ненужные организации издательства, отчеты и другие излишества (как излишний транспорт, совхозы, убыточные подсобные предприятия, бесконечные ремонты, роскошная обстановка и т. д.)».

Вот те вопросы, которые затрагиваются т. Дзержинским в постановке кампании за режим экономии. Подходя к режиму экономии, как к длительной задаче, он не имеет в виду об'явить борьбу только грубой бесхозяйственности, злоупотреблениям, не имеет целью лишь разоблачение нерадивых руководителей трестов, но и вкладывает в кампанию гораздо более глубокий смысл, подходя к ней с точки зрения рационального снижения всех не относящихся к производству накладных расходов. Такой подход дает возможность чрезвычайно широко развернуть кампанию за устранение ненужных накладных расходов, за общую экономию в производстве.

Все же по мысли т. Дзержинского не было бы правильным отождествлять проблему режима экономии с общей проблемой рационализации производства, которой мы касались выше. Разница заключается главным образом в том, что задачи рационализации тесно связаны с дальнейшими техническими переоборудованиями, длительным изучением рационального построения (по наиболее совер-

шенным заграничным образцам) нашей государственной промышленности. Задачи «режима экономии» — это задачи текущего дня по преимуществу. Это стремление — на почве наличного технического уровня, на почве данных производительных сил — устранить все то, что является излишним балластом в деле экономического производства или экономного сбыта продукта.

Вопрос режима экономии т. Дзержинский самым тесным образом связывает с вопросом вовлечения в кампанию самих рабочих масс. Он считает одной из существеннейших задач производственных совещаний деловой подход к вопросам установления режима экономии на предприятии. Он считает, что хозяйственник должен осуществлять режим экономии на своем предприятии, безусловно прислушиваясь к голосу своего организованного рабочего ядра. «Обращаясь с массами,— говорит т. Дзержинский про хозяйственника,— он найдет себе легко силы для проведения жесткого режима экономии в своем управленческом аппарате, который поглощает у нас колоссальные средства и огромное количество техперсонала». Переходя к рассмотрению отдельных «управленческих болезней», ярко выступающих на сцену при широкой постановке кампании по режиму экономии, т. Дзержинский логически переходит к чрезвычайно близко примыкающей к режиму экономии проблеме — к борьбе за упрощение аппарата.

упрощение аппарата

Упрощение аппарата занимает мысль т. Дзержинского все время его руководства промышленностью. Он всегда находит случай подчеркнуть необходимость борьбы за упрощение аппарата, за придание ему большей гибкости; он всегда готов видеть в «бюрократизме» одну из серьезнейших помех для нашей правильной работы.

Проблема упрощения аппарата нашей промышленности, упрощение системы управления приводит его к необходимости, во-первых, произвести соответствующую реорганизацию центрального аппарата — ВСНХ, а затем упростить и все соподчиненные ему аппараты на местах. Эта задача упрощения всей системы управления промышленностью особенно интересует его последнее время. Он в полном смысле слова приходит в ужас от того колоссального

потока бумажной и статистической отчетности, от того «моря» бумаг, в котором приходится нам плавать, и он с величайшей настойчивостью ищет пути и формы создания экономного и упрощенного аппарата управления. Строгая профессиональная ответственность, система доверия, система осуществления прямых связей треста с предприятием и ВСНХ дает повод ему к целому ряду выступлений среди хозяйственников, поднятию большой кампании вокруг этого вопроса.

«Мы должны круто изменить наш курс на все 100%,— пишет он в одной из внутренних записок по ВСНХ.—Мы должны перевести этот курс на курс доверия. Нельзя управлять промышленностью иначе, как доверяя тем, кому ты сам вручаешь данное дело». Необходимо повышение квалификации кадра руководителей, выезды руководящих работников на места, перевод заводов на так называемый хозрасчет. Необходимо, чтобы «хозяйственное лицо заводов было полностью и четко выявлено не только для самого завода, треста и ВСНХ, но и для общественного мнения».

В другой служебной записке он с обычной своей резкостью подчеркивает: «Самым основным злом, дезорганизующим заводы, тресты, органы управления промышленностью и нас (органы президиума ВСНХ СССР) — это отчетный, справочный, бухгалтерский, статистический, контрольный потоп... доклады, доклады. Отчеты, отчеты. Цифры, таблицы, бесконечный ряд цифр... Знают дело не люди, а справки — доклады. Пишутся горы бумаг. Читать их некому и нет физической возможности». И он говорит о необходимости решительной борьбы со злом, ставит вопрос о необходимости «хирургических» методов борьбы с болезнью.

Резко ставя вопрос об упрощении аппарата управления, он в то же самое время решительно подчеркивает, как мы видим, необходимость перейти в деле рационализации управления к «системе доверия». «Нельзя,— говорит он,— управлять промышленностью, не доверяя нижестоящим органам». Эта идея доверия тесно переплетается в его представлении с другой — необходимостью установления, как он любил выражаться, «системы прямых связей». Под этим он подразумевал создание таких взаимоотношений, при наличии которых устранялась бы необходимость прохождения массы инстанций в решении того или другого дела. «Если я,— говорил он,—потребую какую-либо справку от своего ближайшего подчиненного,

он обязательно передаст мое требование своему непосредственному подчиненному, тот передаст это требование дальше и так до последней инстанции, которая эту справку изготовит с тем, чтобы по ее изготовлении она начала проделывать путь восхождения до меня через все промежуточные инстанции. Не проще ли и не лучше ли поставить дело таким образом, чтобы я мог взять телефонную трубку и непосредственно снестись с тем лицом, которое должно сообщить мне интересующие меня сведения, минуя всю бюрократическую лестницу». Приблизительно так формулировал он неоднократно эту важную мысль о создании во всей организации нашей промышленности системы упрощенных прямых взаимоотношений, которые должны были бы сэкономить массу сил и средств.

оздоровление

рынка

Недостаточно дешево произвести продукт, необходимо с наименьшими торговыми накидками довести его до непосредственного потребителя. Вот почему помимо всех сложных вопросов производства т. Дзержинского интересуют не в меньшей степени и вопросы быта. Считаясь с тем, что изготовляемый нашей промышленностью товар очень часто идет непосредственному потребителю совершенно искривленными, колоссально удорожающими его цену путями, Феликс Эдмундович, заостряя проблему сбыта, видит в ней прямую помеху дальнейшим успехам на непосредственном производственном фронте.

Разрешая вопросы смычки с деревней через нашу государственную промышленность с точки зрения ленинского подхода, он неоднократно выдвигает проблему сбыта, низких розничных цен как внутри ВСНХ, так и перед советской общественностью и в центральных партийных и советских инстанциях.

«Научились ли мы торговле? — спрашивает он.— Научились ли мы этому делу, как нас учил Владимир Ильич?» «Мне кажется,— отвечает он на открытии всесоюзного с'езда местных торгов (апрель 1925 г.),— что здесь мы все вместе, и каждый из нас порознь, должны сказать, что в этой области мы научились меньше всего; в этой области нас бьют еще больше всего; в этой области мы еще ходим ощупью и ищем путей, которые должны привести нас к позициям, которые мы себе ставим, как цель».

Останавливаясь на общих задачах нашей торговой политики, т. Дзержинский говорит: «При капиталистическом строе торговля имеет целью наживу, обогащение, увеличение торгового капитала, как самодовлеющей силы. При советском строительстве торговля является основным механизмом, осуществляющим смычку рабочих национализированной государственной промышленности с многомиллионным крестьянством. Наш торговый аппарат должен содействовать осуществлению правильного, с точки зрения принципов союза рабочих и крестьян, распределения национального дохода. Вместе с тем товарообмен между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством должен явиться одним из основных побудителей развития товарности хозяйства, т. е. в условиях советского государства — побудителем развития и увеличения потребления».

Подходя под таким углом зрения к вопросам торговли, т. Дзержинский не мог со всей страстностью борца не видеть основного препятствия в осуществлении правильной торговли в виде высоких розничных цен.

Борьба за низкую розницу является действительной осью всех его многогранных выступлений по вопросам торговли за последние два года. «Наш торговый аппарат стоит безобразно дорого»,— не раз констатирует он с великой горечью. Задача удешевления торгового аппарата, устранения всех ненужных звеньев в системе товаропроводящих каналов, ведущих от производителя к потребителю,— вот реальный путь к снижению розницы, к усилению смычки с крестьянством, путь, дающий единственную правильную возможность организованного воздействия нашей социалистической промышленности на распыленное крестьянское хозяйство.

Организационные формы, определяющие пути развития нашей торговой системы, должны быть приспособлены в своем развертывании к этим основным задачам. «Прежде всего,— говорит он,— мы должны удовлетворять нужды масс, а так как эти широкие массы — крестьянские массы — и живут в различных условиях, то ясно, что должны быть различные, разнообразные, неодинаковые формы организации торговли, которые были бы приспособлены к нуждам и условиям данного района».

Такая постановка вопроса не устраняет, а, наоборот, ставит как важнейшую первоочередную задачу создания в качестве основного товаропроводящего звена системы кооперации. Феликс Эдмундович большой сторонник раз-

вития кооперативной сети, но он хочет этой сети придать необходимую коммерческую гибкость, он хочет, чтобы эта сеть являлась сетью возможно более дешевой. Он хочет, чтобы развитие и укрепление нашей кооперативной сети и передача ей основных товарных фондов шли рука об руку с улучшением ее работы, с удешевлением ее услуг.

«Я лично,— говорит он на с'езде местных торгов,—не большой поклонник частного капитала... Но я считаю, что без частного низового торговца мы обойтись сейчас не можем». Рассматривая частный капитал как вынужденное зло, т. Дзержинский прежде всего хочет добросовестно уяснить себе его удельный вес, методы работы, формы организации. В этих целях внутри ВСНХ по его инициативе создается специальная большая комиссия, выявляющая картину участия частного капитала в торговом обороте, в производстве и в отдельных отраслях народного хозяйства. Необходимо отметить те неоднократные попытки, намечающиеся т. Дзержинским в отношении регулирования этого частного капитала в духе государственно-капиталистических отношений для использования его в целях дальнейшего укрепления нашего социалистического ядра промышленности.

Особо большим вопросом в области торговой политики стоит перед Дзержинским синдикатная проблема. Признавая за синдикатом наличие ряда государственно-регулирующих функций, он ведет решительную борьбу со всякими тенденциями внутри наших синдикатов подойти к вопросам быта с точки зрения узкой выгоды их собственного существования и собственной организации. В противовес попыткам формально административного регулирования сбыта он признает необходимость всемерного привлечения к вопросам регулирования синдиката как гибкого коммерческого органа, долженствующего усилить начало экономического регулирования вопросов торгового сбыта в нашем хозяйстве.

Мы остановились на основных проблемах хозяйственного строительства, которые интересовали т. Дзержинского последние годы его жизни. Мы, конечно, далеко не исчерпали весь тот круг хозяйственных проблем, которыми он занимался за последнее время. Изучая вопросы промышленного строительства, он не подходил к ним узко или ведомственно. Являясь членом СТО и непременным участником — на протяжении послеоктябрьского периода революции — нашего ЦК, т. Дзержинский интересовался

всей совокупностью хозяйственного строительства, всегда выступая в качестве ярого сторонника общепартийной ленинской точки зрения. В этом отношении он был представителем лучшего типа ленинца-хозяйственника. Сложные условия хозяйственного развития без Ленина заставили наши руководящие партийные кадры особенно внимательно подойти к анализу развития хозяйственных отношений в современной обстановке. Являясь пылким трибуном, пламенным борцом за индустриализацию и развитие нашей промышленности, т. Дзержинский в то же самое время вполне отдает себе отчет в той хозяйственной обстановке, в которой приходится строить нам нашу социалистическую промышленность — укреплять социалистическое ядро нашего народного хозяйства. В лице его мы видим яркого выразителя партийных ленинских тенденций нашей партии. Так же страстно, как борется он за близкие ему идеалы промышленности, выступает он против всякого рода уклонов нашей оппозиции. Целиком разделяя ту хозяйственную позицию, которая формулируется в резолюции XIV с'езда и XIV конференции, он резко выступает против идеи неумеренного индустриализаторства, экономического пораженчества, паникерства перед кулачеством, ставя ставку на середняка, являясь горячим сторонником идеи смычки в лице этого середняка с многомиллионной крестьянской массой, являясь убежденным сторонником возможности строительства социализма в одной стране.

Колоссальная энергия т. Дзержинского, пламенное горение его личности при решении всех проблем сложной общехозяйственной и промышленной политики еще раз подчеркивают, что в лице Феликса Эдмундовича наша промышленность и все наше народное хозяйство, наконец, весь наш Союз и партия потеряли великого организатора, великого коммунистического строителя.

М. Савельев.

ДЗЕРЖИНСКИЙ и КИНО

Сравнительно немногие знают, что в ряде своих работ т. Дзержинский, как неутомимый организатор нашего хозяйства и как многосторонний общественник, вел еще одну работу — по созданию и укреплению того участка культурного фронта, который получил название кинострои тельства и кинообщественности.

Когда после XIII с'езда нашей партии к кино, как к «могущественнейшему средству коммунистического просвещения и агитации», было привлечено внимание не только хозяйственных органов и Наркомпроса, но и широких масс, что вылилось по почину агитпропа ЦК ВКП(б) в создание широкого «Общества друзей советской кинематографии» (ОДСК),— к т. Дзержинскому обратились с просьбой стать во главе этого нового общественного начинания.

Тов. Дзержинский и тут откликнулся быстро, энергично и практически. Он выразил согласие активно работать «в ОДСК и прислал первому организационному собранию ОДСК в Москве следующее письмо:

Уважаемые товарищи.

Кинематограф может и должен стать могучим орудием культурного под'ема нашей рабоче-крестьянской страны. Мы отстали, некультурны, неграмотны, но мы поставили перед собой труднейшую задачу — в короткий срок стать самой передовой, самой культурной, самой грамотной страной.

Первые успехи развития нашего хозяйства и перспектива дальнейшего быстрого под'ема нашей промышленности подводят крепкую базу под общекультурный подъем рабочих и крестьянских масс.

В этом деле кинематограф должен будет сыграть немаловажную роль.

Приветствую учредительное собрание Общества друзей кино, я желаю ему всяческого успеха в будущей работе.

«Кино и радио в деревню и рабочие кварталы»,— пусть это будет нашим лозунгом, пусть кино и радио помогут скорейшему преодолению нашей некультурности.

Ф. Дзержинский».

ОДСК приняло лозунги своего идейного руководителя, и работа стала развертываться.

3 апреля 1926 г. Феликс Эдмундович на собрании пленума совета ОДСК уже подытоживал первые практические результаты возглавленной им организации в области популяризации кино как «орудия культуры».

Как всегда, и тут тов. Дзержинский старался ухватить основное звено в цепи. Практическое, а не только словесное содействие строительству кино, кинофикация окраин, сел и рабочих районов, планомерная материальная помощь кинопромышленности — таковы были задачи, выдвинутые им на этом первом деловом пленуме нового общества.

Не обошлось с его стороны и без суровой критики отдельных сторон проделанной работы, суровой не столько по тону, как-то особенно жизнерадостному и добродушному, а по неумолимо-логическому смыслу и обоснованности.

Тот же принцип лег в основу подбора правления. К каждому кандидату тов. Дзержинский обращался с характерным вопросом: «А вы будете работать?» И только получив твердый ответ, соглашался на введение этого товарища в правление.

За краткий период руководящей работы тов. Дзержинского ОДСК значительно выросло и окрепло.

И теперь лозунг тов. Дзержинского — «Кино в деревню и рабочие кварталы» остается основным лозунгом работы не только ОДСК, но и тех его самодеятельных рабоче-крестьянских ячеек, в которые так верил ушедший вождь.

А. Орлинский

ДЗЕРЖИНСКИЙ

ТРУД И КАДРЫ

На примере тов. Дзержинского молодое поколение должно учиться, как нужно работать. В свою работу Феликс Эдмундович вовлекал широкие круги рабочих и с их помощью проводил самые сложные мероприятия. Все проводимые кампании по поднятию производительности труда и по рационализации производства, борьба за снижение розничных цен, за увязку отдельных частей нашего народного хозяйства, режим экономии — эта беспощадная борьба с бесхозяйственностью и с непроизводительными расходами — и, наконец, начатая им в последние дни кампания по улучшению управления промышленностью — все это проводилось тов. Дзержинским путем вовлечения в работу самих участников производства: рабочих, специалистов и хозяйственников.

Тов. Дзержинский никогда не довольствовался достигнутыми успехами и никогда не закрывал глаза на недостатки, которые он изучал тщательно и добросовестно, чтобы основательно искоренить их. Он понимал, что советское строительство не могло в столь короткий срок подготовить руководителей наших заводов, трестов и других хозяйственных организаций к полному охвату всех лежащих на них обязанностей и что, с другой стороны, за такое короткое время невозможно было подготовить смену. Учитывая перелом в настроении специалистов и повышенную активность рабочих, тов. Дзержинский пришел к выводу о необходимости создания на заводах такой обстановки, при которой недочеты одной стороны исправлялись бы другой, при которой была бы возможна общая, дружная работа по улучшению производства.

...«Я повторяю, товарищи профессионалисты, товарищи рабочие, работающие у станка, мы на вас поднажали, но вы тоже нажмите на нас, вы тоже пошевелите мозгами. Вы работаете у станков, — скажите, как улучшить организацию производства, заставьте это сделать хозяйственников, которые за всем не могут поспевать. Вы знаете, что наш аппарат слаб, мы недостаточно его воспитали, у нас недостаточен кадр людей, чтобы подбирать его, а у вас имеются фабзавкомы, рабочие ячейки, производственные совещания, у вас имеются пути для того, чтобы улучшить, рационализировать производство. Если вы думаете,

что наши хозяйственники одни, шевеля мозгами, могут что-нибудь дать, вы ошибаетесь. Только если вместе с вами мы будем шевелить мозгами и опираться на это, мы сможем рационализировать производство». (Из заключительного слова тов. Дзержинского на XIV всесоюзной конференции ВКП(б).)

Производственные совещания должны сыграть огромную роль в деле нашего хозяйственного строительства; без них широкая рационализаторская работа будет крайне затруднительной. В своем письме ко всем ответственным хозяйственникам тов. Дзержинский подчеркивает, что ликвидация бесхозяйственности путем рациональной постановки производства и поднятия производительности труда немыслима без поддержки широких рабочих масс и полного использования их коллективного творчества, инициативы.

В то время как многие товарищи, в том числе и видные профессионалисты, стали скептически относиться к производственным совещаниям, тов. Дзержинский до конца продолжал проявлять к ним величайшее внимание. В записке к тов. Кравелю (заведующему отделом экономики труда ВСНХ СССР) за несколько дней до своей смерти тов. Дзержинский писал:

«Задачи, стоящие перед нами (ВСНХ), смогут быть успешно разрешены лишь при одном условии, если эти задачи станут задачами самих широких пролетарских масс. Самой лучшей формой должны быть производственные совещания. Я считаю этот вопрос сейчас основным вопросом нашего дальнейшего бытия. Хозяйственник, не привлекший поддержки рабочих, которыми он руководит, не может выполнить поставленных партией перед ним задач... И если хозяйственник не знает массы, не умеет стать ее вождем, не сумел завязать с ней постоянных живых связей, то он не может быть ни хорошим членом партии, ни хорошим хозяйственником. Форма этого общения с массой и является производственным совещанием».

Тов. Дзержинский увязывал поднятие производительности труда с повышением заработной платы, путем рационализации производства.

...«Мы, хозяйственники — представители трестов, заводоуправлений — должны принять все меры к тому, чтобы дать рабочему возможность выработать свою норму с пользой для себя. А это возможно лишь тогда, когда действительно директор, заводоуправление, трест будут

заботиться о рациональной организации данной промышленности, данного завода, о рационализации и улучшении техники и сокращении всяких накладных расходов. Лозунгом нашим должно быть безусловное увеличение производительности труда и заработной платы».

(Из доклада тов. Дзержинского о металлопромышленности).

Всегда и везде тов. Дзержинский выступает как новатор, борется со старым не только в политике, но и в технике. Он решительно становится в ряды борцов за революцию в технике и поддерживает все начинания в области перенесения в нашу практику последних достижений науки. На всесоюзном совещании по рационализации производства он призывает всех нас учиться у наших врагов:

...«Наконец я хотел бы обратить внимание на то, что некоторые наши хозяйственники увлекаются заграничной техникой и заграничной постановкой дела. Это увлечение я могу только приветствовать. Я могу только пожелать, чтобы наши хозяйственники не уподоблялись тем, которые говорят: «Зачем нам заграница, шапками закидаем, мы сами заграница». Этот путь самомнения и чванства своим национальным или советским очень опасен. Мы должны быть, как Петр Великий, которого шведы, немцы и другие били, но который брал уроки у них, учился у них строить корабли, строить армию, чтобы получить те знания и то умение, какие имелись за границей. Мы должны пойти по этому пути и создать государство рабочих и крестьян, используя для этой цели, учась с этой целью той технике, усваивая те достижения, которые имеют наши враги...

... Отсюда следует, что мы должны эту технику завоевать, приобрести за всякую цену. Каждый хозяйственник, где бы он ни был, где бы ни работал, должен себе сказать: «а как у наших врагов, как у капиталистов, какая у них выработка на рабочего, почему у них такая выработка, какие у них цены на изделия и почему такие цены на изделия». Он должен ставить этот вопрос и учиться у наших врагов. Я думаю, что наш с'езд есть начало той кампании, которую мы должны поднять именно для того, чтобы взяться за учебу».

В лице тов. Дзержинского молодая гвардия потеряла своего искреннего друга. Он верил в силы подрастающего поколения, в его энтузиазм и решил на практике использовать молодые силы в борьбе с косностью хозяйственного аппарата.

По согласованию с ЦК ВКП(б) в октябре 1924 г. при ВСНХ был организован институт практикантов, предназначенный для студентов-партийцев, преимущественно старших курсов. После тщательного отбора в ВСНХ попало 75 студентов (из Института народного хозяйства — 16, МВТУ — 35, ФОН — 8, Менделеевского института — 6, Лесного ин-та — 2, Горной академии — 8). Из них 40 человек были направлены в комиссии по поднятию производительности труда, 35 — в различные отделы ВСНХ.

Условия работы практикантов были согласованы с каждым из них в отдельности, с тем, чтобы работа в ВСНХ отнимала в неделю в среднем 15 часов. Оплата была установлена общая для всех — 50 руб. в месяц. Студенты пользовались библиотекой ВСНХ, имели право посещения заседаний президиума ВСНХ, главных управлений и т. д.

Направляя их в распоряжение заведующих отделов и председателей комиссий, тов. Дзержинский послал теплое письмо, в котором пишет:

«Их (вузовцев) важно не только распределить, но каждого из них узнать, проинструктировать, завязать с ними прочную связь и давать указания уже в процессе самой работы. Главная их задача — учиться делу самим, учиться видеть и анализировать, учиться выискивать все то, что способно поднять производительность, достигнуть и перешагнуть заграницу, имея всегда в перспективе великую цель и великие задачи. Если наша молодежь, кроме своей собственной учебы у нас, даст нам выявление всех недочетов на первое время, то и тогда это будет большим достижением. Надо обращать внимание на борьбу с комчванством и на поддержку молодого оптимизма и энтузиазма, — остальное приложится. При посылке их в тресты и на заводы необходимо им обеспечить дружелюбное и покровительственное отношение со стороны самой администрации и рабочих без излишней опеки. Это очень трудная и тонкая задача, но в перспективе ее у нас кадр настоящих советских работников — организаторов, администраторов, техников и экономистов».

Опасаясь, чтобы дело привлечения студентов-практикантов к активной работе в ВСНХ не пошло бы бюрократическим путем, тов. Дзержинский зорко наблюдал за этим начинанием. Он созывал к себе руководителей отделов и председателей комиссий, обсуждал с ними методы лучшего использования студентов, заслушивал информации о работе практикантов и выправлял обнаруженные недочеты.

Для постоянного учета и обмена опытом периодически созывались совещания студентов, на которых заслушивались их отчеты о проделанной работе и о встреченных ненормальностях и препятствиях.

На одном из таких совещаний тов. Дзержинский, слушая ропот студентов на встречаемые в работе препятствия, выступил с прочувствованной речью. К сожалению, речь эта не была застенографирована, и остался лишь небольшой кусочек ее, занесенный в протокол. Речь эта восстановлена по памяти, причем ручаемся за правильность не отдельных слов, а за содержание и за ее смысл.

«Активность молодежи, ее чуткость и энтузиазм играли и играют огромную роль во все решительные моменты как в период подпольной борьбы с самодержавием, во время Февральской и Октябрьской революции, так и во весь последующий период гражданской войны и советского строительства.

Привлечение студентов в ВСНХ имеет целью подкрепить старые силы, подготовить смену перегруженным товарищам и влить в дело хозяйственного строительства свежие, полные энтузиазма резервы. Наша старая гвардия редеет, и без поддержки молодых сил наша партия не может справиться с лежащими перед ней задачами. Благодаря своей отзывчивости молодежь больше чем кто-либо способна проводить в жизнь новые начинания. Антагонизма между старыми и молодыми существовать не может — разница только в порыве.

Казалось, что ввести социализм в стране, где существует диктатура пролетариата,— пустяки. На деле это оказалось значительно труднее. Разрушение старого строя мы провели великолепно, но созидательная хозяйственная работа наталкивается на наследие, оставленное нам прежними хозяевами со всеми недостатками, присущими промышленности царского периода.

Работа по поднятию производительности труда вскрывает целую бездну неувязок, целый ряд проблем, без разрешения которых наша промышленность не может развиваться (в том числе вопрос о подготовке смены нашим старым специалистам). Обстановка последнего времени способствовала созданию известной косности и притуплению нашего хозяйственного аппарата. Молодежь должна подойти ко всем животрепещущим вопросам и всколыхнуть вокруг них всеобщее внимание.

ВСНХ в своей работе по оздоровлению промышленности, и в особенности в составлении планов, наталкивается на

колоссальные трудности. Отсюда — обоюдная польза, которую могут получить как ВСНХ, так и студенты от дружной работы. Студенты, замечая недостатки и ища способы их устранения, помогают ВСНХ самой постановкой вопросов. Сами они получают от этого большую пользу для себя, знакомясь с трудностями, встречающимися на пути хозяйственного строительства и приобретая организационные навыки для их преодоления.

Сознание несовершенства работы аппарата побуждает ВСНХ привлечь к его исправлению всех активных строителей — рабочих, служащих и научно-технических работников. Для этой цели созданы комиссии по поднятию производительности труда, которые должны поднять общую активность и ощупью, так как опыта в этой работе еще нет, наметить опорные пункты и вехи нашего дальнейшего хозяйственного развития.

Мы должны изучить наши предприятия и поднять нашу промышленность на высшую техническую ступень. Мы не можем довольствоваться довоенным уровнем, если хотим удержать темп нашего развития: мы должны взять для сравнения производительность заграничных заводов, современную технику. Наши старики относятся к этому скептически, но молодежь должна принять бой и твердо держать курс на применение последних достижений в нашей практике.

Наш аппарат отличается большой косностью, наши специалисты большей частью относятся враждебно ко всяким новшествам — мы должны преодолеть все эти трудности с помощью молодой энергии, горячей веры и любви к делу, и своим энтузиазмом разбить лед косности и неверия.

Нужно избежать неправильных уклонов противопоставления выдвигаемых молодых специалистов старым, — антагонизма между ними быть не может и не должно, нужно создать благоприятную атмосферу для общей дружной работы. Положение специалистов трудное, нужно уметь подойти к ним и дать возможность каждому специалисту искоренять замеченные им дефекты и принимать активное участие в творческой работе. Недостаточное использование специалистов происходит главным образом не по их вине, а по вине наших товарищей хозяйственников, которые не умеют подойти к ним, не умеют найти общий язык.

Руководители отделов должны притти на помощь студентам и крепко увязать их работу с деятельностью отделов. Студенты же должны сжиться с руководителями

отделов, привыкнуть относиться к ним, как к старшим товарищам.

Самое опасное — это невязка между работой студентов в ВСНХ и учебой. Работу в ВСНХ нужно рассматривать как общественную, как партийную работу. Необходимо урегулировать время таким образом, чтобы свести другую общественную и партийную работу студента-практиканта к минимуму. Студенты же должны использовать свою связь с производством, чтобы сделать учебу более плодотворной.

Резюмируя все сказанное, я прихожу к следующим выводам:

а) Несмотря на трудности, отмеченные студентами, работу в аппарате ВСНХ продолжать.

б) С заведующими отделами должна быть установлена прочная связь.

в) В комиссиях по поднятию производительности труда нельзя рекомендовать студентам одного метода. Там, где представляется возможность, нужно изучать производство на заводах.

г) Нужно сдвинуть работу с мертвой точки, нужно устраивать совещания с руководителями отдельных отраслей промышленности и знакомить студентов с важнейшими моментами хозяйственного строительства.

д) Разочаровываться не следует — большие трудности нужно преодолеть с удесятеренной энергией».

Трудно что-нибудь прибавить к словам тов. Дзержинского. Нужно только постараться, чтобы эта прекрасная идея была полнее проведена в жизнь.

ЦК ВЛКСМ должен взять это дело в свои руки, посмотреть, что делается и что нужно сделать для того, чтобы наилучшим образом подготовить надежную смену для занятия командных высот нашего народного хозяйства.

Я. Вишняк

ПАМЯТИ

ФЕЛИКСА ЭДМУНДОВИЧА

5 лет проработал Феликс Эдмундович над решением хозяйственных проблем и все 5 лет не переставал работать над собой, превратившись из энергичного организатора, которому партия поручила в ударном порядке вывести из неслыханной разрухи почти остановившиеся железные дороги, в крупнейшего практика-экономиста партии, соединявшего в себе беспримерную преданность пролетарской революции, энергию, умение заражать своим энтузиазмом не только своих помощников, но всю партию, весь рабочий класс, с изумительным знанием народного хозяйства. Это позволило Феликсу Эдмундовичу дать партии такие постановки экономических проблем, которые при своем решении, проводимом партией в широчайших кампаниях, куда втягивается весь рабочий класс СССР, двигают и двигали хозяйство колоссальными шагами вперед.

Каким путем достиг этого Феликс Эдмундович, каким путем учил нас работать?

Его методы — скромность, высшая требовательность к себе, величайшая добросовестность в обращении с каждой цифрой, с каждым фактом, тщательная проверка, никаких попыток самооправдания в ошибках и беспощадный анализ действительности, вскрытие всех язв для их излечения.

Не было случая, чтобы Феликс Эдмундович стеснялся спрашивать у любого товарища об'яснения тому, что было ему неизвестно и непонятно; на железной дороге, где технические термины и детали встречаются в большом изобилии и специфическая структура хозяйства требует их знания, Феликс Эдмундович расспрашивал и учился до тех пор, пока не понял ее совершенно точно, настолько, что в состоянии был провести коренную реформу организации железных дорог. Каждое свое мероприятие он проверял предварительно, согласовывал, учитывал мнение всех работников от мала до велика. Это позволяло ему втягивать в работу громадный круг людей, воспитывать инициативу скромных работников, которых он привлекал непосредственно к себе, перепрыгивая через десяток ступеней бюрократической иерархии.

Добросовестность Феликса Эдмундовича исключительна; каждый доклад или цифровую справку он изучал

вплоть до проверки правильности выведенных итогов или процентов, сверял цифры из разных источников. Обычное прежде, да и сейчас не выведшееся еще обыкновение делать работу на-глазок заставило его прибегать к требованию тончайшего анализа: «средние цифры», скрывающие за собой успехи одних и промахи других, именно поэтому были величайшим врагом Феликса Эдмундовича. Особую щепетильность в точности данных он проявлял тогда, когда на основании этих цифр испрашивались партийные или советские директивы; доклад Феликса Эдмундовича о металлопромышленности на XIV партконференции и доклад о промышленности на III С'езде Советов заставили ВСНХ СССР и Главметалл сверху донизу осмотреться и проанализировать по два-три раза все данные, которые в этих работах Феликса Эдмундовича встречаются.

Проверив, изучив и обобщив цифры, Феликс Эдмундович делал выводы, не щадя ведомственного самолюбия, не боясь самым решительным образом бичевать недочеты в деле, за которое он нес ответственность, не различая ни своих друзей, ни ближайших помощников от всех других виноватых. Ссылка на «об'ективные условия» им отвергалась; кипучая энергия самого Феликса Эдмундовича была для него лучшим доказательством, что суб'ективными усилиями изменяются об'ективные условия. Недаром даже в своей последней речи, ставшей для него роковой, Феликс Эдмундович вскрывал недочеты в работе металлопромышленности, всегда бывшей для него особенно близкой.

Уверенный в правильности своих выводов после тщательной их подготовки, Феликс Эдмундович проводил их с настойчивостью и силой, не отступающей ни перед какими препятствиями одинаково и в больших и в малых вопросах. И едва ли удастся насчитать много случаев, когда партия и правительство находили их ошибочными. Это об'ясняется тем, что Феликс Эдмундович никогда не подходил к решению вопросов с узко ведомственной точки зрения: и на транспорте, и в промышленности он считал себя (и требовал того же от всех своих помощников) представителем правительства, направляющим данную отрасль в интересах укрепления социалистического строительства, а не представителем интересов транспорта или промышленности перед правительством. В момент проведения денежной реформы он, как нарком пути, категорически требовал не денег от правительства, а сокращения расходов, экономии на транспорте; в последнем заседании президиума ВСНХ СССР, когда интересы развития отдельных

отраслей промышленности подталкивали в сторону требования огромных ассигнований от государства, чрезмерных и непосильных для нынешнего состояния народного хозяйства и в частности денежного обращения, Феликс Эдмундович решительно выступал против этих тенденций.

Именно этой постановкой об'ясняется тот успех, с которым проходили кампаний по поднятым ими вопросам — снижение себестоимости, повышение производительности труда, режим экономии: партия могла целиком поддерживать предложения тов. Дзержинского, ибо это были партийные предложения.

Вечно кипящий, всегда готовый к работе даже в момент усталости от напряженной борьбы, самый скромный в своей личной жизни, ненавидящий все ходульное и отзывающееся красивым жестом, — Феликс Эдмундович умел привлечь к себе всех работников, умел организовать, умел создавать нужную обстановку для того темпа работы, который был у него самого, умел воспитывать в хозяйственных работниках настоящих членов партии, умел передавать свой оптимизм и энергию специалистам.

Он был настоящим ленинцем, ленинцем не на словах, а на деле, осуществлявшим социалистическое строительство и ни на минуту не забывавшим о конкретных его условиях в нашей стране.

В. Межлаук

СТРОИТЕЛЬ СОЦИАЛИЗМА

В работу на хозяйственном посту Дзержинский не внес ни технической, ни экономической особенной подготовки. Он имел то образование, какое имел всякий наш выдающийся партиец из старых кадров. Его университетом была тюрьма, где он зачитывался, как все, марксистской литературой. Специального уклона к изучению экономики у него не было. Почему же он, человек великой внутренней скромности, абсолютно чуждый чванству, мог взяться за неслыханно трудное дело воссоздания хозяйства? Когда Центральный Комитет поставил его во главе Наркомпути, многие думали, что дело в том, что он ударник, что он своей бешеной энергией преодолеет первые затруднения постройки аппарата, первые затруднения, стоящие на пути к тому, чтоб двинуть массу железнодорожников. Но скоро стало видно, что Дзержинский иначе понимает свою задачу, что он изучает не только организацию железных дорог, но и все экономические вопросы, связанные с развитием транспорта, что он вникает во все вопросы железа, угля, без решения которых нельзя поднять на должную высоту транспорт. Для Дзержинского работа на транспорте была только частью хозяйственного фронта; его глубочайшим образом интересовали, волновали вопросы строительства социализма.

Он в эти вопросы вошел полностью, как в жизненную задачу всякого коммуниста. Это не было для него специальностью, это была для него задача задач. Дзержинский глубоко верил в то, что мы можем, что мы в состоянии не просто поднимать хозяйство, но и строить социализм, несмотря на затяжку международной революции. Веря в это непоколебимо, он считал своим долгом вложить всю душу в это строительство. Он знал, как трудно строить. Ему пришлось учиться днями и ночами для того, чтобы уяснить себе картину хозяйственных связей перед войною, чтобы уяснить себе изменения, происшедшие во время войны и революции, чтобы вы-

брать звено, за которое можно ухватиться. И он учился и работал с таким рвением, с таким напряжением, как только мог работать человек его веры и его энергии. Он рос на этой работе, ибо она была задачей, в которой выразились все основные устремления Дзержинского как революционера.

Недавно на маленьком товарищеском собрании группы хозяйственников мне пришлось говорить с Дзержинским об очередных наших экономических вопросах. Другие рассуждали, доказывали, — Дзержинский горел, горел энтузиазмом, горел верой, горел железным убеждением. Один из присутствующих товарищей, знающий Дзержинского, как и я, больше 20 лет, сказал, когда мы возвращались домой: «Он не растратил за всю свою жизнь ни одного атома социалистических своих убеждений и социалистической своей веры».

Бешено работая, заражая всех вокруг себя этой своей верой, Дзержинский понимал великолепно, что работа его будет иметь успех, работа партии будет увенчана победой, если, кроме всего прочего, мы не забудем о двух условиях: победа невозможна без использования всего наследства буржуазной науки. И Дзержинский, который умел беспощадно ломать всякую попытку саботажа спецов, сумел бороться за условия работы для специалистов, за охрану их от чванства, от предрассудков и даже от законного недоверия рабочих масс. Лучшие из специалистов научились уважать и любить Дзержинского, присматриваясь к его великой работе. Но одновременно Дзержинский понимал, что самая совершенная наука не поможет нам построить коммунизма, если она не охватит рабочие массы, если рабочие массы не воспламенятся стремлением к постройке социализма, если они не будут втянуты в разработку всех вопросов нашего строительства. В последнем публичном документе, подписанном Дзержинским, в обращении ВСНХ и ВЦСПС по поводу необходимости усиления работы производственных совещаний, Дзержинский писал: «Хозяйственники должны знать, что ни одно мероприятие, ни один сколько-нибудь крупный вопрос не может быть проведен в жизнь, не может дать необходимых результатов, если он проводится через голову рабочей массы, если он не понят

рабочей массой». Эти слова Дзержинского являются его завещанием, завещанием строителя социализма, который, связав жизнь свою с рабочими массами, пройдя ее в их рядах и во главе их, отбив врага, еще одною рукою опираясь на меч, другой взялся за кирку.

К. Радек

смерть

ПОСЛЕДНЯЯ РЕЧЬ
Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО

в день его смерти 20 июля
на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б)

— Товарищи, я должен сказать, что в докладе т. Каменева и в дополнении к этому докладу т. Пятакова, я поражен в величайшей степени тем обстоятельством, что один из них, будучи наркомторгом... (Каменев: Я выступал докладчиком Политбюро), а другой заместителем председателя Высшего Совета Народного Хозяйства, проявили полное незнание и незнакомство с теми вопросами, о которых они здесь трактовали. И в самом деле, возьмите выступление с этой трибуны народного комиссара торговли. Для того чтобы рассказать вам об опасностях частного капитала,— «кто кого», он читает вам из «Экономической жизни» отчет о заседании Кон'юнктурного института и о докладе тов. Кутлера. Мне кажется, что Народный комиссариат внешней и внутренней торговли — это тот аппарат и тот орган, созданный нами, который должен был в своей работе эти подсчеты иметь, подсчитать и дать нам совершенно определенную динамику. Но тов. Каменев вместо этого, приводя здесь в своем выступлении выдержку из статьи в «Экономической жизни», обнаружил свое полное незнание и непонимание этого вопроса.

В самом деле, что здесь говорится? Здесь говорится, что собственные капиталы частников составляют 426 млн. рублей, а, вместе с тем, их прибыль составляет 400 млн. руб. Какая именно прибыль, т. Каменев? Прибыль валовая, которая является и заработной платой, и содержанием всех частников. Если мы возьмем количество частных торговцев, о которых идет речь,— а цифра эта выражается в сотнях тысяч заведений,— если помножим сотни тысяч заведений на количество членов семей, то от той колоссальнейшей прибыли, с которой т. Каменев сделал скидку наполовину (он сам говорит, что эта статистика совершенно никуда не годна), остается пустяковое,

ничтожное накопление. Тов. Каменев совершенно не понял цифр, приведенных в докладе Кутлера, а т. Пятаков, которому, как заместителю председателя ВСНХ, нужно было бы это знать, говорил здесь о чистой прибыли, пользуясь совершенно неверными методами подсчета.

Я вам расскажу, что это за методы подсчета. Я оглашу документ, который был составлен по моему требованию, ибо я непосредственно занимаюсь торговой политикой; я воевал за упорядочение торговли с кооперацией, я воевал с Наркомторгом, я за этим слежу и наблюдаю. Не разобравшись в той записке, которая попала к т. Пятакову, он бухнул ее с этой трибуны. Я говорю о 46 процентах и 11 процентах. Подумайте только, если бы накопление в год возможно было в сумме 600 млн. руб.,— какие же колоссальные капиталы были бы в частных руках? Если бы чистое накопление составляло 600 млн. руб., как говорил здесь т. Пятаков, то разве Кутлер мог бы говорить о том, что частники имеют прибыль в 400 млн. рублей? Разве можно было бы говорить, что собственных капиталов частники имеют 426 млн.? Надо же связывать в этом вопросе концы с концами. Мы вовсе не бедны данными по вопросу роста и динамики частного капитала. Политбюро назначило меня председателем комиссии, и мне приходится по этому титулу заниматься этими данными.

Какова же та таблица, на которую ссылался т. Пятаков? «В прошлом году по семи товарам — текстильной, металлической, нефтяной, сахарной, соляной, химической и табачной отраслям промышленности—частниками было продано в среднем 46 процентов из всего того количества, которое было продано в розницу». Эти 46 процентов, т. Пятаков, к вашему сведению, составляли не два ваших фантастических миллиарда, а всего 940 млн. рублей. Из общей товарной массы, идущей в розницу, в два миллиарда частник продал на 940 млн. рублей. Вот основные данные.

Пятаков (с места). Я вовсе говорил не об этом.

Дзержинский. Вы говорили об этих 46 процентах и 11 процентах распределения в плановом порядке.

Пятаков (с места). Я говорил о других данных, а не об этих.

Дзержинский. Нет, именно об этих данных. Извольте мне представить те другие данные, если вы говорили о других. Вы говорили, что в плановом порядке вы снабжаете 11 процентов, а частник имеет всего 46 проц. Это и есть тот же документ.

Теперь об оптовых ценах. И здесь то же невежество и незнание: оптовые цены снижены были нами не на 37 проц., как утверждал Пятаков, а на 27 процентов. Какова же была накидка на оптовые цены? Накидки по этим изделиям были совершенно иные, не те, о которых говорит тов. Пятаков, ибо накидка в 62 проц. относится не к прошлому году, а только к самому последнему времени,— она относится к тому времени, когда мы частника, из-за недостаточности товаров, зажали в бараний рог, когда он должен был переплачивать, когда он должен был нанимать безработных, ставить их в хвосты, оплачивать их, когда он должен был окупать всю бесхозяйственность в наших торговых организациях. Я вам назову все индексы, которые были в прошлом году в частной торговле на предмет первой необходимости. На 1 октября 1923 г., когда наши оптовые цены были очень высоки, накидка в частной торговле была только 8 проц.; на 1 октября 1924 г. она составляла уже 40 проц. в частной торговле; на 1 октября 1925 г. она составляла 51 проц. Где же эти 62 процента? Затем идет по порядку, по месяцам: 54 проц., 58, 56, 57, 62 проц.

Пятаков (с места). Я говорю в среднем 60 проц.

Дзержинский. Тов. Пятаков свое невежество уже обнаружил и поэтому ему позволительно кричать.

Троцкий (с места). А вы всегда пользовались молчанием, тов. Дзержинский?

Дзержинский. Я думаю следующее. Вы — свидетели уже не один день, как меньшинство желает вывести из равновесия большинство, и я не буду на такие реплики обращать внимания, ибо чем мы больше обращаем внимания на эти выходки, тем больше мы этим даем возможность оппозиции нашу деловую работу дезорганизовывать.

Голоса. Верно!

Дзержинский. Вот какие накидки были на вольном рынке. На апрель мы имеем: по ситцу — 74 проц., гвоздям — 83 проц., керосину — 26 проц., галошам — 41 проц., сахару — 7 проц., подсолнечному маслу — 41 проц., махорке — 31 процент, спичкам — 22 проц. Это — на вольном рынке. Какие же накидки были у нас в нашей кооперативной системе? По данным Центросоюза, на 1 марта: по ситцу — 36 проц., причем 36 проц. не от отпускной фабричной цены, а от цены Центросоюза; следовательно, если бы считать от наших отпускных фабричных цен, то процент был бы выше. По ниткам — 38 проц., га-

лошам — 32 проц., железу — 42 проц. и т. д., и т. д. Вот видите, что разница между частными и нашими кооперативными торговыми организациями не является такой огромной, такой колоссальной, что она могла бы свидетельствовать о том, какое огромнейшее, колоссальнейшее накопление происходит в частных руках. Надо сказать следующее, что область, в которой народным комиссаром состоит тов. Каменев, является больше всего неупорядоченной, больше всего поглощающей наш национальный доход. Причем тут развитие нашей промышленности? Т. Пятаков предлагает, со свойственной ему энергией, все средства, откуда бы они ни шли, гнать в основной капитал. Но именно такая постановка,— разве она не есть сдача позиции частному капиталу? Если мы в наших промышленных и торговых организациях изымем и обратим оборотные средства на основной капитал, ясно, что частник на рынке сможет овладеть процессом обращения. Если мы желаем вести борьбу с частным накоплением, с частной торговлей, то какие мероприятия должны быть приняты нашей партией и Политбюро? Урегулирование взаимоотношений кооперации с промышленностью, укрепление всеми силами кооперации, но не теми методами, чтобы покрывать ее недостатки,— я являюсь величайшим врагом таких методов, как являюсь врагом того метода, который предлагает тов. Пятаков по отношению к промышленности,— представляет дело так, что у промышленности все благополучно, а только давайте побольше деньжат. Также необходимо упорядочение нашей кооперативной торговли, осуществление постановлений в отношении ее XIII с'езда и упорядочение регулирования по отношению частного капитала, частных торговцев. Это даст нам возможность частное накопление приостановить и усмотреть, в какой области частный капитал усиливается и растет. Если говорят вообще о его росте, это неправильно, но есть участки, на которых он растет и развивается. Это именно те участки, которыми владеет тов. Каменев,— участки заготовок среди крестьянства.

Голос. Скажите про оптовую.

Дзержинский. Что касается оптовой торговли, то ВСНХ, при помощи своих синдикатов, из оптовой торговли частника так выжил, что он там играет незначительную роль. А где частник силен? В хлебозаготовках, в заготовках кожи, т. е. в той области, которая находится в ведении тов. Каменева. А он приходит сюда и плачет, что все у нас скверно: мужик богатеет, благо-

состояние у него увеличивается. А тов. Пятаков говорит, что деревня богатеет. Вот несчастье! Наши государственные деятели, представители промышленности и торговли проливают слезы о благосостоянии мужика. А какое благосостояние: 400 млн. мужики накопили, по 4 рубля на брата. (Смех, голоса: Еще меньше.)

Тов. Пятаков говорит: деревня нас обгоняет. Если сравнить цифры нашего развития, то мы имеем в промышленности рост в последние 2 года в 60 проц. и 40 проц. А каков процент роста сельского хозяйства? Когда тов. Каменев приводит данные: «Смотрите, на 2½ млрд. товаров мужик получил в прошлом году, а теперь ему дают на 3.600 млн. руб.», я спрашиваю, по каким это ценам? По розничным. А что значит розничные цены для мужика? Разве неизвестно вам, тов. Каменев, какое отношение между продажными ценами мужика и теми ценами, по которым мужик получает промышленные изделия? Разве наше внимание не должно быть обращено на эту сторону? В чем тут вопрос, в чем дело? И тут выступает на смену программа т. Пятакова, бессмысленная, антисоветская, антирабочая программа за повышение отпускных цен. Это — ликвидация нашей борьбы за снижение розничных цен. Он совершенно отбрасывает то, о чем сам раньше говорил, что мы в СССР являемся передовым социалистическим отрядом, должны равняться по заграничным коэфициентам цен, качества и т. д., иначе нас будут бить. Тов. Пятаков забыл об этом, забыл о том несчастье, которое сопутствует нашему развитию, о том несчастье, что у нас не упорядочено дело снижения цен.

Жаль, что тов. Каменев нам не рассказал, почему у нас хлеб есть, а экспорта нет. Почему это так? Именно потому, что у нас слишком высокие цены,— вот почему его нет. Потому что нет никакого интереса за границу его посылать. Почему тов. Каменев здесь нам не расскажет и не рассказал, какие бешеные, сумасшедшие накладные расходы в наших заготовительных аппаратах по заготовке хлеба? Почему он не рассказал нам о том, что эти высокие цены, которые мы имеем, определяются не тем, что у нас большое накопление в торговле и промышленности, а тем, что мы ведем наше хозяйство страшнейшим образом бесхозяйственно? К примеру, из практики т. Пятакова. У нас, как вы знаете, пятилетние планы вырабатываются по различным отраслям народного хозяйства. Между прочим, с одним из них мне пришлось ближе познакомиться. Это план относительно резиновой промышлен-

ности. По этому плану предполагалось, что мы в шинном и галошном производстве сможем достигнуть известного уровня лишь только в 1930 г., а так как потребность к тому времени будет гораздо больше технических возможностей действующих заводов, то нам нужно строить в Ярославле новую фабрику, на которую нужно будет потратить 42 млн. руб. Больше двух миллионов рублей уже издержано на заготовку всяких материалов и т. д. Я говорю о той бесхозяйственности, за которую я отвечаю, (Пятаков подает реплику, но ее за общим шумом не слышно). Вы сами ошибались, но я за ВСНХ отвечаю и за вас. Поэтому я не отказываюсь от наших промахов, и поэтому оказалось, что то, чего мы думали достигнуть по пятилетней программе, мы сейчас уже достигли без всякой постройки новой фабрики, и те улучшения, которые могут быть произведены сейчас и дать колоссальнейший прирост производства во всех отношениях.

Я скажу и еще одно, так как т. Пятаков говорил, что я говорю из его области,— я скажу из своей области, где я являюсь председателем непосредственно,— из Главметалла. По Главметаллу в этом году мы засадили напрасно 45 млн. руб., как это сейчас выявляется. На всякие полуфабрикаты, на всякие запасы, которые не отвечали программе, мы засадили до 45 млн. руб.

А если вы посмотрите на весь наш аппарат, если вы посмотрите на всю нашу систему управления, если вы посмотрите на наш неслыханный бюрократизм, на нашу неслыханную возню со всевозможными согласованиями, то от всего этого я прихожу прямо в ужас. Я не раз приходил к председателю СТО и Совнаркома и говорил: дайте мне отставку или передайте мне Наркомторг, или передайте мне из Госбанка кое-что, или передайте мне то и другое, потому что столько согласований, что нельзя решать вопроса, нельзя так работать. Мы подняли кампанию за снижение розничных цен.

Председатель. Время истекло. Сколько еще нужно?

Дзержинский. 10—15 минут.

Голоса с мест. Без ограничения времени.

Дзержинский. Товарищи, когда спрашивают, «кто кого», и когда спрашивают, за чей счет,— пусть смотрит наш Наркомторг, чтобы богател такой человек, который нам нужен, пусть с этой трибуны не говорит, что деревня вообще богатеет.

Каменев. Чтобы Дзержинский не засаживал 45 млн. рублей напрасно.

Дзержинский. Для того, чтобы Дзержинский не засаживал 45 млн. рублей напрасно. Да, да.

Каменев. Вы 4 года нарком, а я только несколько месяцев.

Дзержинский. А вы будете 44 года, и никуда не годны (смех), потому что вы занимаетесь политиканством, а не работой. А вы знаете отлично, моя сила заключается в чем? Я не щажу себя, тов. Каменев, никогда. (Голоса с мест: Правильно!) И поэтому вы здесь все меня любите, потому что вы мне верите. Я никогда не кривлю своей душой; если я вижу, что у нас непорядки, я со всей силой обрушиваюсь на них. Мне одному справиться трудно, поэтому я прошу у вас помощи, и я уверен глубочайшим образом, что если бы Наркомторг был в одном комиссариате с нами, мы гораздо скорей двинули бы дело снижения розничных цен и улучшения аппарата.

Вот, да, Политбюро знает, не сомневается, что Наркомторг для защиты крестьянства создан. Как же, для защиты крестьян. А кто ведет политику снижения цен? Кто говорит,—не нужно цены повышать? К чести ВСНХ нужно сказать, что он все время проводил и на своих плечах вынес директиву, снижения цен, к чести его нужно сказать — он вынес эту директиву, а к чести т. Пятакова, что он выполнять эту директиву нам не мешал. (Петровский: Только всего? — и за это спасибо.) Если говорить о накоплении,— нужно сказать, за чей счет оно производилось. Тов. Каменев приводил цифры распределения товаров между городом и деревней, да он забыл об одном: что деревня была нищая, что в ней было в значительной степени натуральное хозяйство, а теперь товарность ее растет изо дня в день, и поэтому специализируется работа; технические культуры все больше и больше растут, все больше растет и товарооборот города с деревней. Поэтому я скажу: надо страну индустриализировать, а этого не будет, если не будем получать все в большей и большей степени продуктов сельского хозяйства. Почему? Потому что нам нужно из деревни сырье, нам нужен хлеб, нам нужна кожа, нам нужна картошка, шерсть, нам нужно деревенское сырье. Нельзя индустриализироваться, если говорить со страхом о благосостоянии деревни. Я спрашиваю: что значит богатение деревни по сравнению с тем развитием, которое получает наша промышленность в отношении удовлетворения нужд рабочих? Весь фонд заработной платы в крупной государственной промышленности, т. е. фонд, обнимавший не всех

рабочих, а только 1.420.000 чел. в октябре 1924 г., а на 1/IV 1926 г.—1.904.000 чел., возрос с октября 1924 г. по апрель 1926 г. с 59 млн. до 104 млн. в месяц, т. е. почти вдвое. Как тут можно сравнивать город с деревней? Я прямо не знаю, как назвать такое отношение. Если взять рост заработной платы на одного человека, то в октябре 1924 г. она была 1 р. 69 к. в среднем по всей промышленности, в марте этого года — 2 р. 38 к. в день. Металл. пром.—1 р. 87 к., в марте—2 р. 78 к., текст. пром. — 1 р. 46 к. — 2 р. 01 к., хим. пром.— 1 р. 40 к.— 2 р. 40 к. и т. д.

Из всего сказанного вы видите, как росла зарплата рабочих, но так как Наркомторг плохо работал, так как он недостаточно обуздывает частный капитал, те жертвы, которые несла промышленность, не полностью отражались на увеличении бюджета рабочего, так как уменьшалась покупательная способность денег, которые промышленность рабочему давала вследствие роста розничных цен.

И поэтому, если вы посмотрите график, как росла реальная заработная плата, то увидите, что благодаря этим высоким розничным ценам, т. е. благодаря неупорядочению нашей торговли, заработная плата за 5 месяцев реально фактически несколько понижалась. Вот поэтому вместо того, чтобы заниматься разговорами о зарплате вообще, надо заняться снижением розничных цен. Но когда мы вносим предложение относительно обуздания частного капитала, Наркомторг отмахивается. Он боится, как бы тут нэп не нарушить, чтобы чего не испортить. (Реплика Пятакова, которую не слышно.) Тов. Пятаков, если хотите, я могу огласить документы, хотя у меня времени мало. Я знаю, вы бы этого не сделали. (Смирнов: Он хитрее.) Я знаю, что Наркомторг — это есть Каменев. Что он хитрее, я знаю, а, во-вторых, тов. Каменев и туда и сюда. Если взять, как он работает, то он не работает как следует быть, а и туда и сюда. В этом заключается его слабость. Что мы предлагаем по отношению к частнику? Мы говорим: для того чтобы снизить розничные цены нашего частника, мы должны давать ему товар только в плановом порядке, только по договору: «не имеешь права больше 20 проц. накидки делать». И мы прибавляем, к сведению тов. Пятакова, что еще десять-пятнадцать процентов на частника надо набросить в пользу государства. Если мы даем ему на определенную сумму, он должен известный процент подать за то, что мы ему

наш товар, государственный товар даем. Спросите-ка Наркомторга, как он к этому относится. (Тов. Пятаков, которого не слышно.) Ничего подобного. Что он машет руками? Надо уметь вносить предложения, а не демагогией заниматься. Мы внесли в Политбюро, мы внесли в СТО совершенно реальные и конкретные предложения. Кем они были отвергнуты? Вот, возглавляющим учреждение Наркомторг. И канителят нас, и канителят нас без конца. Что мы дальше предлагаем? Мы предлагаем дальше репрессивные меры против спекулянтов. Тогда Наркомторг говорит: опасно нэп отменять.

Каменев. Кто это?

Дзержинский. Ваш заместитель. Тов. Фигатнер был при этих наших спорах.

Каменев. А я был?

Дзержинский. Что касается вас, то я думаю, что вы вообще очень часто не бываете.

Ворошилов. Занят литературным творчеством.

Дзержинский. Разрешите мне в нескольких словах перейти к той области, которая тов. Пятакову должна быть более известна и которую он, к сожалению, безбожно перепутал здесь. Вы помните, когда тов. Каменев говорил относительно того, что мы в будущем году расширяемся на 15—16 проц., то тов. Пятаков подсказал, что в области предметов широкого потребления на 11 проц. только.

Пятаков. Это неверно.

Дзержинский. А как вы сказали?

Пятаков. По отношению к отраслям промышленности, работающим на широкое потребление.

Дзержинский. Верно. Я могу сказать, как вы сказали. Но вы запутались. К сожалению, тов. Пятаков вчера ушел с нашего заседания президиума, когда происходило рассмотрение контрольных цифр, и когда мне было доложено на президиуме вчера утром, что тяжелая индустрия увеличивается на 24, даже на 25 проц., а легкая всего только на 11 проц., я сказал: явная несуразица — при увеличивающейся товарности крестьянского хозяйства, при росте заработной платы говорить, что мы можем ограничиться только 11 проц. увеличения предметов широкого потребления. Говорить при этом, что мы ни копейки на ввоз готовых изделий из-за границы в нашей программе дать не можем,— это значит предлагать неосуществимую, неверную программу. Ибо это означает срыв нашего червонца, а срыв червонца означает срыв заработной платы.

Тогда мне все работники, которые для тов. Пятакова подрабатывали этот вопрос, сказали: «Не бойтесь, мы взяли подразделение искусственное, взяли такую так называемую тяжелую индустрию». Что такое тяжелая индустрия? Весь металл, вся электротехника, вся нефть, все топливо — это тяжелая индустрия, а остальное — легкая, и тогда так называемая легкая индустрия и тяжелая индустрия такой процент дают. Но вы ведь знаете, металлопромышленность работает на широкий рынок, сельскохозяйственные машины — на широкий рынок. А керосин в деревню не идет? Что там — лучину жгут, что ли? А лампочка электрическая в деревню не идет? Я спрашиваю, а как тогда будет? Мне ответили, что если взять эти цифры, то получается такой рост, что в прошлом году и в будущем году будет процент взаимоотношений один и тот же, т. е. что в одинаковой степени увеличивается внутреннее производство только для промышленности, транспорта и строительства и одинаково для широкого рынка. Поэтому пусть вас не пугает эта цифра, тов. Каменев. Мы исправили вчера же на заседании президиума ошибку тов. Пятакова и в другом отношении. Вы помните, он здесь выступал с речью о том, чтобы не сокращать текстильных рабочих. Но кто составлял текстильную программу так, что надо было 49 тысяч рабочих уволить? Программа была составлена по указанию Пятакова.

Пятаков. У меня директива была обратная — не сокращать.

Дзержинский. Видите ли, вы занимаетесь собесовской точкой зрения: нанимать лишних рабочих и их не увольнять. Вы являетесь самым крупным дезорганизатором промышленности. Я думаю, что мы не можем пойти на то, чтобы рабочие-текстили и наши ткацкие станки бездействовали при ужасающем товарном голоде. Нам придется пересмотреть, т. Пятаков, импортную программу и купить за границей дополнительно 1 млн. пудов хлопка.

Пятаков. Что я и предложил.

Дзержинский. Но чего вы не говорили. Достаточно было моего присутствия на президиуме, чтобы эту ошибку исправить. И мы исправили ошибку. (Реплика Троцкого не уловлена.) Конечно все хорошее исходит только от последователей тов. Троцкого, а все дурное исходит от того, кто с ним не соглашается.

Тов. Пятаков говорит: «Я указывал на нашу бесхозяйственность, на те резервы, которые имеются в торговом нашем аппарате и в производственном нашем аппарате».

Но тов. Пятаков все зарится на бюджет. Я спрашиваю, армию надо сократить? Армию сокращать нельзя, а армию и расходы на армию надо сейчас увеличивать.

Голоса. Правильно!

Каменев. А Военпром? Что вы сделали с Военпромом?

Дзержинский. Тов. Каменев, видите ли, какая есть разница между мною и вами: что вы всю беду взваливаете на лицо, которое возглавляет, а я этого не делаю. (Реплика Бакаева не уловлена.) Пожалуйста, тов. Бакаев, расскажите вы нам о вашем хозяйствовании. Я на ваши пустяки не отвечаю. Меня на эту работу назначил Центральный Комитет партии, и поэтому я ваше замечание отметаю.

Что еще сокращать в бюджете? Расходы на образование? Тов. Пятаков, может быть, вам скажет, как наша промышленность задыхается от недостатка культурности, от недостатка квалификации. Мы не можем сократить этих расходов. Мы должны и можем сократить чисто административные расходы нашего аппарата, и Совет Труда и Обороны принял постановление о сокращении этих аппаратных расходов. Тов. Пятаков дальше говорит: зачем это вы нас дергаете? В конечном счете вы даете средства, зачем дергаете? Я целиком к голосу тов. Пятакова присоединяюсь. Действительно, когда мало средств, когда наши хозяйственники пред'являют требования преувеличенные, когда средств мало, то получается сплошная мука. То, что переживаем мы в области кредита, в области средств, я утверждаю, раз мы пошли на путь индустриализации, раз взяли тот темп, который имеем,— это неизбежно, но не надо здесь преувеличивать и преуменьшать. Тов. Пятаков сказал, что мы требовали в третьем квартале, чтобы от нас не отнимали и нам ничего не давали. Надо сказать, мы требовали не этого. Мы требовали увеличения на 81 миллион. Тогда нам не дали этих 81 миллиона, а Шайнман, там сидящий, предлагал кредитование сократить на 45 миллионов, а мы требовали его увеличения на 81 миллион; в конце концов нам отказали и приняли точку зрения Госбанка, действительно, тогда увеличивать кредитование нельзя было. Когда же увеличение кредитования стало возможным и особенно необходимым, тогда нам эти средства дали. Поэтому вы видите, что именно все те данные и все те доводы, которые здесь приводила наша оппозиция, основаны не на фактических данных, а на желании во что бы то ни стало помешать той творческой работе, которую Политбюро и пленум ведут. (Аплодисменты.)

ЕГО ПОСЛЕДНЯЯ РЕЧЬ

„А вы знаете отлично, моя сила заключается в чем. Я не щажу себя, тов. Каменев, никогда. (Голоса с мест: Правильно!) И поэтому вы все здесь меня любите, потому что вы мне верите. Я никогда не кривлю душой; если я вижу, что у вас непорядки, я со всей силой обрушиваюсь на них...“

(Из последней речи Ф. Дзержинского на пленуме ЦК и ЦКК 20 июля.)

В этих словах Ф. Дзержинский сам, — и притом именно по-своему: просто, прямо, сильно, кровью страстного сердца, — дал себе замечательную и, действительно, правдивую характеристику. Больше того. Здесь сказано так же верно, как партия относилась к этому замечательному партийцу, к этому славному представителю коммунизма.

Не только приведенный отрывок речи, — вся последняя речь Ф. Дзержинского, как это было у него обычно во всем, — один из лучших образчиков партийности, действительно коммунистического отношения к себе, к своим обязанностям, ко всей работе и борьбе за коммунизм. Нет нужды в данной связи останавливаться на отдельных моментах этой речи, на отдельных вопросах и личных характеристиках, — это заслуживает своего особого внимания. Сейчас мне хочется подчеркнуть лишь общий смысл и характер предсмертной речи Феликса Дзержинского. Это необходимо потому, что в ней так ярко и сильно отразились чувства и мысли одного из лучших наших партийцев, этого подлинного коммуниста, когда надо — революционера-разрушителя, а затем полного творческих замыслов коммунара-строителя.

В чем сущность последней речи, этого завещания Ф. Дзержинского?

Речь наполнена животрепещущими темами дня, из каждой мысли ее вырывается огонь страстных призывов к борьбе с трудностями и недочетами и, вместе с тем, она дышит заражающей уверенностью в победе пролетариата.

Ф. Дзержинский суров и беспощаден, когда говорит о недочетах нашей строительной работы. Ему хорошо из-

вестны болячки и язвы хозяйственной жизни. Он не может не нападать на недостатки торгового аппарата и кооперации, на их слабости в борьбе с частником, в борьбе за снижение розничных цен, за снижение накладных расходов при заготовках. Дзержинский прямо бичует недочеты и пороки системы управления, ее бюрократизм и душащую дело волокиту. Практические нужды хозяйственной работы, необходимость дачи быстрых и ясных государственных директив по всей хозяйственной линии заставляли в последнее время особенно сосредоточивать его внимание именно на борьбе с недочетами системы управления.

Но Дзержинский с той же беспощадностью, смелостью и прямотой говорит о недостатках непосредственно в своей работе. Он подчеркивает, решительнее даже, чем другие, ошибки, промахи и неудачи в той области, в строительстве промышленности, где он являлся руководителем. Он и здесь не ждет напоминаний об ответственности перед партией и пролетарским государством за порученное ему дело и, в частности, за промахи и недостатки в нем. Он говорит об этом первый, он весь поглощен заботой об их преодолении, он горит в работе по их исправлению и, добившись успеха в одном месте, берет на себя еще более трудную и сложную задачу в другом.

Таков Ф. Дзержинский был в жизни, таков он и в своей последней речи.

Но все это только одна половина или какая-то, хотя и важнейшая, часть его. «Весь» Дзержинский в том, что эту «бешеную», «сумасшедшую» страсть к борьбе с недочетами нашего строительства он соединял с исключительной партийностью во всей своей общественной работе. «Весь» Дзержинский сказывался тогда, когда его страстную ненависть пролетарского революционера, ненависть к остаткам прошлого, отягощающим недочеты, и слабостям нашего никогда еще и нигде в мире не испытанного строительства кто-нибудь пытался использовать с «недоброкачественной» политической целью, с целью противопоставления линии Дзержинского политике партии. В таких случаях Дзержинский с той же исключительной страстностью, прямотой и решительностью давал отпор «недоброкачественным» попыткам оппозиционной политики. Так, попытки на почве якобы «защиты интересов промышленности» сделать Дзержинского другом оппозиции, так называемых «сверх-индустриалистов» (а лучше сказать — горе-индустриалистов!), всегда плачевно кончались жалким крахом.

Как неутомимый и не умевший отдыхать работник, весь погруженный в практическое дело, но, вместе с тем, исключительно одаренный пониманием основного курса партии и чуткостью к настроениям рабочих масс, — Ф. Дзержинский как-то просто и естественно отбрасывал от себя подобные потуги оппозиции. И всегда это кончалось тем, что сам Дзержинский сокрушительно обрушивался на головы оппозиции против ее попыток дезорганизовать деловую работу.

Его предсмертная речь была особенно ярким выражением этого настроения. В ней в полной мере сказывается, насколько чужд был Дзержинский всякому хныканию, всякому «крикливому пессимизму», всякой панике перед трудностями. Напротив, он — как в этой речи, так и во всей повседневной работе — подлинный энтузиаст победы пролетарской революции и живое воплощение пафоса социалистического строительства.

И как настоящий коммунист, настоящий партиец, из факта многочисленных трудностей в об'ективной обстановке и недочетов самой нашей работы он приходит не к унылому, разлагающему мысль и волю скептицизму, а к увеличению требований и запросов прежде всего к самому себе, к своей работе, ко всей работе государственных и других органов, под углом оценки ее результатов с точки зрения поставленных партией задач. Дзержинский бичует слабости и промахи практической работы, он не щадит тут никого, и в том числе себя, но все это не что иное, как страстный призыв к поднятию качества всей нашей работы, к усилению энергии и воли всего пролетариата в деле преодоления препятствий на пути развития пролетарской революции, к действительному повышению социалистического уровня практического строительства.

Предсмертная речь Ф. Дзержинского — один из таких пламенных призывов еще более об'единить усилия партии в творческой работе развертывающегося строительства социализма. Для всех коммунаров, как и для всех рабочих, эта речь — прекрасная частица того Ф. Дзержинского, которого они так горячо любили за его исключительную самоотверженность в революционной работе, за его героизм пролетарского борца, за его славную жизнь — пример одного из лучших партийцев-коммунаров.

В. Молотов

ПАМЯТИ

БОРЦА ЭНТУЗИАСТА

В лице дорогого, любимого всей партией и рабочим классом, Феликса Дзержинского мы потеряли незаменимого руководителя промышленности. Он был энтузиастом индустриализации; он был крайне разносторонним в поисках источников в нашем народном хозяйстве, могущих быть обращенными на ту же цель — на развитие промышленности. В силу этого не было отрасли хозяйства и вообще сферы государственной деятельности, которую бы не знал Дзержинский, к которой бы он не подходил пытливо.

Он и умер вскоре после речи о том, где и как нужно искать источники для под'ема нашей страны к социализму.

Сердце старого бойца и энтузиаста не выдержало.

В. Куйбышев

КОНЧИНА
ДЗЕРЖИНСКОГО

Многие в рядах мирового революционного пролетариата будут потрясены, когда узнают, что наш великий товарищ закончил свой жизненный путь. Одно его имя напоминает нам всем тяжелые дни революционной борьбы, когда гражданская война была в самом разгаре, а на его долю выпало сыграть в ней гигантскую роль. И он вел свою тяжелую и почетную работу, в то время как буржуазия всего мира обливала его имя грязной клеветой.

Тот период гражданской войны, когда он был главой Всероссийской чрезвычайной комиссии — ВЧК, глубже всего врезался в память врагов рабочих. Нам в западных странах расписывали эту комиссию как дьявольскую организацию, возглавляемую страшной, мрачной фигурой — Дзержинским, не брезгающим никакими средствами насилия для полного порабощения всех хороших людей. Буржуазные газеты писали, что призрак террора преследует всех на улицах, в поездах, на фабриках; люди говорят друг с другом лишь шопотом, не осмеливаются ничего продавать, ни о чем думать, не осмеливаются ничего делать, что не было бы разрешено этой страшной организацией.

Эта организация,— твердила буржуазия,— убивала сотни и тысячи людей без суда, бросала тысячи людей в страшные застенки, после чего о них уже никто никогда ничего не слыхал. А самого Дзержинского капиталистическая пресса считала воплощением этого террора.

Когда впоследствии он перешел в Высший Совет Народного Хозяйства и доказал свои способности в области строительства советских республик, буржуазия была в недоумении и не могла найти подходящее об'яснение этому. Сначала она рассматривала это назначение как подозрительное мероприятие, имеющее целью шпионаж внутри страны, но затем она открыто отдала дань его уменью работать и справляться с поставленной задачей. Деловые люди, приезжавшие сюда с целью завязать торговые сношения, вынуждены были признать, что он знает свое дело, и отказывались говорить о нем что-либо плохое.

Мне впервые пришлось говорить с ним в 1922 г. Я хорошо помню, с каким спокойствием он задавал вопросы об английских рабочих и как разителен был контраст между образом этого человека, нарисованным буржуазной прессой, и тем, каким он был в действительности. Я не помню всего разговора, но я никогда не забуду спокойной ясности этого человека, внушавшего всем полное доверие к себе, человека, много выстрадавшего, твердо шедшего к одной цели, от которой его ничто не могло отвлечь.

При жизни он был известен миллионам рабочих как один из великих вождей в их борьбе за освобождение. После его смерти еще большие миллионы узнают о его жизни, полной революционной самоотверженной борьбы.

Ты многое сделал, товарищ! Ты боролся в великой борьбе и кончил свою жизнь на боевом посту. Мы будем больно чувствовать твое отсутствие, товарищ, но великая партия, которую ты помогал строить, и еще более великий Интернационал, частью которого эта партия является, будут продолжать твое дело, и в их еще более великой победе будет и твоя большая доля.

Великая жизнь и великая кончина в боевых доспехах— это все, что мог бы себе пожелать старый большевик.

Член ЦК английской компартии
Дж. Мерфи

У ГРОБА
ВОЖДЯ И БОРЦА

Тов. Дзержинский умер. Умер за революционной работой, едва успев оставить трибуну на пленуме ЦК ВКП(б). С глубокой скорбью склоняет над его прахом свои знамена коммунистическая партия Советского Союза, с глубокой скорбью склоняют над его прахом свои знамена все секции Коммунистического Интернационала, в том числе и революционные рабочие Чехо-Словакии.

Дзержинский был одним из крупнейших творцов российской социалистической революции. Поэтому он является одной из крупнейших фигур Коммунистического Интернационала. Российская социалистическая революция — не только национальное событие; как в стадии борьбы за свое существование, так и в стадии строительства социализма она была и остается важнейшим столпом мировой революции. В первую очередь деятельность Дзержинского в российской пролетарской революции обеспечила ему на вечные времена почетное место в Коммунистическом Интернационале.

Дзержинский был воплощением революционной прямолинейности, не признающей компромиссов, революционной энергии, революционной непреклонности, революционной дисциплинированности, самопожертвования и честности. Когда он вчера говорил с трибуны, мы все чувствовали, что этот человек живет лишь в огне революции. А два часа спустя его уже не было в живых,— он сгорел в огне революции.

Революционные рабочие всего мира знают, что Дзержинский сделал для подготовки и защиты русской революции. В подполье, в одиночной камере и в ссылке он еще до Октября подготовлял падение царизма и буржуазии. Когда после Октябрьской победы социалистической революции стала грозить опасность со стороны контрреволюционных сил, тов. Дзержинский, как ее защитник, превратился в богатырскую фигуру. Его ненависть к контрреволюционной буржуазии была так же беспредельна, как любовь к пролетариату и революции. Под непосредственным руководством Ленина он проделал во время гражданской войны самую тяжелую, самую черную и вместе с тем самую чистую работу.

Укрепление и спасение революции было тогда единственной целью его жизни. Смелый и благородный, он в минуты непосредственной опасности был беспощаден к врагам. Пожалуй, ни один из русских революционеров не был так ненавистен буржуазии и социал-демократам, как Дзержинский. Но именно эта ненависть буржуазии дала рабочим всех стран инстинктивно почувствовать, чем является Дзержинский для них, для российской, а следовательно для мировой революции.

И так же, как он был могуч и страшен врагам в период революционных боев, так же велик был он в период революционного строительства. После того, как контрреволюция была разбита, он сосредоточил всю свою энергию на огромной задаче, которую возложила на него коллективная воля партии и от которой зависело спасение революции. Проведенная им в качестве народного комиссара путей сообщения работа по восстановлению транспорта стала основой для восстановления всего разрушенного хозяйства. В последнее время он стоял у руля социалистического строительства Советского Союза в качестве председателя Высшего Совета Народного Хозяйства.

Он был человеком, одаренным исключительной силой, творческой энергией и силой воли. В то же время он был наиболее дисциплинированным и преданным членом партии. Его энергия растворялась в партии. Но именно работа в партии, поглощавшая всю его личность, удесятеряла его инициативу и силу.

Тов. Дзержинский работал также и в польском рабочем движении. Будучи поляком по рождению, он во время войны буржуазной Польши против Советской России в 1920 г. на деле показал свой революционный интернационализм.

Итак, вчера, в 12 часов, он говорил в последний раз. Я сидел как раз против него, когда он говорил с трибуны перед верховным форумом большевистской партии. Он говорил с большой энергией, абсолютно деловито, но со страстной горячностью, когда он в своей речи касался интересов партии. Последнюю фразу, которая для всего Интернационала должна стать незабвенным заветом, он произнес твердо и почти с торжественной серьезностью. На поверхностного наблюдателя он мог произвести впечатление крепкого, здорового человека. Но от тех, которые особенно внимательно присматривались, не ускользнуло, что он часто судорожно прижимал левую руку к сердцу. Позже он обе руки начал прижимать к груди, и это можно было принять за ораторский жест. Но теперь мы знаем, что

свою последнюю большую речь он произнес несмотря на тяжелые физические страдания. Это прижимание обеих рук к сердцу было сознательным жестом сильного человека, который всю свою жизнь считал слабость позором и который перед самой смертью не хотел, пока он не закончит своей последней речи, показать, что он физически страдает, не хотел казаться слабым.

Пусть революционное пламя, на котором сгорел Дзержинский, распространится все шире и шире. Пусть пламя революционной решимости все сильнее разгорается во всех секциях Коминтерна и во всех нас. Революционеры умирают, но партия революции живет, живет и Коминтерн. Поэтому мировая социалистическая революция горит, разгорается и победит.

Член ЦК чехо-словацкой компартии

Б. Шмераль

ПАМЯТИ
ФЕЛИКСА

Вплотную пришлось мне столкнуться с тов. Дзержинским лишь по фронту хозяйственной работы, но и в нее он вносил те особые черты своей пламенной и страстной души и бурной творческой энергии, которые создали из Феликса Дзержинского крупнейшего политического борца, бесстрашного рыцаря обновляющегося мира.

Вспоминаю Феликса в момент его назначения держателем судеб нашего транспорта. Он весь охвачен гигантской тревогой, дело для него совершенно новое, транспортная разруха доходит до последних пределов, без преодоления ее нет никакой возможности хозяйственного строительства. С какой настороженностью встретили это назначение опытные работники ж.-д. транспорта: никто не сомневался, что Феликс умеет поражать мечом революции, но сумеет ли та же рука правильно направить рычаги полусокрушенного и такого сложного транспортного аппарата? Вспоминаю, как быстро рассеялись опасения, как быстро Феликс стал подлинной центральной фигурой в шеренгах действительных борцов с транспортной разрухой, как он в краткий срок сумел заразить своей несокрушимой энергией десятки тысяч людей, вдохновить своей пламенной верой в неизбежные успехи пролетарского строительства на всех

путях его. Как транспортник, он рос на моих глазах, и приходилось только удивляться, с какой быстротой он правильно нащупывал больные места транспорта, как упорно он учился и самым методам подхода к разрешению транспортных проблем, и одновременно учил и направлял творческую энергию опытнейших в транспортном деле работников.

Как известно, транспортная разруха была одной из ставок наших врагов. Эта ставка была бита в значительной степени потому, что Феликс Дзержинский приложил к этому делу, не щадя самого себя, исполинские силы своей героической личности.

Но вот перед ним еще более трудная задача — переход от транспорта к еще более грандиозному делу промышленного строительства.

Этот фронт хозяйственной работы еще более многогранен и еще более многозначителен. Разрешить транспортную проблему, это значит покончить с одной из важнейших предпосылок хозяйственного строительства, но поставить на рельсы само здание крупной машинной промышленности,— это уже строительство самой важнейшей цитадели пролетариата.

Нужно было видеть тревогу, опасения, заботы и волнения тов. Дзержинского в этот первый период его работы в ВСНХ, чтобы еще задолго до его преждевременной кончины по достоинству оценить ту великую жертву, которую принес этот человек на этом последнем своем жизненном этапе. Не подлежит сомнению, что нас еще впереди именно здесь, в области индустриализации, ждут величайшие трудности. Эти трудности так легко об'яснить, если сопоставить всю индустриальную отсталость нашей страны в прошлом с теми громадными и совершенно особыми целевыми задачами, которые мы связываем с нашим о с о б ы м т и п о м пролетарского строительства индустриализации. Тов. Дзержинскому удалось лишь наметить подход к этому строительству, но нет никаких сомнений, что уже в одном этом он успел выявить как раз те особые черты пролетарского социалистического строительства, которые должны в дальнейшем обеспечить не только небывало могучий темп индустриализации, но и те черты, благодаря присутствию которых индустриализация окажется целиком на службе пролетариата.

На последнем заседании СТО тов. Межлаук на маленьком клочке бумаги удачно набросал портрет тов. Дзержинского. Он поместил этот портрет как бы на стяге, который

легко можно было принять за траурный. Показывая мне этот рисунок, тов. Дзержинский обмолвился пророческой фразой: «Смотрите, меня уже хоронят...»

— Здесь нехватает только эпитафии: «Хороброму лыцарю индустриализации»,— ответил я ему, стараясь в шутливой форме прикрыть то горькое чувство, которое шевельнулось во мне при его словах.

И вот уже нет с нами нашего храброго красного рыцаря. В эти горькие часы утешением может служить мысль о величии дела, которому целиком отдал себя Ф. Дзержинский. Оно служит порукой тому, что не умрет о Феликсе память в грядущих поколениях пролетарских борцов.

Кржижановский

ШТРИХИ
К ПОРТРЕТУ КОММУНАРА

Феликс Эдмундович достаточно охарактеризован, как организатор и строитель хозяйства, как пламенный революционер и воин. Он всегда со своей работой настолько был на виду у всех, несмотря на его исключительную скромность, что его качества, как работника, могли найти себе должную оценку. Нет нужды лишний раз повторять все это. Хочется добавить к этой его общей характеристике пару штрихов, обрисовывающих его, как человека.

Его скромность, вопреки рисовке, карьеризму, выпячиванию своей фигуры и т. д. достаточно известна. Также и его пламенность, чуть не фанатичность в служении делу революции: в этом отношении он всецело напоминает самые крупные и героические фигуры коммуны. Но вряд ли многие представляют себе, до каких пределов доходили его воздержание и выдержка. Вот штрих: тов. Дзержинский незадолго до смерти в столовой СНК после обеда разговорился с товарищами (это его отдых-то!) на тему о дальнейшей реорганизации нашего госаппарата, причем он с увлечением и горячностью подробно излагал мысли, составившие содержание его предсмертной речи-доклада на эту тему, доклада, который должен поистине составить эпоху в советском строительстве. Мимоходом, случайно, он заметил, что за все 9 лет революции он ни разу не был ни в кинематографе, ни в театре, если не считать просмотра фильмы о похоронах Ильича; причина — вечная занятость, вечное дергание звонками, докладами, записками, и не только во время службы, но и в отпуску, в поездках и т. д. Это его и доконало. Между тем, он органически не мог уйти от дел, оставить их, передать другому: пока мозг его работал, его все время сверлили всякие организаторские планы, проблемы и т. д.

Феликс Эдмундович увлекался своими идеями, планами, потому что он жил ими, потому что они были творением всего его существа. Он дорожил ими, как дорожил революцией и ее завоеваниями, верным стражем которых он явился: дорожил потому, что мысль его, рождавшая эти планы и идеи, органически была слита с революцией, билась в унисон с нею. Он при отстаивании этих планов и идей бился до крайних пределов, прямо-таки с остер-

венением, отстаивая каждую точку; он впадал нередко при этом в крайний суб'ективизм, чем только раззадоривал противников. Общеизвестны многие из баталий «неистового» тов. Дзержинского с другими работниками, с целыми ведомствами. Как истый человек дела, он вносил в полемику о деле всю свою страстность, великую страстность борца. И тем не менее, никто не скажет, что при всем этом тов. Дзержинский хоть раз сходил с чистейшей кристальности идейной позиции, что он хоть раз преследовал какие-либо узко ведомственные, тем более личные, мотивы. Он загибал, перегибал, в пылу полемики, но стоило прямо сказать ему в глаза, в чем он неправ, раскрыть его заблуждения или ошибки, чтобы он, с полнейшей об'ективностью и справедливостью взглядывая на дело, без ложного самолюбия, тут же признавал свои ошибки. И уже раз утвердившись на чем-либо, он мог итти вразрез с собственным ведомством, с ближайшими сотрудниками, если он был в этом убежден или если того требовала партия, директивы которой являлись для него чем-то непреложным, что он выполнял с величайшей дисциплинированностью, с самозабвением, со страстностью, только ему свойственной.

И за это его любили и уважали не только те, кто с ним был одних взглядов, но и противники. Это — одна из черт его исключительной по своим качествам личности.

Арт. Кактынь

ГЕРОИЧЕСКАЯ ПЕСНЬ

Чекист Феликс Дзержинский

Последние дни телеграфные аппараты выстукивают кровавые строки телеграмм из Китая. Неслыханно чудовищен террор купеческого отродья против рабочих и крестьян, против коммунистов: живых людей связывают в одну гирлянду тел и поджигают; рубят головы и носят их на пиках; душат медленно и со сладострастием удавной петлей; вырезывают сотнями и тысячами, устилая трупами мостовые городов; истребляют целые семьи, стариков и молодых, мужчин и женщин — за речь, за стачку, за прокламацию, за сочувствие коммунистам. Как озверели эти рассвирепевшие купчики, эта буржуазная сволочь, еще недавно льстивым голосом воздававшая хвалу массам. Как жадно целуют они, эти «вожди нации», указующий наглый перст империалистской Британии.

Британия. Везде тебя мы видим.
Везде, везде, где только гнет и кровь,
Где чистым золотом гноится труд рабочий,
Ты важно шествуешь и яростной рукой,
Красиво стянутою лайковой перчаткой,
Живые раны мира бередишь.
Везде, везде, где только стонут люди
От гнета, голода, от сабель или пуль,
Мы слышим стон и часто крик предсмертный:
Британия! Проклятие тебе.

Эту «Британию безмозглых королей, Британию с железным пузом банков, Британию дредноутов и пуль» почтительнейше лобызают теперь китайские националисты-буржуа, предавшие свою нацию, направляющие на нее жерла империалистских пушек. Когда сейчас трещат пулеметы и косят храбрейших сынов китайского народа, устилающих своими окровавленными телами путь мучительной борьбы за освобождение многомиллионной массы,— разве мы не видим поднявшуюся на костях и трупах отвратительную буржуазную бестию, взмахнувшую мечом?..

Различны «национальные варианты» этой бестии. Вот перед вами американский губернатор Фуллер, казнивший Сакко и Ванцетти. Любезная, корректная улыбка, трениро-

ванная фигура, безукоризненный фрак, все атрибуты внешней цивилизации. С именем бога на устах, во славу цивилизации, без пролития крови много лет тянут жилы из двух рабочих, утонченно пытая их бескровной пыткой, чтобы затем «бескровно», «цивилизованно», с применением последнего слова «науки и техники» отправить их на тот свет. Эти защитники цивилизации очень богобоязненны. Они предают суду даже Дарвина. Они заступаются за господа бога и осуждают еретиков, мнящих, что человек сделан не из красной глины, а жена его не из ребра. А когда находятся люди, отрицающие универсальные права туго набитого кошелька, они нажимом кнопки превращают их в трупы...

Вот перед вами герои итальянского фашизма, которые действуют дружно и энергично, как спевшаяся банда налетчиков и громил. Они надевают лайковую перчатку, когда ходят на поклон к наместнику Христа на земле, святейшему римскому папе. В своем обычном политическом быту они чрезвычайно откровенны и устраивают погромы, убийства из-за угла, облавы и отравления без особых справок с идеологическими святцами. Они предпочитают прямо «бухать в колокола» и берутся за револьвер без дальнейших околичностей.

Британский тип — это классический тип комбинированных методов. По внешности — это сама святость, воплощение морали, выдержка, лоск. Но эти вежливые джентльмены хватаются — большей частью чужими руками — и за кривой разбойничий нож, и за веревку, и за яд, и за простую фомку... в мере потребностей, в зависимости от целесообразности, по строгому расчету и подсчету. О, здесь у джентльменов поистине «плановое хозяйство».

И все они — представители, вожди, руководители капитала,— спеша и задыхаясь, готовят человечеству новую сокрушающую империалистскую бойню. Готовя ее,— готовя газы и бомбы, бактерии и аэропланы,— они исподволь готовят и все методы расправы с пролетариатом. Вы думаете, что в час, когда загрохочут пушки, они не будут действовать по-кантонски? Горе наивным. Зверье не остановится ни перед чем, когда начнут дрожать святилища и храмы Золотого Тельца.

Вот почему пролетариату нужна революционная самооборона. Через сколько мучений прошел на своем историческом пути рабочий класс? Сколько крестьянских голов полегло за попытки освобождения? Какие жертвы при-

несли массы, пока в одной стране им удалось сбросить господство крупного поместья, банка и биржи?

Все это мы должны помнить. И когда теперь из далекого Китая до нас доносятся предсмертные хрипы, слетающие с окровавленных губ, разве не растет в душе великая клятва битвы на жизнь и смерть с капиталистическим рабством, с проклятым строем, который губит цвет человечества, жажда мести в день грядущего революционного судного дня? Он идет, этот день, какие бы отсрочки ни выжимала для себя каналья всесветной буржуазии!

Борьба с подлостью старого мира есть жесточайшая классовая борьба. Тупоумными филистерами, жалкими шарлатанами являются люди, которые, наклеивая на себя социалистические ярлычки, убаюкивают рабочих сказками о «мире всего мира» при господстве капитала. Рабочий авангард неустрашимыми глазами должен смотреть на факты, готовить себя повсеместно к борьбе, выдвигать из своей среды людей, которые будут тверды и бесстрашны, которые всегда будут итти в первых шеренгах, которых не смутит никакое поражение, которые будут драться до конца.

Сегодня, вспоминая о тысячах бойцов, которых наша революция посылала на опаснейшие фронты, не можем не вспомнить мы об одной жизни, которая вся была величественной героической песнью. О Феликсе Дзержинском, нежном и беспощадном, мягком и суровом, храбрейшем из храбрых, чья железная рука давила врагов, вожде «кожаных курток», солдате, воине и строителе — вспоминаем мы сегодня, в десятую годовщину грозной ВЧК. Подождите. Дождутся и китайские палачи великого восстания масс. Дождутся и они часа, когда массы во главе со своими Дзержинскими отрубят гнусную голову контрреволюционному чудовищу...

[redacted]

В 1898 г. из Нолинска, своей первой ссылки, Дзержинский писал своей сестре:

«Ты знала меня ребенком, подростком, но теперь, как мне кажется, я уже могу назвать себя взрослым с установившимся взглядами человеком, и жизнь может меня лишь уничтожить, подобно тому, как буря валит столетние дубы, но никогда не изменит меня. Я не могу ни изменить себя,

ни измениться. Мне уже невозможно вернуться назад. Условия жизни дали мне такое направление, что течение, которое меня захватило, для того только выкинуло меня на некоторое время на безлюдный берег, чтобы затем с новой силой захватить меня и нести меня с собой все далее и далее, пока я до конца не изношусь в борьбе, т. е. пределом моей борьбы может быть лишь могила».

Так определил молодой Дзержинский свой славный жизненный путь.

Какая неутолимая страсть пожирала его? Какой великий неугасимый огонь горел в его замечательной душе? Он пришел к рабочему классу из стана господствующих. Он пришел в лагерь угнетенных, потому что у него была действительно замечательная, чуткая душа. И как только он соприкоснулся с массой, как только он спустился в рабочие кварталы, в пролетарские конуры, он стал навеки своим, близким и родным, и никакая сила в мире не могла уже оторвать его от масс, борющихся и страдающих, терпящих поражения и снова подымающихся на дальнейшую борьбу.

Дзержинский прекрасно понимал своим умом и чувствовал своим горячим, пламенным сердцем, что пролетариат начинает всемирно-историческую борьбу, что речь идет об огромном, о великом, о самом значительном перевороте в человеческой истории. Когда-то, более сотни лет назад, буржуазия имела свою большую идею, об'единявшую «народ». Но эта «идея» стала жалким отребьем, она превратилась в контрреволюционную пошлость, она измельчала, она переросла в ходовую разменную монету торгашей, она столкнулась с чаяниями действительного народа, в первую очередь промышленного пролетариата, который родил целый новый мир величественных мыслей. И этот новый мир развучал в душе Дзержинского великолепной симфонией. Феликс Дзержинский сросся с ним навсегда, навеки.

24 июня, 1914 г., сидя в одиночке X павильона варшавской цитадели, тов. Дзержинский писал своей жене:

«Надо обладать внутренним сознанием необходимости итти на смерть ради жизни, итти в рабство ради свободы и обладать силой пережить с открытыми глазами весь ад жизни, чувствуя в своей душе зачерпнутый из жизни великий, возвышенный гимн красоты, правды и счастья».

«...а те, которые в настоящее время теряют собственный очаг, обретают весь мир, если они идут по пути пролетариата»...

Разве не видно из этих сверкающих бриллиантами глубочайшего чувства строк, какая могучая сила двигала этим человеком. Когда смотришь на «героев» современной буржуазии, сгнивших уже внутренне, или на жалких реформистских идеологов, с их проповедью «умеренности и аккуратности», «хозяйственной демократией» и «коалицией», подлым прислужничеством буржуазии и мелким лизоблюдством, их обезьяньей подражательностью по отношению к господствующим классам,— и сравниваешь их с людьми, идущими на бой против капитала, с настоящими героями массовой революционной борьбы, разве не становится ясным, чья в конце концов будет победа?

Такие борцы, в массе, в движении масс, в борьбе этих масс черпающие силы для новых боев, никогда не впадут в «пессимизм», эту идеологию тлена и разложения.

Величайшим испытанием для всех были годы войны, когда столь многие стали прикрывать свою измену необходимостью «переучиться». А Феликс в 1915 г. писал из орловского каторжного централа (тюрьма, режим которой был самым гнусным режимом в царской России):

«...когда я думаю о том, что сейчас творится, о повсеместном как будто крушении всяких надежд, я прихожу для себя к выводу, что жизнь зацветет тем сильнее и скорее, чем сильнее сейчас это крушение».

В этом Дзержинский не ошибся: великое «крушение» зацвело вскоре цветами величайшей революции...

Упорная воля к работе, к действию, к претворению в жизнь гимна, певшего в душе Дзержинского, не покидала его никогда. Характерно в этом отношении его письмо из Кракова, написанное перед новой нелегальной поездкой на работу:

«Мои дорогие, сообщаю вам, что уезжаю отсюда в Польшу через 6—7 дней. Прошу вас, не уговаривайте меня: не послушаюсь. Дальнейшее пребывание за границей было бы для меня смертью и физической и партийной. Думаю, что пока жив, буду там полезен...»

Какая цельность, какая чудесная простота, какая неукротимая энергия.

Но вот Дзержинский, человек, горевший такой любовью к массам, становится на посту самом опасном: он становится во главе ЧК.

И Феликс Дзержинский пишет непосредственно с поля битвы (27 мая 1917 г.):

«Я нахожусь в самом огне борьбы. Жизнь солдата, у которого нет отдыха, ибо нужно спасать горящий дом. Не-

когда думать о своих и о себе. Работа и борьба адская. Но сердце мое в этой борьбе осталось живым, тем же самым, каким было и раньше. Все мое время, это — одно непрерывное действие, чтобы устоять на посту до конца». И дальше:

«Я выдвинут на пост передовой линии огня, и моя воля: бороться и смотреть открытыми глазами на всю опасность грозного положения и самому быть беспощадным, чтобы, как верный сторожевой пес, растерзать врага».

Много врагов растерзал Дзержинский, железный воин нашей партии. И много жизней, жизней рабочих и крестьян, спас он своей верной работой. И много сделал он для жизни, которая больше и дороже тысяч жизней отдельных людей, жизни нашего Союза, жизни пролетарской диктатуры, которая стоит, как суровый гранит международной революционной борьбы.

А когда этот боец взялся за хозяйство, он первым лозунгом для себя поставил лозунг «учиться».

В письме тов. И. Косиору (1924 г.) Феликс Эдмундович писал:

«Пока я должен учиться, поэтому моя просьба к вам помнить об этом и помочь мне в этом. Смотреть глазами своего аппарата, это — гибель для руководителя».

Цельность натуры тов. Дзержинского сделала из него человека, у которого слово никогда не расходилось с делом.

В письме из седлецкой тюрьмы (1901 г.) мы находим такие строки:

«И действительно, кто так живет как я, тот долго жить не может. Я не умею наполовину ненавидеть или наполовину любить. Я не умею отдать только половину души. Я могу отдать всю душу или ничего не отдам».

А в своей предсмертной речи, этом мучительном крике, в котором было столько тревоги за судьбу партии, за судьбу рабочего класса, у Дзержинского невольно вырвались слова, которые есть тончайшая характеристика этого сына и вождя нашей партии:

«А вы знаете отлично, моя сила заключается в чем? Я не щажу себя никогда. Поэтому вы здесь все меня любите, потому что вы мне верите. Я никогда не кривлю своей душой: если я вижу, что у нас непорядки, я со всей силой обрушиваюсь на них».

Фе́ликс Эдмундович, действительно, не мог жить долго, ибо он не умел отдавать делу только «половину души». Он отдал всю душу. Он отдал всю жизнь. Но эта укороченная жизнь дала в тысячу раз больше для жизни нашего класса, чем жизнь людей ни теплых, ни холодных, чем жизнь людей, работающих «по долгу службы». Дзержинский не служил для революции: он жил для нее. И именно поэтому он вечно будет жить среди нас, наш Феликс, наш боец, наш воин, наш строитель.

Октябрьская революция пролетариата была грандиознейшим социальным переворотом, она идет вперед и вперед. Нас ждут бои, которые будут еще грандиознее, еще величественнее, еще значительнее. Ведь вовсе не фраза, не утопическое мечтание, не пророчество о несуществующей обетованной земле слова «Коммунистического Манифеста»: «Пролетариям нечего терять кроме своих цепей. Приобретут же они целый мир». Именно так ставит вопрос история. Не будет успокоения, не будет болотной тишины, не будет длительного «мирного житья». Нашему поколению во всяком случае предстоит еще пережить грандиозные события, которые начисто изменят весь лик капиталистической земли. Буржуазия поставила все человечество перед пропастью гибели и разорения. Пролетариат должен отвоевать у нее всю землю для настоящего творческого труда. И эта задача стоит перед нами. И эта задача является той всесокрушающей силой, которая движет нами, ради которой стоит жить, бороться и умирать. Ибо наша жизнь — борьба, и даже индивидуальная смерть готовит небывалый расцвет нового мира. Музыка его звучала в душе Дзержинского, вся жизнь которого была героической песнью великой пролетарской революции.

Н. Бухарин

БИБЛИОТЕКА

Разве не лучше,
как Феликс Эдмундович
сердце отдать
временам на разрыв.

В. Маяковский

Время,
время!
не твое ли
зверство
не дает
ни дней
ни сил
сберечь.
Умираем
от разрыва, сердца
чуть
прервав,
едва
окончив
речь.

Н. Асеев.

Смерть Дзержинского
должна быть новым
предостережением беречь
старую гвардию

Лозунг МК ВКП(б)

содержание

Стр.

- дзержинский — Сталин — 3
- всем коммунистам — 5
- ко всем — 7

ПОДПОЛЬЕ

- дзержинский о себе — 13
- ф. э. дзержинский — Ю. Красный — 16
- письма и документы — 59
- из воспоминаний — В. Мицкевич — 81
- воспоминания — Томаш — 90
- несколько встреч — Вайнштейн — 97
- памяти тов. юзефа — Петренко — 103
- в тюрьме — Ю. Красный — 106
- первые годы — Ганецкий — 113
- руководитель п с д — Ганецкий — 117
- строитель с-д — К. Радек — 127

ВЧК

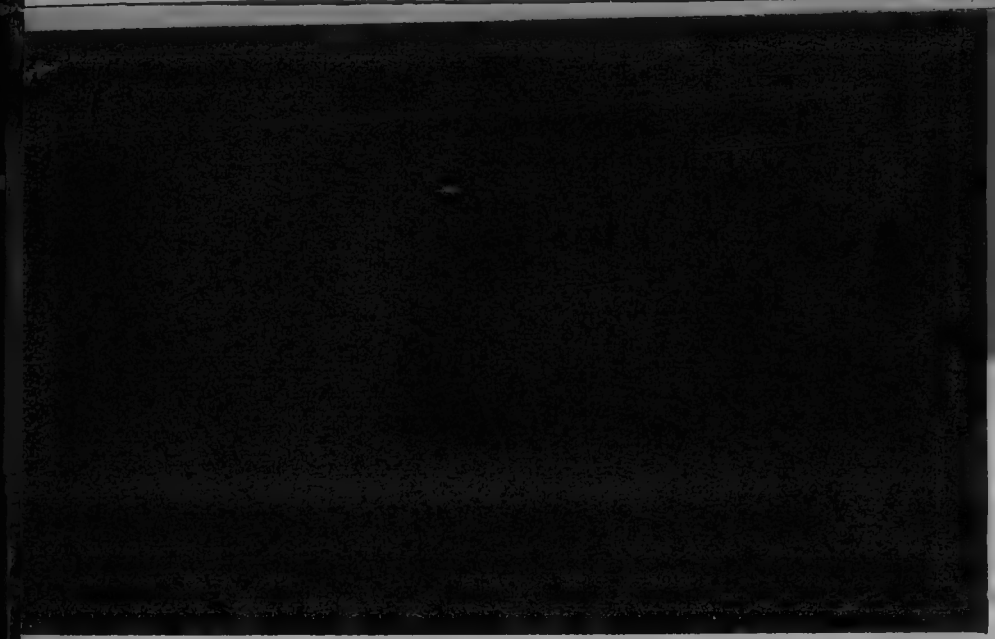
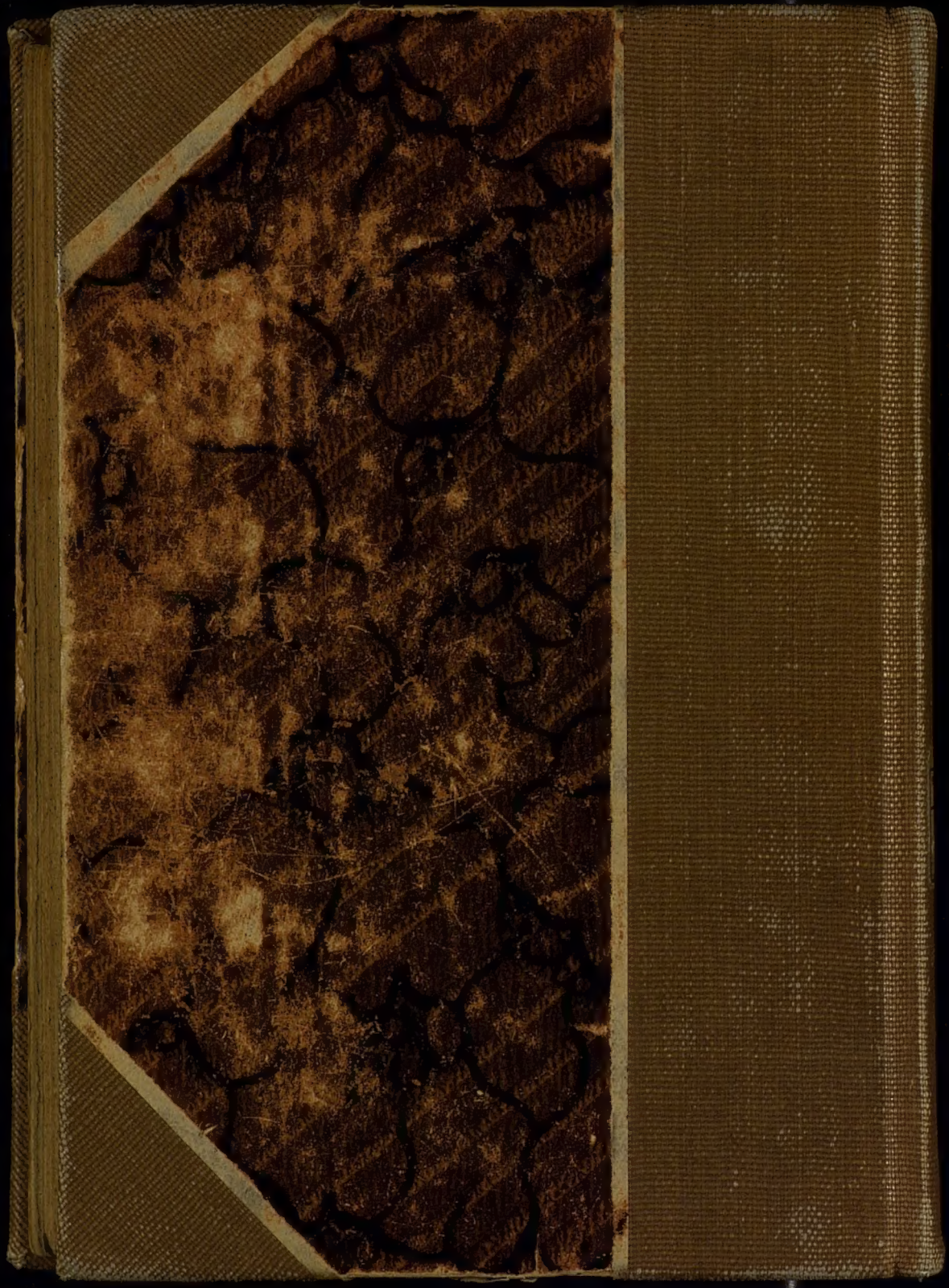
- председатель вчк — Ганецкий — 135
- пролетарский якобинец — Н. Бухарин — 140
- неистовый феликс — Петерс — 144
- дзержинский и вчк — Лацис — 160
- несколько встреч — Вайнштейн — 177
- в наркомпросе — Луначарский — 181
- меч пролетарской революции — К. Радек — 186

НКПС

- нар. ком. путей сообщения — Ганецкий — 191
- письма и документы — 194
- на транспорте — Халатов — 205
- на фронте транспорта — Н. Бухарин — 219

ВСНХ

		Стр.
председатель ВСНХ	Ганецкий	225
руководитель промышленности		229
письма и документы		232
труд и зарплата	Дзержинский	242
на борьбу с болезнями госаппарата	Дзержинский	253
у руля промышленности	Н. Бухарин	265
на хозяйственном посту	Савельев	268
дзержинский и кино	Орлинский	294
труд и кадры	Вишняк	296
памяти феликса эдм.	Межлаук	303
строитель социализма	К. Радек	306

смерть

последняя речь	Ф. Э. Дзержинский	311
его последняя речь	Молотов	322
памяти борца-энтузиаста	Куйбышев	325
кончина дзержинского	Мерфи	326
у гроба вождя и борца	Шмераль	327
памяти феликса	Кржижановский	329
штрихи коммунара	Кактынь	332
героическая песнь	Н. Бухарин	334